

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2017

№ 48

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus и
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор
И.А. Аизикова (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стони-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартanova (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council of the
Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezhovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Горбунова Л.И. Перцептивная основа наивной категоризации предметного мира	5
Костарева Е.В., Стринюк Е.А. Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов	19
Лепетюха А.В. Функционально-семантическое поле синтаксической синонимии (на материале современного французского языка).....	48
Осипова К.В. Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект.....	57
Россихина М.Ю. Немецкий молодежный язык как объект лингвистического исследования в зарубежной германистике	74
Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье	84
Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире	98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Балаклец Н.А., Фаритов В.Т. Поэтика трансгрессии в романе Андрея Белого «Петербург»	116
Богданова О.А. Русская революция 1917 г. в неомифологическом романе начала XX и рубежа XX–XXI вв.: преемственность и полемика.....	131
Бочкарёва Н.С., Майшева К.А. Функции фотографии в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби».....	143
Бутенина Е.М. Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США	158
Козлов А.Е. Событие рассказывания в романе Т. Майн Рида «Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма»	173
Никонова Н.Е. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского: принципы научного издания <i>texte en regard</i> и его место в эдиционной истории наследия поэта	181
Хабибуллина Л.Ф. Символика растений в рассказе Д.Г. Лоуренса «Англия, моя Англия» в контексте проблемы англичанства	194

ЖУРНАЛИСТИКА

Осовский О.Е., Киржаева В.П. С.И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг.	202
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Мокиенко В.М. Научное наследие Вероники Николаевны Телия. Рецензия на книгу: «Язык, сознание, коммуникация»: сб. статей, 2016. Вып. 53.....	218
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	229
----------------------------------	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Gorbunova L.I. The perceptual basis of the naive categorization of the objective world.....	5
Kostareva E.V., Strinyuk S.A. The concept “The Troubles”: research methodology and representation in literary and media discourses.....	19
Lepetiukha A.V. The functional-semantic field of syntactical synonymy (on the material of modern French)	48
Osipova K.V. Brewing vocabulary in the Russian North: an ethnolinguistic aspect.....	57
Rossikhina M.Yu. German youth-speak as the subject-matter for research in foreign German language studies.....	74
Chirsheva G.N., Korovushkin P.V. Mixed speech of bilingual children in a Russian family	84
Yurina E.A., Baldova A.V. Food metaphor in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world.....	98

LITERATURE STUDIES

Balakleets N.A., Faritov V.T. The poetics of transgression in Andrei Bely’s novel <i>Petersburg</i>	116
Bogdanova O.A. The Russian revolution of 1917 in the neo-mythological novel of the early 20th and the turn of the 21st cc.: continuity and controversy.....	131
Bochkareva N.S., Maysheva K.A. Functions of a photograph in F.S. Fitzgerald’s <i>The Great Gatsby</i>	143
Butenina E.M. <i>Eugene Onegin</i> ’s transcultural code in the American novel in verse	158
Kozlov A.E. The event of story-telling in the narrative structure of <i>The Boy Tar; or, A Voyage in the Dark</i> by Thomas Mayne Reid.....	173
Nikonova N.E. V.A. Zhukovsky’s complete works and self-translations in German: the principles of scientific publication and its role in the poet’s literary heritage publishing history	181
Khabibullina L.F. The symbolism of plants in D.H. Lawrence’s story “England, My England” in the context of Englishness.....	194

JOURNALISM

Osovskiy O.E., Kirzhaeva V.P. S.I. Gessen and the <i>Russkaya shkola za rubezhom</i> journal: from the history of the Russian émigré pedagogical journalism of the 1920s – the beginning of the 1930s.....	202
---	-----

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Mokienko V.M. Book Review: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) (2016) <i>Yazyk, soznanie, kommunikatsiya</i> [Language, mind, communication]. Issue 53. Moscow: MAX Press.....	218
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	229
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'2
DOI: 10.17223/19986645/48/1

Л.И. Горбунова

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ОСНОВА НАИВНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

В статье изучается роль перцептивных признаков объектов в наивной категоризации предметного мира. Показано, что релевантные признаки объекта могут быть проигнорированы при наивной категоризации, если они не являются чувственно воспринимаемыми. Нерелевантные признаки, устойчиво связанные с материальным обликом объекта, могут использоваться как классификаторы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, наивная и научная категоризация, наивная картина мира, перцепция, релевантный признак.

На современном этапе развития науки важность категоризации как когнитивного процесса уже не надо никому доказывать. Общепринятой также является мысль о том, что процесс и результаты категоризации действительности должны выступать и выступают в качестве объекта изучения науки. При этом в лингвистических исследованиях категоризации действительности явно обнаруживаются два основных направления. Первое берет начало в работах психолога-когнитивиста Э. Рош и посвящено описанию устройства категорий, организованных вокруг прототипического ядра, а также разработке понятий **прототип** и **базовый уровень категоризации** в применении к языковому материалу. Второе направление исследований категоризации представлено работами, в которых изучается содержание категорий. При этом наблюдается явный крен в сторону описания нематериальных категорий: изучаются принципы сведения в один класс абстрактных объектов нематериального мира и содержание ментальных, этических, языковых категорий и под. Внимание ученых здесь сосредоточено на категоризации как продукте «метафоры, метонимии и ментальной образности в целом» [1. С. 23]. Категоризация же материальной действительности намного реже попадает в поле зрения ученых [2–5] (см. также обзор об исследованиях лексики, называющей категории, в системно-структурном и когнитивном аспекте в работе [6]), что можно в том числе объяснить и кажущейся очевидностью возможных результатов исследования. Независимо от парадигмы, в русле которой выполнены указанные работы, авторы выявляют перцептуальные признаки, соотнесенные с семантическими компонентами, входящими в лексическое значение слова – название категории. При этом **каждый** из компонентов, по мнению всех авторов, принимает участие в классификации¹. Однако, как показывает

¹ Как правило, связь между экстралингвистической и семантической информацией интерпретируется в русле избранной автором научной парадигмы. Соответственно, информация о перцептуаль-

предварительный анализ материала и имеющейся научной литературы, членение объектов материального мира на категории и отражение их в языке является не таким простым и однозначно интерпретируемым, как представляется на первый взгляд. В этот процесс вовлечена информация о признаках разной природы, сложно взаимодействующих друг с другом. Показать некоторые аспекты такого взаимодействия – одна из задач данной статьи.

При описании корреляции когнитивного и языкового общим местом стали утверждения вроде «категоризация осуществляется посредством языка» [7. С. 84]. Представляется, что, говоря об участии языка в категоризации, исследователь должен строго дифференцировать логические категории, получившие название в языке и таким образом закрепленные его лексическими единицами, и грамматические категории, с помощью которых осуществляется языковая категоризация действительности. Для соблюдения методологической точности и обоснованности лингвистического описания и корректности его выводов целесообразно исходить из того, что «лексические значения отражают онтологию мира и результаты его познания: знания конкретных предметов и явлений, их характеристик и категорий. Иными словами, лексические значения и основанные на них тематические группировки слов (термины родства, названия природных явлений, глаголы движения, прилагательные цвета и т.п.) отражают представления об естественных объектах и категориях» [8. С. 11], «лексическая категоризация представляет собой языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека» [там же] и поэтому не может считаться и называться языковой, в отличие от категоризации грамматической. Однако, отказывая лексическим единицам в способности членить мир на категории, следует подчеркнуть, что «сказанное выше вовсе не означает, что лексические значения не имеют никакого отношения к языку. Передавая знания о мире, они не перестают при этом быть языковыми значениями, т.е. представляют собой в определенной мере условно-абстрактный (символьный) способ передачи этих знаний. Сказанное также не означает, что лексическая категоризация в языке лишена смысла. Напротив, выявление различных типов отношений между элементами внутри одной тематической группы, а также между элементами разных тематических групп позволяет эксплицировать многообразие межконцептуальных связей в сознании человека (но, еще раз подчеркнем, не в системе языка)» [Там же. С. 12]. Более того, рассматривая, как результаты категоризации мира отражены лексическими единицами языка, мы получаем доступ к когниции, ведь при исследовании того, как человек говорит, можно понять, как он мыслит. Часто изучение слов как единиц лексической системы языка и как единиц речи является единственным надежным способом выхода на устройство категорий, выделяемых в окружающей действительности, их содержание и принципы формирования, поскольку позволяет выяснить, какие знания об объекте замечены носителем языка и какую роль они играют в опознании объекта и включении его в тот или иной класс. Таким образом, методологическим основанием данного исследования является строгое раз-

ном признаке может определяться как интегральный / дифференциальный признак члена лексико-семантической группы или как классификатор.

граничение категоризации как когнитивного процесса и номинации как процесса языкового и признание их корреляции.

В предлагаемой статье мы изучаем один из факторов, обусловливающих наивное членение предметного мира на определенные категории, – чувственное восприятие. Когнитивной наукой доказана основополагающая роль перцепции в освоении действительности. Наивные представления о мире формируются в ходе обыденного восприятия действительности, чаще всего они не являются результатом целенаправленной деятельности, поэтому перцепцию в наивной категоризации действительности можно считать одним из важнейших факторов. Анализ функционирования слова как имени категорий материального мира позволяет выявить некоторые особенности использования чувственно воспринимаемых признаков объекта при его отнесении к тому или иному классу.

Наше исследование основано на интерпретации собственно языковых данных – на изучении контекстов, отражающих процесс включения объекта материального мира в некоторую категорию и его результат, проявляющийся в том числе и в присвоении имени категории конкретному предмету¹. В высказываниях на естественном языке проявляются ход когнитивной деятельности, причины и основания определенного решения человека. Очевидно, что данные о категоризации можно обнаружить и другим способом (см., например: [9, 3, 10]). Но только обращение к языковому материалу, его тщательный анализ страхуют исследование от умозрительности и делают его лингвистическим и лингвистически верифицируемым. Это принципиальная позиция автора.

В данной статье материалом исследования выступают не отдельные слова, а именно высказывания², во-первых, потому что только в высказывании носитель языка, рассуждая о том, почему объект так называется или почему его так следует назвать, эксплицирует сам процесс категоризации и его основания. Указывая на признаки объекта, которые мотивируют выбор определенного имени, говорящий демонстрирует, на какие свойства вещи он обращает внимание в процессе категоризации, а затем и номинации. Именно в контексте можно обнаружить, почему человек относит объекты к одному классу. Кроме того, высказывание, порожденное в естественной коммуникативной ситуации, а не в ситуации эксперимента, дает более надежный материал, не искаженный необходимостью решить некоторую мыслительную задачу³.

Во-вторых, в работах, так или иначе предоставляющих данные о связи языковых единиц и категоризации объектов материального мира ([4, 5, 6, 13] и др.), авторы опираются на анализ словарных дефиниций имен категорий в разных языках (*море, поле, озеро, гора, луг*). Однако слово – это знак, который в сжатой форме символизирует называемое. В нашем случае это означает, что некоторая часть когнитивно значимой информации может быть не

¹ О соотношении познания и номинации см. в работах [11, 12].

² Материал собран с помощью информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [14] и других поисковых систем (yandex.ru, google.ru). Проанализировано около 37 000 контекстов.

³ Например, ответить на вопрос «Назовите известные вам фрукты» [3].

отражена в компонентах лексического значения. В результате некоторые знания, которые имеют в виду участники коммуникации, остаются за скобками, не называются словом, но являются релевантными с когнитивной и коммуникативной точки зрения.

В-третьих, существующие словари не ставили перед собой задачу выявления и закрепления в словарной статье всей когнитивно и коммуникативно значимой информации, поэтому в рассматриваемом аспекте словарная дефиниция может быть как избыточной, так и недостаточной. Например, как утверждается в работах, изучающих категорию **водоемы** на основании словарных дефиниций имен водоемов, признак ‘размер’ не учитывается при категоризации и не отражается в качестве семантического компонента в значении слова [15, 16]. Однако в контекстах этот признак наиболее часто является главным при объяснении выбора номинации *море* для озер и водохранилищ:

1) *Каспийское море считается самым большим озером на нашей Земле. За его большие размеры это озеро называют морем* (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1549082-kakie-razmery-imeet-kaspiskoe-more.html>) (см. подробно о категоризации водных объектов в работе [17]).

В-четвертых, словарные дефиниции часто непоследовательны в принципах отражения компонентов лексического значения и информации о называемом объекте¹, а также могут ориентироваться на различные картины мира². Из всего сказанного следует, что анализ словарной дефиниции может служить отправной точкой в когнитивном исследовании, но никак не являться основанием для окончательных выводов.

В-пятых, лексика, зафиксированная в словаре, не всегда актуальна как в коммуникативном, так и в когнитивном аспекте, и наоборот, средства, эксплицирующие когнитивную деятельность, оказываются не зафиксированными в словаре.

Таким образом, изучение контекстов в качестве средства, обнаруживающего информацию, на которой основывается человек при опознании объекта как представителя определённой категории, дает возможность совершенствовать методику выявления когнитивно актуальных признаков объектов материального мира, что позволит адекватно описывать категории и концепты.

¹ «Лексикографические источники в описании наименований плодов отражают как ботаническую концепцию (в словарных статьях часто указывается семейство, к которому принадлежит растение), так и агрономическое представление о плодовых культурах (отчетливо видны следы сельскохозяйственных классификаций: обозначен вид культуры – тропическая или субтропическая, косточковая или семечковая и т. п.). Однако важно заметить, что лексикографы не всегда последовательны в описании тех или иных наименований: так, например, у персики или ананаса отмечено семейство, а у мандарина и грейпфрута указывается не семейство (рутовые), а род – цитрус; киви вообще не характеризуется с точки зрения ботанической систематики растений, указано лишь, что это «плод тропического дерева» [3. С. 46].

² Так, например, слово *звезда* в «Толковом словаре русского языка» [18] толкуется как ‘небесное тело (раскаленный газовый шар), ночью видимое как светящаяся точка’ с очевидной компиляцией наивной («ночью видимое») и научной («раскаленный газовый шар») картин мира. «Словарь русского языка» дает еще больше сведений, отсылающих к научной картине мира: *звезда* ‘небесное тело, состоящее из раскаленных газов (плазмы), по своей природе сходное с Солнцем и представляющееся взору человека на ночном небе светящейся точкой’ [19]. Кроме отсылки к разным по природе данным (полученным в ходе обыденной жизни и в результате целенаправленного изучения с применением специальных методов и аппаратуры), наблюдается и указание на разное количество признаков объекта.

Кроме того, контексты являются самым надежным источником лексикографически релевантных данных для словарей нового типа, ориентированных на коммуникацию. Привлечение контекстов в качестве основного материала исследования, предпринятого в данной статье, обуславливает ее новизну (новизна материала) и позволяет сделать новые выводы (достичь новизны результатов).

Итак, изучим и проиллюстрируем языковым материалом, каким образом чувственный опыт определяет характер категоризации предметного мира, отраженной в лексической системе языка. Для этого сначала верифицируются сведения о том, что данные всех перцептивных систем участвуют в когнитивном процессе категоризации. Далее выясняется роль перцептуальных признаков по отношению к признакам другой природы, доказывается доминирующая роль перцептуальных признаков независимо от их статуса в структуре содержания понятия.

Как известно, в одну категорию включаются объекты, имеющие некоторые общие характеристики. Именно набор этих характеристик играет роль классификаторов, релевантных признаков, формирующих объем и структуру каждой категории. В категоризации предметов материальной действительности признаки объектов, воспринимаемые органами чувств, являются основными ориентирами при включении объекта в категорию. В качестве таковых могут выступать:

форма

2) *Просто так говорят, когда в море появляется много рыбы. Она тогда идет большими стаями. Они похожи на треугольники, поэтому называются косяками* (А.Ф. Членов)¹.

3) *Растения этой группы отличаются необыкновенно привлекательной формой цветка в виде тюльпана* (В. Ильина).

4) *Пришедший к нам из Европы бокал отличался по форме от всех известных видов питьевой посуды* («Наука и жизнь», 2006);

цвет

5) *Черный груздь или чернушка – самый распространенный груздь под Москвой* (В. Солоухин).

6) *По мере движения на юг горные цепи, через которые переваливает дорога, становятся выше и уже между реками Песчаной и Ануем именуются «белками»; так алтайские жители называют все вершины, на которых летом долго залеживается зимний снег и рано выпадает осенний; они называют так и вечно снежные цепи* (В.А. Обручев);

размер

7) *Ягоды у клубники значительно мельче ягод садовой земляники, но несколько крупнее, чем у лесной* (Е. Мехова);

запах

8) *Я давно уже пользуюсь только оливковым. Оно от подсолнечного отличается даже по запаху. А подсолнечное рафинированное, которое у нас везде продается, ни запаха, ни пользы не имеет* (коллективный. Форум: <https://otvet.mail.ru/question/174407038>);

¹ В контекстах сохранены орфография и пунктуация авторов.

издаваемый звук

9) Голос описываемого оленя совершенно походит на громкий отрывистый **писк**, а потому местные русские охотники называют его **пискун** (Н.М. Пржевальский).

10) Описать этот крик нельзя – сравнивать его можно разве что с шумом двигателя реактивного самолета или гулом турбины, или визгом циркулярной пилы. Но даже столь громкие сравнения вряд ли помогут получить истинное представление о том, как голосит обезьяна-ревун (А. Куприн);

характер поверхности и структура

11) Разумеется, нас интересуют только достаточно крупные виды, такие как **ситник развесистый** (*Juncus effusus*). Это растение, внешне похожее на камыш, отличается от него стеблем – круглым и **настолько пронизанным многочисленными сосудами**, что в сечении он напоминает **сито** (Е. Мельникова).

12) **Волнушка**... зовётся так потому, что расцветка её шляпки напоминает расходящиеся **круги на воде или волны**, именно этим она и неповторима (<http://gribomaniya.ru/4-17>).

13) От остальных волнушек её отличает более **«пушистое** плодовое тело (за что её ещё называют белянкой **пушистой**) и чуть меньшие размеры (<http://gribomaniya.ru/4-17>);

материал

14) Для коровы своей Лысухи из **жердей и соломы** построили **шалаши** (А. Царев).

15) А было время, когда они своё жилище строили **из снега**. Оно называлось **иглу** (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/87015-chto-takoe-iglu.html>);

наличие определенных частей и их расположение

16) Глухарь-самец имеет на хвосте черные **косицы** (менее загнутые, чем у самца-полевика), почему и называется **косачом** (С.Т. Аксаков).

17) «Корветом» ещё во времена парусного флота называли трехмачтовое морское судно, малый фрегат, отличавшийся тем, что пушки его стояли **не под палубой, а на ней** (А. Новиков, Д. Гронский).

18) На сладкое были кисти чудесного винограда и крупные **орехи** с тонкой **скорлупой, внутри которых** находилась нежная, ароматная **мякоть** (А.М. Волков).

19) Их не смущило, что в последний раз из оружия этого стреляли лет 100 назад: у револьвера не было **барабана**, у пистолета – **курка** (А. Хинштейн).

Отсутствие одного или нескольких классификационных признаков мотивирует отнесение объекта к другому классу и номинацию другим словом:

20) Привозный из-за границы миндаль бывает **в скорлупе и без скорлупы**; в первом случае он называется у нас в торговле **миндальными орехами**, во втором же – просто **миндалем** (С.А. Петров).

Часто перцептуальные признаки используются комплексно:

21) Определить горькую полынь довольно просто. Это многолетнее **травянистое** растение **высотой 50–100 см, сплошь покрытое густым шелковистым пушком** и из-за этого **серовато-серебристое**. Еще один характерный признак полыни **горькой** – сильный приятный **запах** (А. Быков).

В примере 21) эксплицируются размер, характер поверхности, цвет, запах. (О комбинаторике перцептивных признаков см. в работе [20]).

Именно наличием или отсутствием характеристик, воспринимаемых органами чувств, руководствуется носитель языка при категоризации как процессе, в результате которого предмет опознается как член класса и получает его имя:

22) – *Мы видели, как ты прилетел на остров, но птицей тебя не назовешь. Где клюв? Где крылья и перья? Где, наконец, хвост!?*

– *Пожалуй, я не птица*, – согласился Эле-Фантик. – *По всем признакам, кто-то другой* (А. Дорофеев).

23) – *А вы точно уверены, что пистолет? Вы же не разбираетесь.*

– *Леонид сказал, что будет спрятан пистолет. И потом, я же знаю, у револьверов барабан, а у пистолетов – магазин* (А. Маринина).

Языковая номинация часто закрепляет выделенный классификационный признак через внутреннюю форму слова:

24) *И тут опять, и уже ближе, закукала кукушка* (Ю.О. Домбровский).

25) *Здесь, под кучей еловых веток, спал заяц-беляк* (Ю. Коваль).

26) *Лирохвост. Хвост птицы состоит из 16 перьев, крайние из которых изгибаются, принимая форму лиры* (<http://animalbox.ru/birds/bolshoj-lirohvost>). См. также примеры 6, 9, 10, 11, 12, 16.

Носитель языка в процессе присвоения названия может рефлектировать, соотнося признаки реального объекта и признаки, зафиксированные компонентами лексического значения слова-наименования:

27) *Как русак, так и беляк оправдывают свои названия. Первый имеет летом курчавый, серо-рыжий мех, переходящий к зиме в грязно-белый. Второй носит летом серый мех, переходящий зимой в снежно-белый* (В. Храповицкий).

Данный факт демонстрирует неразрывную связь категоризации и номинации. То, что признаки объекта и компоненты лексического значения слова-называния должны соотноситься, ярко проявляется в ситуациях когнитивного диссонанса, вызванного тем, что предмет не имеет характеристик, к которым отсылает его имя, или имеет такие, которых не должно быть у членов имеющейся категории:

28) *Почему магазин называется «Овощи-фрукты», а в нем ни картошки, ни лука, и фрукты одни сушеные* (Б. Минаев).

29) *Вступили в Красное море. Не знаю уж, почему оно так называется. По цвету оно вовсе не красное, а синее, как небо* (А.С. Новиков-Прибой).

30) *Чиназ очень небольшое селение, неизвестно почему называющееся городом* (В.В. Верещагин).

31) *Отчего мне не хотят объяснить, почему гранитный дворец называется мраморным, а апрельский парад майским? Успокойте меня!* (Н.С. Лесков).

32) *Какой же ты беляк, когда ты серый?* (В.В. Бианки).

Как анекдотическое в Интернете широко обсуждается следующее предложение из сочинения, где комический эффект возникает именно из-за не-

совпадения информации, которую несет слово *пирамидальный*, и признака, отмеченного у объекта ('растет горизонтально'):

33) *Этот тополь потому и называется пирамидальным, что растет строго горизонтально* (<http://yandex.ru/clck/>).

Доминирующая роль чувственно воспринимаемых признаков в наивной категоризации подчеркивается ситуациями, когда ее результаты не совпадают с результатами научной¹ и профессиональной. Так, по данным [22], группировка небесных тел при наивной категоризации учитывает только визуально воспринимаемые признаки. Так как планеты, метеоры и звезды видны только на ночном небе и выглядят одинаково – как светящиеся точки, то все они включаются в один класс **звезда**:

34) ...И по морю, где-то далеко за Дофиновкой, ходили святые и над водой носили звёзды: Юпитер, Вегу, Сириус, Венеру, Полярную звезду... (В. Катаев).

При этом не учитывается и, видимо, не может учитываться такой важный для научной категоризации признак, как 'тип свечения' (самостоятельное или отраженным светом), поскольку в обыденной жизни эта характеристика недоступна непосредственному восприятию и не может служить опорой в опознании небесного тела. В то же время внешний вид Солнца – светящийся диск – выводит его в наивной картине мира из класса звезд. Во многом из-за своего уникального внешнего вида Солнце стоит особняком в наивной категоризации небесных тел.

На наш взгляд, представляет интерес и роль визуального признака 'цвет' в наивной и научной классификации звезд. В наивной картине мира звезды не различаются по цвету, поскольку из-за дальности разница в их цвете нивелируется. Науке же доступны и другие способы измерения этого параметра, не только с помощью простого визуального наблюдения. Поэтому на основании цвета в астрономии выделяют подклассы белых, бело-голубых, желтых, оранжевых, красных и т.д. звезд. При этом важен и способ получения данных об этом свойстве звезд:

35) *Классификация звезд по цвету на самом деле опирается не на видимое свечение тела, а на спектральные характеристики* (<http://fb.ru/article/181404/zvezdyi-vidyi-zvezd-i-ih-klassifikatsiya-po-tsvetu-i-razmeru->), что также подчеркивает различный статус визуальных характеристик при научной и наивной категоризации.

Также наука выделяет подклассы звезд на основании признака 'размер' (карлики, гиганты, сверхгиганты и пр.), который в наивной категоризации использоваться не может, так как из-за удаленности звезд все они видятся как точки, размер которых дифференцировать затруднительно.

Неучет признаков, являющихся основанием для научной категоризации, наблюдается и при выделении наивных категорий **орехи, ягоды, деревья, металлы**, например:

36) *Медь, алюминий, бронзу, вольфрам, никель и другие редкие металлы и изделия из них – с заводов* (А. Ким).

¹ Об определении и разграничении языковой и научной картин мира см. в работе [21].

В наивной картине мира бронза и мельхиор относятся к металлам, поскольку выглядят так, как металл, и имеют с точки зрения обыденного опыта те же свойства: это твердое вещество с характерным блеском, устойчивое к воздействию. Их химический состав из нескольких веществ является признаком, различающим металлы и сплавы, но, поскольку он не может быть определен чувственно, он не учитывается при наивной классификации.

Интересно, что вследствие распространения и закрепления научного знания результаты наивной категоризации могут интерпретироваться как устаревшие или ошибочные¹:

37) *По наружности долгое время киты считали рыбью* (А.И. Герцен).

38) *Прежде всякий свободно мог учить, что кит есть рыба; но с тех пор, как совершенно точно установлено, что животное это – млекопитающее, подобная ошибка более непозволительна* (И.И. Мечников).

Нам в сопоставлении этих контекстов важно то, что в примере 37 подчеркивается перцептуальный характер наивной категоризации (*по наружности*), а в примере 38 использован предикат *установлено* (*установить* ‘доказать, выяснить, обнаружить. У. факт. У. истину’), отсылающий к целенаправленной деятельности, изучению. Однако при актуальности и почти всеобщности научного знания в речи регулярно эксплицируются результаты наивного членения мира: киты называются гигантскими **рыбами** (пример 39), арбузы исключаются из класса **ягоды** и выступают особняком (пример 40), бамбук назван как особое растение и таким образом не включен в класс **травы** (пример 41), а арахис, о котором уже известно, что он относится к бобовым, именуется орехом (пример 42):

39) *Выходит, он видел, как она выныривала – кашалот, синий кит и все остальные рыбы гигантских пород* (Т. Устинова).

40) *Наш огромный сад, который давал до пяти тысяч огурцов, до ста арбузов, до ста дынь, ягод разных на несколько пудов варенья, был решительно его трудами создан и поддерживаем* (А.Ф. Писемский).

41) *А тут еще дикий виноград, бамбук, гигантский рост трав, японцы* (А.П. Чехов).

42) *Рашид достал из кармана куртки пакетик с арахисом в шоколаде, надорвал его, стал неторопливо есть орех* (А. Житков).

43) *Кокосовых пальм потому так много на атоллах, что кокосовые орехи хорошо плавают, скорлупа их очень прочная, а ядро долго сохраняет свою всхожесть* (В. Обручев).

В контексте 43 еще раз подчеркивается, какие признаки класса **орехи** значимы для говорящего: плоды кокоса он считает орехами, так как у них ‘твердая кожура’ и ‘съедобная сердцевина’, хотя известно, что кокос не является орехом с точки зрения признаков, учитываемых в ботанике.

Важным различием наивной и научной категоризации оказывается то, что часто в научной категоризации, кроме внешних признаков, учитываются и другие, чувственно не воспринимаемые, такие как ‘способ дыхания’ и ‘спо-

¹ Ср.: «Словарный состав языка прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и наслаждались также заблуждения и суеверия, в нем запечатлелся частично и долгический этап становления человеческого мышления и языка» [23. С. 60].

соб воспроизводства потомства', который различает классы **рыб** и **млекопитающих**, 'свечение собственным светом или отраженным', что различает **планеты** и **звезды** и позволяет включить Солнце в класс **звезды**. Однако при наивной категоризации классификационные признаки, которые недоступны перцепции, или просто не учитываются, или даже игнорируются. Так, бамбук и банан в обыденной жизни не относят к травам, поскольку они слишком отличаются от наших представлений о траве, которая не может в высоту существенно превышать рост человека. Такой признак, как 'отсутствие одревеснения', различающий травы и деревья в научной категоризации, недоступен непосредственному восприятию и не может использоваться как классифицирующий признак. Таким образом, нерелевантные, но чувственно воспринимаемые признаки 'значительная высота' (у банана и бамбука) и 'наличие съедобных плодов' (у банана), делающие банан и бамбук непрототипическими представителями класса **трав**, становятся при наивной категоризации более значимыми, чем релевантный, но не воспринимаемый при непосредственном наблюдении признак 'отсутствие одревеснения'. В результате оказывается, что указанные объекты выводятся в обыденном сознании из класса **трав** и считаются **деревьями**:

44) *Бамбук – дерево такое, легкое, легкой жизни способствует* (Вс.В. Иванов).

45) *С обеих сторон по пути в Сан-Хосе теснились банановые плантации, с душистых белокожих деревьев свисали отягощенные ветви, в них прятались глянцевые плоды* (Л. Зорин).

Игнорирование чувственно не воспринимаемых классификационных признаков наблюдается не только в случаях опознания непрототипических членов категории (банан, бамбук, кит, дельфин), но и в применении к типичным членам. Так, типичные планеты (Венера, Марс, Юпитер) характеризуются признаком 'отсутствие, собственного свечения', но так как характер свечения невозможно определить на глаз, данные небесные тела в наивной категоризации не разграничиваются со звездами и не выделяются в особую категорию небесных тел. Показательным является то, что словарь, определяя значение слова *планета*, указывает только признаки, не имеющие перцептуальной основы (*планета* 'небесное тело, движущееся вокруг Солнца и светящееся его отраженным светом'). Многие озера и водохранилища включаются носителями языка в класс **море**, несмотря на то, что имеют все необходимые признаки **озера** ('водоем', 'природное происхождение', 'непроточный', 'отсутствие выхода к океану') и поэтому должны бы причисляться к типичным представителям своего класса. Более того, все указанные свойства зафиксированы в лексическом значении слова *озеро* как его компоненты и отмечаются словарями. Но, не имея перцептуальной основы, признак 'отсутствие выхода к океану' часто игнорируется – и водные объекты получают номинацию *море*, а не *озеро*. Это происходит по целому ряду причин, обсуждение которых не входит в задачи данной статьи. Здесь нам важно показать, что в наивной категоризации материального мира чувственное восприятие является главенст-

вующим¹, поэтому при конкуренции чувственно воспринимаемого и чувственно не воспринимаемого признака первый окажется более значимым, даже если он не является релевантным.

При наивной категоризации могут учитываться характеристики объектов, не являющиеся релевантными при формировании соответствующего понятия и, соответственно, не зафиксированные в значении слова – имени категории. Так, наличие ‘размера, превышающего размеры всех окружающих природных объектов’, ‘штормов’ и других характерных внешних признаков моря обуславливает отнесение некоторых из озер и водохранилищ к **морям**. Внешний вид Солнца ‘в виде диска’ и ‘видимость днем’, а не ночью выводят его из класса **звезд**, а ‘видимость планет ночью’ как ‘светящихся точек’ включает их в указанный класс.

Игнорирование релевантных для категоризации признаков, зафиксированных компонентами лексического значения слова, и, наоборот, учет признаков, не отраженных в семантической структуре слова, проявляют более сложное соотношение когнитивно актуальных знаний об объектах и лексического значения слова, нежели традиционно отмечаемые и общепризнанные².

Результаты наивной категоризации закреплены в устойчивых выражениях и даже официальных или общепризнанных и широко используемых номинациях: *чудо-юдо рыба-кит, Каспийское море, Аральское море, Обское море, банановая пальма, саговая пальма, грецкий орех, кокосовый орех, медведь коала*.

Изучив контексты, эксплицирующие участие чувственно воспринимаемой информации об объекте материального мира в категоризации как процессе и результате когнитивной деятельности, мы пришли к следующим выводам.

1. Лексика, называющая перцептуальные признаки объектов, высокочастотна в контекстах, отражающих процесс и результаты категоризации. Таким образом, подтверждено, что перцептуальная информация играет важную роль в опознании предмета как представителя определённого класса. В восприятии такой информации принимают участие все органы чувств.

2. Чувственно воспринимаемые признаки объекта при категоризации могут использоваться комплексно.

3. При наивной категоризации чувственно не воспринимаемые признаки могут не учитываться, даже если они являются релевантными для формирования соответствующего понятия, что влечет за собой различия в содержании, объеме и структуре наивной и научной категории.

4. При включении в наивную категорию могут учитываться нерелевантные признаки объекта, которые в обыденной жизни устойчиво связаны с наивным представлением о данном классе, при нейтрализации релевантного признака.

¹ Это утверждение не означает, что при наивной категоризации чувственное восприятие – это единственный фактор, определяющий данную когнитивную процедуру.

² Ср.: «Значение слова определяет круг объектов и явлений, к которым это слово может быть отнесено, оно информирует о восприятии обозначенного и его отношениях с другими объектами и явлениями в мире, фиксирует данные о функциях и назначении того, что обозначено словом, и в итоге может привести ко всему тому, что мы знаем об обозначаемом» [5. С. 3].

Литература

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. Башкирцева О.А. Когнитивная основа семантической структуры слова: на материале предметных существительных с общим значением 'возвышенность конической формы': дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011. 213 с.
3. Дзюба Е.В. Категория ФРУКТЫ в научной, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира // Вестн. Алт. гос. ун-та. 2014. Вып. 2 (140). С. 44–51.
4. Корнева В.В. Естественные категории в естественном языке (по данным испанского языка) // Древняя и Новая Романия. 2015. Вып. 15, №1. С. 105–118.
5. Ляенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005. 39 с.
6. Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 221 с.
7. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
8. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22.
9. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. 167 с.
10. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 629 с.
11. Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 5–81.
12. Горбунова Л.И. Об участии категоризации в номинативной деятельности // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: материалы Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 12–13 мая 2016 г. Уфа, 2016. С. 169–173.
13. Гавриленко О.В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 239 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
15. Симако Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 1999. 410 с.
16. Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «Море» как фрагмент русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 28 с.
17. Горбунова Л.И. Еще раз о категоризации водных объектов // Сиб. филол. журн. 2017. № 1. С. 208–220.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1996. 928 с.
19. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1981–1984.
20. Ивашикевич И.Н. Перцептивные признаки как семантические компоненты лексического значения: (На материале имен существительных современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2003. 20 с.
21. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
22. Попова М.Л. Концепт как единство трех составляющих (на примере концепта ЗВЕЗДА) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1431–1435. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86306.htm>
23. Карапулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

THE PERCEPTUAL BASIS OF THE NAIVE CATEGORIZATION OF THE OBJECTIVE WORLD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 5–18. DOI: 10.17223/19986645/48/1

Lyudmila I. Gorbunova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).
E-mail: ludgorbunova@mail.ru

Keywords: cognitive linguistics, naive and scientific categorization, naive picture of the world, perception, relevant sign.

The article examines how the sensually perceptible features of the object recorded in the meaning of lexical units of the language participate in the naive categorization of the objective world. When linguists study words as units of the lexical system and as units of speech, they could find out what knowledge about the object was spotted by a native speaker and what role it plays in the fact that the object was identified as an element of a particular class. Thus it is possible to access the structure of categories into which reality is divided, and also to determine their content and principles of formation.

The author believes that lexical categories are categories of an analog type, since lexical units of the language do not divide reality into categories, and are a means of nomination which reflects the results of the cognitive operations of categorization. Strict separation of categorization as a cognitive process and nomination as a linguistic process and the recognition of their correlation are the methodological basis of this work.

The contexts in which concrete nouns with the semantics of an object are used served as the material of the article. Only through context we can see exactly why a person relate certain objects to one class. When native speakers talk about why objects have such names or why they are to be called so, they explicate the cognitive process of categorization and its reason. Pointing to the object attributes that motivate the choice of a particular name, speakers refer to properties of things they pay attention to during categorization. Dictionary definitions do not provide such data for a number of reasons. Studying statements in natural language allows, on the one hand, to obtain reliable information about structuring the world and, on the other, to specify the amount of information about the object that is relevant from a cognitive point of view and important for lexicography.

The author came to the following results. It has been confirmed that (1) perceptual information plays an important role in the identification of an object as a representative of a certain class. All senses are involved in the perception of such information; (2) the sensuously perceived features of an object (shape, color, size, smell, sound, nature of the surface structure, etc.) can be used comprehensively during categorization.

For the first time it has been proved that (1) sensuously imperceptible signs can not be considered in naive categorization, even if they are relevant. This causes differences in the content, scope and structure of the naive and scientific category; (2) sensuously perceived irrelevant features of the object may be considered for inclusion in the naive category if they are firmly associated with a naive view of this class, represent it and if in everyday life they are interpreted as visible and distinctive.

References

1. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Bashkirtseva, O.A. (2011) *Kognitivnaya osnova semanticheskoy struktury slova: na materiale predmetnykh sushchestvitel'nykh s obshchim znacheniem "vozvyshennost'" konicheskoy formy* [Cognitive basis of the semantic structure of the word: on the material of substantive nouns with the general meaning of the “elevation of the conical form”]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
3. Dzyuba, E.V. (2014) The category fruit in the scientific, trade, culinary and household worldviews. *Vestnik AGU – Bulletin of the Adygeya State University*. 2 (140). pp. 44–51. (In Russian).
4. Korneva, V.V. (2015) Natural categories in natural language (on the example of Spanish language). *Drevnyaya i Novaya Romaniya*. 15:1. pp. 105–118.
5. Laenko, L.V. (2005) *Pertseptivnyy priznak kak ob'ekt nominatsii* [Perceptual feature as an object of nomination]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.
6. Chistyakova, E.V. (2015) *Kategorizatsiya landshaftov i otsenochnyy potentsial landshaftnoy leksiki v sovremenном angliyskom yazyke* [Categorization of landscapes and the evaluation potential of landscape vocabulary in modern English]. Philology Cand. Diss. Tambov.
7. Skrebtsova, T.G. (2011) *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive linguistics: Course of lectures]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
8. Boldyrev, N.N. (2006) *Yazykovye kategorii kak format znaniya* [Language categories as a knowledge format]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 5–22.
9. Frumkina, R.M. et al. (1991) *Semantika i kategorizatsiya* [Semantics and categorization]. Moscow: Nauka.

10. Dzyuba, E.V. (2015) *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v russkom yazykovom soznanii* [Linguocognitive categorization of reality in the Russian linguistic consciousness]. Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
11. Kolshanskiy, G.V. (1976) Nekotorye voprosy semantiki yazyka v gnoseologicheskem aspekte [Some issues of semantics of language in the epistemological aspect]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Printsy i metody semanticeskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka.
12. Gorbunova, L.I. (2016) [On the participation of categorization in nomination activities]. *Akтуal'nye problemy russkoy i sopostavitel'noy filologii: teoriya i praktika* [Topical issues of Russian and comparative philology: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Ufa. May 12–13, 2016. Ufa: Bashkir State University. pp. 169–173. (In Russian).
13. Gavrilenko, O.V. (2010) *Kognitivnoe osvoenie landshafta v britanskoy i amerikanskoy lingvokul'turakh: sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [Cognitive development of the landscape in the British and American linguocultures: a comparative study]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
14. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (In Russian).
15. Simashko, T.V. (1999) *Denotativnyy klass kak osnova opisaniya fragmenta russkoy yazykovoy kartiny mira* [The denotative class as the basis for the description of the fragment of the Russian language picture of the world]. Philology Dr. Diss. Severodvinsk.
16. Potapova, O.E. (2012) *Leksiko-semanticeskoe pole "More" kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira* [The lexical-semantic field “Sea” as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
17. Gorbunova, L.I. (2017) Once more on linguistic categorization of water objects. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 208–220. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/58/20
18. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1996) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Az".
19. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
20. Ivashkevich, I.N. (2003) *Pertseptivnye priznaki kak semanticheskie komponenty leksicheskogo znacheniya: (Na materiale imen sushchestvitel'nykh sovremenennogo angliyskogo yazyka)* [Perceptual attributes as semantic components of lexical meaning: (On the material of nouns of modern English language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
21. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: CheRo.
22. Popova, M.L. (2016) Kontsept kak edinstvo trekh sostavlyayushchikh (na primere kontsepta ZVEZDA) [Concept as the unity of three components (by the example of the concept STAR)]. *Kontsept*. 11. pp. 1431–1435. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2016/86306.htm>.
23. Karaulov, Yu.N. (1976) *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka.

УДК 81-139
DOI: 10.17223/19986645/48/2

Е.В. Костарева, Е.А. Стринюк

КОНЦЕПТ «СЕВЕРОИРЛАНДСКИЙ КОНФЛИКТ» («THE TROUBLES»): МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЙНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСОВ

В статье приводится теоретическое обоснование возможности междисциплинарного исследования Североирландского конфликта как социокультурного концепта. Авторы анализируют критерии отбора материала в рамках художественного и медийного дискурсов, обосновывают выбранные для данного исследования подходы к трактовке терминов «концепт» и «дискурс», описывают методику исследования, его результаты, а также обосновывают актуальность и намечают долгосрочные перспективы.

Ключевые слова: Североирландский конфликт, художественный дискурс, медийный дискурс, социокультурный концепт, когнитивный признак.

В настоящее время в мировом сообществе растет количество государств, в которых разворачиваются конфликты, основанные на национальных, этно-политических и религиозных разногласиях граждан. Одним из наиболее длительных этнополитических конфликтов был и остается Североирландский, имеющий древнейшие корни и уходящий вглубь веков. Он «является одним из самых ярких и поучительных примеров в современной европейской истории того, как сложен и мучителен процесс мирного урегулирования конфликта, замешанного на тесте конфессиональных и национальных раздоров, как тяжело бремя исторической памяти и взаимных обид» [1].

Существующая внутри Британского общества политическая проблема постоянно освещается в британских и ирландских средствах массовой информации, она также нашла свое отражение в ирландской литературе XX – начала XXI вв. и, соответственно, освещалась в рамках литературоведения и лингвистики. Попытки провести лингвистические исследования по освещению Североирландского конфликта в ведущих средствах массовой информации Великобритании предпринимались в основном зарубежными авторами. Наиболее показательными в этом плане являются работы С. Котла [2], а также З. Абасси и Н. Субиаль [3]. В частности, С. Котл пытается выделить три четких направления исследований, в которых работали его предшественники. Это международный терроризм и информационная война, репрезентация конфликта как такового и отношения «государство – средства массовой информации». В своем исследовании автор пересматривает ряд традиционных выводов о понимании Североирландского конфликта. Он отмечает, что, несмотря на то, что некоторые выводы исследователей имеют неоспоримую важность, они не могут считаться общепринятыми правилами, которым следуют все средства массовой информации Великобритании при освещении

Североирландского конфликта. С. Котл подчеркивает, что некоторыми авторами культивируется ярко выраженная тенденциозность высказываемых мнений. В частности, ИРА подвергается постоянному «позорному» бичеванию в британской прессе, а британская армия представляется организацией, стоящей над конфликтной ситуацией [2. С. 284]. Основным аргументом Котла о неправомерности такого подхода является сложность отношений между государством и средствами массовой информации, которая обусловлена изменениями политического климата и законодательства [2. С. 285].

Французские исследователи анализируют презентацию терроризма и конфликта в передовицах (рубрика «opinion») The Times, опубликованных в период с 1990 по 1995 г. Анализ проведен с использованием данных, полученных с применением программы ALCESTER, используемой в корпусной лингвистике [3. С. 2]. Все вышеупомянутые авторы приходят к выводу, что средства массовой информации были весьма далеки от того, чтобы быть нейтральными, хотя, казалось бы, их прямое назначение – честно и беспристрастно освещать проблемы, предоставляя реципиенту сбалансированный анализ информации. Исследователи объясняют свою точку зрения, приводя пространные комментарии к выдержкам из публикаций. Однако, на наш взгляд, эти комментарии содержат гораздо больше анализа политической ситуации, нежели анализа текста как такового. Безусловно, этнорелигиозные конфликты в принципе не могут анализироваться без привлечения экстралингвистической реальности. И этот факт обуславливает появление исследований Североирландского конфликта на стыке политологии и лингвистики.

С. Вьюсетик, В. Квеллет и Дж. Мало анализируют освещение проблемы терроризма в канадской прессе, упоминая различные этнорелигиозные конфликты, в том числе и Североирландский [4. С. 59]. Авторы также отмечают однобокость изложения и полагают, что даже в либеральных демократических странах о подобных конфликтах в прессе говорят так, как удобно политическим лидерам, разделяя стороны на дружескую и вражескую [4. С. 61]. Своеобразное жонглирование понятиями при освещении событий открыто подчеркивается в политологических статьях: «Неизменным действующим лицом в этой вялотекущей мини-гражданской войне был и потенциально остается терроризм, который в XXI в. семимильными шагами превращается из угрозы национальной безопасности в угрозу безопасности глобальной. История конфликта в Ольстере поучительна и потому, что демонстрирует размытость границы между понятиями «террорист и борец за свободу», подверженность такого рода противостояния практике двойных стандартов и «двух правд». Вчераший «террорист» сегодня может оказаться «политиком», а вызывавший симпатии «робин гуд» – преступником» [1. http://www.ieras.ru/gromyko_ar4.htm].

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что, являясь одной из широко обсуждаемых исследователями разных направлений тем, Североирландский конфликт является интересным объектом для междисциплинарных исследований. Понимая, что освещение любого конфликта, по сути, является борьбой за умы людей, полагаем абсолютно справедливым утверждение Тен ван Дейка о том, что «изучение медиавлияния в терминах «контроля над сознанием» должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного

подхода, который связывает сложные структуры современного медийного ландшафта с использованием медиа и в конечном итоге с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает» [5. С. 29].

Мы полагаем, что одним из самых перспективных может стать предпринятое нами исследование данной проблемы на стыке лингвистики и литературоведения, новизна которого заключается в попытке рассмотреть Североирландский конфликт как концепт в единстве медийного и художественного дискурсов. Целью данной статьи является теоретическое обоснование такого исследования, обоснование использованных подходов к пониманию терминов «концепт» и «дискурс», описание методики исследования и описание полученных на анализе медийного и художественного дискурсов результатов. Возможность достижения глубины и целостности описания Североирландского конфликта в рамках концепта объясняется тем, что именно концептуальный анализ, по мнению Е.С. Кубряковой «осуществляемый путем обобщения анализа когнитивного», позволяет «извлечь общий знаменатель» из всех предыдущих наблюдений [6. С. 15].

Временные рамки исследуемого материала намеренно ограничены ввиду сложности и многогранности обсуждаемой проблемы. Мы останавливаемся на анализе материала медийного и художественного дискурсов, отражающего конкретный период в ходе Североирландского конфликта, а именно, 1996 г. Не ставя целью освещение событий с исторической точки зрения, ниже мы, тем не менее, приводим ряд исторических фактов, обосновывающих наш выбор именно этого исторического периода. В 1969 г. в провинции нарастают столкновения на религиозной почве между лоялистами-протестантами, сторонниками сохранения Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства, и республиканцами-католиками (националистами), стремящимися к воссоединению с Ирландией. И с той и с другой стороны начинается деятельность незаконных военных формирований. Среди них наиболее известны Ирландская республиканская армия (IRA) и лоялистские Ассоциация обороны Ольстера (UFF) и Добровольческая служба Ольстера (UVF). В ходе развернувшихся событий центральное правительство Великобритании было вынуждено направить в регион армейские подразделения для урегулирования ситуации и, в связи с полным крахом благих намерений британского правительства в 1972 г. было принято решение о приостановке работы собственного законодательного органа Северной Ирландии – Стормонта. Дальнейшие действия центрального правительства, в том числе и законодательные, привели к установившемуся шаткому перемирию между сторонами. Для управления процессом разоружения враждующих формирований создается международная комиссия во главе с бывшим американским сенатором Джорджем Митчеллом, которая разработала принципы для переговоров между конфликтующими сторонами. Однако отличительной чертой данного конфликта являются неустойчивость в отношениях противостоящих сторон и характер событий, отбрасывающий вроде бы стабилизированную ситуацию назад, в ее острую стадию.

Именно 1996 г. становится следующим драматичным звеном в цепи событий, поскольку ИРА прерывает перемирие новыми терактами, закрывая для себя путь к участию в выборах в Североирландский форум, представите-

ли которого получали право на участие в межпартийных переговорах о судьбе провинции. Текущие события, естественно под несколько разными углами зрения, освещаются в ведущих публицистических изданиях Великобритании, Ирландии и Северной Ирландии. В этом же, 1996 г. были выпущены яркие самобытные романы ирландских авторов: «Улица Эрика» Р.М. Уилсона, «Чтение в темноте» Ш. Дина, «Отель Интернешнл» Г. Паттерсона, продемонстрировавшие, насколько глубоко в ментальности населения укоренено существование конфликта. Конфликт становится «самораскручивающейся спиралью развития... демонстрирует сильный иммунитет против, казалось бы, проработанных до мелочей формальных соглашений» [1]. Именно сложность восприятия и представления Североирландского конфликта в целом обуславливает необходимость описать его в рамках концепта.

Во избежание путаницы с точки зрения употребления терминологии в нашем исследовании далее мы уточняем, что нами понимается под дискурсом и концептом, поскольку термины трактуются достаточно широко разными исследователями. Вслед за Е.А. Огневой мы полагаем, что «дискурс – это сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации» [7. С. 76]. Данное определение, на наш взгляд, полностью и в то же время лаконично отражает всю емкость термина «дискурс» и объясняет глобальную природу общественного дискурса, часть которого «распределена в редакционных материалах публицистического характера, в которых социальные проблемы прямо ставятся и обсуждаются. В косвенной форме социальные переживания воспроизводятся в материалах СМИ художественного характера – в кино, театре, литературе, игровых формах телевидения и т.д.» [8]. Такое понимание дискурса дает основания параллельно исследовать романы и газетные передовицы, поскольку они являются неотъемлемой частью риторики по вопросу в целом, представляя медийный и художественный дискурсы как составляющие дискурса общественного.

Подробный анализ различных подходов к трактовке термина «концепт» представляется излишним, поскольку он неоднократно проводился современными исследователями различных направлений. И.А. Таракова полагает, что «основополагающим для методологии каждого из направлений является ответ на вопрос о том, считать ли концепт единицей индивидуального или национального сознания» [9. С. 742]. Нам представляется наиболее существенной для данного исследования концепция Е.С. Кубряковой, согласно которой «онтологически существующая вне нас реальность... предстаёт в языке в том виде, как она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [6. С. 38], и концепт является единицей информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Мы также опираемся на понимание концепта Н.Г. Клебановой, которая, основываясь на принципах категоризации, описанных Е.С. Кубряковой, определяет концепт как «квант структурированного знания о вторичной действительности, создаваемой в тексте художественного произведения» [10. С. 2]. В подходе Н.Г. Клебановой прослеживается связь авторского концепта с концептом культурным. При этом процесс формирова-

ния авторского концепта может быть обусловлен «трансформацией культурного концепта с аналогичным именем в соответствии с личным мироощущением писателя» [11. С. 4].

Таким образом, мы приходим к выводу о возможности рассмотреть Североирландский конфликт (The Troubles) как социокультурный концепт с художественной составляющей, который отражается в единстве медийного и художественного дискурсов и представляет собой динамичное структурированное знание об идее этнополитических, религиозных и территориальных взаимоотношений между католическими и протестантскими общинами в северной части острова Ирландия, однозначно воспринимаемыми реципиентами как конфликт.

Рабочей гипотезой исследования является положение о том, что основное содержание концепта «Североирландский конфликт» сводится к следующим признакам: обобщенный образ противостояния враждующих сторон, направления этого противостояния, поведение участников противостояния. В целом признаки концепта «Североирландский конфликт», представленные в рассматриваемых художественных произведениях и газетной рубрике opinion, совпадают, однако они различаются наличием оценочной составляющей, а также наполняемостью образных и понятийных маркеров. Полагаем целесообразным описать основные шаги методики исследования.

З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что в методике лингвокогнитивного анализа существуют два основных направления. В рамках первого направления, возможно начать исследование с некоторого выбранного концепта, подобрать все возможные средства его выражения и затем анализировать их. В рамках второго – выбрать некоторое ключевое слово, к которому подбираются разнообразные контексты его употребления. Такой подход изучает семантику выбранного слова, выявляя набор семантических признаков, которое оно способно представить в процессе употребления [12. С. 15]. В нашем исследовании эти направления существенно пересекаются, так как дефиниционный анализ «The Troubles» отражает его семантическую многогранность. Таким образом, на первом этапе мы анализируем словарное значение «Североирландского конфликта» в его английском варианте «The Troubles», поскольку исследование проводится на англоязычном материале. «The Troubles» имеет следующую словарную трактовку: «a name used, especially in Ireland, for the political problems connected with Ireland's relationship with the UK. The events in the early 1920s, when Ireland was fighting to become an independent country, were called the Troubles, and the name is also used for the problems and violence in Northern Ireland since the late 1960s» [13] (Название, использующееся (особенно в Ирландии) при упоминании политических проблем, связанных с отношениями между Ирландией и Великобританией. Так были названы события 1920-х гг., когда Ирландия сражалась за независимость. Также это название используется при упоминании проблем и ситуаций, связанных с насилием в Северной Ирландии, начиная с 1960-х гг.) (перевод наш). Словарная трактовка позволяет говорить о том, что в основе концепта «Североирландский конфликт» лежит не конкретное значение (или значения), а однозначно воспринимаемая идея этнополитического, религиозного и территориального конфликта, создающего ряд проблем. Это, в свою очередь, говорит о

том, что концепт «The Troubles» является сложным ментальным образованием, отражающим проблемные социальные и политические черты рассматриваемого исторического периода. В художественном дискурсе проявляется его абстрактность, в то время как анализ дискурса медийного позволяет в большей степени конкретизировать номинативное поле данного концепта. Ядерной семой концепта «The Troubles» является сема «проблемы взаимоотношений Ирландии и Великобритании». Следовательно, мы полагаем логичным при выделении когнитивных признаков опираться на словарное значение слова «problem», потому что именно оно является ключевым при описании «The Troubles». Дефиниционный анализ «problem» - a situation, person or thing that needs attention and needs to be dealt with or solved [13] (ситуация, лицо или идея / действие / чувство или факт, которые требуют внимания и нуждаются в принятии некоего решения) (перевод наш). На втором этапе исследования анализ дает возможность выделить следующие группы когнитивных маркеров, или, иначе говоря, когнитивных признаков концепта «The Troubles»: Political organizations, Political orientation, War, Religion, Authorities, Election, Media, Peace, People, Place, Conversation.

Данные группы выделены в ходе сплошной выборки из текстов англоязычных материалов с использованием принципов семантико-когнитивного анализа, разработанного представителями Воронежской лингвистической школы (И.А. Стернин, З. Попова). Анализ проведен на материале романов «Улица Эрика» Р.М. Уилсона, «Чтение в темноте» Ш. Дина, «Отель Интернейшнл» Г. Паттерсона и 245 текстов передовиц рубрики «Opinion» газеты «The Irish Times» за 1996 г. Выбор для анализа текстов рубрики «Opinion» не случаен. Тексты данной рубрики часто не имеют конкретного авторства и выражают некое консолидированное мнение по вопросу, что делает их особенно интересными для анализа совместно с художественными текстами, которые, по сути, отражают точку зрения конкретного автора.

Поскольку результаты, полученные в ходе сплошной выборки, как правило, могут носить несколько субъективный характер, на третьем этапе исследования мы уточнили их, используя для анализа многофункциональную программу AntConc3.2.4w, широко применяемую в корпусной лингвистике и предоставляющую широкие возможности для анализа контекста репрезентантов когнитивных признаков. Это позволило нам получить достоверные результаты частотности использования репрезентантов в каждой группе когнитивных признаков, а также четко отследить контексты их употребления. Полученные результаты представлены в прилагаемых таблицах. Первая колонка содержит репрезентанты когнитивных признаков соответствующей группы, которые получены методом сплошной выборки из материалов как романов, так и газет. Вторая и третья колонки приводят данные, характеризующие частотность употребления репрезентанта и его рейтинг, полученные в результате анализа программой AntConc3.2.4w. Программа позволяет анализировать материал, создавая так называемые «keywords lists» (справки ключевых слов), т.е. слов, наиболее часто встречающихся в анализируемом материале. При проведении данного анализа мы отождествляем понятие «слово» и репрезентант. Из анализируемых текстов с помощью программы были изъяты все служебные слова, после чего количество слов в анализируемом кор-

пухе составило 12 660. Из них ключевыми репрезентантами являются 1838. Соответственно, параметр «частотность» показывает, сколько раз и в каких контекстах встретился тот или иной репрезентант в анализируемых текстах, и параметр «рейтинг» показывает, какое место в соответствии с частотой его употребления он занимает. Сравнение репрезентантов когнитивных признаков каждой группы, выделенных посредством сплошной выборки с результатами обработки, показало, что наши предположения подтвердились и большинство репрезентантов из сплошной выборки входят в список ключевых (наиболее часто встречающихся 1838 репрезентантов). Курсивом в первой колонке выделены репрезентанты, которые встретились только в художественном дискурсе.

На следующем этапе исследования полученные результаты были использованы при построении ядра и периферии описываемого концепта. К ядру номинативного поля мы относим репрезентанты, имеющие рейтинг частотности в рамках 300 из выделенных 1838 единиц, к ближней периферии – репрезентанты, имеющие рейтинг от 301 до 600, и к дальней периферии – репрезентанты, имеющие рейтинг выше 600. Наиболее полно в ядре представлены репрезентанты следующих групп когнитивных признаков: People (38 единиц), Place (25 единиц), Political organizations (9 единиц), Religion и Political orientation (по 7 единиц). В группе Place на первом и втором местах стоят составляющие Ireland и North, четко демонстрируя, что наиболее употребительными контекстами является обсуждение противостояния Севера и Юга. Далее следуют Drumcree и Derry как места наиболее трагичных событий и London и Dublin, как места, где официально проблема конфликта неким образом может быть решена. Для анализа периферийной зоны интерес может представлять тот факт, что в нее входит ряд названий европейских стран. Анализ контекстов их употребления показывает, что к решению проблемы североирландского конфликта не раз пытались подключиться европейское сообщество, однако это не имело успеха. Ядерные репрезентанты группы когнитивных признаков Political organization вполне объяснимо содержат названия основных политических сил противостояния. Следует отметить, что репрезентанты этой группы когнитивных признаков практически все входят в ядерную зону. В состав ядерных репрезентантов группы People вошли политические лидеры, наиболее активно влияющие на переговорный процесс (Gerry Adams, John Major, John Bruton, David Ervine, George Mitchel и т.д.). Но наиболее любопытным является тот факт, что в ядерную зону из этой группы входят репрезентанты People, Unionist, и Community. Анализ контекстов их употребления говорит о глобальности вовлеченности и заинтересованности общества в целом в решении проблемы. В то же время анализ ядерных репрезентантов групп когнитивных признаков Religion и Political orientation показывает, что разделение в обществе по религиозному (Catholic / Protestant) и политическому (Nationalist / Republic) признакам неизменно сохраняется.

Менее представленными в ядре концепта «Североирландский конфликт» стали группы когнитивных маркеров Peace (5 единиц), Authorities, Conversation, War (по 3 единицы), Media (2 единицы). Однако анализ их ядерных составляющих вновь свидетельствует о том, что в центре внимания общества стоит проблема принятия окончательного решения по перемирию и гарантия

невозможности его нарушить. Основным дестабилизирующим элементом, как и предполагалось, выступает IRA.

Что касается анализа периферийных репрезентантов каждой группы, то наибольшего внимания заслуживает тот факт, что репрезентанты с ярко выраженной негативной или позитивной оценкой практически все являются выбранными в ходе сплошной выборки. В таблицах групп когнитивных признаков, имеющих такие составляющие, они выделены жирным шрифтом и курсивом. Программа не зафиксировала их присутствия в медийном материале. Это подтверждает наше предположение о том, что в художественном дискурсе эмоциональная составляющая гораздо выше, чем в проанализированном нами медийном материале.

Следующий шаг исследования – анализ и описание семантики языковых средств номинативного поля концепта «The Troubles». Очевидным здесь является формирование четкой оппозиции с использованием личных местоимений «we – the Irish» – «they – non Irish, in particular the British». Любопытно, что под «they» часто имеются в виду не только сторонники пробританских взглядов на урегулирование конфликта, но экстремисты в целом: «...and yet, Gerry Fitt's anger and his belief that to forgive and forget the past is, in some sense, a betrayal of those who suffered and died, have a special relevance to the situation in which we now find ourselves. We have all been shocked not only by the political mistakes which led to Drum Creek, but by the savagery of the reaction to it. How swiftly we have been stripped of the comfortable illusion that there has been a slow and steady improvement in relations between two communities in Northern Ireland» [14].

Наиболее распространенным тропом, использующимся для иллюстрации глобального противостояния в обществе, является метонимия, когда Catholic или Protestant Churches упоминаются вместо людей, исповедующих эти религии, или Catholic или Protestant communities (Irish/British Governments) – вместо их представителей. Особое место занимает метафора места, возникающая при концептуализации основного образа при упоминании географического названия. Например, Drumcree имеет четкую ассоциацию с парадами оранжистов в Portadown, в частности с проблемными аспектами выбора маршрута для прохождения демонстрантов. Belfast или Derry, по существу, олицетворяют события, имевшие там место: «There is another, even more potent reason to reject the idea that a security solution is the answer to Northern Ireland problems. There has been optimistic talk before this of the IRA being brought to its knees. But the republican movement has always retained the power to recruit young people of intelligence and commitment to its ranks. We have had evidence in recent weeks and months of the involvement of men and women who were not even born when the present Troubles erupted on to the streets of Belfast and Derry» [14].

Последний шаг в методике исследования – выявление национально-культурной специфики описанных языковых средств и их оценочной составляющей, о которой мы уже частично упоминали при анализе периферийных составляющих концепта «Североирландский конфликт». Очевидным моментом национально-культурной специфики является религиозное противостояние. В таблице «Когнитивный признак Religion» репрезентанты Catholics /

Protestants являются ключевыми и для списка, составленного в ходе сплошной выборки, и для автоматически уточненной выборки медийного дискурса.

Что касается оценочной маркированности, то именно она, как говорилось выше, существенно усиливается в художественном дискурсе по сравнению с медийным. Наглядным примером служит анализ когнитивной составляющей «violence» (насилие). В медийном дискурсе эта составляющая употребляется 296 раз. Из них только в одном случае читатель видит очень яркое и эмоциональное описание теракта: «More than 20 years after the remembered act of violence Gerry Fitt's grief and sense of moral outrage still have a terrible urgency. It was the worst thing I had ever seen. His hands were cut, fingers hanging off / He was nearly decapitated. He was murdered just after he left me and you never forget that...» [14]. В целом же контексты употребления достаточно сдержанные. Речь идет о довольно абстрактных рассуждениях о «century of violence», «movement of IRA violence», «the need to avoid violence», «widespread sectarian / loyalist violence», «potential for violence» и т.д. Есть даже контексты, где автор говорит о достаточной стабильности и в тяжелые времена насилия: «One way or another, the administration has remained stable *during 25 years of violence*, the trains have run, grants and social welfare have been paid...» [28]. То есть национальная газета, максимально придерживаясь политкорректности, не раздувает и не провоцирует конфликт, а только констатирует определенные факты, связанные с насилием. Соответственно, можно сделать вывод, что в целом для рубрики «Opinions», в которой авторы высказывают свое личное мнение и отношение к происходящему, газета The Irish Times придерживается достаточно сдержанной риторики. В художественном дискурсе целью автора может являться прямо противоположное стремление изобразить насилие максимально ярко, образно, чтобы произвести эмоциональное воздействие на читателя. Например, в романе «Улица Эрика» Уилсон описывает последствия теракта в закусочной, когда взрыв уносит жизни обычных людей, католиков и протестантов. Понимание бессмыслицы произошедшего, несомненно, вызывает сочувствие к пострадавшим, которое переходит в гнев и ярость при осознании масштаба устроенной кровавой бойни, обреченности жертв, оказавшихся под ударом террористов, и в целом становится очевидным неприятие автором крайне правой идеологии: «The city and the citizens knew that this act had supposedly been committed on their behalf. A mandate was claimed. As the citizens fought, worked or idled their way through their evening, they almost all knew that no vote had been taken, no proposal put forward. Nearly every citizen thought privately, individually, No one asked me. It was a silent but complete unanimity. It was a silent but complete rejection» [15. C. 238].

В художественном дискурсе также может существенно меняться оценка одной и той же репрезентанты. Например, в романе «Чтение в темноте» в когнитивном признаке «Political organizations» составляющая IRA носит идентификационный характер. Принадлежность некоторых членов семьи главного героя к IRA определяет характер его взаимоотношений с миром, делая его постоянной мишенью для выражения агрессии со стороны властей, но в то же время является некоей силой, скрепляющей отношения членов семьи, включающей его в «круг посвященных», т.е. оценивается однозначно

положительно. В романе «Улица Эрика» описывается необходимость четко ориентироваться в политической окраске каждой конкретной организации: IRA, INLA, UVF и т.д. Главный герой ломает голову над аббревиатурой OTG, появляющейся на стенах зданий Белфаста. В конце концов, выясняется, что аббревиатура придумана подростком, пытающимся привлечь к себе внимание. Автор, таким образом, насмехается над необходимостью твердого усвоения названий бесчисленных политических организаций. Только в романе «Отель Интернэшнл» повествователю в некотором смысле удается избегать религиозного конфликта, определяющего жизнь в Северной Ирландии во время действия романа. Но в этом тоже есть некая ирония. Он говорит, что даже не помнит, кто из его родителей из протестантской семьи, а кто из католической, что само по себе свидетельствует о всегда остающемся в памяти противопоставлении.

В медийном дискурсе из 805 контекстов употреблений IRA сложно найти хотя бы один с положительной оценкой. В лучшем случае контекст будет достаточно нейтральный: «Two years ago, the North got the first of its ceasefires when the IRA announced it was stopping its murder campaign. Some weeks later the loyalists followed suit, adding an apology for the killing they had carried out. The balance sheet today, on the second anniversary of historic turn of events, is mixed» [14]. Либо он может отражать недоверие: «This rare opportunity for truthfulness will not last. Sooner or later the IRA will do something stupid and will be back to the fog of hypocrisy. Someone has to break the cycle. Why must we wait for the IRA?» [Там же]. В подавляющем же большинстве случаев оценка IRA отрицательно сдержанная.

В отношении ценностной маркированности художественного и медийного дискурсов явно прослеживается тенденция доминирования общечеловеческих ценностей в системе концепта «Североирландский конфликт». Ключевые репрезентанты когнитивного признака «Peace» одинаковы для обоих дискурсов: peace, ceasefire, agreement, order, progress. Отличительная черта всех трех романов и ключевая мысль «opinions» – провозглашение абсолютной ценности человеческой жизни, ни политические ценности, ни религиозные взгляды не должны становиться поводом для убийства. «It is true, too of the policeman: he may have been as plagued by guilt as his own murderer; he may have justified him too; he may have refused sorrow and known no peace of mind; he may have forgiven himself or he may have been forgiven by God. It is not for us to judge. But it is for us to distinguish, to see the difference between wrong done to us and equal wrong done by us. ...Life is God's miracle and gift...we may try to improve it, but we may not destroy it in ourselves» [16. С. 26].

Таким образом, являясь универсальным ментальным образованием, зафиксированным в ментальной сфере британского сообщества, и отражая общие этнические ценности, концепт «Североирландский конфликт» может преломляться в индивидуальном авторском сознании и отражать ценности индивидуальные, являясь трансформацией идеи конфликта в соответствии с личным мироощущением авторов. Исследованные художественные произведения наравне с медийным материалом могут рассматриваться как аспекты единого общественного дискурса, поскольку они существуют в одном информационном поле, рассчитаны на восприятие массовой аудиторией и обла-

дают схожими характеристиками, в первую очередь репрезентантами, входящими в выделенные в ходе исследования группы когнитивных признаков. В ядре концепта «Североирландский конфликт» лежат идеи конфликта, замкнутости конфликтующих сторон, заметно представлены участники событий и места событий. Вместе с тем нельзя игнорировать группы когнитивных признаков, которые, по сути, являются социокультурными маркерами, характеризующими стремление заинтересованных сторон к мирному урегулированию путем переговоров, выборов, общественного обсуждения и вместе с основными когнитивными признаками делают «The Troubles» фундаментальным для ирландской культуры концептом.

Фактором, ограничивающим исследование, мы считаем намеренно суженные временные рамки. Это, с одной стороны, не позволило показать развитие конфликта в динамике, с другой стороны, этот же фактор дал возможность более подробно рассмотреть теоретические подходы и сформулировать методологические принципы исследования. Исследование в более широких временных рамках можно провести несколько позже. Следующим ограничивающим фактором является тот момент, что нами проанализированы только газетные рубрики «Opinion», хотя составляющие медийного дискурса гораздо многообразнее и сложнее. Данное ограничение связано с тем, что восстановить многие части данного дискурса (к примеру, получение доступа к полным архивам телевизионных выступлений лидеров Ирландии и Великобритании конца XX в., общественного-политических новостей, переданных по региональным и национальным радио- и телеканалам в тот же период, и т.д.) является трудновыполнимой задачей и серьезно сужает возможности исследователей.

Однако существующие ограничения в то же время помогают обозначить дальнейшие перспективы исследования. В частности, мы полагаем перспективным отдельное исследование когнитивных компонентов с оценочной маркированностью и построение концептуального поля оценки на материале исследованных текстов. Кроме того, интересным моментом исследования может стать изучение в рамках медийного дискурса, например, материалов кинофильмов, отражающих события этого же периода в истории развития Североирландского конфликта.

Литература

1. Громыко А.А. Усмирение терроризма: Опыт Великобритании // Терроризм и политический экстремизм: поиски адекватных ответов. М., 2002. URL: http://www.ieras.ru/gromyko_ar4.htm
2. Reporting the Troubles in Northern Ireland: Paradigms and Media Propaganda By Simon Cottee, Critical Studies in Mass Communications, Nuber 14. P. 282–296.
3. The Times and the Northern Ireland Conflict By Zouhair Abassi and Nadege Soubiale, Estudios Irlandeses, Number 1, 2006. P. 1–15.
4. Simplifying Terrorism: An Analysis of Three Canadian Newspapers, 2006–2013 By Janelle Malo, Valerie Ouellette, Srdjan Vucetic, Canadian Political Science Review Vol. 8, N. 2, 2014. P. 59–73.
5. Тен ванн Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. М., 2012. 204 с.

7. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
8. Ширков Ю.Э. Социальное переживание социальных проблем в общественном дискурсе [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 6 (ноябрь – декабрь). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Shirkov_The-Social-Feeling/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 28.11.2016).
9. Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 742–745.
10. Клебанова Н.Г. Формирование и способы презентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с
11. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. 42 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
14. The Irish Times Editorials January – December 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irishtimes.com/search/search-7.1213540>
15. Robert McLiam Wilson. *Eurika Street*. Vintage Random House, London. 1998.
16. Seamus Deane. *Reading in the dark*. Random House Australia Limited, New South Wales, Australia. 1996.

THE CONCEPT “THE TROUBLES”: RESEARCH METHODOLOGY AND REPRESENTATION IN LITERARY AND MEDIA DISCOURSES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 19–47. DOI: 10.17223/19986645/48/2

Elena V. Kostareva, Svetlana A. Strinyuk, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: E-mail: ekostareva@hse.ru / sstrinyuk@hse.ru

Keywords: The Troubles, literary discourse, media discourse, sociocultural concept, cognitive criterion.

This paper is devoted to the cross disciplinary research of The Troubles. The abovementioned political and religious confrontation, being one of the most longstanding in Irish and British history, is analyzed across the issues of linguistic and literary studies. The methods applied are those of cognitive linguistics and corpus linguistics. The novelty of the approach is in an attempt to describe The Troubles as a concept in uniting media and literary discourses. The novels (R.M. Wilson's *Eurika Street*, S. Deane's *Reading in the Dark*, G. Patterson's *The International*) and *The Irish Times* (rubric “Opinions”, 1996, 245 texts) are chosen for the research. 1996 is chosen as one of the acute moments of the standoff for the reason of ceasefire cessation. The paper provides theoretical underpinning for the approaches to terminology used, describes the developed methodology and presents the results for the media discourse analysis.

In this research discourse is understood as a complex communicative-cognitive issue capturing both texts and extra linguistic factors. The authors consider the novels and newspapers to be essentials of the whole issue rhetoric, understanding media and literary discourses as parts of public discourse.

The concept “The Troubles” is understood as a dynamic structured cognition of the idea of ethno-political, religious and territorial relations between Catholics and Protestants in the Northern Ireland unambiguously perceived by the recipients as a conflict.

The first methodological step of the research is definitional analysis of “The Troubles”. It resulted in grouping its cognitive criteria: Political Organizations, Political Orientation, War, Religion, Authorities, Election, Media, Peace, People, Place, Conversation. The second step is building the core and the periphery of the concept using AntConc3.2.4w software and principles of corpus linguistics. The third is analyzing language features of “The Troubles” nominative field. The final step is describing cultural and evaluating particularity of the language features described.

The authors concluded that the ideas of conflicting parts exclusiveness are in the core of the concept, with Participants and Places of the events substantially presented. However, the cognitive criteria, sociocultural markers, characterized by striving for peaceful reconciliation of counterparts should not

be underestimated, for they build the basis for the concept language representation upsides with the main cognitive criteria. *The Irish Times* in its entirety upholds a rather neutral presentation of “The Troubles”, while in the literary discourse the situation may be adverse.

The investigated time period and the only rubric “Opinions” restrict the research. The media discourse is much more diverse. But these restrictions make it possible to proceed with describing the evaluative features of the concept as well as with investigating other media materials, for example, movies.

References

1. Gromyko, A.A. (2002) Usmirenie terrorizma: Opyt Velikobritanii [The redemption of terrorism: British experience]. In: Sharavin, A.A. & Markedonov, S.M. (eds) *Terrorizm i politicheskiy ekstremizm: poiski adekvatnykh otvetov* [Terrorism and political extremism: finding adequate responses]. Moscow: IPVA.
2. Cottle, S. (1997) Reporting the Troubles in Northern Ireland: Paradigms and Media Propaganda. *Critical Studies in Mass Communications*. 14. pp. 282–296.
3. Abassi, Z. & Soubiale, N. (2006) The Times and the Nothern Ireland Conflict. *Estudios Irlandeses*. 1. pp. 1–15.
4. Malo, J., Ouellette, V. & Vučetić, S. (2014) Simplifying Terrorism: An Analysis of Three Canadian Newspapers, 2006–2013. *Canadian Political Science Review*. 8:2. pp. 59–73.
5. Dijk, T. van. (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Translated from English. Moscow: Knizhnyy dom “LIBROKOM”.
6. Kubryakova, E.S. (2012) V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of language]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive studies]. Moscow: Znanie.
7. Ogneva, E.A. (2013) *Kognitivnoe modelirovanie kontseptošfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the conceptual sphere of the artistic text]. Moscow: Editus.
8. Shirkov, Yu.E. (2012) Sotsial'noe perezhivanie sotsial'nykh problem v obshchestvennom diskurse [Social experience of social problems in public discourse]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 6. [Online] Available from: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/6/Shirkov_The-Social-Feeling/. (Accessed: 28th November 2016).
9. Tarasova, I.A. (2010) Khudozhestvennyy kontsept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya [Artistic concept: a dialogue of linguistics and literary criticism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 4 (2). pp. 742–745.
10. Klebanova, N.G. (2005) *Formirovanie i sposoby reprezentatsii individual'no-avtorskikh kontseptov v angloyazychnykh prozaicheskikh tekstakh* [Formation and ways of representation of individual-author's concepts in English-language prose texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
11. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategorija [Artistic concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova*. 4.
12. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language]. Voronezh: Istoki.
13. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org>.
14. The Irish Times. (1996) Editorials. *The Irish Times*. January–December 1996. [Online] Available from: <http://www.irishtimes.com/search/search-7.1213540>.
15. Wilson, R.M. (1998). *Eurika Street*. London: Vintage Random House.
16. Deane, S. (1996) *Reading in the dark*. New South Wales, Australia: Random House Australia Limited.

RELIGION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	RELIGION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	RELIGION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР- ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Church	Church 101/28	Church 101/28
Protestantism	Protestantism 982/4	
Catholic	Catholic 27/84	Catholic 27/84
Catholics	Catholics 37/66	Catholics 37/66
Protestant	Protestant 36/67	Protestant 36/67
Protestants	Protestants 44/58	Protestants 44/58
God	God 116/25	God 116/25
Religious	Religious 1458/28	
Easter	Easter 230/14	Easter 230/14
Christmas	Christmas 386/9	
Roman	Roman 459/8	
Christian	Christian 509/7	
<i>Sectarianism</i>		
<i>Altar</i>		
<i>Clerical</i>		
<i>Religion</i>		
<i>Churches</i>		

WAR КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	WAR КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	WAR КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
IRA	IRA 1/805	IRA 1/805
Violence	Violence 95/294	Violence 95/294
Violent	Violent 1089/32	
War	War 84/34	War 84/34
Murder	Murder 487/82	
Bomb	Bomb 440/84	
Doubt	Doubt 418/85	
Conflict	Conflict 484/71	
Difficult	Difficult 485/71	
Problem	Problem 578/63	
Fear	Fear 681/57	
Threat	Threat 653/58	
Crime	Crime 673/54	
Pressure	Pressure 822/50	
Attack	Attack 694/50	
Failure	Failure 819/48	
Failed	Failed 812/46	

Arms	Arms 872/44	
Armed	Armed 871/42	
Murdered	Murdered 827/45	
Murders	Murders 1050/37	
Killing	Killing 835/44	
Struggle	Struggle 839/44	
Bombing	Bombing 876/39	
Anger	Anger 1018/37	
Condemn	Condemn 1020/37	
Condemnation	Condemnation 1367/32	
Death	Death 1065/36	
Weapons	Weapons 1037/36	
Risk	Risk 1062/34	
Difficulties	Difficulties 1068/33	
Drugs	Drugs 139031	
Dead	Dead 1173/3	
Blame	Blame 1119/30	
Danger	Danger 1121/30	
Breakdown	Breakdown 1347/28	
Gun	Gun 1435/27	
Killed	Killed 1353/28	
Refusal	Refusal 1357/28	
Bloody	Bloody 340/10	
Shot	Shot 1454/24	
Died	Died 1470/23	
Terrorist	Terrorist 1483/23	
Collapse	Collapse 1499/22	
Overwhelming	Overwhelming 1511/22	
Criminal	Criminal 514/7	
Crime	Crime 673/54	
Threatened	Threatened 1522/21	
Victims	Victims 1555/21	
Atrocity	Atrocity 1572/20	
Provocative	Provocative 1592/20	
Attacks	Attacks 2068/18	
Criticism	Criticism 2071/18	
Grave	Grave 2082/18	
Strike	Strike 1969/2	
Gang	Gang 605/6	
Death	Death 1065/36	
Hunter	Hunter 1795/2	
Skepticism	Skepticism 1284/3	
Battle	Battle 1633/2	
Destruction	Destruction 1708/2	
<i>Suffered</i>		
<i>Tough</i>		
<i>Abandon</i>		
<i>Abuse</i>		
<i>Fight injured</i>		
<i>Outrage</i>		
<i>Suspicion</i>		

<i>Bigotry</i>		
<i>Fault</i>		
Offensive		
<i>Sad</i>		
<i>Securing</i>		
<i>Boycott</i>		
<i>Mistrust</i>		
<i>Cynical</i>		
<i>Despair</i>		
<i>Discrimination</i>		
<i>Evil</i>		
<i>Fascist</i>		
<i>Inflict</i>		
<i>Insult</i>		
<i>Prison</i>		
<i>Provoked</i>		
Radical		
<i>Scandal</i>		
<i>Separate</i>		
Suspect tragic		
<i>Absurd betrayal</i>		
Conflicting		
<i>Deadlock</i>		
<i>Explosives</i>		
<i>Fighting</i>		
<i>Hatred</i>		
<i>Injuries</i>		
<i>Militant</i>		
<i>Pessimism</i>		
<i>refugees</i>		
<i>Terror</i>		
<i>Abuses</i>		
<i>Afraid</i>		
<i>Allies</i>		
<i>Ambiguity</i>		
<i>Destroy</i>		
<i>Disagree</i>		
<i>Explosive</i>		
<i>Frustration</i>		
<i>Harm</i>		
<i>Hell</i>		
<i>Injustice</i>		
<i>Oppose</i>		
<i>Opposing</i>		
<i>Partition</i>		
<i>Pressures</i>		
<i>Wall scandals</i>		
<i>Shoot</i>		
<i>Unacceptable</i>		
<i>Uncertain</i>		
<i>Uneasy</i>		
<i>Victim</i>		

<i>Vulnerable</i>		
<i>Arrested</i>		
<i>Bombers</i>		
<i>Burning</i>		
<i>Complaints</i>		
<i>Confront</i>		
<i>Confronted</i>		
<i>Deadly</i>		
<i>Defeated</i>		
<i>Disagreement</i>		
<i>Dismiss</i>		
<i>Disturbing</i>		
<i>Escalation</i>		
<i>Extremists</i>		
<i>Intolerance</i>		
<i>Jail</i>		
<i>Obstacle</i>		
<i>Pessimistic</i>		
<i>Prejudice</i>		
<i>Provocation</i>		
<i>Shocked</i>		
<i>Threaten</i>		
<i>Tragically</i>		
<i>Unemployment</i>		
<i>Affect</i>		
<i>Aggressive</i>		
<i>Alienating</i>		
<i>Alienation</i>		
<i>Ambiguities</i>		
<i>Ban</i>		
<i>Bitterness</i>		
<i>Brutal</i>		
<i>Brutality</i>		
<i>Confusion</i>		
<i>Distractive</i>		
<i>Distrust</i>		
<i>Enemies</i>		
<i>exploded</i>		
<i>Explosion</i>		
<i>False</i>		
<i>Fascism</i>		
<i>Hostile</i>		
<i>Hurt</i>		
<i>Hysteria</i>		
<i>Incidents</i>		
<i>Offences</i>		
<i>Pain</i>		
<i>Provoke</i>		
<i>Savage</i>		
<i>Shame</i>		
<i>tragedy</i>		
<i>Undemocratic</i>		

<i>Weapon</i>		
<i>Weary</i>		
<i>Wreck</i>		
<i>Ammunition</i>		
<i>Blamed</i>		
<i>Blooded</i>		
<i>Bullet</i>		
<i>Buried</i>		
<i>Complexities</i>		
<i>Controversy</i>		
<i>Disappointment</i>		
<i>Disaster</i>		
<i>Dreadful</i>		
<i>Fatal</i>		
<i>Feared</i>		
<i>Funerals</i>		
<i>Gangs</i>		
<i>Grievances</i>		
<i>Hysterical</i>		
<i>Outraged</i>		
<i>Quarrel</i>		
<i>Ruin</i>		
<i>Skeptical</i>		
<i>Shocking</i>		
<i>Shooting</i>		
<i>Shut</i>		
<i>Struggling</i>		
<i>Terrified</i>		
<i>Tears</i>		
<i>Unhappiness</i>		
<i>Worry</i>		
<i>Abandoning</i>		
<i>Abused</i>		
<i>Accidental</i>		
<i>Accusing</i>		
<i>Aggression</i>		
<i>Ambivalence</i>		
<i>Angry</i>		
<i>Assault</i>		
<i>Blown</i>		
<i>Bombed</i>		
<i>Breaking</i>		
<i>Breaks</i>		
<i>Combat</i>		
<i>Conjure</i>		
<i>Destroyed</i>		
<i>Disruption</i>		
<i>Disbelief</i>		
<i>Dismay</i>		
<i>Fatally</i>		
<i>Fearful</i>		
<i>Firing</i>		

<i>Frightened</i>		
<i>Ghettos</i>		
<i>Harsh</i>		
<i>Horror</i>		
<i>Hypocritical</i>		
<i>Impoverished</i>		
<i>Inconsistency</i>		
<i>Inflicting</i>		
<i>Intolerant</i>		
<i>Misunderstandings</i>		
<i>Offence</i>		
<i>Oppression</i>		
<i>Paranoia</i>		
<i>Powerless</i>		
<i>Prejudices</i>		
<i>Problematical</i>		
<i>Suffer</i>		
<i>wrapped</i>		
<i>Difficulty</i>		
<i>Dangerous</i>		
<i>Guns</i>		
<i>Crimes</i>		
<i>Crises</i>		
<i>deaths</i>		
<i>Grief</i>		
<i>Shock</i>		
<i>Confrontation</i>		
<i>Damage</i>		
<i>Defeat</i>		
<i>Depressing</i>		
<i>Funeral</i>		

AUTHORITIES КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	AUTHORITIES КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	AUTHORITIES КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР- ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Government	Government 11/ 181	Government 11/181
Council	Council 137/22	Council 137/22
Authorities	Authorities 900/4	
Commission	Commission 227/14	Commission 227/14
Administration	Administration 1603/2	
Coalition	Coalition 721/5	
Cabinet	Cabinet 595/6	
Association	Association 444/8	
Committee	Committee 510/7	
Constitution	Constitution 596/6	
Crown	Crown 1168/3	
Establishment(s)	Establishment(s) 1504/22	
<i>Summit</i>		

<i>Parliamentary</i>		
<i>Veto</i>		
<i>Parliament</i>		
<i>Institutions</i>		
<i>Alliance</i>		

CONVERSATION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	CONVERSATION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	CONVERSATION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР- ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Talks	Talks 62/415	Talks 62/415
Debate	Debate 791/48	
Meeting	Meeting 797/50	
Meetings	Meetings 1590/20	
Dialogue	Dialogue 853/42	
Negotiations	Negotiations 366/102	
Negotiate	Negotiate 154/21	Negotiate 154/21
Negotiated	Negotiated 2086/18	
Saying	Saying 888/39	
Answers	Answers 897/4	
Conference	Conference 274/12	Conference 274/12
Argument	Argument 1033/36	
Argued	Argued 1328/ 29	
Language	Language 1069/33	
Talking	Talking 1072/33	
Message	Message 1083/32	
Agenda	Agenda 1327/29	
Discussions	Discussions 1349/28	
Speech	Speech 1384/27	
Declared	Declared 1398/26	
Declaration	Declaration 138/22	Declaration 138/22
Persuade	Persuade 1428/25	
Proposal	Proposal 869/40	
Proposed	Proposed 1521/22	
<i>Rhetoric</i>		
<i>Justify</i>		
<i>Legitimate</i>		
<i>Comments</i>		
<i>Propaganda</i>		
<i>Speculation</i>		
<i>Debated</i>		
<i>Legitimacy</i>		
<i>Ideology</i>		
<i>Dispute</i>		
<i>Referendums</i>		
<i>Public</i>		
<i>Publicly</i>		

<i>arguing</i>		
<i>Debates</i>		
<i>Discuss</i>		
<i>Declare</i>		
<i>Discussion</i>		

ELECTION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	ELECTION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	ELECTION КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР- ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Election	Election 335/101	
Majority	Majority 337/98	
Elected	Elected 549/67	
Elections	Elections 729/5	
Minority	Minority 1024/ 37	
Vote	Vote 1111/31	
<i>Votes</i>		
<i>Voters</i>		
<i>Voted</i>		
<i>Voting</i>		
<i>electorate</i>		

MEDIA КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОРКИ	MEDIA КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	MEDIA КОГНИТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Media	Media 680/55	
News	News 281/12	News 281/12
RTE	RTE 99/29	RTE 99/29
Interview	Interview 1376/27	
Newspaper	Newspaper 1560/23	
Newspapers	Newspapers 2087/18	
Published	Published 1477/23	
Radio	Radio 457/8	
BBC	BBC 148/21	
Television	Television 2049/19	
Guardian	Guardian 394/9	
TV	TV 648/6	
CMT	CMT 916/4	
<i>Observer</i>		
<i>Publication</i>		
<i>Press</i>		

PEACE КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	PEACE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	PEACE КОГНИТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Peace	Peace 78/407	Peace 78/407
Ceasefire	Ceasefire 100/279	Ceasefire 100/279
<i>Cease</i>		
Support	Support 371/93	
Agreement	Agreement 182/17	Agreement 182/17
Compromise	Compromise 495/74	
Hope	Hope 376/95	
<i>Hoped</i>		
<i>hopes</i>		
life	Life 474/77	
Order	Order 97/29	Order 97/29
Constitutional	Constitutional 666/60	
Progress	Progress 59/57	Progress 59/57
Human	Human 1015/42	
Proposal	Proposal 869/40	
Efforts	Efforts 879/39	
<i>efforts</i>		
Attempt	Attempt 1009/38	
<i>attempts</i>		
Declaration	Declaration 138/22	
Opportunity	Opportunity 1059/34	
Respect	Respect 1061/34	
Acceptance	Acceptance 1131/32	
Cessation	Cessation 1076/32	
Peaceful	Peaceful 11/06/31	
Positive	Positive 1124/30	
Solution	Solution 1336/29	
Chance	Chance 1348/28	
Accepted	Accepted 1368/27	
Freedom	Freedom 1375/27	
Optimism	Optimism 1426/25	
Liberties	Liberties 749/5	
Secure	Secure 1548/21	
security	Security 640/6	
<i>Secured</i>		
Constructive	Constructive 1577/20	
Trust	Trust 2097/18	
Treaty	Treaty 324/11	
Presbyterian	Presbyterian 540/7	
Christianity	Christianity 719/5	
Save	Save 1941/2	
<i>Credibility</i>		
<i>Plausible</i>		

<i>Disarmament</i>		
<i>Optimistic</i>		
<i>Sympathy</i>		
<i>Comfort</i>		
<i>safe</i>		
<i>unarmed</i>		
<i>Civilized</i>		
<i>Innocence</i>		
<i>Integrity</i>		
<i>Justified</i>		
<i>Safety</i>		
<i>Tolerate</i>		
<i>Ceased</i>		
<i>Harmless</i>		
<i>Honest</i>		
<i>Solidarity</i>		
<i>Courageous</i>		
<i>Tolerance</i>		
<i>Surrender</i>		
<i>Harmony</i>		
<i>Solutions</i>		
<i>Solved</i>		
<i>Sovereignty</i>		
<i>Dignity</i>		
<i>Disarm</i>		
<i>Fairness</i>		
<i>Improvement</i>		
<i>Integration</i>		
<i>safely</i>		
<i>Fair</i>		
<i>Agree</i>		

PEOPLE КОГНИТИВНЫЕ РЕ- ПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОР- КИ	PEOPLE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕ- ВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	PEOPLE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
People	People 54/498	People 54/498
Unionist	Unionist 52/50	Unionist 52/50
Gerry Adams	Gerry Adams 9/197	Gerry Adams 9/197
John Major	John Major 10/194	John Major 10/194
John Bruton	John Bruton 19/109	John Bruton 19/109
David Ervine	David Ervine 140/22	David Ervine 140/22
George Mitchel	George Mitchel 187/17	George Mitchel 187/17
Community	Community 269/123	Community 269/123
Politicians	Politicians 336/108	
Men	Men 328/107	
Loyalists	Loyalists 1066/36	

Nationalists	Nationalists 425/100	
Gary McMichael	Gary McMichael 400/9	
Leaders	Leaders 416/91	
Minister	Minister 34/68	Minister 34/68
Ministers	Ministers 453/8	
Taoiseach	Taoiseach 31/77	Taoiseach 31/77
Society	Society 571/67	
Communities	Communities 477/22	
Paramilitaries	Paramilitaries 690/51	
Men	Men 328/107	
Ian Paisley	Ian Paisley 47/53	Ian Paisley 47/53
Republicans	Republicans 765/5	
Women	Women 409/9	
McGuinness	McGuinness 57/48	McGuinness 57/48
Representatives	Representatives 815/46	
Sides	Sides 816/46	
Anyone	Anyone 1014/42	
Everyone	Everyone 520/7	
Group	Group 941/4	
Member	Member 885/39	
McCabe	McCabe 70/39	McCabe 70/39
Person	Person 886/39	
President	President 98/29	
Children	Children 1048/37	
Collins	Collins 73/37	Collins 73/37
Loyalists	Loyalists 1066/36	
Clinton	Clinton 76/36	Clinton 76/36
Groups	Groups 1056/34	
Garvaghy	Garvaghy 88/32	Garvaghy 88/32
Supporters	Supporters 1087/32	
Mayhew	Mayhew 92/31	Mayhew 92/31
Population	Population 1107/31	
McCartney	McCartney 96/29	McCartney 96/29
Officials	Officials 1354/28	
senator	Senator 122/25	
Orangemen	Orangemen 120/25	Orangemen 120/25
Brendan	Brendan 184/17	Brendan 184/17
Secretary	Secretary 143/22	Secretary 143/22
Boys	Apprentice Boys 149/21	Apprentice Boys 149/21
Family	Family 1743/2	
Constable	Constable 171/18	Constable 171/18
McLaughlin	McLaughlin 153/21	McLaughlin 153/21
Prisoners	Prisoners 1915/2	
Washington	Washington 108/28	Washington 108/28
Veronica Guerin	Veronica Guerin 160/20	Veronica Guerin 160/20
Residents	Residents 1280/3	
Priests	Priests 1913/2	
The Tanaiste	The Tanaiste 166/19	The Tanaiste 166/19
Simon de Valera	Simon de Valera 167/19	Simon de Valera 167/19
Doherty	Doherty 186/17	Doherty 186/17
Alderdice	Alderdice 253/13	Alderdice 253/13

Taylor	Taylor 190/17	Taylor 190/17
Mother	Mother 970/4	
Gael	Gael 233/14	Gael 233/14
Robinson	Robinson 242/14	Robinson 242/14
Whelan	Whelan 245/14	Whelan 245/14
Haughey	Haughey 256/13	Haughey 256/13
Archbishop	Archbishop 272/12	Archbishop 272/12
Owen	Owen 283/12	Owen 283/12
Politicians	Politicians 336/108	
Tories	Tories 288/12	Tories 288/12
Workers	Workers 1323/3	
Diarmuid	Diarmuid 308/11	
Provos	Provos 318/11	
Queen	Queen 358/10	
Bishop	Bishop 383/9	
Deputies	Deputies 1176/3	
Donnel	Donnel 342/10	
Provisionals	Provisionals 356/10	
Annesley	Annesley 382/9	
Elizabeth	Elizabeth 392/9	
Mallon	Mallon 398/9	
Volunteers	Volunteers 999/4	
Smyth	Smyth 461/8	
Fergus Finlay	Fergus Finlay 450/8	
Connell	Connell 511/7	
Coogan	Coogan 512/7	
Byrne	Byrne 506/7	
Gallaugh	Gallaugh 523/7	
Irishlanders	Irishlanders 528/7	
Flanagan	Flanagan 601/6	
German	German 606/6	
Harney	Harney 610/6	
Gumen	Higgins 612/6	
Irishmen	Irishmen 613/6	
Molyneaux	Molyneaux 620/6	
Representatives	Monaghan 621/6	
Volunteers	Pearse 630/6	
Thatcher	Thatcher 643/6	
Brits	Brits 714/5	
Churchill	Churchill 720/5	
Smyth	Conservatives 725/5	
Cumann	Cumann 924/4	
Enniskillen	Enniskillen 731/5	
Fitzgerald	Fitzgerald 935/4	
Flaherty	Flaherty 735/5	
Eamus	Ivan Johnston 743/5	
Kennedy	Kennedy 747/5	
Kildare	Kildare 748/5	
McLaughtry	McAughtry 752/5	
Morrison	Morrison 753/5	
Stevenson	Stevenson 774/5	
Traynor	Traynor 778/5	

Wilson	Wilson 782/5	
Flanagan	Blair 904/4	
Gallagher	Ceann 911/4	
German	Comhairle 17/4	
Connolly	Connolly 920/4	
Harney	Conor 921/4	
Higgins	Donoghue 928/4	
Irishmen	Harris 943/4	
Harryville	Harryville 944/4	
Kelly	Kelly 957/4	
Pearse	Pearse 630/6	
Kilcock	Kilcock 959/4	
Maynooth	Maynooth 964/4	
Mcgimpsey	McGimpsey 965/4	
Meissner	Meissner 966/4	
Neeson	Neeson 972/4	
Cumann	Cumann 924/4	
Kildare	Kildare 748/5	
Blair	Blair 904/4	
Ceann	Ceann 911/4	
Comhairle	Comhairle 917/4	
Conor	Conor 921/4	
Democrats	Democrats 1703/2	
Mallon	Mallon 398/9	
<i>Protesters</i>		
<i>Religionists</i>		
<i>Reporters</i>		
<i>Safeguards</i>		
<i>troops</i>		
<i>Gardi</i>		
<i>Guard</i>		
<i>Crowds</i>		
<i>Daughter</i>		
<i>Defenders</i>		
<i>Persons</i>		
<i>Citizens</i>		
<i>Families</i>		
<i>Followers</i>		
<i>Observers</i>		
<i>Officers</i>		
<i>Prisoner</i>		
<i>Callagan</i>		
<i>Councillor</i>		
<i>Spokesman</i>		
<i>Activists</i>		
<i>Soldiers</i>		
<i>Clergy</i>		
<i>neighbours</i>		
<i>Officer</i>		
<i>Criminals</i>		
<i>Peacemakers</i>		

<i>Spokesperson</i>		
<i>Fellow</i>		
<i>Killers</i>		
<i>Advisors</i>		
<i>Bigots</i>		
<i>Bishops</i>		
<i>Gonigle</i>		
<i>Lads</i>		
<i>Negotiators</i>		
<i>Policemen</i>		
<i>Supporter</i>		
<i>Separatists</i>		
<i>Writer</i>		
<i>Boy</i>		
<i>Brothers</i>		
<i>Candidates</i>		
<i>Citizen</i>		
<i>civilians</i>		
<i>participants</i>		
<i>Kids</i>		
<i>Child</i>		
<i>Informer</i>		
<i>Inhabitants</i>		
<i>Masters</i>		
<i>Folk</i>		
<i>Journalists</i>		
<i>commentators</i>		
<i>Chairman</i>		
<i>Militarists</i>		
<i>Unionists</i>		

POLITICAL ORGANIZATIONS КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОРКИ	POLITICAL ORGANIZATIONS КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	POLITICAL ORGANIZATIONS КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Sinn Fein	Sinn Fein 2/581	Sinn Fein 2/581
Parties	Parties 169/178	Parties 169/178
Orange	Orange 28/83	Orange 28/83
Fianna Fail	Fianna Fail 24/92	Fianna Fail 24/92
Garda (An Garda Siochana)	Garda (An Garda Siochana) 30/82	Garda (An Garda Siochana) 30/82
SDLP	SDLP 32/73	SDLP 32/73
RUC	RUC 38/65	RUC 38/65
Paramilitary	Paramilitary 820/48 (10 употреблений с jrganisations)	
Army	Army 254/13	Army 254/13
Office	Office 625/6	
UUP	UUP 145/22	

Provisional (IRA)	Provisional (IRA) 317/11	
UDP	UDP 466/8	
UVF	UVF 264/13	UVF 264/13
PDS		
SGT		

POLITICAL ORIENTATION КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОРКИ	POLITICAL ORIENTATION КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	POLITICAL ORIENTATION КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Nationalism	Nationalism 689/51 (с Irish 11 употреблений, с republican – 0)	
Nationalist	Nationalist 267/140	Nationalist 267/140
Republic	Republic 43/60	Republic 43/60
Republicans	Republicans 766/5	
Democratic	Democratic 229/14	Democratic 229/14
Democracy	Democracy 1459/26	
Union	Union 71/39	Union 71/39
Unionism	Unionism 85/47	Unionism 85/47
Unity	Unity 1519/22	
Labour	Labour 64/42	Labour 64/42
Conservative	Conservative 207/15	Conservative 207/15
Orangeism	Orangeism 1258/3	
Liberal	Liberal 1829/2	
Loyalism		

PLACE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ СПЛОШНОЙ ВЫБОРКИ	PLACE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ СПИСКА КЛЮЧЕВЫХ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность	PLACE КОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ИЗ ТОР-ВЫБОРКИ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ AntConc3.2.4w рейтинг/частотность
Ireland	Ireland 4/562	Ireland 4/562
North	North 12/180	North 12/180
Drumcree	Drumcree 17/126	Drumcree 17/126
Derry	Derry 45/55	Derry 45/55
Dublin	Dublin 14/136	Dublin 14/136
London	London 18/119	London 18/119
Britain	Britain 20/108	Britain 20/108
Ulster	Ulster 23/99	Ulster 23/99
Belfast	Belfast 26/85	Belfast 26/85
Road	Island 473/75	
South	South 46/55	South 46/55
Southern	Road 59/47	Road 59/47
Street	Street 66/41	Street 66/41
Canary Wharf	Canary Warf 51/51	Canary Warf 51/51
Manchester	Manchester 104/28	Manchester 104/28
Portadown	Portadown 106/28	Portadown 106/28

Border	Border 156/20	Border 156/20
Westminster	Westminster 133/23	Westminster 133/23
Kingdom	Kingdom 177/18	Kingdom 177/18
England	England 158/20	England 158/20
Europe	Europe 159/20	Europe 159/20
Lisburn	Lisburn 199/16	Lisburn 199/16
Africa	Africa 205/15	Africa 205/15
County	County 725/5	
Ormeau	Ormeau 240/14	Ormeau 240/14
EU	EU 276/12	EU 276/12
Places	Place305/ 110	
UK	UK 325/11	
Germany	Germany 344/10	
Cork	Cork 387/9	
Donegal	Donegal 449/8	
Sunningdale	Sunningdale 462/8	
Armagh	Armagh 503/7	
France	France 522/7	
Holland	Holland 526/7	
Waterford	Waterford 547/7	
Ballymena	Ballymena 591/6	
Leinster	Leinster 616/6	
Bogside	Bogside 905/4	
Brussels	Brussels 909/4	
Curragh	Curragh 925/4	
Windsor	Windsor 1003/4	
<i>Cities</i>		
<i>Province</i>		
<i>Territory</i>		
<i>Towns</i>		
<i>Villages</i>		
<i>District</i>		
<i>Districts</i>		
<i>Islands</i>		
<i>Counties</i>		
<i>Scott village</i>		
<i>Anrim</i>		

УДК 811. 133. 1: 81'367.7
DOI: 10.17223/19986645/48/3

А.В. Лепетюха

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье анализируются взаимосвязи и степень семантико-прагматической близости между микрополями членов синонимического ряда в пределах функционально-семантического макрополя синтаксической синонимии на уровне моно- и полипредикативных высказываний. В результате исследования устанавливается, что преференциальная синонимическая конструкция, семантически адекватная и синтаксически неадекватная языковой стержневой структуре, актуализируется в определённом ко(н)тексте в виде речевой инновации согласно интенции коммуниканта.

Ключевые слова: *ко(н)текст, преференциальная конструкция, речевая инновация, синтаксическая синонимия, стержневая структура, функционально-семантический макрополе.*

В современном языкознании используется полевой поход для описания рече-языковых знаков разных синтаксических уровней. В рамках полевой структуры синонимов изучается совокупность рече-языковых единиц, отображающих понятийное, предметное сходство и объединяющихся на основе сходства значений, которые они выражают (семантический принцип), или сходства функций, которые они выполняют (функциональный принцип), или же на основе комбинации этих двух аспектов (функционально-семантический принцип). Учёные выделяют разные типы синонимических полей в зависимости от структурно-семантических особенностей лингвистических единиц, которые являются компонентами полевой структуры: отдельные лексемы создают лексические или лексико-семантические поля; при объединении разноуровневых рече-языковых знаков формируются «грамматико-лексические» [1. С. 13] или «функционально-семантические» [2. Т. 43. С. 494] полевые структуры. Так, З.Н. Вердиева определяет синонимическое поле как «совокупность слов разных частей речи, объединённых общностью выражения одного понятия» [3. С. 4]. А.В. Бондарко понимает поле как «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формирующееся грамматическими (морфологическими и синтаксическими) способами данного языка вместе со взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразующими элементами, относящимися к той же семантической зоне» [4. С. 40].

Таким образом, функционально-семантическое поле (ФСП) синонимии рассматривается как система разноуровневых языковых средств с общими инвариантными семантическими характеристиками, объединяющимися по принципу сходства и взаимодействия их семантических функций в речи.

При изучении структуры каждого поля анализируется иерархия его языковых составляющих, относящихся к грамматическому центру или к периферии, а также принципы взаимодействия центральных и периферийных компонентов поля. Современные зарубежные и отечественные лингвисты указывают на неоднородность и сложность полевой структуры синтаксической синонимии (далее – СС), которую возможно представить в виде горизонтальной (синтагматической) оси [5. С. 18], где расположено микрополе стержневой синтаксической структуры (денотативного ядра), вокруг которой разворачиваются синонимические отношения, и вертикальной (парадигматической) оси, где размещаются микрополя всех виртуальных (системных) синонимических представлений (сателлитов) стержневой структуры, актуализирующихся в определённых ко(н)текстах в виде различных синтаксических опций. По мнению Н.В. Катковой, синтагматическая и парадигматическая оси СС формируют когнитивное пространство: на когнитивно-семантической (синтагматической) оси создаются смысловые (концептуальные) структуры, лежащие в основе лексико-семантического наполнения высказывания; когнитивно-синтаксическая (парадигматическая) ось организует глубинные синтаксические структуры, имеющие типовые значения для национального языка [6. С. 6].

Синтаксические микрополя как отдельные семантические группировки представляют собой разнооформленные синонимические модели, имеющие сходные подзначения. Совокупность компонентов синтагматической и парадигматической осей образует функционально-семантическое макрополе СС. В ядерной части ФСП синтаксической синонимии концентрируются полеобразующие признаки, на периферии – неполный набор признаков или возможное ослабление их интенсивности [7. С. 233]. Как любая полевая структура, поле СС характеризуется аттракцией, которая выражается в том, что «благодаря существованию данной группы элементов с общим признаком в него включаются новые элементы с таким же признаком» [8. С. 101]. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно, выделяется ряд периферийных зон, в разной степени удалённых от ядра [9. С. 41]. При этом внутри макрополя наблюдаются разные степени пересечения семантических значений микрополей составляющих компонентов периферии между собой и с микрополем ядерной структуры.

В ФСП синтаксической синонимии в зависимости от природы исходной лексической единицы или «главенствующей лексемы» («*tête lexicale*», по терминологии А. Абейе [10. С. 136]) каждой синонимической синтагмы или пропозиции целесообразно выделить такие категориальные типы микрополей: процессуальные или результативные (с ключевой лексемой предикатом / деепричастием), предметные (с ядерным компонентом субстантивом, местоимением, числительным), непроцессуально- или нерезультативно-признаковые (со стержневой лексемой прилагательным или причастием с атрибутивной функцией) и процессуально- или результативно-признаковые (с главенствующей лексемой наречием или причастием с адвербиальной функцией). Внутри виртуальных микрополей происходят постоянные перестройки синтаксических и семантико-прагматических отношений между их конституентами в зависимости от ко(н)текста: между ключевой лексемой и её

модификатором (частью речи, которая не называет и не характеризует понятий, а выражает возможные отношения, устанавливающиеся между ними, т.е. выполняет транспредикативные функции), а также между периферийными и главенствующей лексемами (иерархические отношения первого уровня). В свою очередь, макрополе СС формируется из микрополей синтагматической или пропозициональной стержневой структуры и синонимического (парадигматического) ряда синтаксически разнооформленных конструкций-трансформов, актуализация которых остаётся потенциальной. Все синтагматические или пропозициональные компоненты макрополя вступают в различные семантико-прагматические отношения второго уровня в речи.

При анализе полевой структуры СС и выделении доминанты синонимических рядов большинство исследователей не учитывают дихотомии язык / речь в процессе каузации (порождения) рече-языковых знаков. С этой позиции целесообразно определить доминанту синонимического ряда СС как речевую инновацию, или «субъективему» (по терминологии К. Кербера-Орекьюни [11. С. 174]), реализованную в определённом ко(н)тексте в виде преференциальной конструкции (синтагмы или высказывания) согласно интенции говорящего. При этом все остальные члены синонимического ряда являются потенциальными доминантами, актуализирующими в разных коммуникативных ситуациях.

Таким образом, синонимические ряды «заложены» в когнитивную модель коммуниканта, аккумулируя и фиксируя знания людей, которые они получают в результате познания окружающего мира. Специфика синонимического ряда состоит в том, что он наиболее ярко отображает динамику освоения мира человеком. Синонимический ряд целесообразно рассматривать как систему разнооформленных лингвистических (виртуальных) трансформов определённой стержневой структуры, которые объединяются благодаря выражению сходных синтаксических и семантико-прагматических отношений. Он характеризуется открытостью, незаконченностью, способностью к модификации, расширению, сокращению в зависимости от намерения говорящего и ко(н)текстуального окружения. Аранжировка лексем в синтагмах и высказываниях является «следствием субъективной неопределенности и сложности восприятия разнообразных объектов реальной жизни разными говорящими» [12. С. 166]. Итак, особенности построения синтагм и высказываний с СС дают возможность вывести на первый план индивидуальное восприятие мира субъектом речи.

Для выражения целевых, причинно-следственных, ирреальных, темпоральных, пространственных и т.д. синонимических семантических отношений в языке порождаются и трансформируются разнообразные конструкции, объединяющиеся в один синонимический ряд, преференциальная конструкция которого (доминанта) реализуется в речи.

Схематически функционально-семантическое макрополе СС как рече-языкового образования представлено на рис. 1, где О – микрополе каждого члена виртуального синонимического ряда

Рис. 1

Таким образом, микрополя приблизительной и приближающейся по своему семантическому значению синонимических структур наиболее удалены от виртуальной стержневой конструкции в виде синтагмы или пропозиции; ближе всего к денотативному ядру расположено микрополе семантически адекватного синтаксического трансформа, являющегося преференциальной структурой (сателлитом), актуализирующейся в определённом ко(н)тексте согласно интенции коммуниканта. Необходимо отметить, что, с одной стороны, в синонимическом ряду каждой конкретной конструкции не обязательно должны присутствовать все приведённые типы трансформов. С другой стороны, можно говорить о существовании нескольких микрополей в макрополе СС только для комбинированных конструкций (с двумя или несколькими трансформативными терминальными цепочками), поскольку сингулярные структуры (с одной трансформативной терминальной цепочкой) состоят только из двух микрополей (микрополе стержневой и актуализированной синонимических конструкций).

Каждый субъект речи использует определённую синонимическую опцию в конкретной коммуникативной ситуации согласно принципу пертинентности (уместности).

Теория пертинентности, сформулированная Д. Спербером и Д. Вилсоном, вписывается в поле «когнитивных наук», исследующих функционирование человеческого разума, который, по мнению учёных, подчиняется общему принципу экономии, т.е. принципу пертинентности, руководящему распределением внимания и сцеплением мыслей [13. С. 193]. Этот принцип позволяет понять сущность человеческой коммуникации, которую не в состоянии пояснить различные семиологические модели.

М. Бракопс определяет понятие пертинентности как «принцип интерпретации, служащий основанием инференциальному процессу интерпретации высказываний, который собеседник использует неосознанно» [14. С. 103]. Итак, каждое виртуальное высказывание (пропозиция) содержит презумпцию его оптимальной пертинентности, в то время как каждая актуализированная рече-языковая инновация порождает у говорящего ожидание ко(н)текстуальной пертинентности этого высказывания.

Таким образом, концепция пертинентности занимает центральное место в теории означающего, поскольку оно имеет только одно нюансированное семантическое значение в зависимости от определённого ко(н)текста. Виртуальная пертинентность обусловливает выбор ко(н)текста для когерентной интерпретации дискурсивной единицы и помогает субъекту речи оценить дискурсивные элементы благодаря функции, которую они выполняют в коммуникации. Именно по этой причине в каждом конкретном ко(н)тексте говорящий употребляет один из трансформов синонимического ряда, имеющий актуализированные «особенности с нюансами», сохраняя при этом семантические связи, с одной стороны, со стержневой конструкцией, характеризующейся «особенностями сохранения» (по терминологии Ж. Езена [15. С. 4]) первичного семантического значения, а с другой стороны, с другими членами синонимического ряда.

Проиллюстрируем вышеизложенное конкретными примерами моно- и полипредикативных высказываний с СС:

(1) *Après avoir rangé la vaisselle, les deux femmes se mirent à leur ouvrage* [16. С. 37]. «После того, как они убрали посуду, обе женщины принялись за работу».

Синонимический ряд виртуальных трансформов этой субъективемы с темпоральными семантическими отношениями и с процессуальными микрополями выглядит приблизительно так: *après qu'elles eurent rangé la vaisselle* (стержневая структура) – *après qu'elles rangèrent la vaisselle* (подобная структура) – *après avoir rangé la vaisselle* (преференциальная для данного контекста адекватная структура) – *après que la vaisselle eut été rangée* (близкая структура) – *la vaisselle étant rangée* (приближающаяся структура) – *la vaisselle rangée* (приблизительная структура). Означаемое приведённых синонимических конструкций передаётся различными в структурном плане семантически нюансированными означающими (в приблизительной и приближающейся структурах причастным оборотом с имплицитивным и эксплицированным предикативным элементом (*être* (быть), в близкой – пассивизированной конструкции (*après que la vaisselle eut été rangée* (после того как была убрана посуда), в подобной – предикатом в простом прошедшем времени (*rangèrent* (убрали), в адекватной для данного контекста – инфинитивом в прошедшем

времени (*avoir rangé*). Преференциальная опция (адекватная структура) является ко(н)текстуальной доминантой в соответствии с прагматическим планированием коммуникативной ситуации говорящим.

Семантико-прагматические отношения между микрополями элементов приведённого выше синонимического ряда изображены на рис. 2.

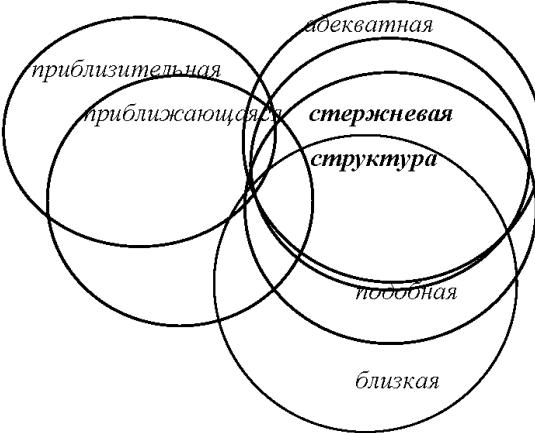

Рис. 2

(2) *Dès son réveil, il fait les cent pas, silencieux* [17. С. 75]. «Как только он проснулся, он молча прошёлся взад и вперёд».

В этом монопредикативном высказывании с темпоральными семантическими отношениями синонимический ряд результативных микрополей СС состоит из следующих компонентов: *dès qu'il se réveille* (стержневая структура) – *une fois (sitôt) réveillé* (приближительная структура) – *dès son réveil* (адекватная структура). Означаемое анализируемой синонимической конструкции также выражается отличающимися в структурном плане означающими (наиболее отдалённая от стержневой структуры приближающаяся конструкция является причастным оборотом с адвербиальным модификатором), адекватная структура актуализируется в виде ко(н)текстуально пертинентной nominalной синтагмы.

Рис. 3

Семантико-прагматические отношения между микрополями членов синонимического ряда приведённого примера см. на рис. 3.

(3) *Détestant l'atmosphère des bureaux, il continuait, comme par le passé, à parcourir les rues de Memphis et à travailler sur le terrain* [18. С. 37]. «Поскольку он ненавидел атмосферу офисов, он продолжал, как в давние времена, бегать по улицам Мемфиса и работать на местах».

Приведённая рече-языковая инновация процессуального макрополя СС характеризуется причинно-следственными семантическими отношениями, реализующимися причастным оборотом *détestant l'atmosphère des bureaux*. Виртуальный синонимический ряд инициальной синтагмы, вероятно, состоит из стержневой конструкции и одного трансформа: *comme il détestait l'atmosphère des bureaux* (поскольку он ненавидел...) или *il détestait l'atmosphère des bureaux, donc...* (он ненавидел атмосферу офисов, поэтому...) (стержневая структура) – *détestant l'atmosphère les bureaux* (адекватная структура). Преференциальная опция является ко(н)текстуально пертинентной конструкцией, так как в ней сохраняются первичные причинно-следственные семантические отношения.

Рис. 4

Макрополе этого монопредикативного высказывания с СС представлено на рис. 4.

Необходимо отметить, что построение каждого синонимического ряда и выявление особенностей семантико-прагматических от ношений между его компонентами являются условными, поскольку процесс трансформации и выбор пертинентной синтаксической конструкции зависят от индивидуальных когнитивных особенностей и креативных способностей каждого субъекта речи, который актуализирует в определённой коммуникативной ситуации преференциальную синтаксическую опцию согласно

своей целевой установке. Однако полевой анализ СС позволяет сделать вывод, что преференциальная конструкция, синтаксически отличающаяся от стержневой структуры, является наиболее приближённой к ней семантически и прагматически, поскольку реализация конкретной речевой инновации но- сит интенциально-ко(н)текстуальный характер.

Литература

1. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. 184 с.
2. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1984. Т. 43, № 6. С. 492–503.
3. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке: учеб. пособие для пед. ин-тов. М., 1986. 120 с.
4. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
5. Doualan G. Introduction à une approche instrumentée de la synonymie. L'exemple du Dictionnaire Électronique des Synonymes du CRISCO. Cahier du CRISCO, Caen, 2011. No. 32. 95 p.
6. Каткова Н.В. Синонимия и обратимость сложных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2004. 20 с.
7. Шкуропацкая М.Г. Цепелева Н.В. Семантическое поле и проблемы синонимии // Филология. Вестн. КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 233–240.
8. Шур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 255 с.

9. Попова З.Д. и др. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989. 200 с.
10. Abeillé A. Verbes «à montée» et auxiliaires dans une grammaire d'arbres adjoints / Linx Modèles linguistiques : convergences, divergences. Revue des linguistes de l'Université Paris Ouest Nanterre la Défense. P., 1998. No. 39. P. 119–158.
11. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. P., 1999. 270 p.
12. Кульгавова Л.В. и др. О значимости контактного и дистантного расположения синонимов в предложении и тексте: Слово в предложении. Иркутск, 2010. С. 169–194.
13. Sperber D., Wilson D. Communication et cognition. P., 1989. 400 p.
14. Bracops M. Introduction à la pragmatique: les théories fondatrices: actes de langage, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée. Bruxelles, 2006. 224 p.
15. Euzenat J. et al. Échanges de connaissance structurée médiatisés par ordinateur // Action Exmo. Rapport d'activité. Rhône-Alpes, 2000. 13 p.
16. Imbrohoris J.-P. Marion du Faoüet. P., 1989. 278 p.
17. Levy M. Les enfants de la liberté. P., 2007. 152 p.
18. Jacq C. La justice du vizir. P., 1994. 379 p.

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF SYNTACTICAL SYNONYMY (ON THE MATERIAL OF MODERN FRENCH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 48–56. DOI: 10.17223/19986645/48/3

Anastasiya V. Lepetukha, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University (Kharkiv, Ukraine). E-mail: lepetukha.anastasiya@mail.ru

Keywords: co(n)text, discourse innovation, functional-semantic field, pivotal structure, preferential construction, syntactical synonymy.

This paper is devoted to the studies of the functional-semantic field (FSF) of syntactical synonymy (SS) in the dichotomy language / discourse. The FSF is considered as a system of linguistic means of different levels with common invariant semantic characteristics that are combined on the basis of similarity and interaction of their semantic functions in the discourse.

The author's aim is to study the virtual (systemic) process of transformation of complex signs – synonymous syntagmas and propositions with different key lexemes, and to determine the co(n)textually dominant synonymous structure.

The used method of reconstruction allows to represent the FSF of SS in the form of a horizontal (syntagmatic) axis where the microfield of the syntactical pivotal structure (nuclear element) is situated, around which synonymous relations unfold; and a vertical (paradigmatic) axis which includes microfields of differently arranged virtual synonymous transforms of the pivotal structure (peripheral elements) actualized in certain co(n)texts in the form of syntactical options. Meanwhile, inside the macrofield different degrees of intersection of semantic significations of microfields of peripheral components and the microfield of the nuclear structure are observed. According to the nature of the key lexeme of each synonymous syntagm or proposition, the following categorical types of microfields are distinguished: processual or resultative (with the key lexeme of a predicate / gerund), substantive (with a nuclear component of a noun, a pronoun, a numeral), non-processual- or non-resultative-indicative (with a dominant lexeme of an adjective or a participle with an attributive function) and processual or resultative-indicative (with a key lexeme of an adverb or a participle with an adverbial function).

As a result of the analysis of the field structure of SS in the dichotomy language / discourse, the dominant of each synonymous series of FSFs is identified. It is defined as a discourse innovation realized in some co(n)text in the form of a preferential construction (syntagm or utterance) with purposive, causative, irreal, temporal, spatial etc. semantic relations according to the intention of the addresser. The other members of synonymous series are potential dominants actualized in different communicative situations. In the functional-semantic macrofield of SS, the microfields of approximating, approaching, close, similar and adequate synonymous structures are distinguished. The latter is realized in the discourse under the principle of pertinence.

Transformation and actualization of the pertinent syntactical construction depend on individual cognitive particularities and creative skills of the subject of speech.

The field analysis of SS allows to make a conclusion that the preferential construction which is syntactically different from the pivotal structure approaches it semantically and pragmatically because all discourse innovations are of intentional-co(n)textual nature.

References

1. Gulyga, E.V. & Shendels, E.I. (1969) *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremenном немецком языке* [Grammatical-lexical fields of modern German]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Bondarko, A.V. (1984) O grammatike funktsionalno-semanticeskikh poley [About grammar of functional-semantic fields]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury iazyka*. 43:6. pp. 492–503.
3. Verdieva, Z.N. (1986) *Semanticheskie polya v sovremenном английском языке* [Semantic fields in modern English]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Bondarko, A.V. (1976) *Teoriya morfologicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad: Nauka.
5. Doualan, G. (2011) Introduction à une approche instrumentée de la synonymie. L'exemple du Dictionnaire Électronique des Synonymes du CRISCO [Introduction in the instrumented approach of synonymy. Exemple of Electronic Dictionary of Synonyms of CRISCO]. *Cahier du CRISCO. – Workbook of CRISCO*. Caen. 32.
6. Katkova, N.V. (2004) *Sinonimiya i obratimost slozhnykh predlozeniy v sovremennom russkom языке* [Synonymy and reversibility of complex sentences in modern Russian]. Abstract of Philology Dr. Diss. Taganrog.
7. Shkuropatskaya, M.G. & Tsepeleva, N.V. (2012) Semanticeskoe pole i problemy sinonimii [Semantic field and problems of synonymy]. *Vestnik KemGU. – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 (51). pp. 233–240.
8. Shechur, G.S. (1974) *Teorii polya v lingvistike [Tekst]* [Theories of field in linguistics [Text]]. Moscow: Nauka.
9. Popova, Z.D. et al. (1989) *Polevyie struktury v sisteme yazyka [Tekst]* [Field structures in system of language]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Abeillé, A. (1998) *Verbes “à montée” et auxiliaires dans une grammaire d’arbres adjoints* [Rising and auxiliary verbs in tree adjoining grammar]. *Linx Modèles linguistiques: convergences, divergences. Revue des linguistes de l’Université*. 39. pp. 119–158.
11. Kerbrat-Orecchioni, C. (1999) *L’énonciation* [Utterance]. Paris: Armand Colin.
12. Kulgavova, L.V. et al. (2010) O znachimosti kontaktного и distantnogo raspolozheniya sinonimov v predlozenii i tekste [About the importance of contact and distant location of synonyms in sentence and text]. In: *Slovo v predlozenii* [A word in a sentence]. Irkutsk. Pp. 169–194. (In Russian).
13. Sperber, D. & Wilson, D. (1989) *Communication et cognition* [Communication and cognition]. Paris: Éditions de Minuit.
14. Bracops, M. (2006) *Introduction à la pragmatique: les théories fondatrices: actes de langage, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée* [Introduction in the pragmatics: founder theories: speech acts, cognitive pragmatics, integrated pragmatics]. Brussels: De Boeck.
15. Euzenat, J. et al. (2000) Échanges de connaissance structurée médiatisés par ordinateur [Exchanges of structured knowledge publicized by computer]. *Action Exmo. Rapport d’activité*. Rhône-Alpes.
16. Imbrohoris, J.-P. (1989) *Marion du Faoüet* [Marion du Faoüet]. Paris: Editions Grasset et Fasquelle.
17. Levy, M. (2007) *Les enfants de la liberté* [Children of liberty]. Paris: Éditions Robert Laffont.
18. Jacq, C. (1994) *La justice du vizir* [The justice of the vizier]. Paris: Librairie Plon.

УДК: 811.161.1'28:39
DOI: 10.17223/19986645/48/4

К.В. Осипова

ЛЕКСИКА ПИВОВАРЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

На примере говоров Русского Севера в статье рассматривается лексика пивоварения, называющая особенности брожения пива и его качественные характеристики (в том числе названия пива первого и второго слица, пены на пиве, пивного осадка). Выявляются присущие ей семантико-мотивационные модели, а также культурно-языковые параллели и скрытые за ними народные представления. В материал включены данные картотек Топонимической экспедиции Уральского университета.

Ключевые слова: этнолингвистика, традиционная культура, семантика, мотивация, русский язык, северорусские говоры, пиво, пивоварение.

В традиционной культуре пиво было самым распространенным хмельным напитком, который издревле готовили русские крестьяне – его варили ко многим семейным и церковным праздникам, готовили дома и коллективно и в таком количестве, чтобы хватило напоить всю деревенскую общину. Вокруг варки пива сформировалась своя культура: сложилась строгая рецептура, соблюдались правила употребления пива, закрепилась его обрядовая роль. Пиво и его приготовление стали не только частью народной кулинарии, но ритуалом, приуроченным к важным событиям жизни крестьянина.

На Русском Севере пивоварение, традиция которого в наше время практически сошла на нет, было распространено еще в середине – второй половине XX в.: в это время пиво служило главным напитком праздников-братчин, устраиваемых в деревнях или колхозах. В говорах Архангельской и Вологодской областей, а также на северо-востоке Костромской области (в северной части Шарьинского района, Вохомском, Октябрьском, Павинском районах, ранее относившихся к Вологодской области) лексика пивоварения представлена довольно широко и до сих пор сравнительно легко собирается в ходе полевых исследований. Каждый представитель старшего поколения в свое время участвовал в варке пива – или активно, или пассивно, наблюдая за действиями пивоваров. Настоящая статья подготовлена на основе словарных материалов по указанной территории ([1, 2, 3] и пр.), а также неопубликованных этнографических и собственно лингвистических данных, собранных Топонимической экспедицией Уральского университета [4, 5]².

Важная повседневная и обрядовая роль пива, регулярность его приготовления и участие в этом процессе практически каждого взрослого крестьянина

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи северорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Сведения о географии языковых и культурных фактов включают информацию об области и районе распространения. Районы не указываются лишь в том случае, когда они не приводятся в источнике.

определенную количественную и качественную полноту лексики пивоварения: ее составляют наименования закваски, пивного осадка, этапов брожения, изменений пива в ходе брожения, качественных характеристик пива и т. д. Приведем отрывок из материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева по Череповецкому уезду Новгородской губ., где кратко описывается весь процесс варки пива: «Кроме того, крестьяне приготовляют дома пиво. Для пива также варится из солода сусло; в горшке, в котором варится сусло, сделана около дна маленькая дырочка. Эта дырочка при варке затыкается. Когда сусло готово, то эта дырочка оттыкается, и сусло спускают из горшка в бочонок. Затем в бочонок с суслом кладут хмель, дадут хорошенъко выходить – и пиво готово. Варкой пива обыкновенно занимаются сами мужики» [6. С. 563]. Как видно из описания, варка пива включает несколько этапов, требует специальной утвари и знания непростой технологии приготовления. Сложность и большие объемы варки определили тот факт, что к особо крупным торжествам (например, престольные праздники, свадьба) крестьяне даже предпочитали не варить пиво дома, но заказывать его на пивоварнях или пивоварам, ср. *пивоварыши* ‘пивовар’ (арх.: помор.) [7. С. 298], *вáрéц* (арх.: беломор., карг., волог.: кирил.) [8. Т. 4. С. 51], *пивоварничать* ‘варить пиво’ (волог., костром.): «Сам щи, кашу варю, кашеварничаю, пивоварничаю» (костром.) [8. Т. 27. С. 19]. Таким образом, лексика пивоварения включала как собственно диалектные лексемы широкого употребления, так и специальные, профессиональные единицы.

Тема пива и пивоварения регулярно становилась предметом этнографических исследований (см., например, работы Т.Б. Андреевой [9, 10]), однако соответствующий языковой материал до сих пор не был обобщен и проанализирован. Из всей лексики пивоварения слова, отмечающие особенности брожения и качественные характеристики пива, содержат наибольший объем этнолингвистической информации о связанных с пивом народных представлениях и его обрядовых функциях. В статье мы рассмотрим именно этот пласт наименований, опустив, в частности, ту часть обозначений пивной утвари и способов варки пива, которая не раскрывает свойства напитка. Специфика культурно-языковой символики пива обусловлена тем, что это хлебный напиток, сваренный из ржаного или ячменного зерна, а хлеб и другие зерновые продукты, как известно, были для крестьянина самыми ценными в «пищевой пирамиде». Кроме того, относительная сложность технологии приготовления пива и дороговизна компонентов (зерна) способствовали тому, что пиво стало не повседневным, но праздничным, ритуальным напитком: «Вино и пиво не составляет обыденного напитка, а пьют крестьяне только в большие праздники, или случайно, например, на именинах, на свадьбе, в городе, когда случается там бывать, на помочах и прочее. Вино пьют чаще, а пиво реже, только на деревенских праздниках» (волог.: череп.) [6. С. 564].

Слова, относящиеся к теме пивоварения, объединяются в несколько крупных тематических подгрупп: 1. Общая характеристика процесса пивоварения. 2. Приготовление солода, сусла. 3. Брожение пива: закваска, процесс брожения, пена на пиве. 4. Сливы пива. 5. Осадок в пиве. 6. Неудачно сваренное пиво. Следуя выделенным идеограммам, постараемся представить базовый «словарь» пивоварения на Русском Севере, выявить характерные

семантико-мотивационные модели, а также обозначить культурно-языковые параллели и скрытые за ними народные представления.

1. Общая характеристика процесса пивоварения. Существовали две основные традиции варки пива – дома, в печи, и на улице, в больших чанах. Пиво, приготовленное дома в корчагах, в Костромской обл. называлось *корчаговое, корчажное, кочеражное, кочеряжное*, (вохом., окт., пав.) [5]. Ему противопоставлялось *тишанное, тишановое, шанное* (окт., пав.): «Как кончали жать колхозом, дак пиши неделями, пиво шанное варили, в котлах больших, а дома пиво только корчагой делали» (окт.) [5], которое варили на улице в больших котлах – чанах, для чего обычно объединялись несколькими дворами или всей деревней. В Вологодской обл. эти виды пива противопоставлялись как *большое пиво и маленькое пиво* (кадн.) [8. Т. 27. С. 18]. Поскольку пиво часто варили и пили коллективно, оно символически воплощало ценности братства и общежития. Многие запреты и предписания, сопровождавшие приготовление пива, были направлены на то, чтобы сохранить мир в общине. Так, и в Архангельской, и в Вологодской обл. верили, что, если пошевелить угли, когда варят пиво, «обязательно будут пировать этим пивом, могут разодраться» (волог.: ник.) [4].

Для варки большого количества пива выделялось отдельное помещение или, что делалось чаще, выбиралось место на берегу озера или реки – *поварня* (арх., волог.) [8. Т. 27. С. 222]. В Устюженском районе Вологодской обл. записаны наречие *стыром* (*варить пиво стыром*) – о варке пива на улице [Там же. Т. 42. С. 119] и выражение *стыровое пиво* [4], очевидно, возникшие от диалектной формы общенар. *штырь*. На этой территории пиво варили в больших кадках, в которых отверстие для слива пива затыкалось штырем. В соседнем Пестовском районе Новгородской обл. большая кадка для варки пива так и называлась *стырник* (*стыровик*): «Кадка с дыркой — стырник, а в дырку гвоздь деревянный, называется стыр» [Там же. С. 118].

Для варки пива предназначалась специальная посуда, функции которой могли напрямую выражаться в названиях: *пивняк* ‘горшок для варки пива’ (волог.: бел., м-реч.), *пивоварница* ‘бочка для изготовления пива’: «Если пива мало ставили, то в корчагах, ну а если много, то в пивоварницах» (арх.: котл.), *пивоход* ‘деревянный чан для заквашивания пива’ (волог.: в-важ.) [4].

2. Приготовление солода, сусла. На первом этапе варки получали сусло для будущего пива. «В Архангельской и Олонецкой губерниях солод делали из ячменя. В Вологодской и Новгородской солод получали из ржи, но чаще брали в равных количествах рожь, ячмень и овес; в северной части Костромской губ. солод делали из ржи и овса» [10. С. 11]. Для сусла приготовленную рожь или ячмень (ее заранее прорацивали, сушили и мололи, получая сладковатый на вкус *солод*) заваривали кипятком и выставляли, что называлось *засолодить* (костром.: пав.). Для поддержания температуры в кадку с солодом и водой клади раскаленные камни – *пожог* (волог.: ник., костром.: вохом.) [5; 8. Т. 28. С. 322, 332]. Нагрев и кипячение сусла горячими камнями, по наблюдениям этнографов, является одним из архаичных приемов варки, ср. *поджечь бабку, сделать пожог* ‘нагреть камни для кипячения сусла’ (волог.), *чижить сусло* (арх.), *бучить* (олон.) ‘кипятить сусло раскаленными камнями’ [10. С. 12].

3. Брожение пива. Закваска. В качестве основы для закваски, которую помещали в разбавленное водой сусло, использовали пивной осадок – мел (волог.: шир. распр., костром.: вохом., окт.): «У нас мел был, как дрожжи. Переbrodit пиво с хмелем, и на дне остается пивной мел. Мел заливают, чтобы пиво ходило, – навеселиваешь» (окт.) [5; 3. Т. 4. С. 80; 8. Т. 18. С. 95] или *сулой* (волог.: шексп.) [8. Т. 42. С. 223], т.е. то, что осталось после слива пива.

Мел смешивали с хмелем и, когда начиналось брожение, выливали в общий чан с пивом. Заготовка, которой заквашивалось пиво, называлась *головка* (волог.: бабуш., в-уст., ник., нюкс.) [1. Т. 3. С. 77], *мастер* (костром.: окт., пав.) [5], *наживка* (арх., волог.) [8. Т. 19. С. 248], *солодёлка* (волог.: вож.) [3. Т. 10. С. 73]. Названия пивной закваски с корнем *голов-* – *приголовок* (арх., волог.) [8. Т. 31. С. 167], *призголовок* (волог., костром.: пав.) [5; 8. Т. 31. С. 224] и приведенная ранее *головка* – объясняются, вероятно, тем, что обязательным компонентом пивной закваски были *головки* хмеля, ср. *приголовки хмеля* (калуж.): «Делаешь дрожжи с приголовков хмеля» [8. Т. 31. С. 167]. Однако мотивация слов *головка* (*приголовок*) могла быть переосмыслена в связи с сущ. *голова* ‘что-л. главное, отборное’, ‘начало, источник’ (см. значения диал. *головка* в [Там же. Т. 6. С. 306]), а закваска стала рассматриваться как источник последующего брожения, концентрат.

От наименований закваски производны обозначения молодого, недобродившего пива: *сусло* (арх., костром.) [Там же. Т. 42. С. 301], *приголовок* (арх.: пин.) [8. Т. 31. С. 167–168]. Архангельское название неперебродившего пива *молодо* (карг.) [Там же. Т. 18. С. 226] выражает характерную для слов гнезда *молод-* семантику ‘незрелый, не готовый’ (подробнее см. в разделе «Пена на пиве»). В Вологодской обл. сладковатое нехмельное пиво, в которое добавлялись только дрожжи, без хмеля, называли *дрожженик* (шексп.) [4], *дрожжевичок*, *дрожженичок* [3. Т. 2. С. 57; 11. Т. 2. С. 3].

Процесс брожения. О процессе заквашивания пива говорили *навеселивать*, *навесельть* (арх.: вельск., волог.: в-важ., костром.: окт., пав.): «Пиво навеселил» (вельск.) [5; 8. Т. 19. С. 160]. Глагол *навеселивать*, вероятно, образован от диал. *весло*, *весёлка(-о)* ‘лопатка для замешивания’ [8. Т. 4. С. 179, 180]: при приготовлении пива лопаткой размешивали закваску, опущенную в емкость с разведенным водой суслом. Под действием народной этимологии гл. *навеселивать* был соотнесен с прил. *весёлый* ‘радостный’ (об эмоциональном состоянии): брожение напитка ассоциировалось с состоянием эмоционального возбуждения. Связь процесса брожения и эмоций отмечают как контексты из народной речи (ср. «Мел заливают, чтобы пиво ходило, – навеселиваешь. Чтобы весело ходило» (костром.: пав.) [5]), так и бытовавшие поверья и практики. В Вологодской губ., когда хозяйка несла пивную закваску, за ней бежали дети, которые плясали и пели, «чтобы веселее пиво было» и хорошо поднималось (ник.) [4]. Здесь же, когда в пиво опускали закваску, вокруг него ходили с песнями, плясали: «*Пиво пьяное, весёлое хозяин наварил. Потихонечку с весёлышком помешивал ходил*» (ник.) [Там же].

О бродящем пиве говорили, что оно *гуляет*: «Пиво ходит дня два-три, гуляет, его навеселят, мастер спустят» (костром.: вохом.) [5], *живёт* (арх.: шир. распр., волог.) [3. Т. 2. С. 89; 1. Т. 3. С. 377], *ходит* (костром.: вохом., окт.):

«Не проглядеть пиво надо, если переходит, невкусное будет, лучше, чтоб не доходило. Когда стоит – ходит пиво. Всегда человек там стоит, а то пиво так расходится, так и сорвет и веревку» (окт.) [5]. Архангельское *живить* ‘заквашивать’ (вин., устьян.) [1. Т. 3. С. 362], *наживка* ‘закваска’ (арх., волог.) [8. Т. 19. С. 248] позволяют восстановить значение вологодского *наживник*, которое в «Словаре русских народных говоров» приводится без толкования: «Есть ли у вас у ворот придворники, У стола пристольники, У пива наживники» (свадебный приговор) [Там же. Т. 19. С. 268]. Предположительно оно реконструируется как ‘пивовар; тот, кто заквашивает пиво’. Глаголы *гулять*, *жить* и *ходить*, как и общенар. *бродить* ‘заквашиваться’ (от *бродить* ‘ходить’), представляют ферментацию как «движение» и «жизнь» напитка. Бурление пива и подъем пены во время брожения определили его мужскую символику. Так, жители Никольского района Вологодской губ., если пиво не ходило, брали мужские штаны и, обходя емкость с пивом, хлестали ими и приговаривали: «Как у (имя) стоит, так бы у меня пиво ходило» [4].

Брожение пива обычно длилось два-три дня – от его длительности зависел вкус напитка: через сутки получалось сладкое, не очень крепкое пиво; на второй-третий день брожение завершалось (пиво *уходилось*, *уломалось* (волог.: сямж.) [3. Т. 2. С. 61]) и пиво набирало наибольшую крепость и вкус; пиво, которое стояло дольше, – *переходило*, получалось кислым. Крепкое пиво на Русском Севере называли *мужское пиво* (арх.) [8. Т. 18. С. 335], более слабое – *женское пиво* (арх.: холм.) [Там же. Т. 27. С. 18], *бабье пиво* (арх., волог.: бел.): «Бабье пиво аккурат, что постное масло»; «В бабьем пиве всего несколько градусов, а у бабы глаза на лоб» (бел.) [2. Т. 1. С. 78; 1. Т. 1. С. 34]. Эти обозначения отражали, с одной стороны, представления о гендерных вкусовых пристрастиях, с другой – меньшую вкусовую ценность, слабость недобродившего пива. В некоторых районах для женщин и девушек готовили особое, нехмелное пиво: «Если без хмеля делали, так это назывался дрожженик. Это для молодых девушек, для женщин» (волог.: шенк.) [4]. «Бабым» считали и пиво, разведенное водой, ср. *бабонька*: «Всего-то бабоньки напиуся; бабонька – коуды пиво женили, вот и бабонька стала» (волог.: бел.) [1. Т. 1. С. 32]. Идея неполноты, недоделанности легкого, слабого пива воплотилась в его вологодском названии *полтивце* [8. Т. 29. С. 131].

Иногда технология приготовления пива упрощалась, например, ускорялся процесс варки и ферментации. Быстрым способом, без длительного брожения, в печи готовилось *верховое пиво* (волог.: устюж., костром.: окт.), которое не бродило и сливалось сразу с солода: «Верховое пиво на скорую руку: разболтаешь мучки, солодяночки, выпреешь, станет красное, сверху устоится, сольешь – верховое пиво» (волог.: устюж.) [1. Т. 2. С. 70–71; 5].

В Архангельской и Вологодской областях готовили и особо крепкое, густое пиво, которое варили с хмелем два раза – *двоевар* (кон., шенк.), *двоевара* (арх.: устьян., волог.: в.-важ.): «Варим-варим, а потом ещё переварим с хмелем, вот и двоевара» (устюян.), *двоеварное пиво* (волог.) [2. Т. 10. С. 310; 1. Т. 3. С. 179; 8. Т. 7. С. 286]. Такое пиво считалось особо вкусным и ценилось выше других спиртных напитков: *Хорошая двоевара лучше винного анбара* [8. Т. 7. С. 286]. Сладковатое, но крепкое, хорошо выбродившее пиво, в Вологодской и Костромской обл. называлось *шатун*, *шатунчик* (волог.: тот., ник.,

костром.: галич.): «На праздники-то мужики раньше шатун делали – пиво эдакое. Песку туда клали. Оно ходит, ходит – вот и шатун, крепкое очень. С шатуна дак и мужики все валились, а мы и в рот брать боялись» (тот.) [3. Т. 12. С. 76; 12]. Судя по последней части контекста – «мужики все валились», лексема *шатун* мотивирована воздействием, которое оказывает крепкое пиво на человека, ср. *шатун* ‘головокружение’ (арх.: карг.) [11. Т. 6. С. 843], *шать* ‘головокружение, дурнота, сильная слабость’ (олон.) [13. С. 136]. Представление о способности напитков «валить с ног» регулярно проявляется в обозначениях алкогольных напитков и их свойств, ср. *сишибательный* ‘крепкий, обладающий силой (о напитке)’ (арх., волог.: кирил.): «Пиво сшибательное: как выпьешь, так с ног долой!» (кирил.) [8. Т. 43. С. 99].

Пена на пиве. Появление пены на пиве являлось признаком идущего брожения, а ее исчезновение определяло готовность напитка. Некоторые наименования пены обусловлены идеей ферментации, брожения. Севернорусское *молоди* (арх.) [4], *молодь* (волог.) [11. Т. 3. С. 248; 8. Т. 18. С. 230] относится к ряду распространенных диалектных названий процесса брожения пива или кваса, принадлежащих гнезду *молод-*: *молодистый* ‘содержащий большое количество алкоголя (о пиве)’ (волог.) [11. Т. 3. С. 248], *молодиться* ‘покрываться свежей молодой пеной (о пиве)’ (влад.) [8. Т. 18. С. 224], *молодой квас, пиво «неубродившее»* [14. Т. 2. С. 332]. Все приведенные слова объясняются этимологической семантикой корня *молод-* – ‘недавно приготовленный, незрелый, еще не готовый; нестабильный, меняющийся’ (подробнее о семантике *молод-* см.^ [15; 16; 17. С. 92, 179]). Названия процесса брожения с корнем *молод-* помогают объяснить и костромское *цвет* ‘пивная пена’ (волог.) [5]: лексемы с этими корнями воплощают представление о росте, жизни пива, его внутреннем движении (см. примеры выше: пиво *живет, ходит, гуляет*). По наблюдениям С.М. Толстой, «слова с корнями *цвет* и *крас* устойчиво связываются с представлением о “пике” жизни, полноте жизненных сил и производительных способностей человека, прежде всего женщины» [18. С. 125].

Весьма распространенными были шутливые метафорические обозначения, обыгрывающие форму пены: *бабка на пиве насела, бабка выскочила, бабку выбросит* (арх.: вельск., кон.): «Как бабку выбросит, пиво будет подходящее, а если бабка не выскочила – пиво плохое» (кон.) [1. Т. 1. С. 30], *зайцем ходить* (волог.: тот.) [3. Т. 11. С. 196], *колпак* (волог.: ник.) [4], *хохолок, пиво с хохолком* (костром.: пав.) [5], *зайцы, зайчики* (волог.: баб., костром.: окт., пав.) [5; 1. Т. 4. С. 77]. Как отмечает Е.Л. Березович, в названиях пивной пены «представлены, с одной стороны, “молодежные” образы (рус. влад. *молодость*, влг. *молодь* “пена на пиве, квасе и т. д.”), а с другой – образ бабы (рус. арх.: *бабка, матка* “пена на поверхности пива при варке”, польск. диал. *babka* “пенка на кипяченом молоке”). Появление “молодежных” образов объясняется ферментационными свойствами напитков – пена “порождается” в процессе брожения (ср. также реализацию обратной модели: рус. влг. *пенка* “последний ребенок в семье”). Образ бабы и матери мотивирован тем, что пена может трактоваться не только как результат ферментации, но и как ис-

точник последующего брожения и “сгущение” свойств продукта» [19. С. 224–225].

Названия пива, освободившегося от пены, метафорически представляют его в антропоморфном образе. С выбродившего пива легко снимается пена и открывается его зеркальная поверхность – *зеръгало* (костром.) [5], которая воспринимается как «лицо» пива: *лицо* (волог.: ник., тот.) [8. Т. 17. С. 86], *лицо (рожу)* казать ‘об отсутствии пены на поверхности пива’ (костром.: *вояхом.*, *окт.*, *пав.*): «Пивовар берет, на чане рукой отодвинет – если не затягает, надо сливать. Если лицо кажется – уходило. Раньше еще “рожу” говорили» (костром.: *пав.*) [5]. Поскольку в момент брожения пиво бурлит и выглядит наиболее антропоморфно, оно описывается через глаголы движения и эмоций – *ходит*, *бродить*, *играть*, *гулять*, *житься* и пр., а также предстает в «человеческом» облике в фольклоре, ср. присловье вологодского пивовара: «Головку опустят, оно ходит. *Титовка, гори, и Костылёво, гори, а моё пивушко, белым колпаком* <т.е. с пеной> ходи и кверху гляди <т.е. покажи «лицо»>» (ник.) [4]. На этой же территории в песне, сопровождающей опускание закваски, появляется образ пива, «подмигивающего глазиком», т.е. бродящего, играющего, выглядывающего из-под пены: «*Ой, пиво стояло, пиво глазиком мигало, Эй, пивцо, Эх, винцо...*» (ник.) [Там же]. Несерьезность, шутливость большинства названий пены на пиве поддерживается культурными традициями, сопровождающими варку этого напитка. Когда в него бросали закваску, принято было веселиться и плясать, чтобы пиво лучше бродило: «Когда головку будут опускать, идут да приплясывают вокруг тщана: “*Накидаю сарафан белым колпаком, белым колпаком!*” Чтобы заходило пиво. Колпаки-те <пена> и заходят» (волог.: ник.) [Там же].

Стойкая пена на пиве, налитом в чашу для питья, считалась признаком его высокого качества, ср. *пиво лицо держит* ‘о хорошо сваренном пиве’: «Нальешь, и чтобы дна было не видно, и чтобы пены было много, это значит, пиво лицо держит» (волог.: *вашк.*) [Там же], а также *пена каблуком* ‘крепкая пена на пиве’: «Первый слив – настоящее пива. Да, а так? о? пена каблуком, вкусное, домашнее» (костром.: *чухлом.*) [12]. Пенное (*пузырное*) пиво выступает как устойчивый образ в фольклоре, ср.: «*Положили 5 хмелин пузырных, нагоняли 25 бочек пузырных*» (волог.: *кирил.*; *сказка*), «*Пиво было пузырное, налили 25 бочек*» (костром.: *макар.*; *сказка*) [8. Т. 32. С. 116].

4. Сливы пива. Готовое пиво сливалось с сусла несколько раз. Первый слив ценился выше остальных, поскольку был самым густым и крепким. Его называли *первán* (арх.: в-т.), *первода́н* (арх.: леш., волог.: ник.), *первое пиво* (арх.: в-т., волог.: ник., тарн.) [2. Т. 12. С. 298; 1. Т. 3. С. 274–275], *перворядка* (волог.: бел.) [1. Т. 3. С. 191], *первый бег* (арх.) [4], а также *налив* (*налив*) (волог.: *бабуш.*, ник.), *цельё* (волог.: ник.), т.е. «целое», неразбавленное пиво [1. Т. 2. С. 204; 3. С. 275]. Название первого слива *кочевря* жители Октябрьского района Костромской обл. шутливо связывали с гл. *кочевряжиться* ‘ломаться, кривляться, дурачиться’, ссылаясь на сильное воздействие крепкого пива на состояние человека: «Перво-то само крепкоё, выпьёшь – будёшь кочевряжиться, если много напьёшься, вот кочевря и звали» (окт.) [5]. Учитывая приведенные выше названия *шатун*, *шибательное* (о пиве), можно считать соотношение *кочевряжиться* → *кочевря* вполне реальным.

Затем в то же сусло добавлялась вода, и пиво сливалось второй (*другой*) раз, но уже получалось менее вкусным и крепким. Пиво второго слива называли *второе пиво* (волог.: ник.) [1. Т. 2. С. 204], *второй бег* (арх.) [4], *вторяк* (костром.: окт.) [5], *двухрядка* (волог.: бел.) [1. Т. 3. С. 191], *друган* (арх.: и волог.: шир. распр.), *друганчик* (арх.: вин.) [2. Т. 12. С. 298; 3. Т. 2. С. 59; 1. Т. 3. С. 274–275], *другодан* (арх.: леш., красн., мез., волог.: к-г., ник.) [2. Т. 12. С. 298; 3. Т. 2. С. 59]; *налив* (костром.: окт.) [5], *полива* (арх.) [8. Т. 29. С. 68], *полосканец* (волог.: кадн.) [Там же. Т. 29. С. 69]. В Костромской области второй слив пива могли назвать *третьяк* (вожом., окт., пав.), подразумевая под первым сливом сусло, а под вторым – собственно крепкое пиво, а кроме того, отмечая, что это пиво получалось «третьего» сорта: «Пиво спустят хорошее, нальют еще, отстоится – третьяком зовут. Второе пиво – это уж третьяк» (вожом.), «Сначала сусло, потом первый налев, а второй налев-от звали третьяк» (окт.) [5]. Получившееся пиво имело резкий, горький вкус, ср. *горький как третьяк* ‘о еде с горьким привкусом’ (костром.: вожом.) [Там же], *чёрствое пиво* ‘пиво после вторичной перегонки’ (арх.: вельск.) [8. Т. 27. С. 18]. Если о хорошо перебродившем пиве первого слива говорили *толстое* (арх.: вельск., шенк.) [14. Т. 4. С. 414; 8. Т. 27. С. 18; 44. С. 214], *дородное* (волог.) [8. Т. 8. С. 134], *жировое* (арх.: нянд.) [2. Т. 14. С. 141], имея в виду концентрированность, густоту и насыщенность вкуса, то жидкое и водянистое пиво второго сорта называли *тонкое* (арх.: вельск., шенк.): «Он тонким меня потчевал, а толстое-то уж все выпито» [14. Т. 4. С. 415; 8. Т. 27. С. 18; 44, 231], *тончина* (арх.: карг., пин.), *танцина* (беломор.) [8. Т. 44. С. 235], *жидель* (арх.: вельск., кон., онеж.) [2. Т. 14. С. 69], *пустое пиво* (арх., костром.: вожом.) [5].

Вологодское название пива второго слива *пешник* (вологод.) [8. Т. 27. С. 8], кажется, можно считать фонетическим вариантом сущ. *печник*. Так, в северных говорах встречаем *печник* ‘способ варки пива в печи’ (арх.), ‘мера пива (вмещающаяся в печь за один раз)’: «Мерою для пива служит печник; печь вмещает от 6 до 12 корчаг, а в корчаге два водоносные ведра» (нижегор.) [Там же. Т. 27. С. 8], *печное пиво* ‘пиво, сваренное в печи’: «Печное пиво в печке делают, а стыровое каменьем варят» (волог.: устюж.) [4]. Однако каким образом у слова *пешник* возникло значение ‘пиво второго слива’? Если пиво варили в печи, то таким образом готовили и первый, и второй слив? Кажется, решение кроется в противопоставлении пива, приготовленного дома в печи, и пива, сваренного на поварне, в больших чанах: «большое» пиво получалось вкуснее «печного», поскольку варилось с полным соблюдением технологии, а в домашних условиях процесс варки мог упрощаться, ср.: «Я называла косорыловка, потому что выпьешь, и рожу скосишь. Варится хорошее пиво в чанах и на поварне, а это кипятится в печке, песку немного, да на дрожжах» (волог.: ник.) [4]. В результате название «печного» пива стало использоваться как обозначение менее вкусного пива второго слива.

Название пива второго слива *сынок*: «Сынок, а потом третьяк, третьяком сычей поили» (костром. пав.) [5] воплощает семейную метафору, предполагающую сопоставление крепкого напитка с отцом, разбавленного – с сыном или пасынком, например, *пасынок* ‘самогон второго разлива’ (арх.) [4], ‘третий слив пива’ (без указ. терр.) [14. Т. 3. С. 24], *отец* ‘крепкий неразбавленный самогон’: «Сам-то отец, а женишь – сын будет» (арх.) [4]. По наблюде-

ниям Е.Л. Березович, обозначения алкогольных напитков и различных компонентов ситуации их приготовления регулярно образуют метафорические микросистемы на основе терминов родства [19. С. 227].

Третий слив считался самым жидким и безвкусным. Его называли *третий бег* (арх.) [4], *третьяк* (костром.: пав.) [5] или *заднююха* (арх.: онеж., холм., шенк.) [20. С. 49]. Обозначение *заднююха*, по всей вероятности, определяет третий слив пива как ‘последний’ и ‘худший’, ср. *задний ‘последний’* (арх.: лен., волог.: в-важ., олон.) [1. Т. 4. С. 60]. Пиво второго и третьего слива употребляли в последнюю очередь, когда выпито густое пиво первого слива: «Что ты принес нам другодана-то, давай первого, а этого и пить не будем» (волог.) [8. Т. 8. С. 210].

Из-за низкого качества пиво второго и третьего слива получало экспрессивные названия: например, *чыйвас* ‘плохое пиво’, ‘некачественный, слабый алкоголь’: «Градусов-то нет, чиквас какой-то, пить можно, но плохой» (волог.: к.-г.) [4], образованное на основе сущ. *квас* с помощью экспрессивной приставки *чи-*. Архангельский вариант *ти́квас* ‘жидкое, плохое пиво’: «Пиво худо дак говорят: такой тиквас наварен, не пиво, а тиквас» (пин.) [8. Т. 44. С. 120] можно считать результатом разложения аффрикаты *ч*. Жидкое пиво могли сравнить с мочой: *коневья ссячь*: (волог.: баб.), *конинный ссец* (арх.: в-т.) [1. Т. 5. С. 300]. Не обладая вкусом, некрепкое пиво лишь «наполняло живот», ср. *брюходуй* (арх.: вельск., волог.: кадн.) [8. Т. 3. С. 225]. Некоторые обозначения отразили мотив пустоты, обмана, подмены крепкого пива разбавленным. В этих наименованиях воплощается метафора ‘болтун, обманщик’ → ‘жидкое пиво’, ср. *свистунá принесли* ‘о пиве третьего слива’ (арх.) [4] при *свистун ‘врун’* (арх.: пин.), ‘жулик’ (новг.), ‘болтун, обманщик’ (свердл.) [8. Т. 36. С. 301], *прощелы́га* ‘пиво второго или третьего слива’ (костром.: вожом.): «Третьяк – пиво не первого разлива, прощелыга: крепость меньше и вкуса нет» [5] и *прощелы́га* ‘мот, ветреный человек’, ‘обманщик, лгун, хвастун’ (костром.) [8. Т. 33. С. 57].

Вологодские названия, эвфемистически определяющие некачественное пиво, спущенное второй или третий раз, – *ива́шко*, *ива́шко-другон*, *ива́нушка(-о)* (кадн.) [21. С. 175; 4; 8. Т. 12. С. 57]. Образованные от разговорно-уменьшительных форм самого распространенного мужского имени *Иван*, эти обозначения говорят о простоте, незатейливости, низкой ценности напитка. Жидкое пиво, согласно народному толкованию, сгодится для всякого гостя, для всякого Ивана: «Нальем на горшки-то в третий раз, да и сделаем для всякого приходящего Иванушка» [21. С. 175]. Толчком к появлению такого названия могла стать рифма *бражка-ивашика*: бражкой зачастую и называли хмельной напиток низкого качества, в том числе и жидкое пиво¹.

В Великоустюгском и соседнем Кичменгско-Городецком районах Вологодской области некрепкое пиво второго слива и пиво с осадком называли *бадо́г*: «Похуже-то пиво – бадог: назавтра оставляли выпить» (в-уст.) [1. Т. 1. С. 39]; «На дробины воды нальют – бадога ешшо можно попить»; «Второган – это бадог, худое пиво, второй раз дак» (к.-г.) [4]. На всей северорусской территории сущ. *бадо́г* (и вариант *бато́г*) привычно употребляется в значе-

¹ Подробнее об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков см. в работе [22].

нии ‘палка’, ‘посох, клюка’ [1. Т. 1. С. 74]. Семантический переход ‘палка, посох’ → ‘пиво’ становится понятным, если обратиться к данным костромским говорам. На территории северного Поветлужья в Костромской области записано выражение *выпить на падожок*, *выпить на падог* ‘выпить на дорожку, перед уходом’, в пермских говорах – *падожок* ‘последняя рюмка вина, выпиваемая перед уходом’ [8. Т. 25. С. 134]. Здесь же сущ. *падог*, *падожок*, *падожок* употребляются в значении ‘палка, посох, дубинка’. Эти выражения, как и общеноарное *выпить на посошок*, связаны с традицией выпивать перед дорогой, символом которой был посох, путевая палка, ср. *куда батог водил* ‘куда глаза глядят’ (волог.: в-важ.) [1. Т. 1. С. 74]. Таким образом, вологодское *бадог* ‘пиво второго сорта’, очевидно, представляет собой свернутый фразеологизм **выпить на бадог*.

Почему сущ. *бадог* употребляется именно как обозначение пива второго сорта? На традиционном застолье в первую очередь выпивалось самое вкусное пиво первого сорта, а ближе к концу трапезы, когда крепкое пиво заканчивалось, выносили пиво второго сорта: «Хочете ли бадога принесут, ополоски-ти?»; «Пиво выпьют – и воды добавят на второй ли третий день, вот и пьют этот бадог на опохмелку» (к-г.) [4]. В результате жидкое пиво стало использоваться как разгонное блюдо, которое напоминало гостям о том, что обед уже завершается и пора расходиться по домам «с бадогом»: «Пора уже идти, уже хозяева предупреждают, подают другодан, значит, все хорошие кушанья уже на исходе» (волог.: к-г.); «Другодан пьешь – пора уходить из гостей-то» (волог.: ник.) [Там же], а также записанное в соседней Ярославской области *выгоняй* ‘самое плохое пиво, которое может отбить охоту даже у любителей выпить’ (пошех.) [8. Т. 5. С. 268]. Семантикой выпроваживания, разгона мотивировано наименование *толкун* ‘жидкое пиво третьего сорта’: «Толкуном поили вредных людей, которые досаждали семье» (волог.: баб.) [3. Т. 11. С. 33].

5. Осадок в пиве. После сортировки жидкого сусла на дне чана оставалась гуща, которая шла или на корм скоту, или на приготовление кваса, для чего могла впрок засушиваться. Осадок-гуща повсеместно на Русском Севере называлась *дробина* (*дробины*, *дроб*): «Ковда пиво сольют, крупны дробины остаются, они идут на квас» (волог.: бабуш.) [2. Т. 12. С. 260; 3. Т. 2. С. 56; 1. Т. 3. С. 269]: солодовый осадок, действительно, отличался зернистостью, «дробностью».

Другое обозначение – *друзг* (костром.: вохом., окт., пав.) [5], *друзги* (арх.: кон., волог.: сямж.) [3. Т. 2. С. 61; 1. Т. 3. С. 277; 8. Т. 8. С. 220], кажется, родственно названиям разного рода мелких отходов – *друз* ‘сор, мусор’ (сев.-зап.), *друзга* ‘все рыхлое и сухое; сор, сухой лист, прутья под ногами’ (смол.) [8. Т. 8. С. 219]. Праславянская основа **druzg-*, к которой восходят эти обозначения, в словах с предметной семантикой обозначает мелкие, дробные предметы, куски, осколки [23. Т. 5. С. 133]. Сема ‘мелкий, дробный’ заметна и в таких значениях костромского слова *друзг*, как ‘осадок в квасе, чаинки в чае’ (пав.), ‘осадок в топленом масле’ (окт.), ‘гуща в любом напитке’: «Если в ведре ягоды бродили, или простокваша оселась, или пиво, то которое не выливается – это друзг, на дне он остается» (окт.) [5]. Вероятно, по своей звуко-подражательной природе, корень **druzg-* ‘давить, ломать, мельчить’ родствен

*drozg- ‘месить, давить, толочь’ [23. Т. 5. С. 128]. Последнюю основу находим в архангельском названии пивного осадка *дрозга* [2. Т. 12. С. 282], имеющем также вариант *дрозда* (уст.) – результат дистактной ассимиляции звуков *д* и *г*. К этому же гнезду восходит вологодское *дроздуха* ‘некачественная пища, “бурда”’, ‘застывшая жидкость в холодце’, ‘пищевые отходы (шкурки, кожура и пр.)’, ‘древесная труха’ (ник.) [4].

После сцеживания перебродившего пива оставался осадок, который называли *гуща* (арх.: шир. распр., волог.: гряз.) [2. Т. 10. С. 165–166; 3. Т. 1. С. 137], *извара* ‘гуща, оставшаяся от варки кваса, меда, пива’ (волог.) [8. Т. 12. С. 101]. Его обычно использовали для приготовления закваски, кваса, поэтому в Вологодской обл. он именовался *хмелины*, *хмель* (тот., в-у.) [3. Т. 11. С. 193]. Выжимки пивного хмеля использовали для заквашивания, их называли *сдоба* (волог.: кадн.): хмелем «сдобряли», заквашивали пиво [8. Т. 37. С. 72].

В Архангельской обл. сохранилось название осадка при варке пива *оловина* (нянд., пин.) [4; Там же. Т. 23. С. 189]. Оно же обозначает солод, пророщенное зерно для солода, а фонетический вариант *оливина*, записанный в вологодских говорах, выпивку вообще, ср.: «Ханыга ходит и ханычит оливину, выпить просит» (выт.) [4]. Сохранившаяся в диалекте архаичная основа восходит к славянскому *ол-* ‘всякий хмельной напиток, кроме виноградного вина; брага, пиво, мед’, которое представлено церк. *оловина* ‘дрожжи (пивные), гуща’, а также новг., псков., твер., др.-рус., рус.-цслав. (XII в.) *оль* [24. Т. 3. С. 132]. К этому же гнезду можно отнести и *еговина* (арх.: мез.; удар.?) ‘пивная гуща’ [8. Т. 8. С. 344], в котором основа *ол-* претерпела изменения под действием протетического *j*. Можно предположить, что и олененское *ала́ня*, *ола́ня* ‘пиво’ [8. Т. 1. С. 231; 23. С. 182], а также *оланя* (костром.: нерехт.), *алаха* (костром.: галич., твер.: каляzin.), *алашка* ‘пиво’ (костром.: галич.) [25. Т. 2. С. 440, 582]) восходят к основе *ол-* ‘хмельной напиток’.

Архангельские обозначения пивного осадка *барда* и *бурда* (леш., холм.) [2. Т. 2. С. 178] мотивационно связаны с *барда* ‘мутное питье, бурда’ (волог.), ‘густой, нечистый отстой при перетапливании сала’ (арх.), ‘мутная вода’ (арх.: вельск.) [8. Т. 2. С. 111–112; 1. Т. 1. С. 63]. Значение ‘пивная гуща’ является результатом сдвига семантики общенародного слова, отраженной в исторических и литературных словарях, где *барда* – ‘гуща, остающаяся после перегонки сусла (браги) при производстве хлебных спиртных напитков’ [26. Т. 1. С. 277; 27. Т. 1. С. 101]. По предположению А.Е. Аникина, слово *барда* восходит к синонимичному *бурда* вследствие межслоговой ассимиляции [28. Т. 2. С. 211]. По наиболее распространенной версии, *бурда* родственно тат. *burda* ‘мутное питье, смесь разных жидкостей’ [24. Т. 1. С. 244]. Однако, как полагает А.Е. Аникин, тюркская этимология, которая связывает татарское слово с тюркским *bur-* ‘поворачивать’, сомнительна, а слово *бурда* выглядит как русизм [28. Т. 5. С. 154–155].

Название пивного осадка *бардама* (арх.: лен., волог.: бабуш., к-г., у-куб.) [4; 1. Т. 1. С. 63, 73, 79] также могло появиться как экспрессивное образование на основе приведенного выше севернорусского *барда* ‘пивной осадок’ [8. Т. 2. С. 111–112]. Финаль *-ма*, кажется, возникла под влиянием синонимичного *бахтарма* (арх.: в-т., волог.: к-г.), *батарма* ‘осадок, остаток от пива, браги

либо другой процеженной жидкости' (волог.: к-г.) [1. Т. 1. С. 79]. А.Е. Аникин полагает, что *бахтарма* (*бахторма*) 'осадок в пиве' может быть переносным от *бахтарма* 'низ шляпки гриба, верхний слой бересты, внутренняя поверхность выделанной кожи и пр.' как первоначальное название того, что не идет в пищу, выбрасывается [28. Т. 2. С. 297].

6. Неудачно сваренное пиво. Если пиво бродило слишком долго и/или закисало, перегревалось при приготовлении, оно получалось кислым и тягучим. О неудавшемся, тягучем пиве говорили *хоть на мотовило мотай* (костром.: пав.) [5], *кисель* (*киселя наварить*) (волог., костром.: вохом., окт.) [4; 5]. В Костромской обл. выражением *кисель на пожаре* дразнили пивовара, чтобы пиво не получилось: «Только скажи про кисель на пожаре, он ведь тебя лопаткой отхлещит» (вохом.) [5]. Архангельское выражение *кирпичом скипеться* (шенк.) 'превратиться в твердую, каменистую массу' является желанием невесты пивовару, чтобы пиво вышло неудачным и свадьба не состоялась: «*Дабы <пиво> на судне оселося Да кирпичом скипелося*» (причтание невесты) [8. Т. 13. С. 223].

Критерием качества пива была его способность хорошо течь при сцеживании, соответственно плохое пиво, которое не вытекало из-за сгустков солода, называли *пиво-нетёка* (волог.: устюж.), *пиво-нетеча* (бел.): «Пиво сварят, а не течет, плохое пиво-нетеча» [4]. Плохо сваренное, не текущее при сцеживании пиво становилось символом неудачного дела: *на пиво не тече 'о неудаче в каком-либо деле'* (волог.: череп.) [8. Т. 27. С. 19], *нетеча 'неудача'*: «Даве жалился, нетеча виши, ему попалась» (арх.: холм.); «Нетеча у ево, не бытит ему» (арх.: пин.) [8. Т. 21. С. 174].

* * *

Терминология пивоварения сохранила традиционные народные представления о пиве и связанные с ним ритуалы. В ней отражены различные способы варки пива – дома, в печи (*корчажное пиво, маленькое пиво*) и на улице, коллективно (*тишанное пиво, большое пиво, варить стыром*). Традиция варить пиво сообща к крупным церковным и сельскохозяйственным праздникам определила характерную для пива символику общности и братства.

Лексика, относящаяся к процессу брожения пива, воплотила представления о его «антропоморфном» облике: об этом говорят и глаголы брожения – пиво *ходит, гуляет, живет, веселится*, и наименования пены и освободившегося от пены пива – *бабка, колпак, хохолок, молоди, лицо (рожу) казать* и пр. Эти обозначения поддерживаются в фольклоре и народных обычаях: когда в пиво опускали закваску («навеселивали»), было принято плясать и петь, «веселить» пиво, чтобы оно лучше бродило. Названия первого, второго, третьего слива пива, а также неудачно сваренного напитка составляют наиболее экспрессивный пласт лексики пивоварения (ср. *брюходуй, коневья ссячь*). Ее комплексный анализ позволил выделить нетривиальные семантические переходы, например: 'обманщик, болтун' → 'жидкое пиво' (*свистуна принести, прощelyга*), 'головокружение' → 'крепкое пиво' (*шатун*), 'сын, пасынок' → 'второй, третий слив пива' (*сынок, пасынок*). Первый и второй (третий) слив пива, а также пиво низкого качества, противопоставлены через

порядковые числительные (*перван – другодан –третьяк*), качественные ряды (*толстое, дородное, жировое – тонкое, пустое, жидель*), оппозицию пива и «не пива» (*пиво – полтивце, чиквас*). Некоторые названия пива второго слива объясняются его обрядовой функцией: название *бадог*, производное от *бадог* ‘посох’, связано с традицией «пить на посошок», *толкун* – с обычаем «выпроводаживать» засидевшихся гостей жидким пивом.

В целом словник пивоварения составлен из архаичной лексики (ср. *оловина, дружг, молоди* и пр.), с большим количеством экспрессивных наименований, а также названий, трактовка которых возможна только путем установления культурно-языковых параллелей.

Сокращения

- арх. – архангельское
- баб. – Бабаевский район Вологодской области
- бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
- бел. – Белозерский район Вологодской области
- в-важ. – Верховажский район Вологодской области
- вельск. – Вельский район Архангельской области
- вин. – Виноградовский район Архангельской области
- влад. – владимирское
- вож. – Вожегодский район Вологодской области
- волог. – вологодское
- вологод. – Вологодский район Вологодской области
- вохом. – Вохомский район Костромской области
- в-т. – Верхнетоемский район Архангельской области
- в-уст. – Великоустюгский район Вологодской области
- галич. – Галичский район Костромской области
- др.-рус. – древнерусское
- кадн. – Кадниковский уезд Вологодской губернии
- карг. – Каргопольский район Архангельской области
- к-г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
- кирил. – Кирилловский район Вологодской области
- кон. – Кондопожский район Архангельской области
- костром. – костромское
- котл. – Котласский район Архангельской области
- красн. – Красноборский район Архангельской области
- лен. – Ленский район Архангельской области
- леш. – Лешуконский район Архангельской области
- межд. – Междуреченский район Вологодской области
- mez. – Мезенский район Архангельской области
- м-реч. – Междуреченский район Вологодской области
- нерехт. – Нерехтский район Костромской области
- нижегор. – нижегородское
- ник. – Никольский район Вологодской области
- новг. – новгородское
- нюкс. – Нюксенский район Вологодской области
- нянд. – Няндомский район Архангельской области
- окт. – Октябрьский район Костромской области
- олон. – Олонецкая губерния
- онеж. – Онежский район Архангельской области
- пав. – Павинский район Костромской области
- пин. – Пинежский район Архангельской области

помор. – поморское
 пошех. – Пошехонский район Ярославской области
 псков. – псковское
 свердл. – свердловское
 смол. – смоленское
 сямж. – Сямженский район Вологодской области
 тарн. – Тарногский район Вологодской области
 твер. – тверское
 tot. – Тотемский район Вологодской области
 у-куб. – Усть-Кубинский район Вологодской области
 устьян. – Устьянский район Архангельской области
 устюж. – Устюженский район Вологодской области
 холм. – Холмогорский район Архангельской области
 череп. – Череповецкий район Вологодской области
 шексн. – Шекснинский район Вологодской области
 шенк. – Шенкурский район Архангельской области

Литература

1. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014. Т. 1–6 (издание продолжается).
2. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980–2015. Вып. 1–16 (издание продолжается).
3. Словарь вологодских говоров. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.
4. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкоznания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
5. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкоznания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., 2009.
7. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011.
8. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетова (вып. 23–42), С.А. Мызникова (вып. 43–46–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2013. Вып. 1–46 (издание продолжается).
9. Андреева Т.Б. Пиво в обрядах и обычаях северорусских крестьян в XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 77–88.
10. Андреева Т.Б. Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX – начале XXI в.: автореф. дис. канд. ист. наук / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. М., 2006.
11. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.
12. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром akaющих говоров). Рукопись.
13. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
14. Даля В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.
15. Куркина Л.В. Славянские этимологии // Этимология 1981. М., 1983. С. 3–16.
16. Цейтлин Р.М. Заметки по старославянской лексикологии // Этимология 1971 / отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1973. С. 102–114.
17. Пьянкова К.В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: дис. канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2008.
18. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008.

19. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.
20. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
21. Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. Репр. СПб., 2006.
22. Феоктистова Л.А., Горяев С.О. Об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков // Ономастика Поволжья : материалы XV Междунар. науч. конф. / под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. Арзамас, 2016. С. 380–384.
23. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32–). М. : Наука, 1975–2011. Вып. 1–37 (издание продолжается).
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.
25. Приемышева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX века : в 2 ч. СПб. : Нестор-история, 2009.
26. Словарь современного русского литературного языка. М.: Наука; Л.: Изд-во АН ССР, 1948–1965. Т. 1–17.
27. Словарь Академии Российской (1789–1794). М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2005. Т. 1–6.
28. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: ИРЯ РАН: Ин-т филологии СО РАН. СПб.: Нестор-История, 2007–2016. Вып. 1–10 (издание продолжается).

BREWING VOCABULARY IN THE RUSSIAN NORTH: AN ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 57–73. DOI: 10.17223/19986645/48/4

Ksenia V. Osipova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Keywords: ethnolinguistics, traditional culture, semantics, motivation, Russian language, dialect, Russian North, food, brewing.

The article considers the brewing vocabulary which refers to the peculiarities of beer fermentation and its qualitative characteristics. The material includes the dialect data from Arkhangelsk and Vologda Oblasts, as well as from the northeastern part of Kostroma Oblast (the northern part of Sharyinsky, Vokhomsky, Oktyabrsky, Pavinsky Districts formerly belonging to Vologda Oblast). The data were taken from the dialect dictionaries of these territories and lexicographic files of the Ural Federal University Toponymic Expedition. The work aims to carry out an ethnolinguistic interpretation of the Russian North dialect vocabulary which denotes the peculiarities of fermentation and the qualitative characteristics of beer. Such methods as semantic reconstruction, ideographic, systemic semantic analysis, identification of semantic and motivational parallels between linguistic facts and extralinguistic forms of culture are used to build a complex ethnolinguistic research.

Terms of brewing are combined into several thematic groups: 1. General characteristics (beer *korchagovoye*, *tshannoye*, *styrovoye*, *bol'shoye*, *malen'koye* etc.). 2. Preparation of malt and mash (*zasolodit'*, *chizhit'*, *buchit'* etc.). 3. Fermentation of beer: leaven (*mel*, *prizgolovok*, *nazhivka* etc.), process of fermentation (*gulyat'*, *zhit'*, *khodit'*; *naveselivat'* etc.), beer foam (*molodi*, *babka*, *zaytsy*, *kolpak* etc.). 4. Poured out remains of beer (*kochevrya*, *tret'yak*, *synok*, *svistun*, *badog*, *zadnyukha* etc.) 5. Sediment in beer (*drobina*, *druzg*, *olovina*, *barda*, *bardama* etc.). 6. Poorly brewed beer (*kisel'*, *pivo-netecha* etc.). With reference to these ideograms, the author presents the basic vocabulary of brewing in the Russian North, reveals typical semantic-motivational models and searches for cultural and linguistic parallels and their traditional representation.

Generally, the vocabulary of brewing is composed of archaic lexemes (ex. *olovina*, *druzg*, *molodi* etc.), it includes expressive names and names which can be interpreted only through cultural and linguistic parallels. The vocabulary of beer fermentation expresses the idea of its anthropomorphic form. The names of beer of the first, second, third grade are the most expressive part of the brewing vocabulary (ex. *bryukhodiy*, *konev'ya ssyach*). Its comprehensive analysis allowed to identify non-trivial semantic transitions such as ‘deceiver, chatterbox’ → ‘weak beer’, ‘vertigo’ → ‘strong beer’, ‘son, stepson’ → ‘beer of the first, second, third grade’. The ritual function explains several names of the second grade beer: the name *badog* derived from *badog* ‘stick’, it is associated with the tradition of “drinking before leaving”, *tolkun* is a liquid beer which is used to “pack off” overstaying visitors.

References

1. Matveev, A.K. (ed.) (2001–2014) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vols 1–6. Ekaterinburg: Ural State University.
2. Getsova, O.G. (ed.) (1980–2015) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vols 1–16. Moscow: Moscow State University.
3. Rus'. (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Rus'.
4. Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University. (n.d.) *Kartoteka "Slovarya govorov Russkogo Severa"* [Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North]. Ekaterinburg: Ural Federal University.
5. Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University]. Ekaterinburg: Ural Federal University.
6. Tenishev, V.N. (2009) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrary: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazy V.N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Routine. Traditions: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenishev]. Vol. 7. Part 2. St. Petersburg.
7. Durov, I.M. (2011) *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic application]. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.
8. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–46. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
9. Andreeva, T.B. (2004) *Pivo v obryadakh i obychayakh severnorusskikh krest'yan v XIX v.* [Beer in the rites and customs of the North Russian peasants in the 19th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 77–88.
10. Andreeva, T.B. (2006) *Traditsii sel'skogo pivovareniya na Russkom Severe v XIX – nachale XXI v.* [The traditions of rural brewing in the Russian North in the 19th – beginning of the 21st centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
11. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Vols 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
12. Gantsovskaya, N.S. (n.d.) *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi (s epitsentrom akayushchikh govorov)* [Dictionary of dialects of the Kostroma Transvolga: interfluve of the Kostroma and the Unzhi (with the epicenter of a-dialects)]. Manuscript.
13. Kulikovskiy, G.I. (1898) *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
14. Dahl, V.I. (1955) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyykh i natsional'nykh slovarey.
15. Kurkina, L.V. (1983) Slavyanskie etimologii [Slavonic etymologies]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya 1981* [Etymology 1981]. Moscow: Nauka. pp. 3–16.
16. Tseytlin, R.M. (1973) *Zametki po staroslavanskoy leksikologii* [Notes on the Old Slavonic lexicology]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya 1971* [Etymology 1971]. Moscow: Nauka.
17. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary denoting the categorical attributes of food in the Russian language tradition]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
18. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavanskoy perspektive* [The space of a word. Lexical semantics in the all-Slavic perspective]. Moscow: Indrik.
19. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshcheslavanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary on the general Slavic background: a semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
20. Podvysotskiy, A.I. (1885) *Slovar' oblastnogo arkhangelskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

21. Dilaktorskiy, P.A. (2006) *Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya* [Dictionary of the regional Vologda dialect]. 1906 Manuscript reprint. St. Petersburg.
22. Feoktistova, L.A. & Goryaev, S.O. (2016) [About “Ivans” in the names of alcoholic beverages]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the XV international conference. Arzamas: Izd-vo: OOO “Interkontakt”. pp. 380–384. (In Russian).
23. Trubachev, O.N. & Zhuravlev, A.F. (eds) (1975–2011) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikhazykov* [Etymological dictionary of Slavic languages]. Vols 1–37. Moscow: Nauka.
24. Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Progress.
25. Priemyshsheva, M.N. (2009) *Taynye i uslovnye yazyki v Rossii XIX veka: v 2 ch.* [Secret and conditional languages in Russia of the 19th century: in 2 parts]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.
26. Shakhmatov, A.A. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremenennogo russkogo literaturnogoyazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vols 1–17. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
27. (2001–2005) *Slovar' Akademii Rossiyiskoy (1789–1794)* [Dictionary of the Russian Academy (1789–1794)]. Vols 1–6. Moscow: Dashkova Moscow State Institute for the Humanities.
28. Anikin, A.E. (2007–2016) *Russkiy etimologicheskiy slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vols 1–10. Moscow: IRL RAS, Institute of Philology SB RAS; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

УДК 811.112.2
DOI: 10.17223/19986645/48/5

М.Ю. Россихина

**НЕМЕЦКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ**

В статье рассматриваются основные лингвистические исследования зарубежных германистов в области немецкого молодежного языка на протяжении трех столетий. Выделяются три этапа в этих исследованиях, связанные с историческими периодами возникновения и развития немецкого студенческого, школьного и общемолодежного жаргона. Для каждого этапа определяются наиболее значимые научные труды, в которых определяется статус молодежного языка, описываются пути его пополнения, выявляются лексические, грамматические и орфографические особенности.

Ключевые слова: лингвистический объект, немецкий язык, молодежный жаргон, исторический период, динамический процесс.

Немецким молодежным языком (*deutsche Jugendsprache*) в зарубежной германистике традиционно называется жаргон немецкоязычной молодежи [1, 2, 3], впервые упоминающийся как студенческий язык (*Studentensprache* или *Burschensprache*) в XVI в. [4] и прошедший за долгие столетия путь от исторического студенческого и школьного языка [5] до современного общемолодежного жаргона. Неудивительно, что такое явление стало притягательным объектом для социологических и лингвистических исследований. Цель данной работы – описание основных лингвистических концепций, отражающих становление, развитие и функционирование немецкого молодежного языка. Отметим, что многочисленные русско- и немецкоязычные труды в области немецкого молодежного языка не содержат аналитического обзора тенденций и подходов к исследованию этого феномена с XVIII по XXI в. Представление такого анализа в нашем исследовании определяет его научную новизну.

Термин «язык» применительно к специальным языкам (*Sondersprachen*), к которым относится и молодежный язык, используется условно, потому что речь идет не о каких-либо особых языках со своей структурой и общей системой, а о наборе средств лексического и словообразовательного характера, принадлежащих в своей основе к различным областям терминологии и специализированной лексики [6].

Известные нам первые словари студенческого языка издаются в XVIII в., а его серьезное лингвистическое описание «*Deutsche Studentensprache*», автором которого является известный немецкий ученый Ф. Клуге, было опубликовано в 1895 г. [4]. Ф. Клуге подробно анализирует источники появления первых студенческих слов и выражений, считая таковыми латинский, греческий и французский языки. Заимствования из латинского языка он называет античными элементами и приводит в качестве примера такие жаргонизмы, как Pennal «*Schüler*», Nympfen «*Frauenzimmer*», Athen «*Universitätsstadt*»,

Musen «Studenten», *Capitolium* «Kopf» (все примеры в данной статье приводятся в оригинальной орфографии). Из античной литературы пришли в студенческий язык и словообразовательные тенденции, ср.: *Luntrus* «Lump», *Freundus* «Freund», *Politikus* «Politiker». По образцу античных *Luntrus* и *Freundus* в XIX в. образуются *Pfiffikus* «Politiker», *Lustikus* «ein lustiger Mensch», *Ueppikus* «üppiger Student», *Schwachmatikus* «ein schwacher Mensch» и др. Античные элементы Ф. Клуге видит и в таких новообразованиях, как *Knüllität*, *Flottität*, *Forschität* (по аналогии с *Humanität*, *Antiquität*, *Quantität*, *Qualität*). Кроме многочисленных латинских элементов, следует назвать греческий *-kos*, который, по мнению Ф. Клуге, попал в немецкий студенческий через латинский язык и встречается в словах *studentikos* и *burschikos* [4. S. 48]. Он отмечает также приток французских заимствований и использование французских словообразовательных элементов в студенческих жаргонных лексемах (*Kneipier* «Kneipwirt», *Wichsier* «Stiefelputzer», *Pumpier* «Wucherer», *Fechtier* «Fechtlehrer», *Blamage* «Pech», *Schlittage* «Schlittenfahrt», *luderös* «unangenehm», *winkelös* «winkelig» и др.).

Студенческий язык XVIII–XIX вв. заимствует лексику не только из иностранных языков, но и из арго. В качестве примера Ф. Клуге приводит целый ряд арготизмов, ставших студенческими жаргонизмами: *Blech* «Geld», *rumpfen* «borgen», *foppen* «veralbergn», *gansen* «stehlen», *Kaball* «Pferd», *stibitzen* «stehlen» и др. Из арго пришли в студенческий язык и сокращения на *-eo*: *schlecht* → *schleo*, *Kneipe* → *Kneo*, *Bier* → *Beo*, *Wagner* → *Wageo*, *Schmidt* → *Schmeo* и т.д.

В этой работе Ф. Клуге впервые обращает внимание на роль метафоризации в обогащении словарного состава студенческого жаргона. Он даже вводит свой термин «Burschikose Zoologie» (студенческая зоология) для метафоризации, при которой осуществляется перенос с животных и птиц на человека. Эта отличительная черта присуща не только студенческому, но, как отмечает автор, и разговорному языку, однако в отличие от разговорного языка, где большинство таких метафор употребляется как ругательства, в студенческом жаргоне они часто обозначают наименования студентов без отрицательной коннотации, например: *Frosch* «Gymnasiast», *Fuchs* «Student des ersten Semesters», *Brandfuchs* «Student des zweiten Semesters» и т.д. Студент, не принадлежащий ни к какой корпорации, назывался в Йене *Fink*, в Бреслау – *Bär*. Интересно отметить, что такие зоологические метафоры встречаются в названиях пива (*Bock*, *Biiffel*, *Ente*, *Kuhschwanz*), а также в названиях сыра (*Truthahn*) и хлеба (*Krammervögel*). Целый ряд зоологических метафор встречается в наименованиях женского пола, например, девушек легкого поведения студенты в XIX в. называли *Grasmücken*, *Bleivögel*, *Schnepfen* и *Dohlen*.

Если первая часть работы Ф. Клуге представляет собой лингвистическое описание студенческого языка, то ее вторая часть – это словарь, содержащий более 1500 жаргонных слов и выражений. Этот комплексный труд вызвал большой резонанс в лингвистических кругах того времени. Был опубликован целый ряд рецензий, в которых он оценивается как значительный вклад в исследование студенческого языка [7, 8]. Высоко были оценены исследования Ф. Клуге и много лет спустя известным немецким лингвистом Л. Гаухатом [9].

Не меньший интерес вызывает описание специфики студенческого языка И. Мейером, которое он представил в предисловии к своему словарю «Basler Studentensprache» [10]. Характеризуя Базельский студенческий язык, он так же, как и Ф. Клуге, выделяет иностранные языки, арго и метафоризацию как источники его обогащения. Однако в отличие от Ф. Клуге И. Мейер уделяет больше внимания диалектам и разговорной речи, из которых студенты черпают значительное количество лексики, преобразуя ее для своего использования: «Um ein eigenes Material für die studentikose Sprache zu gewinnen, werden die Wörter des Dialektes und der Umgangssprache von den Studenten eigenartig zu ihrem Gebrauche umgestaltet» [10, S. 13]. При этом студенты употребляют специализированные значения в широком смысле, например: *hipse* вместо *gehen*, *atanze*, *aneschlängle* вместо *herankommen* и т.д. Чтобы показать масштабы пополнения студенческого жаргона за счет этого процесса, И. Мейер приводит из Базельского студенческого языка синонимические ряды со значением «*gehen*» (*beinle*, *schiebe*, *trampe*, *seggle*, *stüge*, *walze*, *wandle* и др.), «*weggehen*» (*abdampfe*, *abhase*, *abkratze*, *abseggle*, *abzäpfle* и др.), «*heimgehen*» (*heimtrüble*, *heimrutsche*, *heimkaibe* и др.) и т.д. Студенческий язык заимствует из диалектов грамматические формы, которые отличаются от форм стандартного языка: *gekniffen* вместо *gekneipt*, *gmorke* вместо *gemerkt*, *überzöge* вместо *überzeugt*. И. Мейер обращает внимание и на создание новых жаргонизмов путем сокращения слов и выражений: *Bibliothek* → *Biblio*, *Landjäger* → *Ländi*, *Laboratorium* → *Labor*, *Dissertatz* → *Dissertazio*, *tadelloser Besen* → *t.B.*, *dummer Kalb* → *d.K.*, *leck mir im Arsch* → *I.m.i.a.* В качестве примера он приводит и более сложные выражения для расшифровки: Если студент говорит *kai Zit ha* (*kein Geld haben*), то речь идет о пословице «*Zeit ist Geld*», если же он говорит *Heu ha* (*Geld haben*), то имеет в виду «*Geld wie Heu*».

Как Ф. Клуге, так и И. Мейер сходятся во мнении, что недостаточно только документировать языковые особенности определенных социальных групп и их привычки, необходимо изучать их роль в формировании национального языка. Тем самым в лингвистических трудах этого периода реализуются первые попытки общетеоретического осмысления молодежного жаргона.

Кроме И. Мейера, в начале XX в. изучением студенческого жаргона занимается еще целый ряд лингвистов. Но в своих публикациях они в основном характеризуют уже изданные словари этой ненормативной лексики и представляют свои небольшие списки студенческих жаргонизмов [11, 12].

Школьный жаргон (*Schülersprache* или *Pennälersprache*) также привлекает внимание исследователей того времени. Наиболее значимыми в этой области являются работы Р. Эйленбергера [13] и Ф. Мельцера [14]. Р. Эйленбергер в своем труде «*Pennälersprache. Entwicklung, Wortschatz und Wörterbuch*», анализируя словарный состав школьного жаргона, выявляет источники его пополнения начиная с монастырского языка, поскольку первые школы возникали в Германии при монастырях. Из монастырской лексики в школьный язык вошли жаргонизмы *informiren* «*speisen*», *kümmeln* «*arbeiten*», *kariren* «*strafweise fasten müssen*» и др. По мнению Р. Эйленбергера, самое большое влияние на школьный жаргон оказал студенческий язык. Значительное количество лексики разного происхождения (от античных до современных языков)

попадает в школьный жаргон через студенческий. Речь идет прежде всего о заимствованиях из латинского (*Profax* «Professor», *Fressalien* «Nahrungsmittel», *promoviren* «versetzt werden»), греческого (*Olymp* «Lehrerzimmer», *Mathese* «Mathematik»), а также из современных французского (*Battel* «Flasche», *kokettieren* «sich den Hof machen lassen») и английского (*kleppen* «stehlen», *Klassen-top* «der letzte der Klasse»). Автор показывает также большое влияние арго (*Kessel* «Lehrer», *pennen* «schlafen», *petzen* «verraten», *abkloppen* «abschreiben») и других жаргонов: жаргона солдат (*Lade* «Karzer», *klappen* «erwischen», *Knochenmühle* «Turnhalle»), купцов (*Quittung* «Zeugnis», *Chef* «Rektor»), охотников (*balzen* «den Hof machen», *löffeln* «verstehen») и т.д. Р. Эйленбергер отмечает большое количество синонимичной жаргонной лексики и в качестве примера приводит синонимический ряд со значением «abschreiben», записанный им в одной из школ: *abbohren, hucken, hauen, hobzen, klitschen, klauen, kloppen, klatschen, kratzen, rumpen, schmaudern, typen, wicksen*. Он подчеркивает изобретательность школьников, которые, создавая свой язык, не просто заимствуют лексику из различных источников, а преобразуют ее, часто придавая ей комический смысл (*Rex* «Rektor», *vorbeiambuliren* «vorbeigehen», *Kummeraktie* «Zeugnis»). Проанализировав словарный состав школьного жаргона, Р. Эйленбергер приходит к выводу, что школьный жаргон – это, с одной стороны, проекция студенческого языка на школьников, а с другой – особый язык, который создает мало собственной лексики, зато много новых значений [13. S. 38].

В монографии Ф. Мельцера «Die Breslauer Schülersprache» представлено тематическое деление лексики по таким рубрикам, как Schule, Sport und Spiel, Mitmenschen [14]. Автор рассматривает жаргонизмы в связи с реальной жизнью школьников, что особенно важно, поскольку жаргон – это не только особые слова и выражения, это отражение социальных отношений, быта и интересов носителей жаргона. Этот труд был позже высоко оценен исследователями молодежного языка. Так, Г. Генне считает, что это теоретически и методически самая прогрессивная работа того времени: «Theoretisch und methodisch fortgeschrittenste Arbeit» [1. S. 13].

Кроме монографий Р. Эйленбергера и Ф. Мельцера, в первые десятилетия XX в. публикуется целый ряд статей, посвященных исследованию школьного жаргона. Так, К. Шладебах в статье «Die Dresdener Pennälersprache», описывая результаты изучения языка школьников Дрездена, Пирны и Майсена, приходит к выводу, что есть очень большие различия в жаргонной лексике в отдельных школах [15. S. 56]. Он дает краткую характеристику словарного состава и представляет небольшой список школьных жаргонизмов.

Следует отметить, что все упомянутые нами работы решают наряду с научно-теоретическими еще и лексикографические задачи, так как содержат списки студенческой и/или школьной лексики.

Определенный интерес представляет статья Г. Вокке «Schülergeheim-sprachen». В ней рассматриваются тайные языки, которыми пользуются школьники. Автор выделяет 12 таких языков: p-Sprache, b-Sprache, fe-Sprache, U-Sprache, H-Sprache и др. Каждый из этих языков интересен и неповторим. Например, если речь идет о fe-Sprache, то после каждого гласного стоит слог

-fe: «Mein Bruder heißt Helmut → Mefeifen Brufedefer hefeifeft Hefelmufet» [16, S. 216].

В так называемом Umsetsprache изменяются только гласные и дифтонги: a → e (Hans → Hens), e → i (Berg → Birg), o → u (Most→Must), au → ei (Maus → Meis), ei, ai → eu (fein → feun) и т.д. Г. Вокке подчеркивает, что такие тайные школьные языки являются детской игрой и безобидными, хотя и систематическими искажениями слов и никоим образом не связаны с тайными языками арго.

Студенческому языку была посвящена речь ректора Цюрихского университета профессора Л. Гаухата 29 апреля 1926 г. [9]. В ней он дает всестороннюю характеристику этого языка, делает экскурс в историю его возникновения и развития, выделяет его основные черты. Л. Гаухат считает, что студенческий язык можно даже назвать кастовым языком (Kastensprache). Он подчеркивает, что жаргон учащейся молодежи проникает в стандартный язык и обогащает художественные произведения. В конце речи Л. Гаухат выражает надежду на дальнейшее тщательное и всестороннее исследование языка учащейся молодежи. Однако его надеждам не суждено было сбыться, так как с приходом к власти фашизма в 1933 г. все научные исследования в Германии в области социальных вариантов языка были прекращены.

Только после Второй мировой войны возобновляются лингвистические исследования в этой области, и вместо терминов студенческий (Studentensprache) и школьный язык (Schülersprache) появляется термин молодежный язык (Jugendsprache). Следует отметить, что в современной германистике студенческий и школьный языки до начала Второй мировой войны именуются историческими: historische deutsche Studenten- und Schülersprachen [3, S. 91].

В 50-е гг. в немецких научных журналах «Sprachpflege», «Muttersprache», «Sprachdienst», «Sprachwart», публикуется целый ряд статей, посвященных молодежному языку [17, 18, 19, 20]. В целом все эти труды критiquют языковую креативность молодого поколения. В них звучит озабоченность относительно чистоты немецкого языка. Молодежный социолект воспринимается как реальная угроза для общенационального языка. Известный исследователь немецкого молодежного языка Г. Генне характеризует опубликованные в этот период статьи как труды без «языковедческой концепции» [1, S. 222], поскольку в них превалирует традиционный системно-ориентированный подход, суть которого заключается в выявлении типичных черт молодежного жаргона на основе его противопоставления национальному языку.

С именем Г. Генне связано начало научно-лингвистического изучения молодежного языка в Германии в 80-е гг. Наряду с традиционно исследуемыми лексическими он выделяет фонетические, морфологические и синтаксические особенности молодежного социолекта. Г. Генне проводит свое исследование, изучая материалы анкетного опроса учащихся реальных школ и гимназий с учетом их возрастных характеристик и региональных особенностей [1].

Анкетирование до сих пор активно используется при изучении молодежного социолекта в Германии. В современных анкетных опросах уделяется внимание проблемам исследования языкового сознания информантов, учи-

тываются аспекты как активного употребления жаргонизмов, так и их пассивное значение [3. S. 48]. Однако не все исследователи считают метод анкетирования достаточным для учета функциональных и социальных аспектов молодежной коммуникации [21. S. 9–10]. Приходит понимание, что молодежный жаргон – это не только специфическая лексика, это также определенная субкультура его носителей. В связи с этим П. Шлобински определяет молодежный язык как «комплексный языковой регистр» [22. S. 12].

Здесь целесообразно обратиться к мнению Г. Эмана, который в предисловии к своему словарю «Voll konkret» излагает социальные причины, обусловившие появление молодежного жаргона [23. S. 10–12]. Г. Эман задает вопрос: Почему вообще существует молодежный язык? (Warum gibt es überhaupt eine Jugendsprache?). Отвечая на него, он называет шесть самых важных, по его мнению, причин. Представим эти причины сокращенной интерпретацией: 1. Протест против устоявшихся норм и традиций. 2. Отграничение от мира взрослых. 3. Возможность выражать свою индивидуальность. 4. Стремление к новому, желание создать что-нибудь свое собственное, неповторимое. 5. Возможность обеспечить выход агрессии и отрицательной энергии посредством использования пейоративной лексики. 6. Молодежный язык красочнее и конкретнее, экономичнее и удобнее, лучше выражает чувства и настроения. Г. Эман делает попытку показать, что нельзя проводить лингвистическое исследование в отрыве от социологического.

Говоря о значимых научных трудах в области молодежного языка, нельзя не упомянуть монографию Я. Андроутсопулоса «Немецкий молодежный язык. Исследование его структур и функций» («Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen»). Своё исследование ученый проводит на примере молодежных «самодеятельных» журналов (Fanzins), язык которых он считает аутентичным молодежному языку), т.е. языковой реализацией жаргона, которая максимально приближена к разговорной речи молодежи. На материале этих журналов Я. Андроутсопулоус изучает не только лексические особенности жаргона музыкальных фанатов, но и графическое отображение устной речи, которое является выражением различных эмоций [24].

Большой вклад в изучение современного молодежного языка вносят многочисленные работы профессора Е. Нойланд. В 1999 г. ею опубликована библиография работ, посвященных исследованию молодежного социолекта, которая была переиздана в 2007 г. [25]. Эта библиография включает работы, изданные с 1894 по 1999 г. Более 400 наименований распределены по разделам, отражающим различные направления в области исследования языка молодежи: «История молодежного языка и его изучения», «Молодежный язык в других странах», «Молодежный язык и субкультура» и др. Раздел «Лингвистическое исследование молодежного языка» насчитывает 129 наименований [25. S. 11–23]. Фундаментальный труд Е. Нойланд «Jugendsprache» издается в 2008 г. [3]. В нем автор излагает результаты многолетнего исследования немецкого молодежного жаргона, она оценивает его как развивающееся явление, как исторический, интернациональный, групповой феномен, феномен средств массовой информации, языковых контактов и языкового сознания. Е. Нойланд рассматривает изучение молодежного языка в русле филологиче-

ской и психологической традиции. Особое внимание она уделяет жаргону школьников (*Schülersprache*), отличая его от жаргона школы (*Schulsprache*) и жаргона уроков (*Unterrichtssprache*), поднимая тем самым вопрос о многоязычии учащихся. При изучении молодежного языка XXI в. лингвисты стали обращать внимание на специфику его использования в художественной литературе [21. S. 129–177] и Интернете [26, 27]. Вопросы исследования молодежного социолекта в этих областях подробно освещены в наших предыдущих публикациях [28, 29].

Несмотря на разные подходы к изучению молодежного социолекта и оценке его роли в немецком национальном языке, ученые прошлых столетий и современные исследователи этого феномена единодушны во мнении по поводу путей пополнения его словарного состава, называя три основных способа: 1) метафоризацию (*Kürbis* «Kopf», *Rüssel* «Mund», *Laufwerk* «Gehirn»); 2) словообразовательную деривацию, где особенно частотны префиксация (*abschädeln* «exzessiv Alkohol trinken», *verdeutschen* «erläutern, erklären»), композиты (*Eckenkind* «Person ohne Freunde», *bildungsresistent* «dumm»), сокращения (*ABJ* «amtlich bescheinigte Inkompetenz»), *JOLO* «You live only once», *Proggi* «Programm»), языковая игра (*geilo-meilo* «super», *flittern* (flirten+twittern), «über Twitter flirten», *Smombie* (Smartphone+Zombie) «Mensch, der wie gebannt mit dem Handy über die Straße geht und nicht guckt, wohin er geht»); 3) заимствования (*fooden* «essen», *tight* «toll», *copypasten* «abschreiben», *trashing* «super»).

Итак, в статье рассмотрены основные лингвистические исследования в области немецкого молодежного языка. Выделены три этапа в этих исследованиях, связанные с историческими периодами его возникновения и развития. Первый этап (XVIII – начало XX в.) – исследование исторического студенческого жаргона. Второй этап (первые три десятилетия XX в.) – исследование исторического школьного жаргона. Третий этап (50-е гг. XX в. – по настоящее время) – исследование общемолодежного жаргона. Для каждого этапа определены наиболее значимые научные труды, в которых выявляются основные пути пополнения молодежного социолекта, описываются его лексические, орфографические и грамматические особенности, анализируются происходящие в нем динамические процессы. Несмотря на различные мнения и подходы к изучению немецкого молодежного языка, всеми исследователями отмечено его большое влияние на разговорный и литературный язык, язык средств массовой информации и тем самым на немецкий национальный язык в целом.

Литература

1. Henne H. Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialien, Kritik. Berlin u.a.: de Gruyter, 1986. 385 S.
2. Heinemann M. Kleines Wörterbuch der Jugendsprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. 122 S.
3. Neuland E. Jugendsprache. Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2008. 210 S.
4. Kluge F. Deutsche Studentensprache. Straßburg: Trübner, 1895. 136 S.
5. Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache. Bd. 1–6. Berlin/New York: de Gruyter, 1984.

6. *Agricola E. Fleischer W., Protze H.* Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. Bd. 1. Leipzig, 1969.
7. *Schmidt E.* Rezension zu Friedrich Kluge: Deutsche Studentensprache. Straßburg, 1895 // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 5/1895. S. 225–233.
8. *Heyne M.* Rezension zu Friedrich Kluge: Deutsche Studentensprache. Straßburg, 1895 // Anzeiger für Deutsches Altertum und Deutsche Literatur. 22/1895. S. 235–258.
9. *Gauchat L.* Studentensprache//Rectoratsrede und Jahresbericht 1925/26. Zürich, 1926. S. 3–15.
10. *Meier J.* Basler Studentensprache. Vorwort. Basel: Georg, 1910. S. 3–14.
11. *Fabricius W.* Zur Studentensprache // Zeitschrift für deutsche Wortforschung. Straßburg. 3/1902. S. 91–101.
12. *Ladendorf O.* Studentendeutsch // Zeitschrift für deutsche Wortforschung. Straßburg. 4/1903. S. 309–314.
13. *Eilenberger R.* Pennälersprache. Entwicklung, Wortschatz und Wörterbuch. Straßburg: Trübner, 1910. 68 S.
14. *Melzer F.* Die Breslauer Schülersprache (1928) // Henne H., Objartel G. (Hrsg.) Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache. Bd. 5. S. 435–582.
15. *Schladebach K.* Die Dresdener Pennälersprache // Zeitschrift für den deutschen Unterricht. 18/1904. S. 56–62.
16. *Wocke H.* Schülergeheimsprachen // Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. 20/1918. S. 215–218.
17. *Johimsen R.* Gammeln, Hotten, Stenzen. Aus dem Wörterbuch der Jugend von heute // Muttersprache. 63/1953. S. 296–299.
18. *Ohms H. H.* Wenn ich rede, hast du Sendepause... Zur Geheimsprache unserer Jugend // Westermanns pädagogische Beiträge. 9/1957. S. 134–139.
19. *Wolf S. A.* Die Ische, die Brumme und der steile Zahn // Der Sprachwart. 9/1959. S. 165–180.
20. *Küpper H.* Zur Sprache der Jugend// Der Sprachwart. 11/1961. S. 185–188.
21. *Chun M.* Jugendsprache in den Medien. Eine jugendsprachliche Analyse von Jugendromanen, Hip-Hop-Texten und Kinofilmen. Saarbrücken: AkademikerVerlag, 2012. 343 S.
22. *Schlobinski P., Kohl G., Ludewigt J.* Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. 239 S.
23. *Ehmann H.* Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. München: Beck, 2011. 160 S.
24. *Androutsopoulos J. K.* Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen . Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 1998. 684 S.
25. *Neuland E.* Studienbibliographie Jugendsprache. Tübingen: Julius Croos Verlag, 2007. 51 S.
26. *Androutsopoulos J.K.* Jugendliche Schreibstile in der Netzkomunikation: Zwei Gästebücher im Vergleich // Jugendsprachen – Spiegel der Zeit. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. S. 307–321.
27. *Kleinberger U., Spiegel C.* Jugendliche schreiben im Internet: grammatische und orthographische Phänomene in normungebundenen Kontexten // Perspektiven der Jugendsprachforschung. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. S. 101–116.
28. *Россихина М.Ю., Быков А.А.* Специфика Интернет-сленга немецкоязычной молодежи // Вестн. Северного (Арктического) Федерального ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. №4. С. 116–126.
29. *Россихина М.Ю., Россихина Г.Н.* Специфика употребления немецкого молодежного языка в художественной литературе // Вестн. Брян. гос. ун-та: Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкознание / Педагогические науки. 2016. № 4 (30). С. 214–219.

GERMAN YOUTH-SPEAK AS THE SUBJECT-MATTER FOR RESEARCH IN FOREIGN GERMAN LANGUAGE STUDIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 74–83. DOI: 10.17223/19986645/48/5

Maria Yu. Rossikhina, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: rosmira@yandex.ru

Keywords: linguistic object, German, youth jargon, historical period, dynamic process.

The research into German youth-speak (*Jugendsprache*) has been going on for three centuries. The aim of this paper is to define major linguistic concepts reflecting the formation, development and functioning of German young people's slang.

The research employs an objective approach based on characterization and methodical recording of evidence from the history of language, as well as an approach which is a part of the taxonomic method (when similar occurrences in science are compared to develop a theory in some area of linguistic knowledge).

The research is based on monographs, articles and lectures by leading foreign linguists published in journals in the 18th–21st centuries, as well as lexicographical sources from this period.

In the course of investigation three significant stages in the linguistic study of German youth-speak are identified. They are closely connected with historical periods when youth slang came into being and started to evolve.

The first stage (the 18th century – the early 20th century) is the research into historical German students' slang (*historische deutsche Studentensprache/Burschensprache*). The earliest lexicographical sources of the students' slang go back to the 18th century and the first scholars who made the youth-speak part of the linguistic research were F. Kluge (1895) and J. Meier (1910). The scholars uncovered the sources of the vocabulary input, described the lexical-semantic processes in it and highlighted its interaction with Argo and colloquial language. Both F. Kluge and J. Meier point out that it is not enough to catalog the distinguishing characteristics of students' lexicon, it is vital to analyze its influence on the national language. Thus, in the linguistic findings of that period the first attempts to form general conclusions about youth-speak were made.

The second stage (the first three decades of the 20th century) involved the research into historical German school language (*historische deutsche Schülersprache/Pennälersprache*). The main findings of that period belong to R. Eilenberger (1910) and F. Melzer (1928), who examined slang words and expressions in the context of real life led by school students, conducted the comparative analysis of school sociolect, the student-speak and other types of slang.

The third stage (the 1950s – present) is concerned with the research into German young people's slang (*allgemeine deutsche Jugendsprache*), which has included both the slang of the young people who study and of those who work. This period has seen more comprehensive examination of familiar and new contexts. Along with the traditional lexical characteristics, its phonetic and grammatical distinctive qualities have been analyzed (H. Henne), the youth-speak has been defined as a complex language register (P. Schlobinski), its most important distinguishing attributes have been described (H. Ehmann), and its usage in fiction and media (M. Chun) as well as the Internet (J. Androutsopoulos) has been studied. The numerous works by E. Neuland are also worth mentioning; the scholar characterizes youth-speak as an evolving entity, as an international, historical and group phenomenon, the phenomenon in media, human interactions and language consciousness.

The analysis of the trends and approaches to German youth-speak in the 18th–21st centuries, comparison of its vocabulary, spelling and grammar over different periods of time have resulted in the following findings: 1. German youth-speak is a historical phenomenon going back to the past centuries rather than a modern linguistic product. 2. At the initial stage German youth-speak was based on the national language and used semantic and word-building elements of ancient languages. Later on it expanded through metaphorization of the vocabulary in general use, word-building derivation and borrowings. 3. Historical students' slang, historical school pupils' slang and modern young people's slang are different stages in the evolution of one and the same phenomenon – German youth-speak.

References

1. Henne, H. (1986) *Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialien, Kritik* [Youth and its language: presentation, materials, criticism]. Berlin et al.: de Gruyter.
2. Heinemann, M. (1980) *Kleines Wörterbuch der Jugendsprache* [Small dictionary of the Youth Language]. Leipzig: Bibliographical Institute.
3. Neuland, E. (2008) *Jugendsprache* [Youth Language]. Tübingen und Basel: Francke Verlag.
4. Kluge, F. (1895) *Deutsche Studentensprache* [German Student's Language]. Strasbourg: Trübner.
5. Henne, H. & Objartel, G. (eds) (1984) *Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache* [Library on the historical German student and schooler language]. Vols 1–6. Berlin; New York: de Gruyter.
6. Agricola, E., Fleischer, W. & Protze, H. (1969) *Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden* [The German language. Small encyclopedia in two volumes]. Vol. 1. Leipzig.

7. Schmidt, E. (1895) Rezension zu Friedrich Kluge: Deutsche Studentensprache. Straßburg, 1895 [Review of Friedrich Kluge: German Student Language. Strasbourg. 1895]. *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. 5. pp. 225–233.
8. Heyne, M. (1895) Rezension zu Friedrich Kluge: Deutsche Studentensprache. Straßburg, 1895 [Review of Friedrich Kluge: German Student Language. Strasbourg. 1895]. *Anzeiger für Deutsches Altertum und Deutsche Literatur*. 22. pp. 235–258.
9. Gauchat, L. (1926) Studentensprache [Student's speech]. *Rektoratsrede und Jahresbericht 1925/26*. Zürich.
10. Meier, J. (1910) *Basler Studentensprache. Vorwort* [Basler Student's language. Preface] Basel: Georg.
11. Fabricius, W. (1902) Zur Studentensprache [On student language]. *Zeitschrift für deutsche Wortforschung*. 3. pp. 91–101.
12. Ladendorf, O. (1903) Studentendeutsch [Student German]. *Zeitschrift für deutsche Wortforschung*. 4. pp. 309–314.
13. Eilenberger, R. (1910) *Pennälersprache. Entwicklung, Wortschatz und Wörterbuch* [Schooler language. Development, vocabulary and dictionary]. Straßburg: Trübner.
14. Melzer, F. (1928) Die Breslauer Schülersprache. In: Henne, H. & Objartel, G. (eds) *Bibliothek zur historischen deutschen Studenten- und Schülersprache* [Library on the historical German student and schooler language]. Vol. 5. Berlin; New York: de Gruyter.
15. Schladebach, K. (1904) Die Dresdener Pennälersprache [The Dresden schooler language]. *Zeitschrift für den deutschen Unterricht*. 18. pp. 56–62.
16. Wocke, H. (1918) Schülergeheimsprachen [Students secret languages]. *Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde*. 20. pp. 215–218.
17. Johimsen, R. (1953) Gammeln, Hotten, Stenzen. Aus dem Wörterbuch der Jugend von heute [Gammeln, Hotten, Stenzen. From the dictionary of the youth of today]. *Muttersprache*. 63. pp. 296–299.
18. Ohms, H.H. (1957) Wenn ich rede, hast du Sendepause... Zur Geheimsprache unserer Jugend [When I speak, you have a pause... On the secret language of our youth]. *Westermanns pädagogische Beiträge*. 9. pp. 134–139.
19. Wolf, S.A. (1959) Die Ische, die Brumme und der steile Zahn [The ash, the hum and the steep tooth]. *Der Sprachwart*. 9. pp. 165–180.
20. Küpper, H. (1961) Zur Sprache der Jugend [On the language of youth]. *Der Sprachwart*. 11. pp. 185–188.
21. Chun, M. (2012) Jugendsprache in den Medien. Eine jugendsprachliche Analyse von Jugendromanen, Hip-Hop-Texten und Kinofilmen [Youth language in the media. A youth language analysis of youth novels, hip-hop texts and films]. Saarbrücken: AkademikerVerlag.
22. Schlobinski, P., Kohl, G. & Ludewig, J. (1993) *Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit* [Youth language. Fiction and reality]. Opladen: Westdeutscher Verlag.
23. Ehmann, H. (2011) *Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache* [Fully concrete. The latest lexicon of the youth language]. Munich: Beck.
24. Androutsopoulos, J.K. (1998) *Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen* [German Youth Language. Investigations on its structures and functions]. Frankfurt et al.: Peter Lang.
25. Neuland, E. (2007) *Studienbibliographie Jugendsprache* [Study bibliography Youth language]. Tübingen: Julius Croos Verlag.
26. Androutsopoulos, J.K. (2003) Jugendliche Schreibstile in der Netzkomunikation: Zwei Gästebücher im Vergleich [Young people typing in the network communication: Two guestbooks in comparison]. In: *Jugendsprachen – Spiegel der Zeit* [Youth language – mirror of the time]. Frankfurt: Peter Lang.
27. Kleinberger, U. & Spiegel, C. (2006) Jugendliche schreiben im Internet: grammatische und ortographische Phänomene in normungebundenen Kontexten [Young people write on the Internet: grammatical and orthographic phenomena in norm-bound contexts]. In: *Perspektiven der Jugendsprachforschung* [Perspectives of youth language research]. Frankfurt: Peter Lang.
28. Rossikhina, M.Yu. & Bykov, A.A. (2016) Specifics of the Internet slang of German-speaking young people. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki" – "Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences*. 4. pp. 116–126. (In Russian).
29. Rossikhina, M.Yu. & Rossikhina, G.N. (2016) On peculiarities of using German youth slang in fiction. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (30). pp. 214–219. (In Russian).

УДК: 81'246.2
DOI: 10.17223/19986645/48/6

Г.Н. Чиршева, П.В. Коровушкин

СМЕШАННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ БИЛИНГВАЛЬНЫХ ДЕТЕЙ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СЕМЬЕ

Авторы статьи описывают структурные, семантические и прагматические особенности русско-английских смешанных высказываний в речи двух детей, одновременно усваивающих русский и английский языки в русской семье в России. Такие высказывания трактуются как переключения кодов, имеющие возрастную специфику на ранних этапах развития билингвизма (до 3 лет). Они подчиняются принципам грамматики кодовых переключений, которые предусмотрены рамочной моделью матричного языка, разработанной в зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: детский билингвизм, переключения кодов, структура, прагматика билингвальной речи, русский, английский.

Описывая формирование билингвизма у маленьких детей, исследователи часто указывают на обилие смешанных высказываний и чаще всего трактуют их как временное явление, которое следует преодолевать, добиваясь монолингвальности речи, т.е. отсутствия в ней иноязычных элементов.

Однако билингвы, как маленькие, так и взрослые, часто находятся в так называемом «билингвальном модусе» [1. С. 5–20], когда одновременно активизируются оба языка, что стимулирует использование двуязычных высказываний.

Цель нашей работы – на основе положений одной из моделей билингвальной речи охарактеризовать структуру, а также описать семантику и прагматику ранних переключений кодов, наблюдавшихся в высказываниях двух братьев, одновременно усваивающих русский и английский языки в русскоязычной семье, проживающей в России.

Разница в возрасте между мальчиками – 2 года 4 месяца (Миша – старший, Саша – младший). Мы будем рассматривать только те переключения кодов, которые зафиксированы в речи мальчиков до 3 лет (3; 0)¹.

Билингвальное воспитание в этой семье осуществляется по принципу «один родитель – один язык»: мама разговаривает с детьми по-русски (на родном языке), папа – по-английски (английский язык не родной, он его усваивал по такому же принципу «один родитель – один язык» от своего русскоязычного папы). Кроме того, по-английски с детьми разговаривают бабушка и дедушка (родители со стороны папы мальчиков), которые также не являются носителями английского языка, но активно и регулярно им пользуются в профессиональной деятельности.

Тип билингвизма по способу формирования можно охарактеризовать как естественный, так как он формируется в естественной повседневной комму-

¹ Краткий вариант возраста ребенка указывается в круглых скобках следующим образом: количество лет; количество месяцев, количество дней. Например: (1;09;03) – 1 год, 9 месяцев, 3 дня.

никиации, без специального обучения. Его отличие от естественного билингвизма в смешанных семьях состоит в том, что он сопровождается очень ограниченным формированием бикультуральности и отсутствием англоязычной социализации. Дети усваивают элементы англоязычной культуры только по фильмам, мультфильмам, книгам, другим артефактам (игрушкам, сувенирам, предметам одежды и т.д.), привезенным из других стран, а также в редких ситуациях общения с носителями английского языка.

Попытки исследователей детского билингвизма выявить типичные черты в ситуациях формирования ранней билингвальности у разных детей с одинаковыми комбинациями языков в инпуте (речевой среде, в которой растет ребенок) в семьях с двумя и более детьми пока дают противоречивые результаты.

А. Яровинский, изучавший венгерско-русский билингвизм в десяти семьях Венгрии, отмечал более активное билингвальное развитие у старших детей, с которыми их русскоязычные матери старались говорить только на русском языке (все остальные говорили по-венгерски); с младшими детьми они уже меньше говорили по-русски, а старшие дети, подражая им, тоже общались с братьями или сестрами чаще всего по-венгерски [2].

Дж. Сондерс, который формировал моноэтнический англо-немецкий билингвизм трех детей в своей семье в Австралии, указывал, что наиболее активное билингвальное развитие наблюдалось у младшего ребенка (дочери). Он объяснял это тем, что два ее старших брата, подражая отцу и выполняя его просьбу, старались разговаривать с сестренкой по-немецки и часто хвалили ее за то, что она говорила на этом языке [3, 4]. Возможно также, что это происходило потому, что обычно девочки начинают говорить активнее и в более раннем возрасте.

Гендерные различия в усвоении языков отмечает и Е. Мадден [5], дети-близнецы которой – мальчик и девочка – усваивали три языка: русский язык мамы, английский язык папы и немецкий язык общества. Е. Мадден отметила более медленные темпы усвоения языков сыном, что заставило родителей даже обращаться за рекомендациями к логопеду. У дочери проблем в речевом развитии ни на одном из языков не отмечалось. Разумеется, как и у всех других многоговорящих детей, в речи близнецов наблюдались переключения кодов и интерференция на всех языковых уровнях [5, 6], но в многоговорящих семьях такие явления в настоящее время обычно не вызывают беспокойства.

Даже если близнецы, как в семье Е. Мадден [5], демонстрируют достаточно много различий в усвоении одних и тех же языков, то тем больше вариативности следует ожидать от формирования билингвальности у братьев и сестер разного возраста. Различия зависят от индивидуальных личностных особенностей каждого ребенка, гендерных различий, возрастных интервалов между детьми, отношения родителей к формированию инпута каждого ребенка, тактики привлечения старших детей к общению с младшими, возможностей детей общаться с разным количеством собеседников, количества и качества материальных ресурсов (разноязычные книги, фильмы, игрушки и пр.), которые им были предоставлены, а также по ряду других причин.

Автор книги «Bilingual siblings» С. Бэррон-Ховерт считает, что для всестороннего исследования билингвальности детей из одной семьи необходимо

учитывать специфику языков, которые в общении друг с другом предпочитают билингвальные братья и сестры; важны также величина семьи и разница в возрасте детей; следует принимать во внимание и то, отказывался ли кто-то из детей говорить на одном из языков [7].

Если коротко охарактеризовать особенности формирования билингвизма наблюдавших нами детей, Миши и Саши, то получается такая картина.

1. Разница в возрасте небольшая, но значимая для речевого развития: когда родился Саша, Миша уже продуктивно использовал оба языка и более полугода ходил в детский сад. Когда Саша начал разговаривать, Миша уже обращал внимание на особенности речи и оценивал их (передразнивал брата, рассказывал другим, как он смешно произносит какие-то слова, учил его произносить отдельные слова и фразы по-русски и по-английски).

2. Братья в общении друг с другом и с другими людьми предпочитают русский язык.

3. Саша редко говорил по-английски до трех лет, однако иногда переходил на английский, подражая старшему брату, который с папой старается общаться по-английски.

4. Ни один из детей не отказывался разговаривать ни на одном из языков, однако оба довольно часто, особенно Миша, не реагировали на просьбы повторить на английском языке то, что уже сказали по-русски.

На любом этапе становления, существования и убывания билингвизма вполне естественным является смешение языков, которое мы рассматриваем как переключение кодов. По нашему мнению, специфика кодовых переключений на разных этапах довольно заметно варьируется как по качественным, так и по количественным параметрам.

У детей из одной семьи, усваивающих два одинаковых языка по одному и тому же принципу билингвального воспитания, на самых ранних этапах становления билингвизма мы предполагаем наличие структурно и прагматически сходных характеристик кодовых переключений. Различия могут наблюдаться в объемах продуктивных словарей на каждом языке и количестве межъязыковых функциональных эквивалентов (МФЭ). У Миши и Саши оба эти параметра отличались незначительно.

При установлении этапов развития детского билингвизма учитываются особенности развития билингвального словаря, специфика дифференциации языков, формы взаимодействия языков в виде кодовых переключений и интерференции, автоперевод, спонтанный и осознанный перевод [8]. Согласно данной классификации оба ребенка (Миша и Саша) в рассматриваемый нами период находились на втором этапе билингвального развития. Если на первом этапе наблюдаются только пассивные (рецептивные и репродуктивные МФЭ), то на втором уже появляются продуктивные МФЭ, стимулирующие автоперевод, спонтанный и осознанный перевод.

У Ланверс, исследовавшая немецко-английские переключения в речи детей от 1;06 до 2;11 из одной семьи, живущей в Великобритании, показала, как постепенно меняются структурные и прагматические характеристики их переключений. В качестве основной причины самых ранних переключений она указывает дефицит лексических средств, что заставляет ребенка использовать единицы из того языка, в котором нужные лексемы уже усвоены [9. С. 460].

При помощи модели анализа переключений кодов the Matrix Language Frame Model (MLFM), разработанной К. Майерс-Скоттон [10, 11, 12], мы можем сопоставить очередность появления системных и содержательных морфем в ходе порождения билингвальной речи и порядок их усвоения детьми-билингвами. Согласно этой модели различают, во-первых, матричный и гостевой языки, а также два типа морфем: содержательные и системные (ранние и поздние). Системными могут быть служебные слова и словоизменительные морфемы в составе слова. В разных языках способы их выражения часто не совпадают, поэтому единица анализа билингвальной речи – морфема, а не слово. Подробное описание модели «рамки матричного языка» (далее – РМЯ) дано в работах К. Майерс-Скоттон [10, 11, 12], на русско-английском материале она использована в работах Г.Н. Чиршевой [13, 14].

В соответствии с моделью РМЯ различают: 1) МЯ – матричный язык (the Matrix Language) и ГЯ – гостевой язык (the Embedded Language); 2) содержательные морфемы (content morphemes) и служебные морфемы (system morphemes). Единицей анализа билингвальной речи является морфема как наиболее универсальная для комбинаций типологически разных языков.

В высказываниях с кодовыми переключениями матричный язык определяет специфику построения морфосинтаксической рамки. Это осуществляется на основании двух принципов: принципа порядка морфем (the Morpheme Order Principle) и принципа системных морфем (the System Morpheme Principle), которые определяют порядок морфем и обеспечивают предложение синтаксически релевантными морфемами из обоих языков. Гостевой язык подчиняется правилам матричного языка и лишь в пределах так называемых «островов ГЯ» может вносить некоторые элементы своей грамматики: устанавливать характерный для нее порядок следования морфем и использовать системные морфемы (граммемы), например показатели множественного числа, артикли и т.д.

Для разграничения содержательных и системных морфем существуют три критерия. Они заключаются в выявлении наличия или отсутствия следующих характеристик: 1) квантификации (действичность, количественность, выбор временной рамки); 2) управление семантическими ролями; 3) получение семантических ролей.

Системные морфемы (слова) обладают только первым свойством. В английском языке в эту группу входят: вспомогательные глаголы и глаголы-связки; глагол *do*; предлог *of*, передающий значение родительного падежа; местоимения и местоименные наречия, выполняющие функции формальных членов предложения; вопросительные слова; детерминанты; притяжательные прилагательные и другие слова, которые используются в препозиции к существительному (*all*, *any*, *no* и др.).

Содержательными морфемами являются большинство глаголов, предлогов, существительных, качественных (описательных) прилагательных и местоимений, которые их замещают. Качественные и относительные прилагательные и наречия (содержательные морфемы) из ГЯ свободно появляются в смешанных структурах, а притяжательные прилагательные и количественные прилагательные-местоимения (системные морфемы) не обладают этим свойством. Наречия *very* и *too* – системные морфемы – не появляются в качест-

ве единичных лексем в смешанных структурах, если они представляют ГЯ. Однако они часто являются начальными словами в пределах островов ГЯ, например: *Ты знаешь об этом very well; Я был very surprised.*

Качеством «управление семантическими ролями» обладают глаголы и предлоги (в глагольном и предложном управлении). Например, глагол *beat* задает две роли – субъекта и объекта. Существительные и местоимения «получают» семантические роли от глаголов, которые ими управляют. Содержательные морфемы, получающие семантические роли (падежи), можно замечать вопросительными словами *who, what, how, when, where* и т.п.

Среди предлогов есть и системные морфемы, и содержательные, причем их статус в разных языках может не совпадать. К группе системных морфем относятся многие локативные и темпоральные предлоги. Предлог *for* – содержательная морфема, так как она «управляет» семантико-синтаксическими ролями цели или бенефицианта. Содержательными морфемами также являются предлоги *before, between, with* и *within*.

Почти все местоимения являются содержательными морфемами, за исключением *it* и *there* в функциях формального подлежащего и дополнения.

Среди системных морфем выделяются три группы: 1) «ранние» (early system morphemes); 2) «поздние соединительные» (late bridge morphemes); 3) «поздние внешние» (late outside morphemes).

Первая группа морфем активизируется одновременно с содержательными морфемами. Ранняя системная морфема может входить в состав той же леммы, что и содержательная морфема (например, если множественное число существительного выражается путем изменения гласных в корне), либо находиться в разных леммах (например, морфема *-s* как флексия, выражаящая значение множественного числа существительных).

Системные морфемы двух других групп, «поздние» системные морфемы, получают свои структурные роли в процессе речепроизводства позднее. Поздние соединительные системные морфемы необходимы для построения связей между морфемами в пределах синтагмы; с их помощью содержательные морфемы «внедряются» в словосочетание. Примерами этой группы морфем являются: показатель посессивности *-'s*, предлог *of* для оформления отношений родительного падежа в английском словосочетании и артикли. Поздние внешние морфемы опираются на информацию о структуре целого предложения. Например, выбор поздней морфемы *any* (а не *some*) в словосочетании *any money* зависит от наличия отрицательного наречия *never* в предложении *He never gets any money.*

Переключения кодов по своей структуре могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения. Среди последних различают два подвида: вкрапления и островные переключения – острова гостевого языка (island switches). Вкрапление представляет собой одиночную лексическую единицу (морфему или слово) ГЯ, подчиняющуюся грамматическим правилам МЯ. Фонетически или графически вкрапления могут быть оформлены по

правилам ГЯ или МЯ. Вкрапления не включают никаких системных морфем из ГЯ. Особый вид вкраплений – «голые формы» (bare forms), отличающиеся тем, что такие единицы гостевого языка в морфосинтаксической рамке матричного языка не оформляются грамматическими показателями, которые требуются в данной позиции, например: *Она вышла погулять со своим dog*. Островные переключения состоят из одной или нескольких содержательных морфем, могут включать одну или несколько системных морфем ГЯ, например существительное с артиклем и флексией и т.п.

На первом этапе в переключениях кодов и у Миши, и у Саши можно было наблюдать лишь содержательные морфемы. На втором этапе дети начинают использовать ранние системные морфемы (показатели множественного числа и артикли), но делают это неосознанно и нерегулярно.

На первом и втором этапах не всегда можно было установить ролевые отношения между матричным и гостевым языками. Не соблюдались и два основных принципа: порядка морфем и системных морфем. Первым начал применяться принцип порядка морфем матричного языка, который гласит: порядок следования морфем в билингвальном высказывании должен соответствовать порядку морфем матричного языка.

У Миши первый этап билингвального развития начался в 1;06 и завершился в 1;08, у Саши начался в 1;01 и закончился в 1;11, т.е. длился на 8 месяцев дольше, чем у Миши: начался на пять месяцев раньше, а завершился на 3 месяца позже.

Первые признаки того, что Миша понимает эквивалентность лексем двух языков, можно было наблюдать в одинаковых невербальных реакциях на вопросы, предлагающие показать что-либо, например, «Где твой носик?» и «Where is your nose?». Самые первые сходные невербальные реакции на эквивалентные русские и английские высказывания у Саши были зафиксированы в возрасте 1;01; так, в ответ на просьбы «Скажи до свидания» или «Say good-bye» он вел себя одинаково – махал рукой.

Еще более явно понимание эквивалентности русских и английских лексем проявилось уже в вербальных реакциях: на вопрос, заданный на одном языке, ребенок давал в ответе его эквивалент на другом языке. Например, когда Мишу спросили по-английски: «Where is your granny?», – он показал на бабушку и сказал: «Баба!». На англоязычные просьбы: «Say good-bye» Миша в ответ махал рукой и говорил по-русски: «Пока!». У Саши подобное понимание эквивалентности наблюдалось с 1;07. Так, когда бабушка показала на чашку с чаем и сказала: «It's hot», Саша показал на духовку и сообщил: «Гы!» (= горячо), т.е. продемонстрировал, что понимает эквивалентность английского *hot* и русского *горячо* (1;07;08). Пассивный МФЭ Саша использовал и в ситуациях, когда нужно было за что-то поблагодарить: ему дали виноград и по-английски попросили: «Say: Thank you», на что он ответил: «Си!» (1;08;05). Точно так же он говорил «спасибо», когда просили об этом по-русски.

Такие реакции свидетельствуют о понимании (comprehension), но не о способности применять необходимые единицы в речи (production), поэтому их можно назвать рецептивными МФЭ.

Несмотря на то, что на первом этапе билингвального развития детей продуктивных МФЭ еще нет, смешанные высказывания как прообразы переключений кодов в их речи уже наблюдаются. Их причины – заполнение лексических лакун, артикуляционная сложность ряда согласных и в русском, и в английском языках.

Кроме того, присутствие взрослых, говорящих на разных языках, также стимулирует использование единиц из двух языков как на первом, так и на втором этапах билингвального развития. Например, Саша в присутствии папы и мамы сообщил о том, что в коридоре темно, сразу по-английски и по-русски: «*Dark, но*» (2;01;11).

В речи Миши смешанные синтаксические единицы появились значительно раньше, чем у Саши. Впервые они были зафиксированы в возрасте 1;06: «*Papa car*», «*Baba car*», «*Dedja car*». Он использовал такие структуры либо для обозначения принадлежности (машина папы, машина бабушки, машина дедушки), либо для указания на чье-то местоположение (*in the car*). Уже через месяц эти разные по семантике высказывания Миша начал дифференцировать, добавляя в локативные структуры звуковые комплексы, которые напоминали отсутствовавшие ранее предлог и артикль: «*Papa и-и car*», «*Baba и-и car*», «*Mama и-и car*» (1;07).

У Саши первое смешанное высказывание зафиксировано позднее, чем у Миши, – только на втором этапе билингвального развития. Это произошло, когда он просил Мишу отдать ему шайбу и построил просьбу так: «*Дай риск*» (2;01;11). В тот же день Саша вспомнил мультфильм, который любит смотреть, и назвал его смешанным словосочетанием: «*Маша и бе-е*» (= *Masha and bear*) (2;01;11).

На первом этапе билингвального развития структура переключений не отличается разнообразием: у Миши главным образом присутствуют собственно вкрапления английских лексем (*дедя car*). У Саши такие структуры впервые появились только в начале второго этапа (*baba car* или *car baba*). Матричный язык в их высказываниях можно определить только косвенно – по доминантному языку, но не по структуре самих высказываний, в которых в равной степени представлены единицы двух языков.

Второй этап билингвального развития у Миши и Саши длился до 3;0.

Проблема определения матричного языка в билингвальной речи наблюдаемых детей по критериям, разработанным для модели РМЯ, сохраняется и на втором этапе. Поэтому при определении ролевых отношений языков приходится опираться на такой фактор, как доминантность языка, поскольку именно в речи на доминантном языке дети раньше усваивают грамматику и, следовательно, активнее и правильнее используют системные морфемы.

На втором этапе Миша продолжал часто обращаться к лепетным редупликатам, которые выполняли разные семантические роли. Например, услышав громкий стук, раздававшийся из склада магазина, Миша прокомментировал: «*Big тук-тук!*» (2;06;23). Как и во многих других высказываниях в начале второго этапа, здесь нет никаких системных морфем ни в одном из языков. Однако в то же время системные морфемы могут изредка появляться даже в высказываниях с лепетными словами. Так, складывая пазлы вместе с папой, Миша комментировал: «*Пи-ни in the car*» (= мышка в машине), «*Ав-ав*

in the car» (= собака в машине) (2;03;15). В английской части этих предложений присутствуют английские системные морфемы (определенный артикль), хотя еще нельзя с полной уверенностью утверждать, что ребенок использовал их осознанно. Саша до 3;0 использовал системные морфемы в английском языке очень редко, т.е. в плане структурного разнообразия кодовых переключений его высказывания были беднее, чем у Миши в тот же период.

Даже когда Миша уже достаточно часто использовал конвенциональные слова вместо лепетных, он иногда замещал их лепетными редупликатами, например, увидев большую собаку, он сообщил: «*A big dog!*», а немного позднее, показав на другую большую собаку, воскликнул: «*O-o! A big ав-ав!*» (2;07;00). Отличие от подобных высказываний первой половины второго билингвального этапа заключается в использовании английской системной морфемы – неопределенного артикля. Это позволяет говорить о построении английской морфосинтаксической рамки и, следовательно, о том, что английский язык иногда начинает играть роль матричного в смешанных высказываниях Миши. Поскольку у Саши системных морфем английского языка было значительно меньше (они появлялись только в повторяемых им частях реплик взрослых), ни одно его смешанное высказывание не было оформлено на основе английской морфосинтаксической рамки.

Показатели множественного числа английских существительных (ранние системные морфемы, по терминологии модели РМЯ) Миша до 3;0 использовал в билингвальных высказываниях достаточно часто, но установить с уверенностью ролевые отношения в таких случаях тоже не всегда удается. Например, Миша показал на окно и прокомментировал: «*Tam cars*» (2;06;12); показал маме ключи и сообщил: «*Это keys*» (2;06;12). Саша эти системные морфемы до 3;0 использовал только репродуктивно.

Глаголы в билингвальной речи Миши в этот период либо отсутствовали, либо чаще всего были русскими. Например, он мог попросить ключ так: «*Пана, key!*» (2;02;10). Аналогичную просьбу он мог сформулировать и с глаголом: «*Баба, дай key*» (2;02;15). Саша тоже активно использовал подобные смешанные высказывания в этот период: «*Пана, дай key*» (2;04;10), «*Пана, дай key car!*» (2;05;09). В предложениях с глаголом *дай* роль матричного языка явно играет русский, а поскольку семантически и pragматически первый (безглагольный) вариант просьбы отличался мало, для него тоже можно считать матричным русский язык.

Миша довольно часто опускал глаголы в своих билингвальных ответных высказываниях, даже если слышал их в англоязычных репликах взрослых. Например, после того как вытер руки полотенцем, подал его бабушке и прокомментировал: «*Баба, towel*» (2;06;27). У Саши таких смешанных безглагольных высказываний было тоже достаточно много. Например, когда бабушка сказала Мише и Саше: «*It's cold. You should put on your socks*», Саша надел носки и показал бабушке: «*Я socks*» (= я надел носки) (2;02;23). Подобный случай наблюдался и в ситуации, когда Саша вышел провожать бабушку и, показав на ее туфли, спросил: «*Баба, boot?*» (2;02;23), т.е. поинтересовался, наденет ли бабушка туфли.

Предложения с указаниями на какие-то объекты Миша часто строил с русскими указательными местоимениями и без глаголов-связок, т.е. по пра-

виам русского синтаксиса, но существительные, иногда с прилагательными-определениями, могли быть английскими. Все это указывало на то, что морфосинтаксическая рамка – русская, а следовательно, и матричным языком являлся русский. Например: «*Это big car*» (2;03;11); «*Это spoon*» (2;06;05); «*Это big bear*» (2;06;23). Интересно, что у Саши почему-то таких структур с русскими указательными местоимениями и английскими существительными до настоящего времени не было совсем.

Иногда Миша строил русскую морфосинтаксическую рамку даже несмотря на то, что только что услышал целое предложение по-английски. Например, бабушка сказала по-английски: ‘*It's a mouse*’, а Миша повторил из этого предложения только существительное: «*Это mouse*» (2;06;23). Саша поступал подобным образом, но с другими структурами. Например, после того как Миша спросил: «*And where is tatty?*», Саша построил аналогичный вопрос так: «*A где tatty?*» (2;04;16). В подобных структурах у Саши часто были представлены и местоимения «*Это you*» (3;0): Английскими существительными и местоимениями в таких высказываниях всегда обозначалась рема.

Подобным образом Миша оформлял предложения не только с существительными. Так, проходя мимо тренажера, Миша забрался на него, хотя бабушка предупредила: «*Be careful, it's too big for you*!». Миша сначала повторил часть английского предложения: «*It's big*», а затем переключился на русскую морфосинтаксическую рамку: «*Это big*» (2;06;05). У Саши аналогичные структуры тоже были нередки. Например, после просьбы бабушки: «*Say: I am big*», Саша сказал: «*Я big*» (2;02;25). Нарушений принципов модели РМЯ в таких смешанных высказываниях не наблюдается.

Миша на втором этапе иногда оформлял острова гостевого языка¹. Например, «*Pi-pi in the car*» (= мышка в машине), «*Av-av in the car*» (= собака в машине) (2;03;15). Здесь наблюдаются вполне грамотно структурированные острова гостевого (английского) языка. В речи Саши острова гостевого языка до 3;0 зафиксированы не были. Единичными были случаи использования в смешанных высказываниях английских существительных во множественном числе или с неопределенным артиклем («*Я socks*», «*A guitar*»), но они наблюдались только как реакции на реплики взрослых и повторения частей их высказываний.

Английские глаголы в двухсловных высказываниях часто указывают на то, что ребенок строит англоязычную морфосинтаксическую рамку. Например, Миша прибежал в комнату из спальни и сообщил маме: «*Mama, там Саша sleep!*» (2;06;27). Здесь отсутствуют системные морфемы, которые требуются при построении морфосинтаксической рамки для английского языка как матричного. Русская морфосинтаксическая рамка для этих предложений также не построена². Поэтому матричным скорее всего здесь будет англий-

¹ Согласно модели РМЯ остров гостевого языка – это такой тип переключения кодов, когда переключаемые элементы демонстрируют в своем составе действие грамматики гостевого языка: наличие системной морфемы в словоформе и/или такое сочетание двух или более морфем, которое подчиняется порядку их комбинации в гостевом языке.

² По правилам модели РМЯ русская морфосинтаксическая рамка для таких предложений должна быть обеспечена русской системной морфемой и выглядеть так: *Pana sleep-ut*.

ский язык, но с нарушением принципа системных морфем. Только если рассматривать английский глагол в таких предложениях как «голую форму», можно считать, что здесь нет нарушения принципов модели РМЯ.

«Голые формы» не нарушают правил модели РМЯ и встречаются в речи билингвов любого возраста. Большое количество «голых форм» характерно для смешанных высказываний детей-билингвов в тот период, когда они еще не усвоили нужных системных морфем. В речи Саши таких высказываний, когда английские слова выступали в смешанных высказываниях в виде «голых форм», до 3;0 не было.

Признаки русской морфосинтаксической рамки, подобные тем, что строят взрослые, когда присоединяют русские системные морфемы к английским содержательным (корневым) морфемам, появились в смешанных высказываниях Миши в середине второго этапа билингвального развития. Однако они были зафиксированы только для переключений со словом *phone*: «*No phon-я*» (2;06;17). У Саши таких типов переключений на первых двух этапах не зафиксировано.

В русских предложениях Миша иногда использовал английские обстоятельства места, что вполне соответствует одному из правил модели РМЯ: иноязычные второстепенные члены предложения, особенно те, которые удалены от главных и непосредственно не согласуются с ними (например, английские обстоятельства места и времени), легче вписываются в морфосинтаксическую рамку матричного языка. Так, когда дедушка спросил Мишу: «*Where is your cup?*», Миша в ответ показал: «*Вон there упал!*» (2;07;02). Саша тоже нередко использует английские обстоятельства в русских предложениях, например: «*Kто there?*» (2;05;09).

Вопросительное местоименное наречие английского языка Миша часто использовал в составе русской морфосинтаксической рамки: «*Дедя, а where nana?*» (2;07;02), «*A Саша? Where Саша?*» (2;07;02). Саша тоже задавал подобные вопросы: «*Where мама?*» (2;03;27).

Согласно правилам модели РМЯ после личных местоимений, выполняющих функцию подлежащего, должно использоваться сказуемое из того же языка, поскольку личные местоимения – это системные морфемы, а они самостоятельно, без сопровождения содержательными морфемами, в иноязычных высказываниях не появляются. У детей, которые еще не полностью дифференцировали два языка и не усвоили основных правил их грамматики, такие отклонения от грамматики кодовых переключений фиксируются довольно часто. Саша постоянно задает вопросы: «*A я?*», «*А мне?*», «*And me?*» или «*A me?*». К этим вопросам он присоединяет либо английские, либо русские структуры, например: «*A я – some more?*», «*A я – more?*» (2;04;03). У Миши такие структуры на втором этапе появились немного позднее; он мог сказать: «*I здесь*», «*Я sleep*» (2;09;11), «*Я here*» (2;09;20). Наряду с указанными смешанными структурами, Миша использовал и одноязычные, например, «*I'm here*» и «*Я здесь*».

Переключения, в результате которых Миша создавал гибридные слова, были единичными. Например, Миша принес папе сломанную машинку и сказал: «*Сломал*»; папа переспросил: «*The car is broken?*», после чего Миша ответил так: *набабокан* (2;05;29). Так он соединил русское *бо-бо* и английское

broke, возможно, потому, что часто гладил сломанные машинки и говорил «*бо-бо*». У Саши такого межъязыкового словотворчества до 3;0 не наблюдалось.

Многие смешанные высказывания детей можно рассматривать как межъязыковое частичное дублирование или неполный перевод услышанного: ребенок «переводит» на русский язык только структурную часть английского предложения, а содержательную морфему оставляет в виде гостевого компонента. Например, у Миши: «*It is big*» – как «*Это big*», «*It is a dog*» – как «*Это dog*». «Переводы» отдельных лексем из высказываний взрослых Миша начал делать для уточнения или возражения. Например, Миша показал бабушке ключи, на что она сказала: «*They are granddad's*», Миша переспросил: «*Деди-ни?*» (2;08;14). Саша в таких ситуациях чаще всего «переводит», чтобы согласиться. Например, папа попросил его: «*Say: granny Галя*», а Саша ответил по-русски: «*Баба Галя*» (2;04;23). Когда Саша рассматривал фотографии, он показал на ребенка и спросил: «*Кто – я?*», бабушка ответила: «*No, it's Mike*», Саша кивнул и назвал брата по-русски: «*Мися*» (2;05;09).

Во второй половине второго периода билингвального развития Миша начал сам «переводить» короткие предложения на русский язык. Саша начал спонтанно переводить в возрасте 2;07 в ситуациях, когда папа приходит за ним в детский сад. Папа просит его: «*Ask permission to go home*», Саша бежит к воспитательнице и спрашивает: «*Можно идти домой?*» (2;07;30). У Миши такие «переводы» зафиксированы немного позднее. Например, бабушка показала Саше игрушку и сказала: «*It's a bee*», а Миша, который был рядом, уточнил: «*Это пчелка*» (2;09;04).

Саша гораздо раньше, чем Миша, начал использовать переключения-дублирования, правда, они касались только отдельных лексем: «*Br-py, car*» (2;02;13), «*Собака, бака, dog*» (2;02;27), «*Луна – moon*» (2;02;28), «*Темно, dark*» (2;03;27), «*Деда, granddad*» (2;04;23), «*Да, yes*» (2;05;09). Переключения-дублирования у Миши появились только в 3;0.

Таким образом, можно отметить следующие сходные характеристики ранних детских смешений языков на первых двух этапах билингвального развития:

- 1) трудно определить, какой язык является матричным;
- 2) редко соблюдается принцип системных морфем, иногда наблюдаются нарушения принципа порядка морфем, особенно в высказываниях, где роль матричного выполняет недоминантный язык;
- 3) на первом этапе билингвального развития переключения представлены только вкраплениями, на втором этапе вкрапления – самый частотный структурный тип, но уже не единственный;
- 4) внутрифразовые переключения чаще всего представлены существительными;
- 5) причины ранних переключений кодов – применение стратегий облегчения и взаимоисключения лексем;
- 6) многие смешанные высказывания в ответных репликах детей можно трактовать как частичный перевод услышанного ими в инициирующих репликах взрослых.

Различия в билингвальных структурах двух детей из одной семьи на первых двух этапах наблюдаются в следующем:

1) у старшего ребенка структуры разнообразнее, так как регулярнее, чем у младшего, реализуются некоторые системные морфемы как матричного, так и гостевого языка;

2) у младшего брата раньше и активнее используются переключения-дублирования и случаи спонтанного перевода.

Возрастные особенности этапов билингвального развития отличаются у двух детей из одной семьи незначительно. Наблюдение показало, что одни явления билингвальной речи используются раньше одним ребенком, другие фиксируются раньше и активнее у другого ребенка. Однако для проверки выдвинутых положений требуется продолжить сопоставление на последующих этапах билингвального развития детей. При этом, возможно, придется внести поправки в трактовку значимости каждого из параметров, используемых для характеристики этапов билингвального развития ребенка.

Литература

1. Grosjean F. The bilingual's language modes // One mind, two languages: Bilingual language processing. Oxford: Blackwell, 2001. P. 1–22.
2. Jarovinsky A. Acquiring bilingual communicative competence // Proceedings of the V International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. Porto, 1999. P. 561–564.
3. Saunders G. Bilingual children: Guidance for the family. Clevedon: Multilingual Matters, 1982. 278 p.
4. Saunders G. Bilingual children: From birth to teens. Clevedon: Multilingual Matters, 1988. 274 p.
5. Мадден Е. Наши трехъязычные дети. СПб.: Златоуст, 2008. 308 с.
6. Мадден Е. Интерференция в речи трехъязычных детей (11 лет) // Россия и Германия: взаимодействие языков и культур. Череповец, 2013. С. 135–141.
7. Barron-Hauwaert S. Bilingual Siblings: Language Use in Families. Clevedon: Multilingual Matters, 2011. 231 p.
8. Чиршева Г.Н., Коровушкин П.В. Периоды билингвального развития ребенка // Взаимодействие языков и культур: исследования выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов IV Междунар. науч. конф. Череповец, 2015. С. 143–148.
9. Lanvers U. Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to code-switching // International Journal of Bilingualism. 2001. Vol. 5, № 4. P. 437–464.
10. Myers-Scotton C. A lexically based model of code-switching // One Speaker, Two Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 233–256.
11. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.
12. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002. 342 c.
13. Чиршева Г.Н. Двуязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 190 с.
14. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 488 с.

MIXED SPEECH OF BILINGUAL CHILDREN IN A RUSSIAN FAMILY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 84–97. DOI: 10.17223/19986645/48/6
Galina N. Chirsheva, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation).
 E-mail: chirsheva@mail.ru
Petr V. Korovushkin, Citadel LLC (Cherepovets, Russian Federation).
 E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Keywords: childhood bilingualism, code-switching, structural and pragmatic aspects of bilingual speech, Russian, English.

Mixed speech is observed in bilingual interactions with code-switching. Code-switching is the use of units of one language within utterances in another language.

The paper deals with structural, semantic and pragmatic aspects of two bilingual siblings' mixed speech at two earliest stages – before they were 36 months old. An additional objective is to reveal common and specific characteristics of mixed utterances in the speech of two children growing in the same family.

The boys acquire Russian and English simultaneously in 'one parent – one language' bilingual context within a Russian family in a Russian city. The age difference between the boys is 28 months. Their bilingualism is developed in monoethnic settings, which means that both parents and other relatives belong to the same ethnic group, but they have chosen two languages to speak with the children: mother and her relatives use Russian, their native tongue, while father and his parents (the children's grandmother and grandfather) use English, their non-native tongue. The children's bilingualism is treated as a naturalistic one since special training is excluded from the process: the boys acquire both languages in everyday communication.

Structural features of the boys' bilingual utterances are analyzed within the framework of the Matrix Language Frame Model (MLFM) elaborated by C. Myers-Scotton (USA) for adult speech.

The authors describe the main principles of MLFM and the classification of code-switches that is based on the model. MLFM has been adopted here for the analysis of child bilingual utterances.

The authors found out that mixed utterances at the first two stages of bilingual development show the following characteristics:

- in most cases it is hard to differentiate between the Matrix and the Embedded languages;
- the main principles of the MLFM are violated, especially the system morphemes one;
- the only structural type of code-switches at the first stage of bilingual development is a one-word insertion; other types, though sporadically, appear at the second stage;
- intrasentential code-switches are almost always nouns;
- the most salient pragmatic reasons for bilingual mixing are based on the use of two interrelated strategies employed by the children – relief strategy and mutual exclusivity strategy;
- some early code-switches can be viewed upon as partial interlanguage interpreting of the utterances that the children extracted from adults' speech addressed to them.

The comparison of the siblings' mixed utterances has revealed that at the first two stages there are more common than specific characteristics in all aspects of their code-switching. The differences are age-related: (1) the elder brother demonstrated more variability in structural characteristics of code-switches since he acquired system morphemes of both Matrix and Embedded Languages earlier and more actively; (2) the younger brother used self-interpreting and spontaneous interpreting earlier and more actively.

References

1. Grosjean, F. (2001). The bilingual's language modes. In: Nicol, J.L. (ed.) *One mind, two languages: Bilingual language processing*. Oxford: Blackwell.
2. Jarovinsky, A. (1999). Acquiring bilingual communicative competence. *Proceedings of the V International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics*. pp. 561–564.
3. Saunder, G. (1982). *Bilingual children: Guidance for the family*. Clevedon: Multilingual Matters.
4. Saunders, G. (1988). *Bilingual children: From birth to teens*. Clevedon: Multilingual Matters.
5. Madden, E. (2008). *Nashi tryokhyazchnye deti* [Our trilingual children]. Translated from English. St. Petersburg: Zlatoust.
6. Madden, E. (2013). Interferentsiya v rechi tryokhyazchnykh detey (11 let) [Interference in the speech of trilingual children (11 years old)]. Translated from English. In: *Rossiya i Germaniya: vzaimodeystvie yazykov i kul'tur* [Russia and Germany: Contacts of languages and cultures]. Cherepovets.
7. Barron-Hauwaer, S. (2011). *Bilingual Siblings: Language Use in Families*. Clevedon: Multilingual Matters.
8. Chirsheva, G.N. & Korovushkin, P.V. (2015). [Stages of bilingual children's development]. *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: issledovaniya vypusknikov i potentsialnykh uchastnikov program*

- Fulbrayta* [Contacts of languages and cultures: papers by alumni and potential applicants of Fulbright programs]. Proceedings of IV international conference. Cherepovets. pp. 143–148. (In Russian).
9. Lanvers, U. (2001). Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching. *International Journal of Bilingualism*. 5 (4). pp. 437–464.
 10. Myers-Scotton, C. (1995). A lexically based model of code-switching. In: Milroy, L. & Muy-sken, P. (eds) *One Speaker, Two Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
 11. Myers-Scotton, C. (1997). *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press.
 12. Myers-Scotton, C. (2002). *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press.
 13. Chirsheva, G.N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets: Cherepovets State University.
 14. Chirsheva, G.N. (2012). *Detskiy bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood bilingualism: Simultaneous acquisition of two languages]. St. Petersburg: Zlatoust.

УДК 811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/48/7

Е.А. Юрина, А.В. Балдова

ПИЩЕВАЯ МЕТАФОРА В ПРОЦЕССАХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ, КАТЕГОРИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ¹

Статья посвящена анализу миромоделирующей функции русской пищевой метафоры на материале ее языковых и речевых репрезентаций: образных слов с метафорической внутренней формой, сравнений, идиом, пословиц и поговорок, авторских метафорических выражений. Дается определение пищевой метафоры как когнитивного механизма; предлагается методика реконструкции образного фрагмента русской языковой картины мира, включающая семасиологические и когнитивные приемы анализа. В рамках семасиологического аспекта исследуются категориально-образные парадигмы, составляющие метафорическое поле «Еда». В рамках когнитивного аспекта анализируются фреймы и слоты сферы-донора и сфер-мишеней.

Ключевые слова: пищевая метафора, образная лексика, фразеология, образное лексико-фразеологическое поле, картина мира.

Истоки изучения роли языка в формировании представлений человека о мире восходят к трудам В. фон Гумбольдта, который ввел в лингвистику понятие внутренней формы языка и обратил внимание на его участие в категоризации действительности: «Можно считать общепризнанным, что различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [1. С. 324]. Эти взгляды развивали неогумбольдтианцы, в работах которых рассматривалось понятие картины мира (Л. Вайсгербер), разрабатывалось идеографическое описание языка в рамках семантических полей (Й. Трир, Г. Ибсен, Э. Косериу и др.). Подобные идеи были сформулированы в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, высказывались в работах А.А. Потебни [2]. С развитием лингвокультурологического и когнитивного направлений лингвистики конца XX – начала XXI в. данные идеи получили широкое признание и были доказаны многочисленными исследованиями на материале разных языков. Процессы языковой категоризации и концептуализации мира описаны, в частности, в работах А. Вежбицкой [3] и Дж. Лакоффа [4], которых можно считать основоположниками современной концепции языковой картины мира.

Под языковой картиной мира (ЯКМ) традиционно понимается совокупность знаний о мире, полученных в процессе жизнедеятельности человека и запечатленных в языковой форме (Н.Д. Арутюнова, А.А. Зализняк, В.И. Карасик, Б.А. Серебряников, В.И. Постовалова, В.Н. Телия и др.). Отражая взаимосвязь ментального и языкового членения действительности, ЯКМ тесно связана с процессами категоризации и концептуализации представлений о мире. Категоризация представляет собой «подведение явления, объек-

¹ Статья написана в рамках научного проекта (проект № 8.1.31.2017), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

та, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории», а также «процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [5. С. 42].

В классической аристотелевской теории считалось, что вещи относятся к одной категории, если они имеют общие свойства, при этом каждая категория определялась как ясная, данная, не представляющая проблем сущность. Современный взгляд когнитивистов на явление категоризации связан с выводами Э. Рош относительно классической теории: 1) если категория определяется посредством общих для ее членов признаков, то ни один из них не может быть эталоном данной категории; 2) если категория определяется свойством, внутренне присущим ее членам, то она должна быть независима от особенностей субъекта, производящего категоризацию. Выводы, сделанные Э. Рош, легли в основу теории прототипов, согласно которой внутри каждой категории можно выделить лучших представителей (прототипы), выражющие основные свойства категории. Члены категории определяются по принципу фамильного сходства с прототипом [4. С. 21–22]. Процесс категоризации тесно связан с процессом концептуализации, так как оба они демонстрируют классификационную деятельность. Концептуализация представляет собой «выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении», а категоризация – «объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризуемых как тождественные, в более крупные разряды» [5. С. 93].

Метафора является одним из основных механизмов концептуализации абстрактных познаваемых феноменов, образной характеристики широкого круга явлений внеязыковой действительности (Дж. Лакофф, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.). В данной статье рассматривается миромоделирующая функция русской пищевой метафоры – ее участие в процессах категоризации и концептуализации представлений о мире. Методология исследования синтезирует когнитивный и семасиологический подходы к анализу языковых средств презентации пищевой метафоры в русском языке. С когнитивной точки зрения пищевая метафора (ПМ) рассматривается как метафорическая модель, в соответствии с которой явления из различных концептуальных сфер-мишеней осмысливаются по аналогии с явлениями гастрономической сферы-донора. Другими словами, под пищевой метафорой понимается ментальная схема, по которой осуществляется концептуализация познаваемых явлений из различных сфер внеязыковой действительности по аналогии с явлениями сферы «Еда/Пища». Когнитивный аспект предполагает описание частных метафорических моделей, транслируемых образной лексикой и фразеологией с мотивирующей кулинарной семантикой; характеристику фреймов и слотов, задействованных в метафорической интеракции; выявление оснований образного уподобления. В рамках структурно-семантического аспекта анализируется семантика образных единиц, воплощающих пищевую метафору; моделируется лексическая структура метафорического поля «Еда», отражающая результаты языковой категоризации действительности посредством пищевой метафоры.

На вербальном уровне метафора как когнитивный механизм воплощена в образных средствах языка и речи: языковых метафорах (*пампушка* ‘полная женщина’, *кислый* ‘недовольный, унылый’), метафорических дериватах (*нахлебник* ‘человек, который живет за чужой счет’, *миндалевицать* ‘быть ласковым, уступчивым’), двухкомпонентных образных номинациях (*адамово яблоко* ‘кадык’), сравнительных оборотах различной структуры (*как огурчик* ‘о бодром, здоровом человеке’, *пельмешком* ‘о форме уха’), образных фразеологических единицах (*медом намазано* ‘привлекательно для большого количества людей’), *старой закваски* ‘о человеке с устаревшими, несовременными взглядами, привычками’), пословицах (*кто успел, тот и съел* ‘тот, кто раньше других сумел воспользоваться ситуацией, получает выгоду’), поговорках (*за семь верст киселя хлебать* ‘напрасно и необдуманно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте’). На речевом уровне когнитивная пищевая метафора выражается в авторских метафорах (*творог в голове* ‘о болезненном, затуманенном состоянии сознания’, *глаза спекаются* ‘плотно смыкаются, слипаются’), а также в развернутых текстовых метафорах (...в тоталитарном государстве единственным независимым источником информации, единственным деликатесом среди безвкусной и безвитаминной коммунистической еды были «вражьи голоса» А. Журбин).

Рис. 1. Структура метафорического поля «Еда»

Совокупность образных средств языка, транслирующих ПМ, образует метафорическое поле¹ «Еда», которое может быть представлено в виде трехчастной структуры: 1) исходное мотивирующее лексическое поле; 2) образное лексико-фразеологическое поле; 3) референтное семантическое поле. Исходное мотивирующее лексическое поле включает прямые номинации продуктов, кулинарных блюд и изделий, их свойств, посуды, инструментов и субъектов гастрономической деятельности, процессов приготовления и поглощения пищи. Образное лексико-фразеологическое поле включает образные слова и выражения, мотивированные лексическими единицами исходного поля. Референтное семантическое поле пищевой метафоры включает концептуальные смыслы, соответствующие денотативной семантике образных слов и вы-

¹ Теория метафорического (образного) поля представлена в исследованиях Г.Н. Скляревской [6], Н.А. Илюхиной [7, 8], Е.А. Юриной [9] и др.

ражений лексико-фразеологического поля; отражает денотаты образной номинации и сферы образной референции. Схематично модель метафорического поля представлена на рис. 1.

Смысловая организация референтного семантического поля метафоры «Еда» демонстрирует категориальные классы явлений внеязыковой действительности, получившие в русском языке метафорическую концептуализацию и образную вербализацию посредством пищевой метафоры. Систематизация единиц образного лексико-фразеологического поля «Еда» в соответствии с данными классами объектов образной референции позволяет описать миромоделирующую функцию пищевой метафоры. С этой целью образные слова и выражения объединяются в категориально-образные парадигмы (КОП), представляющие собой серию образных номинаций, называющих определенное явление одной концептуальной сферы, которое уподобляется различным явлениям общей исходной сферы по единому основанию образной аналогии.

Первая часть термина «категориально» связана с представлением о понятийных категориях, по которым осуществляется языковое членение внеязыковой действительности, т.е. категоризация мира. Вторая часть термина «образная» отсылает к метафорическому способу номинации через аналогию по сходству. Например, КОП «Фигура человека (категория) через консистенцию продукта (образ)». Третья часть термина «парадигма» предполагает группировку языковых единиц на основании тождества и различия в семантике. Тождество состоит в номинации одной понятийной категории, а различия – в лексической или фразеологической номинации посредством разных, но семантически связанных образов. Например, *квашня, кисель, желе* ‘о полном теле человека’.

Единицы одной категориально-образной парадигмы характеризуются общностью четырех элементов: 1) называют явления одной сферы внеязыковой действительности (человек, артефакты, натурфакты, время, пространство и т.п.); 2) обладают семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой, т.е. являются образными; 3) отражают общее основание метафорического уподобления; 4) восходят к разным мотивирующим образам одной исходной сферы (в данном исследовании сферы «Еда / Пища»).

Например, КОП **«Моральные качества и поведение человека через вкус продукта»** включает 16 образных лексических и фразеологических единиц различной структуры и частеречной принадлежности. В ее составе 5 языковых метафор: *ванильный* ‘излишне изнеженный, сентиментальный, чрезмерно подверженный влиянию моды’; *медовый / сахарный / приторный / сладкий* ‘излишне любезный, угодливый, ласковый, льстивый’; 1 авторская метафора *шоколадно-вафельный* ‘излишне любезный, льстивый, угодливый’; 7 собственно образных слов: *медоточивый / сладчавый* ‘льстивый, ласковый, заискивающий’, *слащавость* ‘чрезмерная любезность, неискренность’, *миндальничать* ‘быть ласковым, уступчивым, проявлять излишнюю снисходительность’, *сахарно / шоколадно* ‘излишне любезно, угодливо, заискивающе’, *кисляй* ‘вялый, скучный, вечно ноющий человек’; 3 сравнительных оборота *не мёд / не сахар / не сахарный* ‘о человеке с конфликтным, сложным харак-

тером'; 1 фразеологизм *дать (задать) перцу* 'отругать, отчитать кого-л. за серьезный проступок, устроить скандал'.

Единицы этой категориально-образной парадигмы отражают следующие типовые образные представления: 1) продукты, имеющие сладкий вкус (сахар, мед, шоколад) и входящие в состав сладких кондитерских изделий (ваниль, миндаль), образно ассоциируются с поведением льстивого, угодливого, манерного, жеманного человека, старающегося произвести приятное впечатление на окружающих; 2) отсутствие сахара, имеющего приятный сладкий вкус, образно ассоциируется с конфликтным, сложным в общении человеком; 3) острые продукты (перец), раздражающие вкусовые рецепторы, образно ассоциируются со скандальным, резким поведением человека; 4) кислый вкус продуктов образно ассоциируется со скучным, вечно ноющим человеком. Таким образом, в основе метафорического уподобления лежит категоризация продуктов питания на приятные (сладкие) и неприятные (несладкие, острые, кислые) на вкус. При этом образная концептуализация представлений о негативных чертах характера человека основана на аналогии с чрезмерно сладким вкусом, что оценивается неодобрительно (*На их приторную вежливость я отвечал тем же, и вскоре в кабинете стало нечем дышать от слащавых любезностей и дружеских восклицаний*. В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь), либо с резким воздействием на вкусовые рецепторы кислых и острых продуктов, что также вызывает негативное отношение (*И к самому Андропову пойдет. Задаст им перцу!* О. Гриневский. Восток – дело тонкое).

Единицы каждой категориально-образной парадигмы транслируют определенную метафорическую модель, характеризующуюся набором различных фреймов и слотов сферы-донора, а также общим основанием уподобления и единым фреймом сферы-мишени. В качестве основания образной аналогии выступают внешние характеристики гастрономических объектов (цвет, форма, размер, структура, консистенция, качество поверхности), а также их вкус, динамические и функциональные свойства, комплекс действий, связанных с кормлением, приготовлением и поглощением пищи.

Представим результаты исследования миромоделирующей функции пищевой метафоры на материале образной лексики и фразеологии русского языка, мотивированной наименованиями блюд, продуктов питания, напитков, субъектов и инструментов гастрономической деятельности. Количествоственный состав языковых презентаций пищевой метафоры с предметной образностью насчитывает 1116 единиц, функционирующих в более чем 7 000 текстовых фрагментов¹.

Подробно рассмотрим сферу «Социум», которая получает образную характеристику в 215 языковых единицах метафорического характера, называющих явления тематических областей «Политика», «Экономика», «Культура», «Общественная жизнь».

¹ Источником материала послужили толковые и фразеологические словари [10–13], текстовая база Национального корпуса русского языка [14].

Политика

Представления о явлениях данной тематической области отражены в семантике 45 образных единиц, которые называют политических деятелей, страны, военные события, характеризуют политическую ситуацию в стране, воздействие политического режима на жизнь частного человека. Они входят в состав следующих парадигм: «Политическая ситуация через приготовление пищи», «Политическая ситуация через функцию посуды» и «Политическая ситуация через структуру продукта», которые транслируют метафорические модели **«Явления политической жизни – это Еда / Посуда»**, **«Политик – это Повар»** и **«Политические процессы – это Приготовление пищи»**. Основания образного уподобления различны. Большая часть единиц отражает аналогию между политической деятельностью и комплексом действий, связанных с приготовлением пищи, другие единицы демонстрируют аналогию между политическими событиями и структурой блюда.

1. **«Политическая ситуация через приготовление пищи».** В данную КОП входят образные единицы *порубить в винегрет* ‘уничтожить противника в ходе боевых действий’, *попасть в / под жернова* ‘подвергнуться тяжелым испытаниям, страданиям, лишившись свободы выбора и самоопределения’, *сделать фарши* ‘подвергнуть испытаниям, заставить пережить трудности’, *подавать(ся) под соусом* ‘прикрывать высокой идеей неблаговидные цели, поступки’, *зavarить кашу* ‘начать какое-л. хлопотливое, трудное дело, имеющее неблагоприятные последствия’ и др. В семантике языковых единиц данной КОП отражены четыре типовых образных представления:

(А) Механическая и тепловая обработка продукта, когда его режут, мнут, давят, перемалывают, нагревают, проецируется в социальную сферу, характеризуя войны, политические репрессии, негативное влияние политического режима на судьбы людей: *Не расстрелянный Жуковым на Халхин-Голе, он попадает в жернова уже сбавляющей обороты репрессивной машины, не-перемалывающей прежние военные кадры, и проходит в московской тюрьме свои университеты* (И. Сухих. Баллада о добром генерале); *Теперь они с гиканьем и свистом вылетели на конях из-за большого холма, закрывавшего Разгуляевку от Аргуни, и начали рубить пережогинцев шашками, как капусту* (А. Геласимов. Разгуляевка).

(Б) Просеивание муки через сито, в результате которого ценный продукт отделяется от ненужных примесей, метафорически проецируется на ситуацию отбора лиц, соответствующих требованиям к осуществлению какой-либо деятельности, и удалению из числа претендентов лиц, не соответствующих условиям отбора: *Сначала нужно было пройти сквозь сито номенклатурного окружного предвыборного собрания, в состав которого входили представители партийно-хозяйственной элиты* (Б. Немцов. Провинциал в Москве).

(В) Ситуация подачи блюда под соусом, улучшающим его вкус и придающим ему привлекательный вид, образно выражает идею сокрытия неблаговидных намерений под видом осуществления прогрессивных планов, идей: *И кандидат, поданный под романтическим соусом «он наш Че Гевара», прошёл на ура, оставив далеко позади конкурента-коммуниста* («Время МН»).

(Г) Работа повара на кухне метафорически проецируется на государственную деятельность политиков: *Если не вникать в предвыборную кухню СПС, где Кох, возможно, и покажет себя в качестве «великого повара», это назначение сигнализирует о том, что СПС упорно продолжает позиционировать себя как носителя идеологии ненавистного большинству населения западного либерализма* («Политком.ru»).

2. КОП «Политическая ситуация через функцию посуды» включает образные единицы *кастрюля / котёл / плавильный котёл* ‘многонациональное или многоконфессиональное государство’, *котёл* ‘окружение войска’, *мясорубка* ‘кровопролитная битва, война’ и др. Семантика единиц данной группы отражает три типовых образных представления:

(А) Образ объемной, глубокой посуды (котел, кастрюля), которая вмещает большое количество различных ингредиентов, проецируется на государство, населенный пункт, в котором проживают люди различных национальностей, рас или вероисповеданий: *Город Нью-Йорк – это большая кастрюля, в которой вместе варились иммигранты из разных континентов и стран* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке); *Напомним, что Штаты по своему устройству являются этническим и расовым котлом* («Известия»).

(Б) Образ кипящего котла, в котором жидкость бурлит, пенится, расплескивается, метафорически проецируется на нестабильную политическую ситуацию: *Летом и осенью 1979 года Восток бурлил, как перегретый котёл. В Афганистане разгоралась гражданская война. В Иране революционные студенты захватили американское посольство, а имам Хомейни объявил о начале второй революции – ещё более важной, чем первая* (О. Гриневский. Восток – дело тонкое).

(В) Кухонный прибор, предназначенный для перемалывания или измельчения продукта, образно ассоциируется с военными и репрессивными действиями, негативно влияющими на частную жизнь человека: *Народ был случайный во взводе, недавно собранный, ещё не обстрелянный, – и вдруг попали всем скопом в такую мясорубку под Дударями* (П. Нилин. Модистка из Красноярска).

3. «Политическая ситуация через структуру продукта». В данную КОП входят образные единицы *каша* ‘суматоха, нестабильная военная или политическая ситуация’, *слоёный пирог / как торт* ‘социальное явление, включающее несколько составляющих его частей’. В значении данных единиц отражено одно типовое образное представление: состоящие из слоев или перемешанных частиц блюда служат образным эталоном для характеристики сложно организованных социальных явлений: *Шмелеву так ответил уполномоченный ЧК Реденс: «Чего вы хотите? Тут, в Крыму, была такая каша!»* (Л. Спиридонова. «Правда нужна всякой власти...»); *Сегодняшняя венгерская столица, по мнению ученых, напоминает слоёный пирог из различных культур и вероисповеданий* («Мир & Дом. City»).

Экономика

Представления о явлениях данной области выражены в значении 66 образных единиц, которые называют денежное вознаграждение, материальные средства, представляющие выгоду, характеризуют финансовое положение

человека, объекты и источники финансирования. Они образуют категориально-образные парадигмы: «Материальные ценности через калорийность продукта», «Материальные ценности через вкус продукта», «Изменение количества денег через динамические свойства продукта» и «Объекты и источники финансирования через функцию посуды», – которые транслируют метафорические модели **«Материальные ценности – это Еда»**, **«Объекты и источники финансирования – это Посуда»** и **«Получение выгоды – это Поглощение пищи»**. Основанием образной аналогии выступают пищевая ценность, вкус, динамические свойства продуктов, функция посуды и процесс поглощения пищи.

1. В КОП **«Материальные ценности через калорийность продукта»** входят образные единицы *хлеб / кусок хлеба* ‘средства к существованию’, *жирный / лучший кусок* ‘что-л. привлекательное, заманчивое, соблазнительное, на чем можно поживиться’, *отщипнуть кусок от пирога* ‘в ситуации конкуренции получить часть чего-л. ценного’, *как сыр в масле кататься* ‘живь в достатке, изобилии’, *на хлеб не намажешь* ‘о чем-л. несущественном, недостаточном для удовлетворения необходимых потребностей’, *объедки // подачки с барского стола* ‘незначительное количество материальных благ, выделенных с целью успокоить определенную группу населения’, *поздно приходящим кости* ‘опоздавшие ничего не получают’ и др. В семантике образных единиц данной парадигмы отражены три типовых образных представления:

(А) Калорийные, питательные, имеющие пищевую ценность продукты символизируют достаток, богатство, благоприятные экономические обстоятельства: *В этом сезоне 32 лучших клуба Европы поделят между собой «пирог» в размере 200 миллионов долларов* («Совершенно секретно»); *Неужели госпожа Новодворская не знает, что так называемые ранние реформаторы, уходя из чиновников, прихватили себе жирные куски народной собственности?* («Красноярский рабочий»).

(Б) Процесс поглощения пищи, при котором человек получает необходимые для его существования питательные вещества, образно уподобляется процессу получения прибыли, важной для жизнедеятельности человека в социуме: *Откусить кусок от пирога получится далеко не у всех. Чем дальше от Мексиканского залива будет находиться податель заявки, тем меньше у него шансов на то, что его требования будут признаны вескими* (Е. Басманов. Все претензии – к «зарплатному царю»).

(В) Объедки, кости, крошки, непригодные для употребления в пищу, образно ассоциируются с небольшими деньгами, выделенными по остаточному принципу: *Страна живёт объедками, летящими в неё со столов бандитов и чиновников* (А. Рыбин. Последняя игра); *Но надо же понимать, что эти самые деньги у них отнимут после того, как переведут муниципалитеты на подножный корм*. *Бросили кость, и ту потом отберут* («Красноярский рабочий»).

2. **«Материальные ценности через вкус продукта»**. В данную парадигму входят единицы *малина* ‘прибыль, удача в деле’, *плюшки / пряник* ‘вознаграждение’, *коврижки* ‘материальные ценности, представляющие выгоду’, *сладких пряников всегда не хватает на всех* ‘невозможно справедливое распределение материальных ценностей, кто-то всегда останется ущемленным в своих

интересах', остатки сладки 'даже последняя малая часть чего-л. имеет ценность' и др. В единицах данной группы отражено следующее типовое образное представление: сладкие продукты (малина, плюшки, пряник, коврижки, шоколад), доставляющие удовольствие своими вкусовыми качествами, символизируют вознаграждение, выгоду, достаток: *Как выразился Виталий Караганов, в отличие от нефти по газу у нас всё «в шоколаде»* («РБК»); *Не из-за угрозы увольнения и не из-за пряника повышения, а благодаря тому, что видят в работе какой-то смысл* («Русский репортер»).

3. КОП «Изменение количества денег через динамические свойства продукта» включает образные единицы как квашня / подняться на дрожжах 'быстро увеличиваться, расти', таять, как мороженое / таять, как сахар в чае 'быстро расходоваться, исчезать', которые демонстрируют аналогию между увеличением / растратой денежных средств и свойством продуктов увеличиваться / уменьшаться в размере: *Рост российского ВВП, как хорошая квашня у хозяйки, неудержим* («Завтра»); *В тех странах мира, где покойный держал свои активы, десятками стали появляться поддельные доверенности и контракты, а сами активы начали таять, как сахар в горячем чае* («Вслух о главном»).

4. «Объекты и источники финансирования через функцию посуды». В данную парадигму входят единицы общий котёл 'фонд, банковский счет, на который перечисляются деньги, предназначенные для коллективного пользования', класть яйца в корзину 'размещать где-л. доходы от экономической деятельности', дом – полная чаша 'о достатке, материальном благополучии', родиться с золотой / серебряной ложкой во рту 'быть материально обеспеченным, иметь привилегии с самого рождения', кормить из / с ложки 'проявлять повышенную заботу, поддерживать экономически' и др. Образные языковые единицы выражают два типовых образных представления:

(А) Посуда как емкость, содержащая пищевые продукты, образно ассоциируется с местом хранения или объектом вложения финансовых средств: *Переведя пять миллионов долларов в BNP, я получил выписку со счёта с подтверждением того, что со стороны Аделя Нассифа также поступили пять миллионов долларов в общий финансовый котёл* (А. Тарасов. Миллионер); *Днепровы хвастались новой шведской столовой, новым радио. Дом – полная чаша. И всё напоказ, лишь бы пустить пыль в глаза* (М. Шишkin. Венерин волос).

(Б) Посуда, предназначенная для потребления пищи, образно ассоциируется с источником финансовой поддержки: *Федеральная власть должна понимать, что если внутри области в ближайшее время не будут созданы реальные условия для нормального функционирования экономики экспортогрентированного региона, то формально не претендующий на Калининград Евросоюз будет кормить его с ложки* («Известия»).

Культура

Данная тематическая область представлена в 33 образных единицах, называющих авторские произведения, манеру и стиль повествования, деятелей искусства. Они входят в КОП: «Произведение искусства через структуру и

консистенцию блюда», «Манера и стиль речевого произведения через вкус блюда» и «Субъект творческой деятельности через функцию субъекта в гастрономической деятельности», – которые воплощают метафорические модели «Произведение искусства – это Еда» и «Субъект творческой деятельности – это Повар / Едок». Основаниями уподобления выступают структура и консистенция блюда, вкус продукта, роль субъекта в гастрономической деятельности.

1. «Произведение искусства через структуру и консистенцию блюда».

В данную КОП входят образные слова и выражения *компот / окрошка / коктейль* ‘нелогичное соединение разнородных, часто противоположных принципов, худ. элементов’, *вроде бутерброда* ‘о речевом произведении, состоящем из нескольких смысловых частей’, *размазня / манная каша / кисель* ‘высказывание, произведение, лишенное четкой идеологической позиции, выраженного авторского мнения’, *сок* ‘основа, суть, содержание’ и др. В семантике единиц отражены четыре типовых образных представления:

(А) Состоящие из множества ингредиентов блюда и напитки (окрошка, солянка, коктейль, компот) образно ассоциируются с произведением, не отличающимся единством стиля, включающим разнородные, противоположные взгляды и принципы: *Сборная солянка – от «O Sole Mio» до Пуччини, от Баха до Шостаковича, от музыки к «Звёздным войнам» (Уильямс) и «Гладиатору» (Циммер) до Уэббера («Известия»)*.

(Б) Многослойные блюда образно ассоциируются с состоящими из различных фрагментов и составных частей произведениями: *Доклад на съезде тоже был как бы слоёным, вроде бутерброда на все вкусы* (А. Яковлев. Омут памяти).

(В) Сок как жидкость, содержащаяся в тканях животных и растений, символизирует содержание и концепцию художественного произведения: *По-настоящему сочная проза, ироничная и по отношению к нынешней Германии, и к её «золотой молодёжи»* («Домовой»).

(Г) Растекающиеся по поверхности полужидкие блюда и напитки (кисель, размазня, манная каша) образно воплощают идею об отсутствии ясности, четкости в художественном произведении: *В содержании фильма должно быть содержание, а не кисель* (Н. Шлиппенбах. И явил нам Довлатов Петра).

2. «Манера и стиль речевого произведения через вкус блюда». В данную КОП входят образные языковые единицы *клубничка* ‘содержание эротического характера, связанное с удовлетворением полового чувства’, *как перец* ‘о метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении’, *карамельный* ‘излишне нежный, трогательный, вызывающий умиление (о речевых произведениях)’, *подавать(ся) под соусом* ‘высказываться в определенной манере, с определенной эмоциональной окраской’ и др. Образные единицы отражают два типовых образных представления:

(А) Приятные на вкус продукты уподобляются произведениям, доставляющим удовольствие человеку: *Катая во рту карамельный мотивчик одной из песенок, Антон еще не знал, что это – «Ласковый май»* (А. Амлинский. Возвращения блудного папы).

(Б) Жгучий, острый перец, который раздражает вкусовые рецепторы, ассоциируются с язвительными, остроумными провокационными публицистическими произведениями, которые вызывают бурную реакцию общества: *Рита брала интервью у известных людей, делала репортажи из жизни столицы – тоже острые, с перчинкой* (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»).

3. В парадигму «Субъект творческой деятельности через функцию субъекта в гастрономической деятельности» входят 2 образные единицы, называющие творца и ценителя культуры: *повар* ‘человек, создающий произведения искусства’ и *гурман* ‘ценитель искусства; поклонник всего изящного, красивого’. Режиссеры, актеры, работающие над сюжетом, диалогами, амплуа героя спектакля или фильма, образно ассоциируются с поваром, который может приготовить вкусное блюдо или испортить его, а детали постановок уподобляются различным ингредиентам: *С некоторых пор мне стало казаться, что Рязанов – это искусственный повар, создавший из будничных ингредиентов что-то диковинное и потрясающее воображение* (Коллективный); *Много ли надо соли на целую кастрюлю супа? Всего щепотку. А в иных пьесах чувствуется целая горсть. Плохой повар!* (В. Розов. Удивление перед жизнью). Любитель и ценитель искусства, изящных вещей сравнивается с гурманом, разбирающимся в изысканных блюдах: *В феврале ДК «Октябрь» подарил дубненцам Московский спектакль-антрепризу «Вацлав, музыка одной жизни» – настоящий деликатес для гурманов* («Встреча»).

Общественная жизнь

Данная тематическая область представлена 71 образной лексической и фразеологической единицей, называющей различные явления, связанные с жизнью человека в обществе: условия жизни и труда, правила и нормы жизни в социуме, ситуации и события, связанные с человеком. Данные единицы входят в КОП: «Явления общественной жизни через вкус продукта», «Явления общественной жизни через пищевую ценность продукта» и «События общественной жизни через процесс приготовления пищи», которые воплощают метафорические модели **«Явления общественной жизни – это Еда»** и **«Социальная деятельность – это Приготовление пищи»**. Основаниями метафорического уподобления являются вкус, пищевая ценность продукта, ситуации приготовления пищи.

1. Парадигма «Явления общественной жизни через вкус продукта» представлена такими единицами, как *медовый месяц* ‘наиболее удачный период деятельности’, *малина* ‘хорошие условия жизни’, *не мёд* ‘о тяжелой жизни, работе, доставляющей проблемы, хлопоты’, *ложка мёда в бочке дёгтя* ‘о хорошем обстоятельстве в плохой жизненной ситуации’, *метод кнута и пряника* ‘метод управления, при котором действует жесткая система поощрений и наказаний как стимул к работе’ и др. Образные единицы выражают два типовых представления:

(А) Сладкие продукты, улучшающие вкус блюд, доставляющие гастрономическое удовольствие человеку, образно ассоциируются с приятными социальными явлениями и событиями: *Монька с аппетитом вкушала мёд*

семейных утех и продолжала, трепеща, неутолимо алкать его (М. Палей. Кабиря с Обводного канала); *Так вот, в течение недели скорость скачивания была – 100 КБ в секунду (мужу-дизайнеру было шоколадно)* (Коллективный).

(Б) Горькие продукты, портящие вкус блюда, образно уподобляются проблемам, неприятным событиям жизни: *То есть вы хотите сказать, что даже для Някроюса жизнь в театре не сахар. – А она нигде не была сахар. А то, что я якобы знаменитый, то легче от этого не становится* («Театральная жизнь»); *Ей вообще-то как горькая редька надоели несовершенства семейной жизни* (В. Аксенов. Таинственная страсть).

2. «Явления общественной жизни через пищевую ценность продукта». В данную КОП входят единицы *питательный бульон* ‘благоприятные условия’, *быть нужным, как хлеб* ‘быть необходимым, важным для кого-, че-го-л.’, *семечки* ‘что-л. мелкое, незначительное, не требующее материальных или моральных затрат’, *чепуха на постном масле* ‘о чем-л., не стоящем внимания, незначительном, пустяковом’ и др. Семантика единиц, входящих в данную КОП, отражает следующие типовые представления:

(А) Питательные, калорийные продукты, способные утолить голод человека, символизируют явления социальной жизни, благоприятные для развития какой-л. отрасли, необходимые для жизнедеятельности человека: *Выставки, обречённые быть популярными и собирать очереди, – основа стабильной и качественной художественной жизни, главный музейный хлеб* («Известия»).

(Б) Незначительные проблемы, негативные общественные явления, которые существенно не влияют на жизнь человека, метафорически уподобляются мелким семечкам, остаткам от яйца, мелкой рыбе, постному маслу: *Несколько административных правонарушений: семейные скандалы, мелкие драки, короче, семечки* (А. Троицкий. Удар из прошлого).

3. В группу «События общественной жизни через процесс приготовления пищи» входят образные единицы *попасть как кур во ѹи* ‘неожиданно оказаться в неловком, затруднительном положении’, *вариться в супе* ‘находиться под влиянием определенной социальной среды, жить и работать в определенной идеологической атмосфере’, *первый блин получился комом* ‘первый опыт деятельности был неудачным’, *пройти сквозь сито* ‘преодолеть жесткий, тщательный отбор’, и др. В значении единиц отражены следующие типовые образные представления, в которых различные процессы и события жизни человека образно ассоциируются с этапами приготовления пищи:

(А) Ситуация варки пищи, при которой все ингредиенты находятся в закрытой посуде, метафорически проецируется на ситуацию длительного пребывания в какой-л. социальной среде, работы в какой-л. сфере, проживания в определенной стране или городе: *Считаю позитивным решение отправить в Питер судебную власть. Перестав вариться в московском котле, суды смогут выносить более взвешенные вердикты* («Вслух о...»).

(Б) Механическая обработка продукта, при которой его просеивают, измельчают, метафорически проецируется на трудности, испытания, встречающиеся в жизни человека: *Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдудем; все перемелется, мука будет* (А. Архангельский. Александр I).

(B) Неудачное приготовление кулинарного изделия метафорически проецируется на неудачный опыт в каком-л. деле, результаты которого оставляют желать лучшего: *На стойке я не справилась с ветром, но это первый старт, – призналась Ольга Зайцева, которой пришлось зайти на два штрафных круга после второй стрельбы. – У меня лично первый блин получился комом* («Eurosport»).

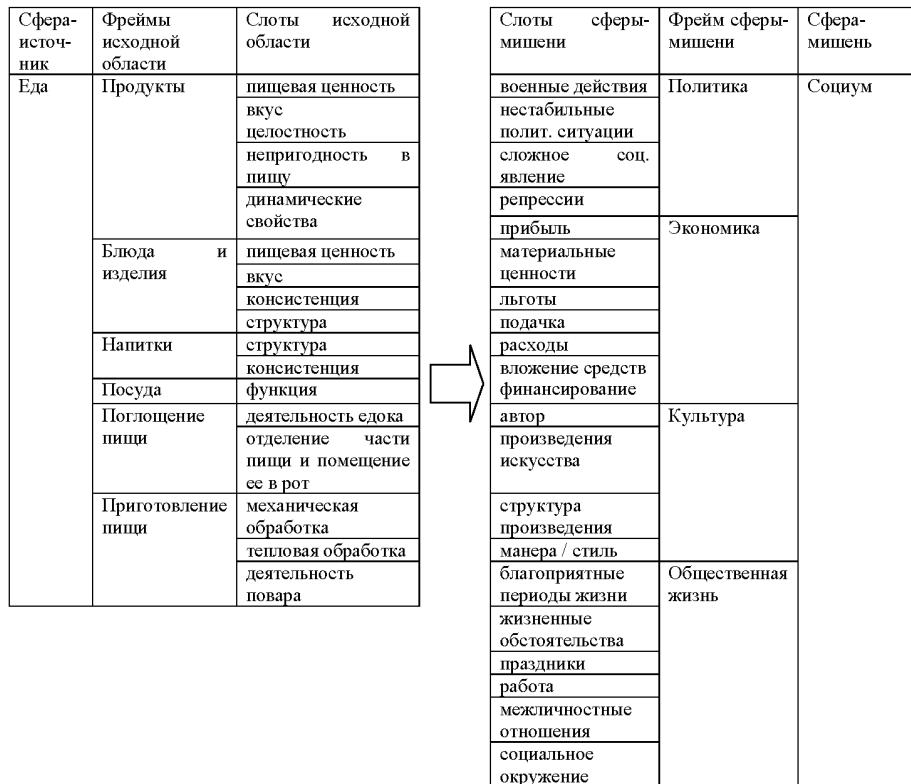

Рис. 2. Концептуальная структура метафорической модели
«Социальные явления – это Еда»

Характеристика категориально-образных парадигм в соответствии с представленной методикой описания послужила основой когнитивного моделирования данного фрагмента языковой картины мира через выявление типовых фреймов и слотов исходной и результирующей концептуальных областей¹. Анализ показал, что сфера-донор «Еда» представлена определенным набором фреймов и слотов, задействованных в метафорическом осмыслиении явлений сферы-мишени «Социум», которые показаны на схеме (рис. 2).

Последовательное описание категориально-образных парадигм продемонстрировало, что пищевая метафора предметного типа участвует в харак-

¹ Методика когнитивного анализа метафорической картины мира подробно рассмотрена в работах А.П. Чудинова [15], З.И. Резановой [16], Н.А. Мишанкиной [17] и др.

теристике таких сфер действительности, как «Человек», «Материальный мир», «Социум», «Нематериальный мир», «Пространство», «Запах» и «Звук». Разнообразные свойства пищевых продуктов (форма, структура, цвет, размер, консистенция, вкус, пищевая ценность и др.) выступают основанием для образного уподобления объектов и явлений различных сфер действительности явлениям сферы «Еда». 42 % образных слов и выражений задействовано в характеристике объектов антропосферы, среди которых преобладают номинации физиологических характеристик и нравственных качеств человека. Данные образные единицы демонстрируют такие основания метафорического уподобления, как форма, цвет, вкус и др. 22 % образных единиц называют объекты материального мира, которые чаще всего сравниваются с гастрофизическими объектами на основании сходства по форме и цвету. 19 % лексических и фразеологических единиц называют явления подробно представленной в статье сферы «Социум» (политика, экономика, культура, явления общественной жизни). Их семантика чаще всего отражает аналогию между социальными явлениями и вкусом или пищевой ценностью продукта, а также различными событиями и процессами гастрономической деятельности. 12 % образных слов и выражений номинируют явления сферы «Нематериальный мир» (чувства, эмоции, мысли, слова, мера) и демонстрируют различные основания образной аналогии. Небольшую часть составляют языковые единицы, характеризующие явления из сферы «Пространство» (2 %), «Запах» и «Звук» (2%). Оставшийся 1 % составляют образные единицы, использующиеся как эвфемизмы или присловья (*баранки гну, вот такие пироги* и т.п.). Качественное распределение образных слов и выражений, транслирующих пищевую метафору предметного типа по сферам образной референции, показано на диаграмме (рис. 3).

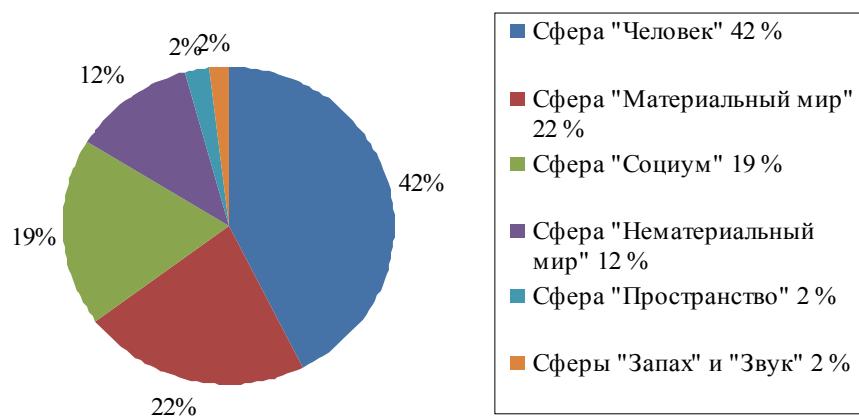

Рис. 3. Процентное соотношение количества образных языковых единиц, задействованных в метафорической концептуализации различных сфер действительности

Систематизация языкового материала в категориально-образные парадигмы позволила выявить совокупность частных метафорических моделей с общей сферой-мишенью, систему устойчивых оснований образной аналогии, участвующих в метафорической концептуализации определенных явлений действительности, а также типовые образные представления, характерные для русской культуры; представить фрагмент русской языковой картины мира.

Значительный объем языковых средств презентации пищевой метафоры в русском языке, ее семантическая емкость и всеохватность свидетельствуют о важности пищевого кода в образной интерпретации действительности. ПМ встраивается в систему базовых метафорических моделей с общей семантической сферой-источником, имея с ними зоны пересечения. В области метафоризации наименований продуктов питания ПМ пересекается с фитоморфной (это проекции образов съедобных растений, частей растений, употребляемых в пищу); зооморфной и соматической (образная лексика, восходящая к наименованиям употребляемых в пищу частей тела и органов животных, а также наименования тех животных, которые в хозяйственной деятельности человека преимущественно используются как продукты питания). В области метафоризации «Посуды и инструментов» ПМ пересекается с предметной (вещной, артефактной) метафорой; в области метафоризации субъекта гастрономической деятельности (повар, кормилец) – с антропоморфной метафорой. Исходная сфера-источник концептуально моделируется как комплексный сценарий поглощения и приготовления пищи, включающий частные фреймы и слоты (субъект, процессы приготовления, поглощения, кормления, блюда и продукты и т.д.). В этом отношении ПМ близка к моделям сценарного типа, таким как военная (милитаристская) метафора, медицинская метафора, строительная метафора, метафоризация сферы «Искусство» и т.п.

С точки зрения дискурсивной метафорической активности данная модель чрезвычайно продуктивна и востребована в современных дискурсивных практиках, особенно в публицистическом, художественном и разговорном типах дискурса. При этом дискурсивный анализ ПМ составляет самостоятельный перспективный аспект развития данной темы наряду с сопоставительным анализом пищевой метафоры в русском и других языках мира. Имеющийся опыт сопоставительных исследований¹ показывает, что ПМ является значимой базовой метафорической моделью образной концептуализации действительности, во многом носящей универсальный характер, но при этом имеющей ярко выраженные национально-специфические особенности.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 324.
2. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 17–200.
3. Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

¹ Результаты сопоставления пищевой метафоры в русском и английском языках представлены в работах Е.М. Кирсановой [18], в русском и французском – О.А. Дормидонтовой [19], русском и итальянском – Е.А. Юриной [20].

4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
6. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. 2-е изд., стер. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. 166 с.
7. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 204 с.
8. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.
9. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
11. Мелерович А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиненко. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
12. Большой фразеологический словарь русского языка : Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. 784 с.
13. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского языка: Большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. Ростов н/Д.; М.: Феникс: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2017).
15. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.
16. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
17. Мишанкина Н.А. Метафорические модели звучания // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 164–193.
18. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 29 с.
19. Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 23 с.
20. Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. Томск, 2008. № 3. С. 83–93.

FOOD METAPHOR IN CONCEPTUALIZATION, CATEGORIZATION AND VERBALIZATION OF REPRESENTATIONS ABOUT THE WORLD.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 98–115. DOI: 10.17223/19986645/48/7

Elena A. Yurina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Anastasiya V. Baldova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: food metaphor, figurative lexis, phraseology, figurative lexical and phraseological field, world view.

The article is concerned with the analysis of the Russian food metaphor world modeling function, its role in conceptualization, categorization and verbalization of representations about the world. Food metaphor denotes a cognitive metaphoric model which enables to perform conceptualization of cognizable phenomena from different extra-linguistic spheres by analogy with phenomena from the sphere “Food”. At the linguistic level it is embodied in figurative lexis with a metaphoric internal form (*kislyy* (literally: *acid*) ‘dissatisfied, sad’, *nakhlebnik* (lit.: *someone on bread*) ‘person who lives at others’ expense), phraseological units of different structure (*tochno varenyy* (lit.: *as if boiled*) ‘about a slow, weak, apathetic person’, *medom namazano* (lit.: *smeared with honey*) ‘attractive for many people’), proverbs (*kto uspel, tot i sjel* (lit.: *someone, who was in time, ate something*) ‘a person who was the

first in taking advantage of a situation gets a benefit'). At the speech level it is presented by author's expressions with a metaphoric character.

The procedure for reconstruction of the figurative fragment of the Russian linguistic world view is presented including semasiological and cognitive analysis techniques. In the structural and semantic aspect the semantics of figurative units embodying food metaphor are analyzed; the lexical structure of the metaphoric field "Food" reflecting results of reality linguistic categorization by means of food metaphor is modeled. For this purpose the figurative words and expressions are combined into category-figurative paradigms presenting series of figurative nominations naming a certain phenomenon from one conceptual sphere which is analogized with different phenomena from the common source sphere with the same basis of figurative analogy. The procedure for description of category-figurative paradigms of the field "Food" is presented in the article on the material of units representing the conceptual sphere "Society", including thematic areas "Politics", "Economics", "Culture", "Social Life". In the cognitive aspect particular metaphoric models, frames and slots involved in metaphoric interaction are described; bases of figurative adaptation and typical figurative representations specific to Russian culture are determined.

A successive description of category-figurative paradigms demonstrated that food metaphor of objective type takes part in characteristics of such reality spheres as "Human Being" (42 % of linguistic figurative units total number), "Material World" (22 %), "Society" (19 %), "Non-Material World" (12 %), "Environment" (2 %), "Scent" and "Sound" (2 %). The bases for figurative adaptation are presented by food product properties (form, structure, color, size, texture, flavor, nutrition value), food processing character during cooking, food intake specifics and others.

Systematization of the linguistic material into category-figurative paradigms allowed presenting the fragment of the Russian linguistic world view as a result of metaphoric world-modeling.

References

1. Humboldt, W. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
2. Potebnya, A.A. (1989) *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda. pp. 17–200.
3. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk, kul'tura, poznanie* [Language, culture, cognition]. Moscow: Russkie slovari.
4. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Kubryakova, E.S. (ed.) (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Moscow State University, Philological Faculty.
6. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Philological Faculty.
7. Ilyukhina, N.A. (1998) *Obraz v leksiko-semanticheskem aspekte* [The image in the lexical-semantic aspect]. Samara: Samara University.
8. Ilyukhina, N.A. (2010) *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in the semasiological interpretation]. Moscow: Flinta: Nauka.
9. Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [The imagery system of language]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka : v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi: slovar'* [Phraseologisms in Russian speech: a dictionary]. Moscow: Russkie slovari.
12. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka : Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language: Meaning. Use. Culturological commentary]. Moscow: AST – PRESS KNIGA.
13. Zimin, V.I. & Spirin, A.S. (2006) *Poslovitsy i pogovorki russkogo yazyka: Bol'shoy ob'yasnitel'nyy slovar'* [Proverbs and sayings of the Russian language: The Big Explanatory Dictionary]. Rostov-on-Don; Moscow: Feniks: Tsitadel'-treyd.
14. The Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 15th January 2017). (In Russian).

15. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
16. Rezanova, Z.I. (2010) The metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (9). pp. 26–43. (In Russian).
17. Mishankina, N.A. (2005) Metaforicheskie modeli zvuchaniya [Metaphorical models of sounding]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Kirsanova, E.M. (2009) *Pragmatika edinits semanticeskogo polya "Pishcha": sistemnyy i funktsional'nyy aspekty: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Pragmatics of units of the semantic field "Food": system and functional aspects: on the material of Russian and English languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Dormidontova, O.A. (2011) *Gastronomiceskaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii mira (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Gastronomic metaphor as a means of conceptualizing the world (on the material of Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
20. Yurina, E.A. (2008) Leksiko-frazeologicheskoe pole kulinarykh obrazov v russkom i italyanskem yazykakh [Lexical-phraseological field of culinary images in Russian and Italian languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 83–93.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/48/8

Н.А. Балаклеец, В.Т. Фаритов

ПОЭТИКА ТРАНСГРЕССИИ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»¹

Статья посвящена анализу особенностей поэтики романа Андрея Белого «Петербург». Авторы обосновывают тезис, что основным принципом организации художественного пространства и системы образов романа является трансгрессия – нарушение установленных границ мира и существующих в нем явлений. В статье показывается, как в горизонте принципа трансгрессии организуются пространство и время романа, конституируются образы тела и сознания героев. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что феномен трансгрессии составляет ключевой момент художественно-философского мировоззрения А. Белого в романе «Петербург».

Ключевые слова: Андрей Белый, «Петербург», поэтика, трансгрессия, вечное возвращение, Дионис, тело.

Поэтика романа А. Белого «Петербург» становится объектом пристального внимания уже в первые годы после публикации. В частности, Н.А. Бердяев дает следующую значимую характеристику специфике художественной организации романа: «У А. Белого есть лишь ему принадлежащее художественное ощущение космического распластования и распыления, декристаллизации всех вещей мира, нарушения и исчезновения всех твердо установленных границ между предметами. Сами образы людей у него декристаллизуются и распыляются, теряются твердые грани, отделяющие одного человека от другого и от предметов окружающего мира» [1]. Ключевым моментом в этой характеристике является «нарушение и исчезновение всех твердо установленных границ между предметами» и «смещение и смешение разных плоскостей», переход одного плана существования в другой. Эту же особенность художественного мировидения А. Белого в романе «Петербург» отмечает литературовед Л.К. Долгополов: «Он просто стирает границы между реальным и нереальным, между прошлым и настоящим, между действительностью и воображением» [2. С. 895]. Снова в фокусе оказывается граница и особое к ней отношение – стирание.

Феномен нарушения, исчезновения и стирания устоявшихся границ определяется с помощью термина «трансгрессия». В пространство философского дискурса данный концепт вошел с работами Ж. Батая [3]. Впоследствии этот термин стал использоваться в литературоведении для характеристики поэтики произведений художественной литературы [4]. Предвосхищение исследо-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов №15-33-01222 и №15-34-11045.

вания поэтики трансгрессии можно найти в работах М.М. Бахтина, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского и Ф. Рабле [5, 6]¹. Под содержание концепта трансгрессии подпадает большая часть основных особенностей художественной организации романа А. Белого. Можно смело утверждать, что «Петербург» представляет собой образец поэтики трансгрессии. На страницах произведения представлена трансгрессия пространства, времени, физического тела и сознания, предметов и литературных образов. Трансгрессия у А. Белого выступает в качестве основного принципа и приема изображения фактически всех пластов бытия: физического, ментального, исторического и эстетического.

1. Трансгрессия пространства: Петербург и Русская Империя

Пространства Петербурга и Русской Империи выступают в качестве основной темы романа. Белый собирает в одном произведении, сводит в одну точку богатое и сложное наследие «петербургского текста» русской литературы и философии². В образе Петербурга аккумулируется тема противостояния Запада и Востока в культурно-историческом пространстве России, противоречие между рациональным и хаотическим началом в Русской Империи.

В системе художественно-философского мировоззрения А. Белого Петербург выступает в качестве грандиозной и одновременно неудавшейся попытки обуздания «российского хаоса» силой Разума и Закона. Разум и Закон – начала европейской, рациональной в своей основе культуры. В системе художественно-философского мировоззрения А. Белого Россия представляет собой трансгрессивный феномен, постоянно ускользающий от власти европейской рациональности. Российское пространство по отношению к Европе – это *terra nullius*, ничья земля³. И у Белого сквозь геометрическую правильность петербургских проспектов проплывает первородный хаос: «...под гранитом шевелится родимый хаос», – отмечает И. Сухих [11. С. 27].

Образ Петербурга в романе выстраивается на основе оппозиции «центр – периферия»: «Весь Петербург – бесконечность проспекта, возведенного в энную степень. За Петербургом же – ничего нет» [12. С. 64]. Принципом организации центра является геометрия. Согласно Платону геометрия принадлежит к высшему метафизическому порядку идей. И перемещающийся по Невскому проспекту сенатор в своей прямоугольной карете размышляет о распространении власти геометрического порядка на пространство всей планеты: «...чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеиными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами; чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном космическом беге пересекла бы необъятность прямолинейным законом» [12. С. 63]. Но в метафизике Платона светлому миру идей противостоит теневой мир пещеры. И подчиненный геометрическому порядку идей Петербург у А. Белого окружен призрачными островами, обитатели которых – тени, грозящие Петербургу своим проникновением: «...о русские люди, русские люди! Вы толпы скользящих теней с

¹ О феномене трансгрессии в работах М.М. Бахтина см. статью В.Т. Фаритова [7].

² См. фундаментальную работу В.Н. Топорова [8].

³ О концепте *terra nullius* см. статью Н.А. Балаклеен [9]. См. также [10].

островов к себе не пускайте. Бойтесь островитян!» [12. С. 68]. И мир теней проникает в мир идей, осуществляется трансгрессия центра и периферии: «То волненье, охватившее кольцом Петербург, проникало как-то и в самые петербургские центры, захватило сперва острова, перекинулось Литейным и Николаевским мостами; и оттуда хлынуло на Невский Проспект» [Там же. С. 160].

Петербург претендует на статус абсолютной полноты бытия, онтологического центра. Соответственно, периферия получает статус небытия, Ничто: «За Петербургом же – ничего нет». Петербург – это все, сверхбытие, периферия – Ничто, пустота небытия. Но Ничто проникает в бытие, превращая онтологическую полноту в пустоту. Платоновский порядок идей оказываетсянейтрализован миром теней, и Петербург сам становится сферой призрачного существования. Эта мысль заявлена уже в прологе: «Если же Петербург не столица, то – нет Петербурга. Это только кажется, что он существует» [Там же. С. 46]. Такова особенность трансгрессивной поэтики пространства в романе А. Белого: бытие и небытие меняются местами. В одном месте мы читаем, что «за Петербургом ничего нет», а в другом – что самого Петербурга нет. В конце концов, в результате этих постоянных перестановок граница между бытием и небытием стирается. Метафизический порядок сущностей полностью устранился – сущности нет нигде в российском пространстве, ни в Петербурге, ни в губерниях, ни в центре, ни в периферии. Российское пространство в своей основе не имеет сущности, оно – антисущность. Сущность есть у Запада, есть она и у Востока. Но Россия, по мысли Белого, не является ни тем, ни другим. На этот момент указывает Л.К. Долгополов: «Не будучи ни Западом, ни Востоком, но будучи и Западом и Востоком, Россия была поставлена историей в центре поступательного мирового движения, на грани двух, складывающихся на протяжении всей истории человечества линий политической и общественной жизни» [2. С. 906]. Российское пространство погранично и, следовательно, не может получить фиксированного определения, не может обладать качественной определенностью, т.е. сущностью. Российское пространство насквозь трансгрессивно, оно ускользает от порядка тождества. В свете сказанного применение концепта «трансгрессия» по отношению к наследию А. Белого позволяет эксплицировать онтологическое содержание художественно-философского мировоззрения писателя.

Можно выделить, по крайней мере, три направления трансгрессии пространства Петербурга в романе А. Белого. Это трансгрессия посредством географического пространства России, трансгрессия посредством мистического пространства и трансгрессия посредством пространства сознания.

1. В первом случае самотождественность и сверхполнота бытия Петербурга нарушается бескрайними и необустроенным пространствами Русской Империи: «...между тем рассвисталась по Невскому холодная свистопляска, поливая вывески ядовитым, насмешливым, металлическим бликом, чтобы в воронки закручивать миллиарды мокрых пылиночек, вить смерчи, гнать и гнать их по улицам, разбивая о камни; и далее, чтобы гнать нетопыриное крыло облаков из Петербурга по пустырям; и уже рассвисталась над пустырем холодная свистопляска; посвистом молодецким, разбойным она гуляла в пространствах – самарских, тамбовских, саратовских – в буераках, в песчанниках, в чертоплохах, в полыни, с крыш срывая солому, срывая высоковер-

хие скирды и разводя на гумне свою липкую гниль; сноп тяжелый, зернистый – от нее прорастает; ключевой самородный колодезь – от нее засоряется; поразведутся мокрицы; и по ряду сырых деревень разгуляется тиф» [12. С. 587]. Продуваемые ветрами пространства пустырей, пространства самарских, тамбовских и саратовских губерний оказываются неподвластными высшему онтологическому порядку Разума и Закона. Такие пространства не могут быть подчинены идеи единого порядка, но они являются благодатной почвой для возникновения всевозможных трансгрессивных феноменов: разбойников, революционеров, бунтарей. Тщетно, «как Сизиф», вращает «громадное колесо механизма» бумажного производства сенатор (Аполлон Аполлонович Аблеухов). Бескрайние пространства России не охватываются идеей государственного законопорядка, существующей лишь на бумагах (в проектах, советах, приказах, которые рассыпает Аполлон Аполлонович из своего кабинета). Но российское пространство ускользает от всех этих государственных механизмов: «Аполлон Аполлонович одинок. Не поспевает он. И стрела его циркуляра не проникает уездов: ломается» [Там же. С. 609]. То здесь, то там возникают трансгрессивные феномены, нарушающие законо-проекты: «...непроницаемый, недосягаемый Козлородов, ассессор, где-то там, понаглел; и тронулся из провинций на Иванчи-Иванчевских: в одном пункте пространства толпа растасила на колья бревенчатый частокол, а... Козлородов отсутствовал; в другом пункте оказались повыбиты стекла Казенного Учреждения, а Козлородов – отсутствовал тоже» [Там же. С. 610]. Мысль и Закон не в силах подчинить себе российские пространства, трансгрессивные по своей природе.

2. Целостность бытия Петербурга нарушается также и существующим в нем самом дополнительным, четвертым измерением. Это измерение загробного мира, царства теней, низшей сферы бытия (высшей, метафизической области сущности у Петербурга, как было показано выше, в романе нет). «Для Русской Империи Петербург – характернейший пункт... Возьмите географическую карту... Но о том, что столичный наш город, весьма украшенный памятниками, принадлежит и к стране загробного мира...» [Там же. С. 541]. И далее: «Петербург имеет не три измеренья – четыре; четвертое – подчинено неизвестности и на картах не отмечено вовсе, разве что точкою, ибо точка есть место касания плоскости этого бытия к шаровой поверхности громадного астрального космоса» [Там же. С. 545]. Эта просвещенность пространства Петербурга царством теней актуализируется на протяжении всего романа. Петербург не репрезентирует никакой сущности, но пропускает сквозь себя холодные и беспредельные космические пространства, вследствие чего имперский город приобретает призрачный, нереальный характер.

3. Фактическое существование Петербурга как образования географического и административного сводится на нет, нейтрализуется посредством перевода в план сознания и, далее, в сферу бессознательного. На страницах романа постоянно повторяется образ Петербурга как продукта «праздной мозговой игры» – героев или самого автора: «Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом, и меня ты преследовал праздною мозговою игрой: ты – мучитель жестокосердый; ты – непокойный призрак; ты, бывало, года на меня нападал; бегал я на твоих ужасных проспектах и с разбега взлетал на чугунный тот

мост, начинавшийся с края земного, чтоб вести в бескрайнюю даль; за Невой, в потускневой, зеленой там дали – повосстали призраки островов и домов, обольщая тщетной надеждою, что тот край есть действительность и что он – не воющая бескрайность, которая выгоняет на петербургскую улицу бледный дым облаков» [12. С. 122]. Действительность существует где-то за пределами Петербурга – по крайней мере, на это есть надежда (тщетная, обольщающая). В самом Петербурге действительности нет. Он – лишь мозговая игра, т.е. продукт бреда, помраченного состояния сознания. И наконец, ближе к концу романа выносится окончательный вердикт: «Петербург – это сон» [Там же. С. 629].

Таким образом, посредством поэтики трансгрессии в романе осуществляется деонтологизация Петербурга: пространство столичного города лишается самостоятельного онтологического статуса, его бытие представляется как призрачное и эфемерное.

2. Трансгрессия времени: вечное возвращение

Трансгрессия выступает также в качестве основного принципа создания образа времени. Время в тексте «Петербурга» неоднородно и нелинейно. Главной особенностью образа времени в романе является взаимопроникновение и пересечение различных временных пластов и измерений. Сквозь настоящее пропадает прошлое (а в отдельных случаях и будущее), индивидуальное время пересекается с историческим и космическим, секунда приравнивается к миллионам лет, а мгновение расширяется до целой вечности.

Во многих местах романа Белый приводит формулу вечного возвращения¹. Например: «Глаза и тогда; расширились, заиграли, блеснули; значит: то уже было когда-то, и, может быть, то повторится» [Там же. С. 85]. Или: «Вот: Николай Аполлонович стоял, согнувшись так низко, продолжая читать записку ужасного содержания (все это – было когда-то: было множество раз)» [Там же. С. 348]. Здесь же: «...на все то Николай Аполлонович обернулся и глядел за собой в грязноватый туман – туда, куда стремительно проходили: котелок, трость и уши; долго еще он стоял изогнувшись (и все то – было когда-то)» [Там же. С. 348]. Далее: «Все то было когда-то» [Там же. 380]. «Это было когда-то» [Там же. С. 391].

Что есть, то уже было. И будет еще раз. Это ощущение возникает у героев в кризисных ситуациях: встреча Аполлона Аполлоновича с подозрительным разночинцем, получение Николаем Аполлоновичем записки от террористов, беседа с сотрудником охранного отделения. Сознание и экзистенция героев в подобных ситуациях оказывается в точке бифуркации, когда привычный ход времени нарушается. У Белого есть формулы и для привычного хода времени, назначение которых состоит в оттеснении временных разрывов, возникающих в кризисные моменты. Привычный ход времени характеризуется либо односторонним, линейным течение от прошлого через настоящее к будущему. Прошедшие события в данном случае не подлежат возобновлению – время идет только вперед: «Все то было, и теперь того нет» [Там же.

¹ См. статью А. Белого о Ницше [13].

С. 274]. Либо повседневное время характеризуется отсутствием каких-либо существенных изменений, сохранением привычного порядка: «...тут все так же, как прежде» [12. С. 283]. И в том и в другом случае настоящий момент обнаруживает свою онтологическую полноценность: именно и только оно настоящее есть. Прошлое либо уже ушло, либо ничем не отличается от настоящего момента.

Напротив, в кризисном времени происходит выпадение из повседневности. Настоящий момент подвергается деонтологизации: он утрачивает свою значимость посредством умножения до бесконечности, возведения «в энную степень» (еще одна формула А. Белого). Если настоящий момент бесконечное число раз повторялся и будет повторяться («то уже было когда-то, и, может быть, то повторится»), то смысл настоящего утрачивается: утверждается бессмыслица¹. Это негативный аспект идеи вечного возвращения, побуждавший Ницше оценивать эту мысль как «величайшую тяжесть» [15. С. 523]. Вечное возвращение здесь означает отсутствие цели и исхода в течении событий: «Живи еще хоть четверть века – // Все будет так. Исхода нет», – резюмирует А. Блок². У героя А. Белого это переживание времени как вечного повторения как раз и возникает в ситуациях абсолютной утраты смысла.

Вместе с тем трансгрессия времени посредством идеи вечного возвращения несет в себе и возможность позитивного смысла. Исчезновение настоящего позволяет раскрыть иные временные измерения, связанные с иными способами существования. Наиболее характерным здесь является следующий пассаж: «А вечерняя атмосфера густела; вновь казалось душе, будто не было настоящего; будто эта вечерняя густота из-за тех вон деревьев трепетно озарится зелено-светлым каскадом; и там, во всем огненном, ярко-красные егерь, протянувши рога, опять мелодически извлекут из зефиров органные волны» [12. С. 277]. В данном примере утрата настоящего не влечет за собой падение в бессмыслицу, но осуществляет переход во временном модусе, несравненно более богатый смыслом. Это мифическое время, время бога Диониса, преобразующего пространство в музыку. Наречия «вновь» и «опять» указывают на возобновляемость подобных моментов в существовании. Эти моменты возвращаются вопреки повседневному ходу времени, нарушают его одностороннюю направленность («Все то было, и теперь того нет») и обнаруживают во временном бытии пласт более глубокого, архаического смысла. Время настоящего оказывается разъятим, его замкнутость и самодостаточность нарушены. Душа вновь возвращается к пройденным когда-то стадиям, к детскому и мифическому восприятию мира.

Трансгрессия времени выражается посредством введения в текст колоссальных чисел, обозначающих временные интервалы, длительность которых превосходит время индивидуального и исторического бытия. Вечное возвращение того или иного конкретного момента в существовании требует огромных временных промежутков, исчисляемых миллионами и миллиардами лет. Только за такое количество времени отдельные комбинации существования

¹ Трактовку идеи вечного возвращения Ф. Ницше как утверждение бессмыслицы существования см. в работе [14. С. 322–333].

² Об идеи вечного возвращения у А. Блока см. [16].

способны повториться. Так экзистенциальное время пропускает сквозь себя время космическое. К примеру, Сергей Сергеевич Лихутин переживает семь тысяч секунд как семь тысяч лет: «...семь тысяч двести секунд пережил он, как семь тысяч лет; от создания мира до сей поры протекло немногим, ведь, более» [12. С. 364]. Здесь очевидна аллюзия на Священное Писание. В ограниченный промежуток времени герой переживает событие сотворения мира.

Измерение космического времени возрастает в романе от тысяч до миллионов и миллиардов лет: «...тысячи миллионов лет созревала в духе материя» [Там же. С. 443]. Наконец, космическое время приобретает совершенно немыслимые масштабы: «В единице также нет ужаса; сама по себе единица – ничтожество; именно – единица!.. Но единица плюс тридцать нолей образуется в безобразие пенталлиона: пенталлион – о, о, о! – повисает на черненькой, тоненькой палочке; единица пенталлиона повторяет себя более чем миллиард миллиардов, повторенных более чем миллиард раз. Чрез неизмеримости тащится. Так тащится человек чрез мировое пространство из вековечных времен в вековечные времена» [Там же. С. 595].

Такие неисчислимые временные промежутки вводят в игру вечного повторения того же древних богов, созидающих и уничтожающих мир. Возвращается уже не старый и немощный сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов, возвращается Хронос, Сатурн: «В первое мгновение Николай Аполлонович Аблеухов подумал, что под видом монгольского предка, Аб-Лая, к нему пожаловал Хронос (вот что таилось в нем!)... И Николай Аполлонович вспомнил: он – старый туранец – воплощался многое множество раз; воплотился и ныне: в кровь и плоть столбового дворянства Российской империи, чтобы исполнить одну стародавнюю, заповедную цель: расшатать все устои» [Там же. С. 439]. Но бог времени, вновь и вновь повторяющийся цикл существования которого измеряется миллиардами миллиардов лет, возвращается в виде сенатора, отца Николая Аполлоновича: «Но отец был – Сатурн, круг времени повернулся, замкнулся; сатурново царство вернулось (здесь от сладости разрывается сердце)» [Там же. С. 442]. Так миллиарды миллиардов лет космического времени вливаются в момент настоящего – экзистенциального и исторического – времени. Время семейной драмы отца и сына Аблеуховых, время подготовки революционного переворота в России расширяется до сверхкосмических масштабов. Трансгрессия достигает максимума.

Россия разделена противоположными началами. Непримиренные противоположности порождают напряжение, чреватое в будущем взрывом и потрясениями. Так, революция оказывается вписанной в самую суть исторической судьбы России: «Раз взлетев на дыбы и глазами меряя воздух, медный конь копыт не опустит: прыжок над историей – будет; великое будет волнение; рассечется земля; самые горы обрушатся от великого *труса*; а родные равнины от *труса* изойдут повсюду горбом. На горбах окажется Нижний, Владимир и Углич. Петербург же опустится» [Там же. С. 201]. Содержанием грядущих потрясений станет новое столкновение Востока с Западом: «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшихся с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет – Цусима! Будет – новая Калка!.. Куликово Поле, я жду тебя!» [Там же]. По мысли Бе-

лого, грядущий переворот завершится подъемом России: «Воссияет в тот день и последнее Солнце над мою родною землей» [12. С. 201].

Таковы историософские взгляды Белого, представленные в романе «Петербург». Не следует, однако, забывать, что в пространстве художественного текста мысли А. Белого выполняют определенную функцию в структуре романа: они не столько утверждаются сами по себе (как в публицистическом тексте или в философском трактате), сколько вступают в диалогические отношения со взглядами и позициями других героев произведения. Роман Белого полифоничен, подобно романам Ф.М. Достоевского. Как отмечает И. Суих: «Беловская историософия и эсхатология подчинена поэтике» [11. С. 30].

3. Трансгрессия тела: Дионис

В романе А. Белого трансгрессия выступает в качестве основного принципа изображения человеческого тела. В тексте «Петербурга» доминируют два типа трансгрессии телесного начала: разъятие тела на части и выход тела вовне.

Как показал в своем исследовании М.М. Бахтин, разъятие тела на части составляет один из центральных моментов народно-смеховой культуры и карнавального мировоззрения [6. С. 252, 424, 453]. Роман А. Белого буквально переполнен подобными образами.

Во-первых, рефреном сквозь весь текст проходит перечисление отдельных частей человеческого тела, как бы получивших самостоятельное, независимое от целого существование. Собственно, в сценах, изображающих Невский проспект, цельные тела практически отсутствуют. По Невскому идут части тела: уши, носы, усы. Нередко части тела заменяются элементами гардероба: котелки, цилиндры, фуражки, трости. Гоголевское происхождение подобных образов очевидно. На этот момент указывает и сам Белый: «Ряд фраз из «Шинели» и «Носа» – зародыши, вырастающие в фразовую ткань «Петербурга». У Гоголя по Невскому бродят носы, бакенбарды, усы; у Белого – носы «кутиные, орлиные, петушиные»; бредут «котелок, трость, пальто, уши, нос и усы» [17. С. 392].

Отдельные части тела доминируют в портрете сенатора. Как правило, изображается не лицо целиком, но – лысый череп и уши (гипертрофированные). Иногда – только одно ухо и череп: «Это ухо и этот череп!» [12. С. 73].

Александр Иванович Дудкин сообщает, что он любил не женщин, но отдельные *части женского тела*: «...знаете, ни в кого из женщин я не был влюблен: был влюблен – как бы это сказать: в отдельные части женского тела, в туалетные принадлежности, в чулки, например» [Там же. С. 187].

Совершенно гротескный характер образ отдельной части тела приобретает в изображении портрета «паршивеньского господинчика» (Морковина): «...лицо силуэта было достаточно видно: но лица также мы не успели увидеть, ибо мы удивились огромности его бородавки: так лицевую субстанцию заслонила от нас нахальная акциденция (как подобает ей действовать в этом мире теней)» [Там же. С. 90].

Во-вторых, одним из центральных мотивов романа является разъятие тела на части как событие, как процесс, как акт. Разъятие тела сенатора на час-

ти происходит в мыслях и воображении его сына, давшего обещание террористам взорвать своего отца: «А сам-то он думал: кожа, кости да кровь, без единого мускула; да, но эта преграда – кожа, кости да кровь – по велению судьбы должна разорваться на части; если это будет сегодня избегнуто, будет с завтрашним вечером опять набегать, чтобы завтрашней ночью...» [12. С. 416–417]. Эти фантазии преследуют Николая Аполлоновича до самого момента взрыва бомбы (от которого, впрочем, сенатор физически не пострадал): «Вперемежку, меж двух впечатлений запечатлется: штукатурка, щепы разбитых паркетов и драные лоскуты пропаленных ковров; лоскуты эти – тлеют. Нет, лучше не надо, но... берцовая кость? Почему именно она одна уцелела, не прочие части?» [Там же. С. 598].

Образы разъятого и разделяемого на части тела имеют вполне определенный смысл. Все это в совокупности есть не что иное, как метафора расчленяемого бога. В тексте есть непосредственные указания на данный факт. В одной из фантазий Аблеухова-младшего его отец оказывается не просто чиновником, но богом, Сатурном. Задуманный и пугающий сына акт разъятия отцовского тела на части приобретает космический масштаб: «Но отец был – Сатурн, круг времени повернулся, замкнулся; сатурново царство вернулось (здесь от сладости разрывается сердце).

Течение времени перестало быть; тысячи миллионов лет созревала в духе материя; но самое время возжаждал он разорвать; и вот все погибало.

– Отец!

– Ты меня хотел разорвать; и от этого все погибают.

– Не тебя, а...

– Поздно: птицы, звери, люди, история, мир – все рушится: валится на Сатурн... [Там же. С. 443].

В другом эпизоде Николай Аполлонович сообщает Александру Ивановичу о своих бредовых фантазиях: «...щекотка превращаются в какое-то мощное чувство, будто тебя терзают на части, растаскивают члены тела в противоположные стороны: спереди вырывается сердце, сзади, из спины, вырывают, как из плетня хворостину, собственный позвоночник твой; за волосы тящат вверх; за ноги – в недра...» [Там же. С. 477]. Александр Иванович, как бы в расчете автора на недогадливого читателя, называет имя бога: «Словом, были вы, Николай Аполлонович, как Дионис терзаемый... Но – в сторону шутки: вы теперь говорите совсем другим языком; не узнаю я вас... Не по Канту теперь говорите... Этого языка я от вас еще не слыхал...» [Там же. С. 477].

Опыт Николая Аполлоновича, действительно, уже выходит за пределы горизонтов кантовской философии. Этот древний, уходящий в глубину веков опыт трансгрессии тела бога будет возобновлен в философии Ницше. В «Так говорил Заратустра» немецкий философ дает образ разъятого на части тела: «Поистине, друзья мои, я брошу среди людей, как среди обломков и кусков людей! (wie unter den Bruchstücken und Gliedmaassen von Menschen!) Для меня ужасное зрелище – видеть человека раскрошенным и разбросанным (zertrümmert und zerstreuet), как будто на поле кровопролитного боя и бойни. И если переносится мой взор от настоящего к прошлому, всюду находит он то же самое: обломки, куски людей и ужасные случайности (Bruchstücke und

Gliedmaassen und grause Zufälle) – и ни одного человека!» [18. С. 144; 19. S. 467]. Однако для Ницше эти отъединенные друг от друга части тела подлежат объединению в будущем: «Я брошу среди людей, как среди обломков будущего, – того будущего, что вижу я. И в том все мое творчество и стремление, чтобы творить и соединять воедино все, что является обломком, и загадкой, и ужасной случайностью» [18. С. 145–146]. Речь снова идет о Дионисе, об умирающем и воскресающем боге. Разъятое на части тело бога вновь собирается, соединяется. Таков внутренний смысл трансгрессии тела в романе А. Белого. Подготавливается не что иное, как завершение и возобновление космического и божественного цикла. Само время подходит к кульминационному моменту, к поворотному пункту, когда песочные часы бытия вновь оказываются перевернутыми. Все начнется сызнова, и рассеянное в беспрепредельных пространствах тело вновь будет возникать: «Лишившийся тела, все же он чувствовал тело: некий невидимый центр, бывший прежде и сознанием, и «я», оказался имеющим подобие прежнего, испепеленного: предпосылки логики Николая Аполлоновича обернулись костями; силлогизмы вокруг этих костей завернулись жесткими сухожильями; содержанье же логической деятельности обросло и мясом, и кожей; так «я» Николая Аполлоновича снова явило телесный свой образ, хоть и не было телом; и в этом *не-теле* (в разорвавшемся «я») открылось чуждое «я»: это «я» пробежало с Сатурна и вернулось к Сатурну» [12. С. 443–444].

Другим типом трансгрессии телесного начала является в романе образ выхода тела вовне. Убиваемый Дудкиным Липанченко переживает расширение своего тела в космическое пространство: «...чудовищная периферия его внутрь себя всосала планеты; и ощущала их – друг от друга разъятыми органами; солнце плавало в расширениях сердца; позвоночник калился прикосновением сатурновых масс; в животе открылся вулкан» [Там же. С. 699]. Так посредством трансгрессии устраняется граница между телом и внешним миром.

Николай Аполлонович ощущает такую же трансгрессию тела в своих фантазиях: «...очертят собственный контур мой – за пределами тела, вне кожи: кожа – внутри ощущений. Что это? Или я был вывернут наизнанку, кожей – внутрь, или выскоцил мозг?» [Там же. С. 478]. «Просто были вы вне себя...» – резюмирует Александр Иванович. Но Николай Аполлонович настаивает, что «вне себя» – не просто расхожая метафора эмоционального потрясения, а реально переживаемое состояние тела: «Я же чувствовал себя *вне себя* совершенно телесно, физиологически, что ли, и вовсе не эмоционально...» [Там же. С. 479]. И снова Александр Иванович определяет смысл происходящего: «Не ужас, а подлинное переживание Диониса: не словесное, не книжное, разумеется... Умирающего Диониса...» [Там же]. Герой перерастает границы человеческого тела, перерастает и границы самого мира: «Будто какое-то откровение, что я – рос; рос я, знаете ли, в неизмеримость, преодолевая пространства; уверяю вас, что то было реально: и со мною росли все предметы; и – комната, и – вид на Неву, и – Петропавловский шпиц: все вырастало, росло – все; и уже приканчивался рост (просто расти было некуда, не во что); в этом же, что кончалось, в конце, в окончании, – там, казалось мне, было какое-то иное начало: законечное, что ли...» [Там же. С. 482]. Здесь

описан не выход в трансцендентное (ведь Аблеухов-младший мыслит уже не по Канту!). Речь идет о начале созидания нового тела и соответствующего этому телу нового мира. Путь этого созидания есть трансгрессия – преодоление телом своих границ, выход вне себя самого.

4. Трансгрессия сознания

Выходу тела вовне в романе соответствует выход вовне сознания. Сознание в системе художественно-философского мировоззрения А. Белого существует не в качестве противопоставленной внешнему миру сферы внутреннего, душевного мира. Бытие сознания есть постоянный выход за свои пределы, перманентное нарушение собственных границ, трансгрессия.

Выход сознания вовне, перевод внутреннего во внешнее переживает Николай Аполлонович во время своих философских занятий: «Сосредоточиваясь в мысли, Николай Аполлонович запирал на ключ свою рабочую комнату: тогда ему начинало казаться, что и он, и комната, и предметы той комнаты перевоплощались мгновенно из предметов реального мира в умопостигаемые символы чисто логических построений; комнатное пространство смешивалось с его потерявшим чувствительность телом в общий бытийственный хаос, называемый им *вселенной*; а сознание Николая Аполлоновича, отделяясь от тела, непосредственно соединялся с электрической лампочкой письменного стола, называемой *«солнцем сознания»*. Запершился на ключ и продумывая положения своей шаг за шагом возводимой к единству системы, он чувствовал тело свое пролитым во *«вселенную»*, т.е. в комнату; голова же *этого тела* смещалась в головку пузатенького стекла электрической лампы под кокетливым абажуром» [12. С. 104]. Границы внутреннего и внешнего здесь нарушаются вплоть до полной неразличимости.

В тексте «Петербурга» есть и описание опыта более радикальной отчужденности и опустошенности сознания – крайней степени трансгрессии:

«Закоулок был пуст, как и все: как там вверху пространства; так же пуст, как пуста человеческая душа. На минуту Николай Аполлонович попытался вспомнить о трансцендентальных предметах, о том, что события этого бренного мира не посягают никаких на бессмертие его центра и что даже мыслящий мозг лишь феномен сознания; что поскольку он, Николай Аполлонович, действует в этом мире, он – не он; и он – бренная оболочка; его подлинный дух-созерцатель все также способен осветить ему путь: осветить ему его путь даже с этим; осветить даже... это... Но кругом стало это: встало заборами; а у ног он заметил: какую-то подворотню и лужу.

И ничто не светило.

Сознание Николая Аполлоновича тщетно тщилось светить; оно не светило; как была ужасная темнота, так темнота и осталась» [Там же. С. 346–347].

В первом абзаце показано, как кантианский трансцендентальный субъект, центр сознания, он же шопенгауэрский дух-созерцатель (чистый созерцающий субъект), разбивается об «это». «Это» – единичное и конкретное, в своей единичности и конкретности не подчиняющееся основанному на законе тождества и находящемуся во власти субъекта понятию. Единичность, не

поддающаяся включению в систему трансцендентальных смыслов, но упорно существующая как голая единичность, как вызов смыслу и тождеству. В тексте «этого» – заборы, подворотня и лужи, пятно фонаря, часть освещенного тротуара и – особенно удачно подобранная деталь – апельсиновая корочка, заставляющая вспомнить тот класс предметов, который у Платона мыслился как упорно избегающий воздействия Идеи: грязь, помои, обрезки волос и ногтей. Структура мира, которую Хайдеггер рассматривает как систему отсылок значимости, где каждое подручное средство отсылает к другому и, в конце концов, к человеческому бытию как к своему смысловому центру (молоток – гвозди – жилище) [20], – эта структура рассыпается как жемчужное ожерелье с порвавшейся нитью. Обнаруживаются предметы, утратившие свою «подручность» и выпавшие из ряда отсылок значимости – как потерявшие привычный смысл заборы, как лужа или апельсиновая корка. «Это» также записка, в которой герою напоминают о данном им террористам обещании взорвать своего отца-сенатора. Именно она превращает сияющий центр сознания в мрачную дыру, в которую низвергаются утратившие свою организованность мысли. Записка все же имеет вполне определенный смысл, что отличает ее от утративших стандартную смысловую соотнесенность изолированных предметов. Но этот смысл для сознания героя подобен бомбе, взрыв которой уничтожает то пространство очевидностей, которое Гуссерль определяет как жизненный мир. Все очевидности разом нейтрализуются, причем вместе с ними нейтрализуется и картезианское *cogito*, вместо него раскрывается пустая дыра. Смыслообразование в гуссерлевском понимании терпит полный крах: вещи предстают как принципиально не соотносимые ни с какими смысловыми структурами и интенциональными актами сознания, да и само сознание опустошается, перестает выступать в качестве источника интенциональной активности. Белый детально обрисовывает этот процесс перехода сознания и субъекта в трансгрессивный режим:

Тут только Николай Аполлонович впервые смог осознать весь ужас своего положения. Как же так, как же так? И впервые его охватил невыразимый испуг: он почувствовал острое колотье в сердце: край подворотни перед ним завертелся; тьма объяла его, как только что его обнимала; его «я» оказалось лишь черным вместилищем, если только оно не было тесным чуланом, погруженным в абсолютную темноту; и тут, в темноте, вместо сердца вспыхнула искорка... искорка с бешеною быстротой превратилась в багровый шар: шаршился, ширился, ширился; и шар лопнул: лопнуло все... [12. С. 349].

Записка представляет собой смысл, который не может быть принят сознанием, не может быть интегрирован в выстроенную в нем иерархию смыслов или, как сказал бы Сартр, не может быть вписан в фундаментальный бытийный проект. Этот несоизмеримый смысл тем не менее настойчиво требует своего осознания – но как осознать то, что превосходит возможности осознавания? Результатом такого неразрешимого противоречия становится короткое замыкание всего столь тщательно отлаженного механизма смыслообразования – ужас, невыразимый испуг, переходящий затем в окончательный срыв: лопнуло все. Этот пример вскрывает конструктивный характер

любого смыслового единства, будь то жизненный мир естественной установки или сфера трансцендентальной субъективности. Он показывает, насколько хрупкими и неустойчивыми могут быть подобные единства и насколько необоснованы все утверждения о сознании как о первоистоке. Известный гуссерлевский тезис о том, что реальное дерево может сгореть, но смысл этого предмета останется, обнаруживает свою несостоятельность. Как показывает Белый, именно смысл с легкостью может исчезнуть, испариться подобно туману, а бессмысленное «это» останется в своей зияющей наготе. Смысл, конечно, должен был бы сохраниться не в конкретном эмпирическом, но в трансцендентальном субъекте. Но что делать, если сам трансцендентальный субъект из предельного основания превращается в ненадежного спутника, бегущего в минуту опасности? Герой пытается обратиться к этому субъекту – совершивший акт трансцендентальной редукции, однако «сознание Николая Аполлоновича тщетно тщилось светить; оно не светило». Ситуация была бы объяснима, если бы речь шла о Боге: он мог бы скрыться, отвернуться в знак своей немилости или посыпая человеку серьезное испытание. Но трансцендентальному субъекту не полагается выказывать подобных жестов. Если возможны состояния и ситуации, в которых высший субъект утрачивает свою власть и хотя бы на какое-то время отпускает эмпирического субъекта одного блуждать в кромешной тьме, то это означает, что такой субъект не является фундаментальным основанием нашей субъективности.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что трансгрессия выступает в качестве определяющего момента поэтики романа А. Белого «Петербург».

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Астральный роман [Электронный ресурс]: Интернет-библиотека Якова Кротова URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1916_233.html (дата обращения: 01.12.2016).
2. *Долгополов Л.К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Петербург. Приложения / А. Белый. СПб., 1999. С. 785–968.
3. *Батай Ж.* Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
4. *Зенкин С.* Поэтика трансгрессии // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. С. 393–400.
5. *Бахтин М.* Проблема поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
6. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015 640 с.
7. *Фаритов В.Т.* Философские аспекты творчества М.М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопр. философии. 2016. №12. С. 140–150.
8. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 617 с.
9. *Балаклеец Н.А.* Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 369. С. 38–42.
10. *Балаклеец Н.А.* Модели социального пространства России как условие конституирования российской идентичности // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1–2. С. 7–11.
11. *Сухих И.* Прыжок над историей («Петербург» А. Белого) // Петербург. Приложения / А. Белый. СПб., 1999. С. 5–45.
12. *Белый А.* Петербург. СПб.: Кристалл, 1999. 976 с.
13. *Белый А.* Ницше // Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 878–904.
14. *Бакусев В.М.* «Вечное возвращение» и античность // Ницшевская философия вечного возвращения того же / К. Левит. М., 2016. С. 295–335.

15. Ницше Ф. Веселая наука (la gaya scienza) // Полн. СОБР. соч.: в 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идилии. Веселая наука. М., 2014. С. 313–597.
16. Jovanovic Milivoje. Миф о «вечном возвращении» в разделе «Родина» Александра Бло-ка // Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 25, № 1, Janvier–Mars 1984. Autour du symbolisme russe 3. (Vjačeslav Ivanov). Р. 61–88.
17. Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 416 с.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого // Полн. собр. соч.: в 13 т. 2007. Т. 4. 432 с.
19. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra // Gesammelte Werke. Köln, 2012. S. 363–615.
20. Хайдеггер М. Бытие и времена. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

THE POETICS OF TRANSGRESSION IN ANDREI BELY'S NOVEL *PETERSBURG*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 116–130. DOI: DOI: 10.17223/19986645/48/8

Natalia A. Balakleets, Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: bnatalja@mail.ru / vfar@mail.ru

Keywords: Andrei Bely, *Petersburg*, poetics, transgression, eternal return, Dionysus body.

The purpose of the present article is to study the transgressive aspects of the poetics of A. Bely's novel *Petersburg*. The article proves the thesis that the concept of transgression covers most of the basic features of the artistic organization of the novel. The authors argue that *Petersburg* presents transgression of space, time, consciousness, the physical body, objects and literary images. Transgression in A. Bely's work serves as the basic principle and technique for depicting virtually all layers of life: physical, mental, historical and aesthetic.

The authors use the methodological principles and theories of M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman.

The spaces of Petersburg and the Russian Empire are the main theme of the novel. Bely unites the rich and complex heritage of the “Petersburg text” of Russian literature and philosophy in one work. The image of Petersburg accumulates the topic of confrontation of East and West in the cultural-historical space of Russia, the contradiction between the rational and chaotic elements of the Russian Empire.

The article shows that in A. Bely's artistic and philosophical outlook, Petersburg is a grandiose yet failed attempt to take control over the “Russian chaos” by reason and law. Reason and law are elements of the European culture, rational in its basis. Russia is a transgressive phenomenon, constantly escaping from the power of European rationality. Through the poetics of transgression in the novel *Petersburg* is de-ontologized: the space of the capital city is deprived of an independent ontological status, its being is represented as illusory and ephemeral.

The authors come to a conclusion that transgression also serves as a basic principle of time image creation. In *Petersburg*, time is inhomogeneous and nonlinear. The main feature of the time image in the novel is the interpenetration and crossing of different layers of time and dimensions. The past (and, in some cases, the future) emerges through the present, personal time intersects with historical and cosmic, a second equates to millions of years, and a moment is extended to the whole eternity.

In the novel transgression acts as a basic principle of human body imaging. In *Petersburg*, two types of transgression of the bodily element dominate: anatomization of the body and the body's going “beyond”.

The body's going “beyond” corresponds to going beyond consciousness. In A. Bely's artistic and philosophical outlook, consciousness does not exist in the outside world as opposed to the sphere of internal, spiritual world. The being of consciousness is a constant going beyond itself, a permanent violation of its borders, transgression.

References

1. Berdyayev, N.A. (1916) *Astral'nyy roman* [Astral novel]. [Online] Available from: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1916_233.html. (Accessed 01st December 2016).
2. Dolgopolov, L.K. (1999) Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого “Петербург” [Creative history and historical and literary significance of A.Bely's novel “Petersburg”]. In: Bely, A. *Peterburg. Prilozheniya* [Petersburg. Supplements]. St. Petersburg: Kristall.

3. Bataille, J. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part. Sacred Sociology]. Translated from French. Moscow: Ladomir.
4. Zenkin, S. (2006) Poetika transgressii [Poetics of transgression]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 78. pp. 393–400.
5. Bakhtin, M. (1979) *Problema poetiki Dostoevskogo* [The problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
6. Bakhtin, M. (2015) *Tvorchestvo Fransa Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Eksmo.
7. Faritov, V.T. (2016) Filosofskie aspekty tvorchestva M.M. Bakhtina: ontologiya transgressii [Philosophical aspects of Bakhtin's works: ontology of transgression]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 140–150.
8. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [The Petersburg text of Russian literature] St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
9. Balakleets, N.A. (2015) Terra nullius and power relations in social space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 38–42. (In Russian).
10. Balakleets, N.A. (2010) Modeli sotsial'nogo prostranstva Rossii kak uslovie konstituirovaniya rossiyskoy identichnosti [Models of the social space of Russia as a condition for the constitution of Russian identity]. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 1–2. pp. 7–11.
11. Sukhikh, I. (1999) Pryzhok nad istoriey (“Peterburg” A. Belogo) [Jumping over history (“Petersburg” by A. Bely)]. In: Bely, A. *Peterburg. Prilozheniya* [Petersburg. Supplements]. St. Petersburg: Kristall.
12. Bely, A. (1999) *Peterburg* [Petersburg]. St. Petersburg: Kristall.
13. Bely, A. (2001) *Nitsshe* [Nietzsche]. In: Sineokaya, Yu.V. (ed.) *Nitsshe: pro et contra* [Nietzsche: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGI.
14. Bakusev, V.M. (2016) “Vechnoe vozvrashchenie” i antichnost’ [“The eternal return” and antiquity]. In: Levit, K. (ed.) *Nitsshevskaya filosofiya vechnogo vozvrashcheniya togo zhe* [Nietzsche’s philosophy of eternal return of the same]. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya.
15. Nietzsche, F. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 3. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya.
16. Jovanovic Milivoje. (1984) Mif o “vechnom vozvrashchenii” v razdiele “Rodina” Aleksandra Bloka [The myth of “eternal return” in the “Homeland” section by Alexander Blok]. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 25:1. pp. 61–88.
17. Bely, A. (2011) *Masterstvo Gogolya. Issledovanie* [The Mastership of Gogol. Research]. Moscow: Knizhnny Klub Knigovek.
18. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow: Kul’turnaya revolyutsiya..
19. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Köln: Anaconda Verlag GmbH. pp. 363–615.
20. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkov: Folio.

УДК 821.161.1
DOI: 10.17223/19986645/48/9

О.А. Богданова

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В НЕОМИФОЛОГИЧЕСКОМ
РОМАНЕ НАЧАЛА ХХ И РУБЕЖА ХХ–ХХI вв.:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ПОЛЕМИКА¹**

Топика русской литературы 1917–1918 гг. и рубежа XX–XXI вв. анализируется в статье на материале романа Д.С. Мережковского «14 декабря», дневников М.М. Пришвина и ряда статей сборника «Из глубины», с одной стороны, и романов «Кысь» Т.Н. Толстой, «Укус ангела» П.В. Крусанова, «2017» О.А. Славниковой – с другой. Использованы историко-типоведческий и герменевтический методы, концептуальный и мифопоэтический подходы, изучение творческой истории произведений. Установлен разрыв понятий «земля» и «народ», прослежено его углубление.

Ключевые слова: революция 1917 г., неомифологический роман, Д.С. Мережковский, роман «14 декабря», Т.Н. Толстая, П.В. Крусанов, О.А. Славникова, земля, народ, масса.

Частичный возврат к модернистской «серьезности» на фоне тотальной постмодернистской иронии позволяет назвать ряд писателей рубежа ХХ–ХХI вв.: Т.Н. Толстую, П.В. Крусанова, Д.М. Липскера, О.А. Славникову и др. – неомодернистами (см.: [1. С. 44]). Всем им свойственны, в условиях современной глобализации, определенная преемственность по отношению к «неомифологическому»² роману Серебряного века в области топики, а также развитие заложенных в нем жанров антиутопии и альтернативной истории. В первую очередь имеется в виду историософский роман начала ХХ в., осмысливший русский имперский миф и революционную мифоидеологию: обе трилогии Д.С. Мережковского – «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя», «Петербург» А. Белого, «Творимая легенда» Ф. Сологуба, «Сатана» Г.И. Чулкова и др.

В настоящей статье мы остановимся на историософской неомифологии Д.С. Мережковского в последнем романе его второй трилогии «Царство Зверя»³ – «14 декабря», писавшемся и публиковавшемся по горячим следам революционных событий в России 1917–1918 гг. Здесь на историческом материале другой эпохи давалось историософское осмысление российских событий 1917 г. Революционная мифоидеология Мережковского, которая постепенно складывалась в его публицистическом и художественном творчестве начиная с 1906 г., в «14 декабря» воплотилась во всей своей антагонистической целостности, эмоциональной непосредственности и художественной многосторонности.

¹ Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начало 1920-х гг.)».

² Определение восходит к известной статье З.Г. Минц (см. 2. Перепеч. [3].

³ Состав второй трилогии Д.С. Мережковского «Царство Зверя»: пьеса «Павел I» (1908), роман «Александр I» (1911–1913), роман «14 декабря» (1918).

Рассмотрим лишь один из ее аспектов. Сквозным в романе является образ «земли». Утверждение Мариньки, будущей жены декабриста Валериана Голицына, о том, что «любить землю – грех, надо любить небесное» [4. С. 7], опровергается мыслью Голицына о единстве неба и земли в Господней молитве «Отче наш» [Там же. С. 42, 161, 219, 228]. Мотив «земли» в сознании героя соединен с любимой девушкой как воплощением Вечной Женственности, Матери Пречистой, «родной матери-земли», России [Там же. С. 69]. Так как, по мысли Голицына, «отчество – тоже земля» и любовь к нему не грех [см.: Там же. С. 164], то землю и небо надо «вместе любить», потому что «в последнем пределе» они «одно» [Там же. С. 17]. Все больше узнавая свою молодую жену, герой открывает в ней материнское начало, общность Матери Божией и матери-земли. После того как она навещает арестованного мужа в тюремном садике Петропавловской крепости, Голицын опускается на колени и целует землю, по которой ходила Маринька, как «Мать Пречистую» [Там же. С. 215]. Те же слова о земле произносит перед казнью автор религиозно-революционного «Катехизиса» Сергей Муравьев-Апостол, чье мировоззрение Мережковский полностью разделял. По мнению декабриста, Россию спасет «Христос и еще Кто-то» [Там же. С. 233, 245]. Муж Мариньки читает в дневнике казненного героя о предательстве народом дела религиозной революции и в отчаянии решает: «<...> и гибнуть нечему: никакой России нет и не было» [Там же. С. 254]. Но вспомнив о Мариньке и связанных с ней символических образах, понимает, о Кем говорил погибший, – «Россию спасет Мать» [Там же. С. 258].

Если в 1907–1917 гг. Мережковский призывал к уничтожению российской монархии как «Царства Зверя», то после падения самодержавия в марте 1917 г., когда прежнее царское «человекобожие» стало оборачиваться в России «народобожием», «Зверем», по логике писателя-символиста, стал революционный народ, который в романе изображен под впечатлением от Октябрьских событий. В последние месяцы 1917 г. автор «14 декабря» пришел к двойственной концепции русской революционности, к противопоставленности Февраля и Октября¹: с одной стороны, это «революционная аристократия» религиозной интеллигенции, стремящейся соединить свободу с христианскими ценностями, с другой – «революционная демократия» народа и большевиков, которая ничем не лучше прежнего «человекобожеского» самодержавия (подробнее см.: [5]). Вместо былой, Февральской, надежды на единство народа с интеллигенцией, Мережковский обозначает разделение. Рылеев на страницах «14 декабря» сетует: «Даже не смеем сказать, что восстаем за вольность, – говорим: за царя Константина. Лжем. А когда узнает правду народ, то нас же проклянет, предаст палачам на распятие» [4. С. 41]. Восставший Черниговский полк в одночасье превращается «в разбойничью шайку, в пугачевскую пьяную сволочь». И командир его, Сергей Муравьев-Апостол, «понял самое страшное: для русского народа вольность значит буйство, распутство, злодейство, братоубийство неутолимое; рабство – с Богом,

¹ Имеются в виду: буржуазно-демократическая революция в России конца февраля – начала марта 1917 г., когда к власти в стране пришло коалиционное Временное правительство, и Октябрьский переворот, когда власть захватили большевики.

вольность с дьяволом» [4. С. 229]. «Страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ, – таков опыт декабриста-христианина. – Зверь идет. <...> Россия гибнет <...>» [Там же. С. 234]. Лучшие герои революционного романа Мережковского – Голицын и Маринька – не сомневаются: для воцарения Христа «яко на небеси и на земли»¹ необходимо убить «Зверя» [4. С. 162–163]. Другими словами, ради сохранения России как «земли» нужно уничтожить ее народ...

В течение многих веков существовала в русской культуре традиция отождествления «земли» и населяющего ее народа, восходившая, с одной стороны, к рассказу о сотворении первочеловека Адама «из праха земного» (Быт. 2, 7) в ветхозаветной книге «Бытие», с другой – к античным Элевсинским мистериям с их культом матери-земли, Деметры. По древнегреческим народным воззрениям, существовал «круг рождений», когда души предков возвращались из земли к новой наземной жизни (см.: [6. С. 444]). Также и в Древней Руси «земля чти[лась] вдвойне: и за то, что принимает умерших dead, и за то, что обратно отдает души новорожденным внукам <...>» [7. С. 104]. Из Библии, византийской книжности и фольклора представления о единстве «земли» и народа перешли в русскую литературу. Сам Мережковский в эссе «Грядущий Хам» (1905), говоря о трех началах «духовного благородства», противостоявших «трем лицам» Грядущего Хама, в качестве первого называл, как одно целое, «землю» и народ – «живую плоть <...> России» [8. С. 25].

В открывшемся ему в ходе революционных событий 1917 г. распадении названного единства романист сближался с некоторыми авторами сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918), своими былыми оппонентами по вопросам о самодержавии, народе и интеллигенции как элементах революционного процесса в России. Например, в «современных диалогах» С.Н. Булгакова «На пику богов. Pro и contra», где отмечалось «оподление цепого народа», «загуб[ившего] и опоган[ившего]» собственную страну [9. С. 314], один из их участников, Писатель, так выражал надежду на будущее воскресение родины: «<...> русская земля <...> спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...» [Там же. С. 353]. Другой автор «Из глубины», В.Н. Муравьев, прямо заявлял: «<...> народ разрушил Россию» [10. С. 416]. О том же свидетельствует и «Дневник» М.М. Пришвина 1918 г. В ответ на высказанную собеседником мысль: «<...> Русскую землю нынче, как бабу, засек пьяный мужик, и лучину, которая горела над этой землей, задул, теперь у нас нет ничего: тьма. Как может что-нибудь выйти из ничего, из тьмы?» – писатель обратился к библейской метаистории, указывающей на более раннее происхождение «земли» по отношению к населившим ее людям: «Вначале земля была безвидна и пуста, а потом из ничего началось творенье» [11. С. 53]. Как видим, Мережковский в своем трагическом открытии отнюдь не был одинок...

В обрисованной парадигме по-новому осмысляются и попытки советской власти 1920–1930-х гг. создать качественно новое население на прежней русской земле путем соответствующего воспитания городских низов наряду с

¹ На земле, как на небе (церковнослав.). Слова из молитвы «Отче наш...».

целенаправленным геноцидом ряда социальных групп («буржуазной» интеллигенции, дворянства, крестьянства), что отразилось в ряде антиутопий XX в. («Мы» Е.И. Замятиня, «Котлован», «Чевенгур» А.П. Платонова, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и др.). Как видим, историософский роман Мережковского в жанровом отношении не чужд выходившей на авансцену европейских литератур рубежа XIX–XX вв. антиутопии, а в ряде черт предвосхищает жанр альтернативной истории – когда говорит о возможном развитии России по сценарию Февраля.

Постмодернизм конца XX в. рождался на Западе в процессе деконструкции модернизма и авангарда, признанных, авторитетных к тому времени явлений культуры; однако в постсоветской России главным объектом демонтажа стал официозный соцреализм. Культура СССР не была монолитной – все советские десятилетия не прерывалась подпольная, гонимая, неофициальная традиция Серебряного века, высокого модернизма (в первую очередь символизма) и авангарда (футуризма, конструктивизма). Эту традицию русский постмодернизм¹ пытался не столько деконструировать, сколько встроить в свою парадигму. Более того, он нередко воспринимал себя прямым продолжением Серебряного века, мгновенным переходом из 1919-го в 1991-й через голову советской эпохи как зияющего провала в небытие. Недаром в прозе рубежа XX–XXI вв. столь часты имплицитные, подчас бессознательные отсылки к В.В. Розанову – писателю Серебряного века, во многом предвосхитившему эстетику постмодернизма своими «Опавшими листьями», «Уединенным» и др. Так, Т.Н. Толстая в «Кыси» (2000) играет с розановской антилитературностью, а Л.Е. Улицкая в «Казусе Кукоцкого» (2001) – с розановской идеей о «религии смерти» (христианстве) и «религиях жизни» (иудаизме и язычестве). В романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1999) Серебряный век непосредственно встречается с Россией 1990-х через выпадение советской эпохи из сознания героя: Петр Пустота живет в 1918–1919 гг. и одновременно – в 1990-х. Тот же эффект – в романах П.В. Крусанова «Укус ангела» (2000), Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016) и др.

Поэтому неудивительно, что неомифологема Мережковского о разделении «земли» и народа в обозначенных писателем-символистом жанровых координатах антиутопии и альтернативной истории перешла в русскую художественную прозу рубежа XX–XXI вв. Для примера обратимся к трем романам начала ХХI в. – «Кысь» (2000) Т.Н. Толстой, «Укус ангела» (2000) П.В. Крусанова, «2017» (2006) О.А. Славниковой.

В «Кыси» предпринята неомифологическая ревизия извечной российской проблемы «народ и власть». Контаминируя традиционные для русской культуры славянофильско-почвеннический (о народе-богоносце и царе-батюшке) и либеральный (о просвещенном монархе и просвещаемом народе) мифы,

¹ Постмодернистскую культурную ситуацию в России конца ХХ – начала ХХI в. нельзя путать с постмодернистским литературным направлением (хотя оба явления нередко называют одним словом – постмодернизм). Если постмодернистская культурная ситуация – общий фон существования всех без исключения литературных направлений эпохи (классического реализма, неомодернизма, метафизического реализма, постреализма, нового реализма и др.), единый контекст их функционирования, то литературный постмодернизм (в узком смысле слова) – одно из многих литературных течений современности.

Толстая выдвигает анархический неомиф об обоюдной неспособности обеих сторон к продуктивному диалогу, тем самым воскрешая ситуацию социально-практического движения толстовцев начала XX в., генетически связанного с ее великим однофамильцем Львом Николаевичем. В то же время в романе осуществлена деконструкция целого букета архаических (космогонического, о культурном герое, о Промете и др.) и новейших (о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо, о прогрессе, о русской литературе и др.) мифов.

Неудивительно, что в жанровом отношении «Кысь» содержит в себе элементы антиутопии и альтернативной истории, помещенные внутрь разноправленной («светлое прошлое» и есть будущее (см.: [12. С. 139, 225]) мифо-поэтической цикличности («вечное возвращение» Ф. Ницше). Отмеченная черта роднит роман 2000 г. с «14 декабря», где временные пласти также перемешаны и просвечивают один сквозь другой.

Как историософский роман, погруженный в постмодернистскую ситуацию, «Кысь» производит парадоксальный эффект смысловой неразрешимости, которая в конечном итоге может быть разрешена, – если главный герой Бенедикт среди множества написанных людьми книг найдет Библию, пока (но только пока) ему недоступную. Тогда все буквы азбуки (лежащей в основе композиции произведения) сложатся в слова и фразы, имеющие истинный смысл, уже существующий за пределами романного мира. Наличие метафизической шкалы ценностей – общая черта романов Мережковского и Толстой.

В «Кыси» происходит пересмотр ключевой для постренессансной эпохи категории «человечности» – здесь действуют не люди, а мутанты, возникшие в результате ядерного взрыва: прежние, перерожденцы, голубчики, – к которым явно неприменимы привычные гуманистические критерии и нормы (бытийная самостоятельность, нравственная самоценность и разумная сбалансированность человеческой природы). Похоже, что и важнейший для русской культуры концепт «народ» («русский народ») подвергается в этом романе постмодернистской деконструкции, превращаясь в симулякр: ни «прежние», ни «голубчики» никак не «тянут» не то что на «богоносца», но даже на «культурно-историческую общность».

Как бы отвечая на вопрос Мережковского о возможности существования «земли» без народа, Толстая, в гротеско-сниженной форме, разворачивает сюжет о загадочной «кыси». Духовно-историософский феномен России рассмотрен здесь через оппозицию образов кошки и мыши, символизирующих полярность русского национального характера. Само название романа можно понять как контаминацию этих слов. Хищно-активное кошачье начало присуще власти (Федор Кузьмич, Кудеяр Кудеярыч), жертвенно-пассивное мышное – массе простых голубчиков. Возможно, Бенедикт¹ – потенциальный постчеловек в романе, способный возвыситься как над «мышиным» андеграундом, так и над соблазном стать высокопоставленным хищником. Не случайно, не желая ассоциировать себя с «кысию», он сохраняет преемственность с лучшими явлениями собственно человеческого прошлого, оставаясь, однако, мутантом, иным, новым.

¹ благословенный (лат.).

В основу романа Крусанова «Укус ангела» положен современный неомиф о Логосе и Могосе, развернутый в трактате петербургского философа А.К. Секацкого «Моги и их могущество» (1996). На заре истории «в сражении <...> между двумя <...> векторами духовной эволюции» [13. С. 33] человечества победил Логос, который был отождествлен с Богом, разумом, наукой и техникой. Магические, основанные на саморазвитии человека, практики поверженного Могоса объявились дьявольскими. Человек был обречен на беспомощность и униженные «молитвы-просьбы» [13. С. 34], вместо того чтобы самостоятельно овладевать знаниями и умениями, повелевать стихиями, творить миры. Так как мир Логоса в романе Крусанова давно «протух», именно тайные до времени моги призваны его окончательно развалить, чтобы установить мировой порядок Могоса во главе с сакральным Государем – великим магом (в терминах Мережковского – «человекобогом», или «Зверем»).

Таковой находится в лице сына русского офицера и китаянки Ивана Некитаева, в любых ситуациях руководствующегося формулой «Я могу», не взирая на божественные заповеди (бросает вызов Богу, желая «переписать матрицу мира» [14. С. 108]), морально-этические нормы (не останавливается перед инцестом, вступая в любовную связь с родной сестрой), законы природы (успешно применяет магические практики, например в случае вселения души убитой им Каурки в тело Феликса Кошкина).

Главное дело сил Могоса во главе с Некитаевым – ускорение «рукотворного Апокалипсиса» [13. С. 159] путем организации микрокрушений и концентрации несчастных случаев по всему миру Логоса с целью окончательного его уничтожения. Таким образом, империя магов – инструмент тотального разрушения; на расчищенным месте возникнет «Ирий» – «земной рай» без людей [14. С. 42, 107], что свидетельствует о характерном для рубежа XX–XXI вв. сомнении автора в потенциале «человечности». Это отчетливо напоминает Мережковского в «14 декабря» с его «землей» без народа.

Хотя действие романа Крусанова происходит в России начала XXI в., изображенная здесь действительность не похожа на привычную нам современность, потому что автор помещает читателя не только в антиутопию, но и в альтернативную историю страны, из которой начисто выпал советский период, где Серебряный век непосредственно граничит с новейшими днями. Поэтому здесь перемешаны приметы разных эпох: разночинцы беседуют об эдиповом комплексе, предводитель дворянства является отцом последователя Ж. Бодрийара, «пламенник» Бадняк передает Ивану Некитаеву крестик, оброненный в XIII в. князем Георгием Всеволодовичем, и т.п. Произведение насыщено прямыми аллюзиями на Серебряный век: «Коллегия Престолов» (Религиозно-философские собрания, где, между прочим, одну из первых ролей играл Мережковский), журнал «Аргус-павлин» (журнал «Новый путь», в котором печатались протоколы РПС), редактор Чекаме (Черный квадрат Малевича), «художницы жизни» («живописчество») и мн. др. Идеолог войны Петр Легкоступов может быть соотнесен с либеральным демократом П.Б. Струве, в годы Первой мировой войны ставшим апологетом русского государственного могущества.

Идея «Ирия» принадлежит в романе Петру Легкоступову, а значит, рождена Серебряным веком. Сам герой-идеолог недаром член философского общества «Коллегия Престолов», т.е. не людей, а ангелов одного из чинов небесной иерархии, «богоносных», на которых восседает Господь. Возвещенный ими на трон сакральный Император – Иван Чума – превосходит возможности обыкновенных людей как по своим задаткам, так и последующим поступкам. Само заглавие романа указывает на то, что, пережив «кукус ангела», он стал существом другой, нечеловеческой природы.

Кроме того, в романе Крусанова присутствует персонаж, как будто непосредственно вырастающий из революционной мифоидеологии Мережковского, – Мать и Надежда Мира. Выйдя из социальных низов, эта героиня возвысила благодаря присущей ей силе любви, которую «нельзя победить» [14. С. 201]. Именно она, за которую «ратуют ангелы» [Там же. С. 194], разделила Россию пополам «огненным колесом»-«жерновом» [Там же. С. 203] – символом революции. Но предательство возлюбленного – Министра войны – полностью угасило в ней любовь, и Надежда Мира превратилась «в блуждающую тень» [Там же. С. 206]. Это гротеская, бессильная Мать, которая никого не может спасти. И если роман 1918 г. заканчивался надеждой на спасение России – Материю, то в романе 2000-го Мать – Надежда Мира – этот мир (мир Логоса) обманула и предала. Поэтому Иван Некитаев – наследник Надежды Мира – выбирает не любовь, а страх, чтобы держать подданных в повиновении (см.: [Там же. С. 208–209]), т.е., в понятиях Мережковского, путь «Зверя».

Название романа Славниковой «2017» красноречиво свидетельствует о предпринятой здесь попытке осмыслиения 100-летних итогов русской революции 1917 г. Однако в основе произведения – современное прочтение и развитие локально-фольклорных уральских мифов о Хозяйке Медной горы, олени Серебряное копыто, Великом Полозе, огненной девушке Златовласке и т.п. На этом фоне проживаются судьбы тайного «хитника» (нелегального до-бытчика и обработчика уральского драгоценного камня) Вениамина Крылова, его бывшей, но все еще любящей жены Тамары (поначалу удачливой бизнесвумен, впоследствии «съеденной» конкурентами и завистниками) и любимой женщины Тани (маргинальной жены главаря «хитников» профессора Антилогоева, ставшей воплощением могущественного горного духа – «Каменной девки»).

Главным, подлинным в жизни перечисленных героев оказывается, в конце концов, их включенность в эти архаико-мифологические архетипы, а совсем не событийная канва новой социокультурной и политико-экономической действительности, наступившей в постсоветской России с 1990-х гг., законы которой определяли на первый взгляд их существование: положение родителей, места учебы, службы, способ зарабатывания денег и пр. Более того, только эта природно-мифологическая матрица оказывается подлинной, реально существующей и продуктивной, т.е. способной выдвигать жизнеспособные формы. Все остальное: бизнес, телевидение, современная техника, деньги, политика, презентации, корпорации, интриги, скандалы, банкротства – призрачно, преходяще, не обладает бытийной устойчивостью и постоянством. Таковы, например, перипетии вокруг Тамариных похоронных

кооперативов «Гранит» и «Купол», изнанка телешоу Мити Дымова «Покойник года», махинации плоско-рассудочного Анфилогова с нелегально добытыми самоцветами, суета шпиона-трансформера Завалихина, следившего за свиданиями Крылова и Тани, и мн. др. «Ненастоящий» мир [15. С. 237] современной цивилизации обречен на уничтожение, рассеивание и недостоин серьезного сочувствия: не жаль ни жертв беспорядков на костюмированном спектакле в честь 100-летия Октября, ни бессмысленно жадного Коляна на отправленной «корундовой речке», ни посколькувнувшегося на арбузной корке и попавшего под машину шпиона, ни даже старушку мать главного героя Крылова, чьи «страдания притворны» в «неподлинном мире» [Там же. С. 535].

Имеющие же бытийный статус явления – первозданная красота «корундовой реки», благородная нищета постсоветских стариков, всепоглощающая любовь мужчины и женщины – кристаллизуются в неподдельные «зоны прозрачности», не подлежащие ни дублированию, ни клонированию, ни переживанию эффекта «дежавю» (уже виденного ранее).

Все это очевидно, хотя скорее всего неосознанно, включено в аксиологический горизонт «14 декабря» Мережковского: Россия как «земля» и природа; недостоинство ее народа, надругавшегося над собственной землей и стремительно превращающегося в призрак; любовь между мужчиной и женщиной как взаимное жертвенное служение.

«Самодержавную» (в категориях Мережковского) Октябрьскую революцию 1917 г. и ее отдаленные последствия в 2017 г. Славникова также относит к явлениям «неподлинного мира»: нарастание «ряженой революции» в стране, отставка правительства, учреждение Временного президентского совета, комендантский час в столице, танки, митинги и пр. (см.: [Там же. С. 537–539]) – ничего не меняют и не могут изменить в подлинном, глубинном разворачивании реально-мифологических событий (а миф, по логике автора романа, это и есть изначальное для человека представление о реальности): самоочищения и самовосстановления природы («земли») после губительного вмешательства алчного бизнеса и продажной политики, активизации спасительных «аномальных зон», превращения Тани в Хозяйку Горы, отъезде Крылова и Фарида на «корундовую реку» и т.п.

Поэтому-то вопреки читательским ожиданиям, связанным с заглавием романа, тема революции проходит по касательной к его основному сюжету, прячется на периферии, в стилевой ремарке и скороговорке. Впервые она возникает лишь в 3-й части произведения, в одном смысловом ряду с появлением следящего за Таней и Крыловым в каком-то из городских кафе шпиона: на телекране в преддверии 100-летия Октябрьской революции рассказывают о восстановлении разрушенных памятников – «новенький Дзержинский парил над постаментом, принимаемый в объятия рукастым пролетариатом» [Там же. С. 149]. Через пару сотен страниц дается важный для понимания революционной темы пассаж о ненастоящести, неподлинности внешнего мира, о произошедшей «консервации жизни», при которой ничего не происходит, ничего не меняется, но господствует «культура копии при отсутствии подлинника» [Там же. С. 238–239]. И хотя слово «симулякр» не звучит в романе, семантически именно оно определяет всю его революционную (и не только) тематику.

Да, произошедшая в октябре 1917 г. русская революция не то что забылась, исказилась, выхолостилась, – ее НА САМОМ ДЕЛЕ просто НЕ БЫЛО в полном смысле слова, это было всего лишь колебание на поверхности бытия, серьезно не затронувшее подлинных, природно-мифологических, онтологических, «земных» основ жизни.

Продолжается тема лишь в 6-й части романа, когда герои попадают в гущу устроенного властями на Празднике Города костюмированного спектакля, призванного возвратить к событиям 100-летней давности – противостоянию красных и белых. Действительно, парад как будто перерастает в бой с убитыми и ранеными, однако единственным реальным, исходя из романских ценностей, ущербом от этого события стала невстреча двух любящих, разлученных разбушевавшейся толпой и оцепившими ее правительственные войсками (см.: [15. С. 326–329]).

Действие в 7-й части «2017» разворачивается на фоне перманентной «ряженой революции» как проявления свойственной России «исторической мечтательности» ([Там же. С. 376, 377, 379] и др.), когда на деле нет ни воюющих сторон, ни настоящих победителей, а есть «маскарадное действие» [Там же. С. 376]. По сути дела, то же самое было, по мнению автора, и в 1917 г.: потешное обмундирование с царских складов – буденовка и специальная шинель – стало формой в Красной армии…

По логике романа Славниковой ни революция 1917 г., ни восстановление ее порядков (или беспорядков?) в 2017 г. ровным счетом ничего не меняют в бытии земли, камня, людей, причастных к подлинности. Бытийно-мифологических корней такая революция не имеет, она шумит *мимо* бытия, нанося ему порой ощутимый, но в целом поправимый урон: люди и природа постепенно восстанавливаются после социальных (революция 1917 г.) и техногенных (устроенных варварским бизнесом 1990-х гг.) катастроф.

Стоит также вспомнить о месте действия анализируемого романа – Екатеринбурге. В этом городе были заточены и казнен последний русский царь Николай II и его семья. Однако ни одного слова или намека на это событие в произведении не прочитывается. Такое невнимание, по-видимому, свидетельствует о том, что, подобно революционному, имперский неомиф России также не имеет в глазах автора «2017» онтологических оснований. На глубинном уровне это соответствует неомифологическим установкам Мережковского как автора «14 декабря». Ведь для писателя Серебряного века Октябрь был «контрреволюцией» по отношению к Февралю (см.: [16]), т.е. событием *без* самостоятельного содержания; а император Николай I – человеком, не имеющим онтологической устойчивости: лишенный собственного лица, он постоянно менял те или иные маски (см.: [4. С. 119–121, 147–154] и др.), на месте Бога – источника бытия – ему каждый раз представлялась «черная дыра» [Там же. С. 27 и др.].

Как видим, русская проза рубежа XX–XXI вв. в ряде случаев демонстрирует устойчивость и даже усиление сдвига, который произошел в литературной топике под прессом революционных потрясений 1917–1918 гг. Вполне возможно, однако, что это связано не только с уникальной историей России XX в., но и с общемировым процессом массовизации исторических народов. Возникновение массы как особой социальной формы относят к буржуазной

эре – развитию промышленности и росту городов, однако в России она стала заметным социокультурным явлением только на рубеже XIX–XX вв. Большой резонанс в эту эпоху имела книга французского психолога Г. Лебона «Психология народов и масс», в ней рассматривалась трансформация народа в массу, толпу. «Человека массы», как феномен XX в., характеризуют посредственность, несамостоятельность суждений, примат эмоционального над рациональным, отсутствие высших духовных запросов и нравственных принципов, разрыв с гуманистической моралью, интерсоциальность, разрозненность интересов и социокультурная атомизация (подробнее см.: [17]). Народ же, по Лебону, такая человеческая общность, которая сохраняет вековое «предание», «прочно сложенную коллективную душу», единую систему ценностей (см.: [18. С. 145]). Драматизм истории XX в. – в постепенном превращении исторических культурных народов в однородную стандартную массу, без труда управляемую тоталитарными вождями. Свои первые социально-политические плоды массовизация в ряде европейских стран, в том числе и в России, стала приносить как раз к концу 1910-х гг. В постиндустриальном обществе рубежа XX–XXI вв. массовая культура действует уже не прямым принуждением, но, по мысли Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «соглашением» с помощью «машины желания» (цит. по: [19. С. 135]), т.е. манипулированием посредством иллюзорного удовлетворения потребностей «человека массы». Современная глобализация с ее очевидным ослаблением связей между «землями» и населяющими их народами – логическое, хотя и до сих пор болезненное, развитие указанных процессов.

Литература

1. Богданова О.А. Русская проза конца ХХ – начала ХХI века: Основные тенденции: учеб. пособие для студентов-филологов. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 204 с.
2. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. Творчество А.А. Блока и русская культура ХХ века: Блоковский сборник III // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1979. Вып. 459. С. 76–120.
3. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 59–96.
4. Мережковский Д.С. 14 декабря // Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 7–258.
5. Мережковский Д.С. Революционная демократия // Новые ведомости. 1918. 6 июля.
6. Смирнов С.И. Древнерусский духовник: Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: ПСТБИ, 2004. 560 с.
7. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (ТОДРЛ). М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.
8. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 4–26.
9. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra: Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 290–353.
10. Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 402–423.
11. Пришвин М.М. Дневники. 1918. 1919. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
12. Толстая Т.Н. Кысь: роман. М.: Подкова, 2002. 320 с.
13. Секацкий А.К. Моги и их могущества: роман // Секацкий А.К. Три шага в сторону: роман, эссе. СПб.: Амфора, 2000. С. 7–164.
14. Крусанов П.В. Укус ангела: роман. СПб.: Амфора, 2001. 351 с.
15. Славникова О.А. 2017: роман. М.: ACT: Астрель, 2011. 540 с.
16. Мережковский Д.С. Россия будет (интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23, 28 июня.
17. Богданова О.А. Роман-эпопея ХХ века: «Восстание масс» в «Жизни и судьбе» В.С. Гроссмана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 1. С. 95–105.

18. Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.; СПб., 2005. С. 9–316.
19. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2011. 352 с.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE NEO-MYTHOLOGICAL NOVEL OF THE EARLY 20TH AND THE TURN OF THE 21ST CC.: CONTINUITY AND CONTROVERSY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 131–142. DOI: 10.17223/19986645/48/9

Olga A. Bogdanova, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgabogda@yandex.ru

Keywords: revolution of 1917, neo-mythological novel, D.S. Merezhkovsky, *December 14*, T.N. Tolstaya, P.V. Krusanov, O.A. Slavnikova, land, people, masses.

Based on D.S. Merezhkovsky's *December 14* (1918), M.M. Prishvin's diary of 1918 and a number of articles of the collection *Iz glubiny* [From the Depth] (1918), on the one hand, and T.N. Tolstaya's *Kys* (2000), P.V. Krusanov's *A Bite of Angel* (2000), O.A. Slavnikova's *2017* (2006), on the other, the author of the article considers the changes occurring in the topic of Russian literature from the era of the revolution of 1917 to the turn of the 21st c. The historical-typological and hermeneutic methods, conceptual (constantological) and mythopoetic approaches, the study of the history of creative works are used.

It is shown that the historiosophical neomythology of Merezhkovsky in *December 14*, written tight after the revolutionary events in Russia, was reduced to the necessity of dis-identification of the Russian "land" and the "Beast-people" that betrayed it. Similar thoughts are found in a number of works by his contemporaries. On the background of the 1000-year tradition of identifying the "land" and its people in Russian literature and culture, relying on the Bible, Byzantine literature and folklore, the deconstruction of the concept "Russian people" led to the creation of a neo-myth about the post-human on the former Russian land.

Russian postmodernism thought of itself as of a direct continuation of the culture of the Silver Age. The author shows how Merezhkovsky's neo-mythologem about the separation of "land" and people outlined in *December 14* in the genre coordinates of dystopia and alternative history spread on to the Russian art prose of the turn of the 21st c.

In the novel *Kys* there are mutants that appeared on the territory of the former Moscow as a result of a nuclear explosion, usual humanistic norms are inapplicable to them. Tolstaya turns the concept "people" into a simulacrum: neither "old" nor "duckies" are "God-bearers"; they are not even a "cultural-historical community". A potential post-human in the dystopian novel is a mutant Benedict, protesting against the binary opposition of "mouse" and "cat" ("kys"), traditional for the Russian society.

A Bite of Angel tells the story of the Empire of "mogs" as a tool of total destruction of the "rotten" world, the result of which should be "Iriy" – a "heaven on earth" without people on the territory of the former Russia. The Sacred Emperor Ivan the Plague, having survived the "bite of angel", became a creature of inhuman nature. To achieve his purpose, he chose, in terms of Merezhkovsky, the path of the "Beast": not love, but fear leading to obedience.

The 100-year results of the revolution of 1917 in the novel *2017* testify to the essential "non-authenticity" of this event and of all Russian civilization of the 20th c. Only archaic-mythological archetypes, embodied in nature ("land"), and mythological creatures that nature makes have an ontological status; their emanation is certain individuals.

So, the author proves the stability of the shift in the literary topic under the pressure of the revolutionary events of 1917–1918; it can be explained not only by the unique history of Russia in the 20th c., but also by the global process of massivization of historical peoples as well as globalization with its gradually weakening link between "lands" and their peoples.

References

1. Bogdanova, O.A. (2013) *Russkaya proza kontsa XX – nachala XXI veka. Osnovnye tendentsii* [Russian prose of the late 20th – early 21st centuries. The main trends]. St. Petersburg: ID "Petropolis".

2. Mints, Z.G. (1979) O nekotorykh “neomifologicheskikh” tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov. Tvorchestvo A.A. Bloka i russkaya kul’tura veka: Blokovskiy sbornik III [About some “neomythological” texts in the work of Russian symbolists. A.A. Blok’s works and the Russian culture of the twentieth century: Blok’s collection III]. *Uchen. zapiski Tartus. gos. un-ta.* 459. pp. 76–120.
3. Mints, Z.G. (2004) Poetika russkogo simvolizma [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 59–96.
4. Merezhkovsky, D.S. (1990) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda. pp. 7–258.
5. Merezhkovsky, D.S. (1918) Revolyutsionnaya demokratiya [Revolutionary democracy]. *Novye vedomosti.* 6 July.
6. Smirnov, S.I. (2004) *Drevnerusskiy duchovnik: Issledovanie s prilozheniem: Materialy dlya istorii drevnerusskoy pokayannoy distsipliny* [Old Russian confessor: Study with an appendix: Materials for the history of the ancient Russian penitential discipline]. Moscow: PSTBI.
7. Komarovich, V.L. (1960) Kul’t roda i zemli v knyazheskoy srede XI–XIII vekov [Cult of the family and land in the princes’ environment of the 11th–13th centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury IRLI RAN (TODRL).* XVI. pp. 84–104.
8. Merezhkovsky, D.S. (2004) *Sobr. soch. Gryadushchiy Kham* [Works. The coming of Ham]. Moscow: Respublika. pp. 4–26.
9. Bulgakov, S.N. (1991) Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennyye dialogi [At the feast of the gods. Pro and contra. Modern dialogues]. In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda. pp. 290–353.
10. Murav’ev, V.N. (1991) Rev plemen [The roar of the tribe]. In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda. pp. 402–423.
11. Prishvin, M.M. (1994) *Dnevnikи. 1918. 1919* [Diaries. 1918. 1919]. Book 2. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
12. Tolstaya, T.N. (2002) *Kys’: Roman* [Kys: a novel]. Moscow: Podkova.
13. Sekatskiy, A.K. (2000) *Tri shaga v storonu: Roman. Esse* [Three steps to the side: a novel. Essays]. St. Petersburg: Amfora. pp. 7–164.
14. Krusanov, P.V. (2001) *Ukus angela: Roman* [A bite of angel: a novel]. St. Petersburg: Amfora.
15. Slavnikova, O.A. (2011) 2017: Roman [2017: a novel]. Moscow: AST; Astrel’.
16. Merezhkovsky, D.S. (1918) Rossiya budet (intelligentsiya i narod) [Russia will exist (intelligentsia and people)]. *Nash vek.* 23, 28 June.
17. Bogdanova, O.A. (2014) Roman-epopeya XX veka: “vosstanie mass” v “Zhizni i sud’be” V.S. Grossmana [The epic novel of the twentieth century: “the uprising of the masses” in “Life and Fate” by V.S. Grossman]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 1. pp. 95–105.
18. Le Bon, G. (2005) *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Peoples and Masses]. Translated from French. In: Korolev, K. *Psikhologiya tolpy: sotsial’nye i politicheskie mehanizmy vozdeystviya na massy* [Psychology of the crowd: social and political mechanisms of influence on the masses]. Moscow: Eksmo: St. Petersburg: TerraFantastica.
19. Kostina, A.V. (2011) *Massovaya kul’tura kak fenomen postindustrial’nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. 5th ed. Moscow: LKI.

УДК 821(7):7.046.1
DOI: 10.17223/19986645/48/10

Н.С. Бочкирева, К.А. Майшева

**ФУНКЦИИ ФОТОГРАФИИ В РОМАНЕ Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА
«ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»**

В статье исследуются функции фотографии в экфрастическом дискурсе романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925). Обосновывается вывод о том, что фотография в романе занимает промежуточное положение между искусством (живописью) и рекламой (иллюстрацией) на шкале нравственных ценностей. Образ фотографа-неудачника Мак-Ки предвосхщает галерею фотографий, создающих легендарную биографию Джекса Гэтсби и обозначающих ее основные этапы (яхта Дэна Коуди, Оксфордский университет, вилла в Уэст-Энде).

Ключевые слова: американская литература, фотография, экфрасис, «Великий Гэтсби».

Введение

Различные взаимодействия литературы и фотографии (например, в газете или журнале) усиливают «эффект реальности» («*reality effect*»), соединяют два режима представления «конкретной реальности» («*concrete reality*») в едином интермедиальном артефакте [1. С. 175]. В отличие от картины, фотография – это «материалный остаток предмета»: «Такие изображения поистине способны узурпировать реальность, прежде всего потому, что фотоснимок не только изображение (в отличие от картины), интерпретация реальности, он также и след, прямо отпечатанный на реальности (с реальности – «*stenciled off the real*» [2. С. 154]), – вроде следа ноги или посмертной маски» [3. С. 201]. При этом подлинная реальность фотографии часто ставится под сомнение: «Фотография обращает наш взгляд на поверхностное. По этой причине она затемняет скрытую жизнь, просвечивающую сквозь очертания вещей, как игра света и тени. <...> Этот автоматический аппарат не умножает человеческих глаз, а только дает фантастически упрощенную картину, увиденную глазом мухи» (Густав Яноух «Разговоры с Кафкой», цит. по: [Там же. С. 267]).

Исследователи утверждают, что широкое использование фотографических образов в «художественном нарративе» («*fictional narratives*») характерно для постмодернизма [4. С. 195], появляются даже новые жанры: роман-фотография [5. С. 134], или фото-роман («*photo-novel*») [4. С. 196], фотодрама [6. С. 404] и др. В современном романе фотография «предоставляет авторам возможность новых форм организации художественного текста, нетрадиционных приемов построения сюжета и создания образов, а также постановки таких насущных общехудожественных вопросов, как проблемы правдивости и правдоподобия изображаемого, субъективности и объективности интерпретации истории в искусстве, соотношения визуальных и словесных образов и т.д.» [7. С. 98]. На рубеже XX–XXI вв. эксперименты с фотографи-

ей становятся определяющими в претензии художников на «простое свидетельство о мире» [8. С. 170]. Однако уже в XIX столетии изобретение фотографии повлияло на «способы наблюдения и восприятия реальности, а также на формы литературного изображения» («modes of seeing and perceiving ‘reality’ as well as on literary forms of representation») [9. С. 157].

Особенную популярность фотография получила в США в 20-е гг. XX столетия [10. С. XII], в «век джаза» и разочарования в «американской мечте»: «Это был век чудес, век искусства, это был век крайностей и век сатиры» [11. С. 40]. Роль фотографии в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» («The Great Gatsby», 1925) [12]¹ уже исследовалась на уровне повествования в сравнении с влиянием кинематографа [13. С. 179] и помогла определить амбивалентную позицию рассказчика между реализмом и романтизмом [14. С. 550]. Цель нашего исследования – выявить место и функции фотографии в экфрастическом дискурсе романа.

Экфрастический дискурс: картина, плакат, фотография

Вслед за Дж. Хеффернаном, автором книги «Музей слов: Поэтика экфрасиса от Гомера до Эшбери» (1993), под экфрасисом мы будем понимать «вербальную репрезентацию (изображение) визуальной репрезентации (изображения)» («ekphrasis is the verbal representation of visual representation») [15. С. 3]. В этой парадигме, восходящей к Лессингу, объектом вербальной репрезентации являются только статичные визуальные изображения. В романе Фицджеральда объектами экфрасиса выступают: (1) живописные картины, (2) рекламный плакат и (3) многочисленные фотографии.

Как зарубежные, так и российские исследователи обращают внимание на композицию «Великого Гэтсби» [16–19], но не рассматривают композиционные функции произведений изобразительных искусств. Лаконичное упоминание о живописных произведениях в романе обнаруживается только в первой и девятой (последней) главах, но создает определенную повествовательную рамку.

В первой главе романа упоминается живописное изображение великого предка героя-рассказчика Ника Каррауэя: «Я никогда не видел этого своего предка, но считается, что я на него похож, чему будто бы служит доказательством довольно мрачный портрет («the rather hard-boiled painting»), висящий у отца в конторе» [20. С. 6]. По семейному преданию, Каррауэй ведут свою родословную от герцогов Бэклу, но родоначальником американской ветви считают брата дедушки Ника, который приехал в Америку в 1851 г., послал за себя наемника в Федеральную армию и открыл собственное дело по оптовой торговле скобяным товаром, которое возглавляет отец Ника.

Живописный портрет предка указывает на стабильность существования прошедшей эпохи. Если рассматривать искусство в исторической перспективе, то «портреты – написанные красками, нарисованные, миниатюры – до распространения Фотографии были благами, доступными немногим (bien restreint), призванными подчеркнуть высокий материальный или социальный статус их обладателей» [21. С. 24]. Портрет брата дедушки Ника, на которого

¹ В тексте статьи цитируется этот источник без указания страниц.

он похож, свидетельствует не только о материальном и социальном статусе героя, но и о его нравственных устоях, с утверждения которых начинается роман. Отец Ника наказывал сыну: «Если тебе вдруг захочется осудить кого-то... вспомни, что не все люди на свете обладают теми преимуществами, которыми обладал ты» [20. С. 5]. Именно это правило помогает Нику понять и принять и Гэтсби, и Тома, и Дэзи, и других героев романа.

Статичный портрет предка Ника противопоставляется готовой упасть картине на стене в комнате Дэзи Бьюкенен: «Я, наверное, несколько мгновений простоял, слушая, как полошутся и хлопают занавеси и поскрипывает картина на стене (“the groan of a picture on the wall”)» [20. С. 11]. «Немиметический» (отсутствует и референт, и изображение), «нулевой» (есть только указание на произведение изобразительного искусства) [22. С. 50] экфрасис картины соответствует импрессионистическому описанию комнаты и девушек, лежащих на тахте. Все предметы в комнате пришли в движение от порыва ветра из окна, но движение картины передается не зрительно, а посредством звука (скрипа, стона). Потревоженная картина свидетельствует о конце эпохи стабильности и является символом неустойчивости «века джаза». В отличие от живописного портрета в кабинете отца Ника («hard-boiled painting»), в комнате Дэзи могла висеть и картина, и рисунок, и фотография («the picture on the wall»). Герои Фицджеральда живут в мире фотографий и фильмов, иллюстрированных журналов и рекламных щитов.

Единственный раз упоминается в девятой (последней) главе романа имя Эль Греко (Доменико Теотокопули) – испанского живописца рубежа XVI–XVII вв., по происхождению грека с острова Крит. В юности Эль Греко обучался иконописи, а в Венеции учился живописи у Тициана. После отстранения королем Филиппом от работы в Эскориале в 1576 г. он селится в Толедо. Скалистая панорама этого города владела воображением художника: «...он писал ее отдельно, писал ее и как фон в своих религиозных картинах, и даже в картине, изображающей Лаокоона» [23. С. 148]. Пейзаж «Вид Толедо» (второе название – «Толедо в грозу») написан в 1604–1610-х гг. На картине изображена «бывшая столица Испании – трагический город, где не раз лилась кровь и сверкали мечи, город монахов и опальных поэтов, таинственный, бледно-серый, выстроенный из обнаженного камня на горном плато» [23. С. 148]. Друзья Эль Греко узнавали «родной город: и сумеречные голые скалы, и замок Алькасар на горе, и построенный еще римлянами мост Алькантара через Тахо» [24. С. 91]. Художник написал небо как «настоящее небо Толедо, покрытое тревожными облаками; пейзаж Толедо – настоящий пейзаж Толедо, и настолько точный, что... им можно было пользоваться, как географической картой» [23. С. 153].

«Ночной пейзаж» («a night scene») Эль Греко появляется в «фантастических снах» («fantastic dreams») Ника Каррауэя, где он сравнивается с Уэст-Эгтом («West Egg especially still figures in my more fantastic dreams. I see it as a night scene by El Greco...»). Город на картине окутан мраком и призрачными вспышками света, которые не имеют реально обоснованного единого источника. Больше всего они похожи на грозовое освещение, когда молнии вспыхивают то здесь, то там, трепеща на земле. В романе лунный свет не проливается на город, который сгорбился под нависшим над ним мрачным небом

(«a hundred houses, at once conventional and grotesque, crouching under a sullen, overhanging sky and a lustreless moon»). Пейзаж Толедо искусствоведы иногда называют автопортретом художника. В романе Фицджеральда реминисценции к ночному пейзажу Эль Греко выражают позицию писателя, его взгляд на изображаемый им мир.

Свет тусклой луны («a lustreless moon») во сне Ника напоминает искусственный свет фонаря и подчеркивает фальшивость Уэст-Энга. Кажется, что только сейчас, после смерти Гэтсби, Ник заметил, что все, что его окружает, не является подлинным и настоящим. Дома выглядят банальными и гротескными («conventional and grotesque»). На картине испанского художника что-то загадочное творится с фигурами зданий – «они вытягиваются в длину и причудливо деформируются, словно в зеркале с кривой поверхностью» [23. С. 148]. В пейзаже Эль Греко появляются «извилистые линии, беспокойный ритм, мерцающий свет» [24. С. 87]. «Лихорадочные порывы света на темном и страшном небе» обрисовывают «сверкающим контуром дома и башни Толедо» [23. С. 152]. Кусты на переднем плане картины кажутся «узкими колеблющимися языками пламени, которые тянутся ввысь» [23. С. 149]. «Монументальность, величественность жестов, строгий колорит» сочетаются с «бурным движением, декоративной пышностью, насыщенностью цвета» [25. С. 167]. Контрастность усиливается применением черных и белых красок, которые вместе с тем вносят ощущение благородной и элегантной строгости [26. С. 341]. Эль Греко пишет картину «то в ярко-серой гамме, то в сумрачной оливково-серой, сине-серой и ржаво-зеленою» [26. С. 341].

В фантастических снах Ника пейзаж Эль Греко, как на картине «Лаокон» (1610–1614), дополняется на переднем плане фигурами «четырех мрачных мужчин во фраках» («four solemn men in dress suits»), несущих женщину «в белом вечернем платье» («a white evening dress»). Ее рука «свесилась с носилок, и на пальцах холодным огнем сверкают бриллианты» («which dangles over the side, sparkles cold with jewels») [20. С. 136]. Мужчины описаны как «solemn» и «gravely», лежащая на носилках в вечернем платье женщина и ее пьяное состояние говорят о том, что вечеринка окончена. Конец вечеринки во сне Ника символизирует конец вечеринок Гэтсби и смерть хозяина виллы. Косвенно похороны Гэтсби и сон Ника ассоциируются и с картиной Эль Греко «Погребение графа Оргаса» (1586–1588). Инфернальные мотивы картин художника вызывают ассоциацию с Апокалипсисом и противопоставляются лживому раю рекламных плакатов и версальских гобеленов, блеску и веселью вечеринок на вилле Гэтсби.

Рекламный плакат окулиста доктора Эклберга привлекает внимание зарубежных исследователей [27. С. 29, 28] и подробно проанализирован нами в другой работе [29]. Дискретный (прерываемый повествованием) экфрасис плаката представлен во второй, седьмой и восьмой главах романа. Голубые в желтой оправе очки «глаза без лица» сопровождают героев перед совершением преступлений (во второй главе Том изменяет Дэзи с Миртл; в седьмой главе Дэзи на машине Гэтсби сбивает Миртл; в восьмой главе Уилсон, муж Миртл, убивает Гэтсби и самого себя). Символизируя исказжение «норм правды и морали» («the standards of truth and morality of the American people») [27. С. 26], рекламный плакат подменяет идею Бога в

современном мире, но по-разному воспринимается героями, раскрывая их психологию и мировоззрение (Том подмигивает ему, Ник стыдится и побаивается, Уилсон воспринимает как призыв к мести, а его сосед Михаэлис – только как рекламу).

Будучи тесно связанный с картиной и рекламой, фотография в романе более многочисленна и разнообразна. Для удобства анализа фотографический экфрасис можно разделить на две группы: во-первых, фотографии, поддерживающие «американскую мечту» Гэтсби; во-вторых, образ фотографа МакКи и его работы.

Роль фотографии в создании легенды Гэтсби

Фотография, главным образом, – это «социальный ритуал, защита от тревоги и инструмент самоутверждения» [3. С. 19]. Особенно ярко это проявляется в «легендарной» истории Джека Гэтсби. Трижды в романе (в пятой, шестой и девятой главах) упоминается фотографический портрет («photograph», «portrait», «picture») Дэна Коди, который «стал судьбой» Джеймса Гэтца, «смышеного и до крайности честолюбивого» («quick and extravagantly ambitious»).

В конце пятой (центральной) главы, когда Ник и Дэзи осматривали дом Гэтсби, над его письменным столом они увидели «увеличенную фотографию пожилого мужчины в фуражке яхтсмена» («a large photograph of an elderly man in yachting costume») [20. С. 73]. По словам Гэтсби, изображенный на фотографии Дэн Коди был когда-то его лучшим другом («best friend years ago»). В начале шестой главы подробно рассказывается история их взаимоотношений. Они встретились, когда яхта Дэна Коди «бросила якорь у одной из самых коварных отмелей Верхнего озера» [20. С. 77]. Именно там семнадцатилетний Джеймс Гэтц предупредил владельца «Туоломея» о надвигающемся шторме. В то время Дэну Коди было пятьдесят лет, «он прошел школу Юкона, серебряных приисков Невады и всех вообще металлических лихорадок, начиная с семьдесят пятого года» [20. С. 78]. Джей Гэтсби после смерти Коди получил пятилетний опыт «плавания» вместо оставленных ему в наследство двадцати пяти тысяч долларов.

Рассказывая в шестой главе романа эту историю, Ник вспоминает портрет Дэна Коди («the portrait of him»), висевший у Гэтсби в спальне: «седой человек с обветренным лицом, с пустым и суровым взглядом» («a gray, florid man with a hard, empty face»). Характеристика Коди становится составной частью экфрасиса его портрета и определяет одну из основных социальных тем романа – отношение между востоком (East) и западом (West) США: «...один из тех необузданых пионеров, которые в конце прошлого века вновь принесли на восточное побережье Америки буйную удачу салунов и публичных домов западной границы» [20. С. 79].

Наконец, в девятой главе Ник после смерти Гэтсби поднимается в его комнату для поиска какой-либо информации о родителях, но не находит ничего – «только со стены смотрел портрет Дэна Коди, свидетель давно забытых бурь» («only the picture of Dan Cody, a token of forgotten violence, staring down from the wall»). Тем самым еще раз подчеркивается не только значимость Коди в жизни Гэтсби, но и подмена настоящих родителей и

истинных привязанностей ложными идеалами, выраженными в фотографиях и газетных вырезках (мечтая о Дэзи, Гэтсби собирал газетные вырезки с упоминаниями о ней). Через два года после убийства Гэтсби Ник помнил только «беспрестанное коловращение полицейских, фотографов и репортеров» (*an endless drill of police and photographers and newspaper men in and out of Gatsby's front door*) около его виллы.

В пятой главе романа при описании комнаты Гэтсби упоминается еще одна фотография, которая стоит на его письменном столе. Прямо под «большой фотографией» (*a large photograph*) Дэна Коди – «маленькая карточка» (*a small picture*) самого Гэтсби, снятая, видно, когда ему было лет восемнадцать, – тоже фуражка яхтсмена на задорно вскинутой голове» [20. С. 74]. Однаковая одежда (*yachting costume*) и расположение фотографий подчеркивают отношение, которое возникает между учителем и учеником. Однако встреча с Коди лишь осуществляет мечту Джеймса Гетца о перевоплощении в Джая Гэтсби, который «вырос из его раннего идеального представления о себе» (*sprang from his Platonic conception of himself*).

Фотографии старого Дэна Коди и юного Джеймса Гетца «представляют свидетельство», «неоспоримое доказательство» того, что «данное событие произошло» [3. С. 15], но само событие по-разному представляется зрителям (Нику и Дэзи) – эффект «двойного видения» [16. С. 66], – и по-настоящему раскрывается только при втором упоминании портрета Коди. Кажется, что фотографии на яхте, как и газетные вырезки, служат для самого Гэтсби «вещественными доказательствами» его прошлого, его любви и привязанности, его мечты о счастье, готовой исчезнуть под давлением настоящего. Вслед за С. Сонтаг и И. Армстронг «элегический» характер фотографии в литературе подчеркивает С. Чик (*Photography is an elegiac art, a twilight art...*) [30. С. 143].

Более того, Гэтсби сознательно использует фотографию «для фальсификации и скрытия правды о реальности» [7. С. 100]. Например, в четвертой главе он показывает Нику «вещь, которую всегда носит с собой» (*the thing I always carry*), – фотографию, сделанную на территории Оксфордского университета (*It was a photograph of a half a dozen young men in blazers loafing in an archway through which were visible a host of spires*). Комментируя изображение, Гэтсби указывает на Тринити-колледж и графа Донкастера слева от себя. Фотография помогает ему подтвердить легенду о своем аристократическом происхождении (*I was brought up in America but educated at Oxford, because all my ancestors have been educated there for many years*). Ник подозревает, что рассказ Гэтсби – это неправда. Он слышал эту историю не раз от Джордан и гостей самого Гэтсби. «Мы слышали, однако сомневаемся – но, если нам покажут фотографию, это будет подтверждением» [3. С. 15]. Увидев фотографию Гэтсби в Оксфорде, Ник начинает верить в реальность его вымышленной биографии. Таким образом, фотография «может создать ложное представление о запечатленном событии, истинная суть которого известна только» ее хозяину [7. С. 100]. В седьмой главе романа Гэтсби признается, что попал в Оксфорд случайно и пробыл там только пять месяцев. После военного перемирия некоторые офицеры получили возможность прослушать курс

лекций в любом университете Англии или Франции, и Гэтсби выбрал Оксфордский университет.

Примечательно не только то, как Гэтсби в четвертой главе разыгрывает перед Ником представление, в котором оxfordская фотография играет решающую роль, но и то, как в воображении Ника создаются фантастические картины жизни Гэтсби. Балансирование на границе правды и вымысла, соединение «вещественных доказательств» (орден из Черногории) и откровенных нелепостей (охота на тигров) создают причудливое впечатление полуправды, розыгрыша («*they evoked no image except that of a turbaned "character"*»). Когда Ник видит фотографии, он начинает верить и в коллекцию рубинов, собранных в европейских столицах. Среди увлечений «молодого раджи» Гэтсби упоминает занятия живописью («*painting a little*»), которая в романе противопоставляется фотографии.

В девятой главе Генри Ч. Гетц, настоящий отец Джая Гэтсби, показывая Нику фотографию виллы, рядом с которой они стоят, соединяет горе от потери сына с гордостью за него («*"Jimmy sent me this picture."* He took out his wallet with trembling fingers. "Look there!"»). Его гордость возрастает, а горе сменяется волнением. Вилла Джая Гэтсби была «точной копией какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с угловой башней» («*a factual imitation of some Hotel de Ville in Normandy, with a tower on one side*»), где для придания истинного возраста замку не хватало лишь налета и трещин, «где новенькая кладка просвечивала сквозь редкую еще завесу плюща» («*spanking new under a thin beard of raw ivy*») [20. С. 8]. Дискретный экфрасис виллы рассыпан по всему роману и может стать темой отдельного исследования. Не сам по себе дом, изображенный на фотокарточке, пленяет отца Гэтсби, а та энергия воображения, мечты сына, которая осуществляется в нем («*He knew he had a big future in front of him*»). Однако он рассматривает на фотографии каждую деталь, с гордостью ожидая восхищения Ника («*He pointed out every detail to me eagerly. "Look there!" [he repeated], and then sought admiration from my eyes*»).

От частого употребления фотография особняка («*a photograph of the house*») порвалась по краям и замусолилась («*cracked in the corners and dirty with many hands*»). Но Генри Гетц неохотно убирает ее в бумажник («*He seemed reluctant to put away the picture, held it for another minute, lingeringly, before my eyes*»). Фотография для него становится «реальнее» самой виллы («*He had shown it so often I think it was more real to him now than the house itself*»). Именно она, а не сам дом, который находится рядом, вызывает его восхищение («*Jimmy sent it to me. I think it's a very pretty picture. It shows up well*»). Можно сказать, что фото особняка заменяет отцу покинувшего его и погибшего сына. По мнению Сонтаг, «фото – это тонкий ломтик и времени, и пространства» [3. С. 37]. Фотокарточка для Гетца становится вневременной, неизменной и бессмертной. «Событие закончилось, а картинка существует, жалуя ему нечто вроде бессмертия (и важность), которого иначе оно было бы лишено» [3. С. 23].

Таким образом, фотографии в романе создают «иллюзию владения прошлым» [3. С. 20]. Они помогают Гэтсби создать легенду о его жизни, которая и станет причиной его трагической смерти. В композиции романа эти фотографии появляются в четвертой (снимок в Оксфорде), пятой и шестой (Коди

и Гэтсби на яхте) и девятой (вилла Гэтсби) главах, постепенно раскрывая перед читателем за фотографическим фасадом настоящую биографию героя. Во второй главе этим фотографиям предшествует образ фотографа-неудачника Мак-Ки, ставящий вопрос об отношении фотографии к искусству.

Образ фотографа Мак-Ки и экфрасис его работ

Честер Мак-Ки – эпизодический персонаж, с которым Ник встречается в съемной квартире Миртл Уилсон, любовницы Тома Бьюкенена. Иллюзии Миртл, вообразившей себя королевой («*throwing a regal homecoming glance around the neighbourhood*»), обнаруживаются уже в обстановке квартиры (гобеленовая обивка с изображением «прелестных дам, раскачивающихся на качелях в Версальском парке» [20. С. 25]). В оригинале («*scenes of ladies swinging in the gardens of Versailles*») подтекст сцен в Версале выглядит еще более двусмысленным (слово “*swinging*” на сленге означает неразборчивость в сексуальных связях). Разбив Миртл нос, Том наносит первый удар по ее иллюзиям. Примечательно, что окровавленная Миртл стремится спасти версальский gobelen («*the tapestry scenes of Versailles*»). Дэзи, насмерть сбившая Миртл на автомобиле, тоже ассоциируется в романе с «королевной» (*king's daughter*).

Представляясь Нику, Мак-Ки заявляет свои претензии на искусство («*He informed me that he was in the “artistic game”, and I gather later that he was a photographer*»). Их несостоятельность обнаруживается в описании работы Мак-Ки – «небесного увеличения» («*dim enlargement*») фотографии умершей матери Миртл, которая «парила, как астральное тело» («*hovered like an ectoplasm*»). Одна из функций фотографии – «запечатлеть достижения индивида в роли члена семьи (или иной группы)» [3. С. 21]. Мак-Ки, видимо, хотел сделать портрет матери своей соседки более значительным и художественным. Комический эффект создается через восприятие Ника: «*The only picture was an over-enlarged photograph, apparently a hen sitting on a blurred rock. Looked at from a distance, however, the hen resolved itself into a bonnet, and the countenance of a stout old lady beamed down into the room*». Вместо шляпки, под которой оказалось лицо старой женщины, рассказчик видит курицу на окутанной туманом скале.

Фотограф Мак-Ки воображает себя художником-пейзажистом, вероятно, поэтому его портрет тоже напоминает сюрреалистический пейзаж. Когда туман рассеялся, Ник обнаружил, что женщина на портрете улыбается. Исследователи сближают образы Мак-Ки и Ника: «Хотя Ник низко оценивает фотографию Мак-Ки, по крайней мере половина его рассказа является ее повествовательным эквивалентом, так как он не может видеть ясно» [14. С. 546]. Действительно, Ник относится с сочувствием к Мак-Ки, вытирая остатки мыльной пены с его лица и провожая его до квартиры. Однако вряд ли можно отождествить их взгляды на мир (сосредоточенный на самом себе и своем «искусстве» – у Мак-Ки, внимательный и сочувствующий – у Ника). Хотя Ник и утверждает, что его взгляд был затуманен виски, рассказ его отличается удивительной точностью.

Том Бьюкенен, издеваясь над фотографом, предлагает ему обратиться за рекомендательным письмом к Миртл, чтобы сделать несколько этюдов ее

мужа («a letter of introduction to your husband, so he can do some studies of him»), например, у бензоколонки («*Georgie B. Wilson at the Gasoline Pump*»). Это высокомерная и грубая пародия на пейзажные этюды («two studies»), сделанные Мак-Ки на Лонг-Айленде: один сам фотограф назвал «*Montauk Point – The Gulls*» («Мыс Монток. Чайки»), а другой – «*Montauk Point – The Sea*» («Мыс Монток. Море»). Нельзя не признать, что названия этих этюдов так же банальны, как те названия, которыми Мак-Ки сопровождает свое портфолио («a great portfolio»): «Beauty and the Beast... Loneliness... Old Grocery Horse... Brook'n Bridge...». Это, конечно, мотивные аллюзии, но они не привязаны к конкретным персонажам романа (см.: [13. С. 201]). Это маркеры «времени и места», характеризующие, в том числе, «поддельное искусство» Мак-Ки («a portfolio of fake art») [31. С. 66].

Отношение Фицджеральда к «мании фотографии» («the photographic craze») (см.: [10. С. XII]) выражено и в образе жены Мак-Ки, которая с гордостью сообщает, что муж сфотографировал ее уже 127 раз с момента их вступления в брак («[he] photographed her a hundred and twenty-seven times since they had been married»). Всех женщин в комнате она воспринимает как объекты для фотографирования, отмечая их удачные позы («If Chester could get you in that pose I think he could make something of it») и споря с мужем по поводу правильного освещения.

Особенно примечательна сцена воображаемой «фотосессии» Миртл Уилсон, в которой обнаруживается «творческий темперамент» («creative temperament») Мак-Ки (см.: [31. С. 66]). Фотограф легко включается в предложенную женой «игру в искусство» («artistic game»), пристально всматриваясь в лицо Миртл и водя рукой перед ее глазами, как бы примериваясь («Mr McKee regarded her intently with his head on one side, and then moved his hand back and forth slowly in front of his face»). Его замечания по поводу света, моделировки и прически так же банальны, как названия его работ («I should change the light. I'd like to bring out the modeling of the features. And I'd try to get hold of all the back hair»).

В этой сцене Миртл становится «объектом» фотографии и наблюдения: «We all looked in silence at Mrs. Wilson, who removed a strand of hair from over her eyes and looked back at us with a brilliant smile». Попадая в объектив камеры, она начинает позировать, «фабрикуя себе другое тело, заранее превращая себя в образ» [21. С. 21] («instantaneously make another body for myself, I transform myself in advance into an image» [32. С. 10]). Позирование – это «социальная игра» («social game»), она изменяет существо личности, т.е. то, чем она является вне изображения: «Фотография – это творение меня в качестве другого, ловкая диссоциация сознания собственной идентичности» [21. С. 24].

Спящий Мак-Ки тоже становится «объектом» фотографии. Его поза с кулаками, сжатыми между ног, характеризуется как «фотография человека действия» («Mr McKee was asleep on a chair with his fists clenched in his lap, like a photograph of a man of action»). Тем самым иронически подчеркиваются его слабость и жизнеподобие («a pale, feminine man»), подчинение жене и заискивание перед окружающими («he was most respectful in his greeting to every one in the room»). По словам Р. Барта, человек никогда не совпадает со своим

образом на фотографии («myself never coincides with my image» [32. С. 12]). Можно сказать, что фотографии создают некие образы, которым герои и ве-щи в романе стремятся соответствовать.

Но позирование перед объективом камеры – это особая трансформация, не только создание, но и «умерщвление тела» («The Photograph creates my body or mortifies it» [32. С. 11]). Фотографируемый, будучи субъектом, «чувствует себя превращающимся в объект» [21. С. 26] («I am neither subject nor object but a subject who feels he is becoming an object» [32. С. 14]). Именно в такие моменты фотографируемый переживает «микроопыт смерти» («experience a micro-version of death (of parenthesis)»). Как будто пародируя этот эффект, увеличенное изображение умершей матери Миртл парит над комнатой, точно «астральное тело».

Фотографии не только сопровождают героев романа, но и замещают их. Особенно ярко это обнаруживается в образе Джордан Бейкер, которая в последней главе романа напоминает Нику «хорошую иллюстрацию» («a good illustration»). Уже в первой главе в доме Тома Бьюкенена ее лицо кажется Нику знакомым, потому что часто появляется на страницах спортивных журналов («I knew why her face was familiar – its pleasing contemptuous expression had looked out at me from many rotogravure pictures of the sporting life at Asheville and Hot Springs and Palm Beach»). Поддельная легкость ее натуры сначала привлекает, а потом отталкивает Ника. Дэзи Бьюкенен тоже воспринимает Джая Гэтсби как рекламное изображение («the advertisement of the man»).

В седьмой главе романа смена чувств на лице Миртл Уилсон, рассматривающей из окна мастерской Джордан Бейкер, сравнивается с объектами, постепенно проступающими на медленно проявляемой фотографии («So engrossed was she that she had no consciousness of being observed, and one emotion after another crept into her face like objects into a slowly developing picture»). В восприятии Ника взгляд Миртл не случайно совмещается с взглядом доктора Эклберга на рекламном плакате, предваряя смерть Миртл в finale этой самой большой по объему главы.

Таким образом, в романе Фицджеральда на разных уровнях поэтики прямо и косвенно представлен процесс создания и восприятия фотографии: выбор объекта, наблюдение, позирование, съемка, проявление, идентификация. Фотограф Мак-Ки выступает одновременно в качестве субъекта и объекта фотографирования, свидетельствуя о деградации искусства и художника. В художественном мире романа фотографии используются как средство самоутверждения героев и обнаруживают конфликт между иллюзией и реальностью.

Заключение

Экфрасис в романе Фицджеральда «Великий Гэтсби» отражает изменения в культуре XX столетия, которые стали особенно ощутимы в Америке в 20-е гг. прошлого века. Это распространение рекламы, замена живописи фотографией, вытеснение классического искусства массовой культурой и техническими достижениями. В лаконичном и дискретном экфрасисе романа фотография занимает промежуточное положение между искусством и рекламой как определенными полюсами на шкале нравственных и культурных

ценностей. Если реклама окулиста доктора Эклберга выражает ложные представления об американском рае и подменяет образ Бога, то ночной пейзаж Эль Греко символизирует идею подлинного Апокалипсиса.

Живописный портрет предка Ника косвенно свидетельствует об устойчивости его нравственной позиции, выраженной в совете отца никого не осуждать и в его собственных рассуждениях о честности, в то время как фотографии искажают или подменяют подлинную реальность. Эпизодический образ фотографа-неудачника Мак-Ки во второй главе романа предвосхищает галерею фотографий, создающих легендарную биографию Джая Гэтсби и обозначающих ее основные этапы (яхта Дэна Коди, Оксфордский университет, вилла в Уэст-Энде). Ник сочувствует обоим героям, но с самого начала противопоставляет «вязую впечатлительность» («flabby impressionability») фотографа Мак-Ки, выдаваемую за «творческий темперамент» и «артистическую игру», «необыкновенному дару надежды» («extraordinary gift for hope»), «повышенной чувствительности к проявлениям жизни» («heightened sensitivity to the promises of life»), «романтической готовности» («romantic readiness») и «отзывчивости» («responsiveness») Гэтсби, включившего в свою вымышленную биографию занятия живописью.

Фотография, с одной стороны, является фактом, материальным свидетельством, вещественным доказательством, делающим амбиции Гэтсби реальностью. С другой стороны, она искажает его личность, скрывает его двойную жизнь, подменяет человека вещью даже в глазах его родного отца. В «Великом Гэтсби» фотография, как и реклама, оправдывает ложь. В результате герои романа воспринимают самих себя и своих близких не как живых людей, а как иллюстрации в модном журнале. Вместе с тем фотография часто помогает Фицджеральду проявить истинные чувства персонажа, увидеть за глянцевой картинкой нежную привязанность и несбыточную мечту.

Литература

1. Böger A. Twentieth-century American Literature and Photography // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. Berlin/Boston, 2015. P. 173–192.
2. Sontag S. On photography. New York, 2005. 165 p.
3. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Marginem Пресс, 2015. 268 с.
4. Fjellestad D. Nesting – Braiding – Weaving: Photographic Interventions in Three Contemporary American Novels // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. Berlin; Boston, 2015. P. 193–218.
5. Петрова Н.А. «Филологический роман» как свод маргинальных текстов (три книги о Сергееве Довлатове) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 1(33). С. 131–136.
6. Лавлинский С.П. Фотодрама: художественная структура и креативно-проектный потенциал // Диалог согласия: сб. науч. ст. к 70-летию В.И. Тюпы / под ред. О.В. Федуниной, Ю.Л. Троицкого. М.: Intrada, 2015. С. 404–412.
7. Судленкова О.А. Фотография как прием сюжетной организации литературного произведения // Судленкова О.А. Английская поэзия романтизма и современная проза: ст. разных лет. Минск, 2015. С. 97–103.
8. Суслова И.В. Портрет художника в контексте эпохи: двойная перспектива (роман М.Уэльбека «Карта и территория») // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 164–171.
9. Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography // Handbook of Intermediality / ed. G. Rippl. Berlin; Boston, 2015. P. 156–172.

10. *Reynolds G.* Introduction // Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby*. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 2001. P. V–XXII.
11. *Фицджеральд Ф.С.* Отзвуки Века Джаза / пер. с англ. А. Зверева // Фицджеральд Ф.С. Портрет в документах: художественная публистика. М., 1984. С. 39–48.
12. *Fitzgerald F.S.* *The Great Gatsby*. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/gatsby (дата обращения: 15.10.2016).
13. *Dessner L.J.* Photography and The Great Gatsby // Critical Essays on F. Scott Fitzgerald's *The Great Gatsby* / ed. Scott Donaldson. Boston, Mass.: G.K. Hall, 1984. P. 175–186.
14. *Barrett L.* 'Material Without Being Real': Photography and the End of Reality in *The Great Gatsby* // Studies in the Novel. Winter 1998. Vol. 30. Is. 4. P. 540–557.
15. *Heffernan J.A.W.* *The Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago: University of Chicago Press, 2004. 249 p.
16. *Горбунов А.Н.* Романы Френсиса Скотт Фицджеральда / отв. ред. А.А. Елистратова. М.: Наука, 1974. 152 с.
17. *Толмачев В.М.* Композиционное своеобразие «Великого Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология, № 4. 1982. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/tolmachev-kompozic.html> (дата обращения: 21.05.16).
18. *Иткина Н.Л.* Роман Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: композиция, герой, образный строй // Иткина Н.Л. Эстетические проблемы американской литературы XIX–XX веков: пособие по аналитическому чтению. М.: РГГУ, 2002. С. 88–133. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/itkina-gatsby.html> (дата обращения: 20.02.16).
19. *Усманова А.* Особенности сюжета и композиции в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. Казань, 2003. С. 198–203. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/usmanova.html> (дата обращения: 21.05.16).
20. *Фицджеральд Ф.С.* Великий Гэтсби / пер. с англ. Е. Калашниковой // Фицджеральд Ф.С. Последний магнат: рассказы. М., 1990. С. 3–140.
21. *Барт Р.* *Camera Lucida*. Комментарий к фотографиям / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 221 с.
22. *Яценко Е.В.* «Любите живопись, поэты...»: Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопр. философии. 2011. № 11. С. 47–57.
23. *Дмитриева Н.А.* Краткая история искусств. Вып. 2: Северное Возрождение; страны Западной Европы XVII и XVIII веков; Россия XVIII века. 2-е изд., доп. М.: Искусство, 1989. 318 с.
24. *Левина И.М.* Искусство Испании XVI–XVII веков / ред. И.А. Шкирич. М.: Искусство, 1965. 268 с.
25. *Файнберг Л.Е.* Секреты живописи старых мастеров. М.: Изобразительное искусство, 1989. 318 с.
26. *Кантерева Т.П.* Искусство Испании: Средние века. Эпоха Возрождения. М.: Изобразительное искусство, 1988. 388 с.
27. *Sanders J.L.* *The Art of Existentialism: F. Scott Fitzgerald, Ernest Hemingway, Norman Mailer and the American Existential Tradition*. University of South Florida, 2007. 196 p.
28. *Bracken R.C.* The eyes of Doctor T. J. Eckleburg and the diagnostic gaze as moral authority in *The Great Gatsby* // *Hektoen International Journal*, Chicago, 2009. URL: http://www.hektoeninternational.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1898:the-eyes-of-doctor-t-j-eckleburg-and-the-diagnostic-gaze-as-moral-authority-in-the-great-gatsby&catid=113:books-reviews&Itemid=716 (дата обращения: 09.03.16).
29. *Бочкарёва Н.С., Майшева К.А.* Экфрасис рекламного плаката в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах. Курган, 2016. С. 146–151.
30. *Cheeke S.* Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis. Manchester: Manchester University Press, 2010. 204 p.
31. *Berman R.* *The Great Gatsby and Modern Times*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1996. 199 p.
32. *Barthes R.* *Camera Lucida* / transl. by R.Howard. 1977. 119 p. URL: https://monoskop.org/images/c/c5/Barthes_Roland_Camera_Lucida_Reflections_on_Photography.pdf (дата обращения: 09.05.16).

FUNCTIONS OF A PHOTOGRAPH IN F. S. FITZGERALD'S THE GREAT GATSBY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 143–157. DOI: 10.17223/19986645/48/10

Nina S. Bochkareva, Kristina A. Maysheva, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: E-mail: bochk@psu.ru / maishik@bk.ru

Keywords: American literature, photograph, ekphrasis, *The Great Gatsby*.

The article studies functions of a photograph in the ekphrastic discourse of F.S. Fitzgerald's novel *The Great Gatsby* (1925). Under the term *ekphrasis* the authors understand a verbal representation of a quiescent visual depiction; so the objects of ekphrasis in Fitzgerald's novel are paintings, advertisement posters and numerous photos. The role of a photograph in the novel was examined on the level of narration in comparison with the influence of cinematography (L.J. Dessner), and it helped to figure out the ambivalent position of the narrator between Romanticism and Realism (L. Barrett). Having the works of S. Sontag, R. Barthes, and other researchers as the basis for the authors' ideas, the article brings to a conclusion that in the laconic and discrete ekphrasis of Fitzgerald's novel a photograph takes its interposition between a painting (the "hard-boiled" portrait of Nick's ancestor and El Greco's "night scene") and an advertisement (the billboard of Dr Eckleburg and magazine pictures). While the advertisement of the eye physician expresses the false understanding of America as Paradise and substitutes the idea of God, the Toledo landscape in Nick's nightdream symbolizes the idea of a real Apocalypse.

Ekphrasis in Fitzgerald's novel reflects the cultural changes of the 20th century that became apprehensible in America of the 1920s. They are seen in advertisement proliferation, in substitution of paintings with photographs, in superseding classical arts with pop-culture and technological devices. The image of a photographer-looser McKee and the description of his "artistic game" precede the gallery of photos that created the legendary biography of Gatsby and marked its main points (Dan Cody's yacht, Oxford University, West-Egg villa). Nick sympathizes both protagonists, but from the very beginning he contraposes the "flabby impressionability" of the photographer McKee imagined as a "creative temperament" to the "extraordinary gift for hope", the "heightened sensitivity to the promises of life", the "romantic readiness" and "responsiveness" of Gatsby, who included his studies of painting skill into his biography.

The process of making and perception of photographs is shown directly and indirectly on various poetic levels of Fitzgerald's novel. It is represented as a subject-object relationship (the choice of an object, watching, posing, picture taking, film developing, identification). In the fiction world of the novel photos are used as means of self-actualization and express a conflict between the illusory and the real worlds. Both a photograph and an advertisement justify a lie. And as a result the novel characters do not perceive themselves and their relatives as living beings but illustrations from fashionable magazines. Nevertheless a photo often helps Fitzgerald to "develop" the real feelings of his character and show tender devotion and shattered dreams beyond a glamorous picture. On the one hand, a photo is a tangible thing, material evidence which makes Gatsby's ambitions real. On the other hand, a photo distorts his personality, disguises his living a double life, and as a result a thing substitutes a real person even in his father's eyes.

References

1. Böger, A. (2015) Twentieth-century American Literature and Photography. In: Rippl, G. (ed.) *Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music*. Berlin; Boston: de Gruyter.
2. Sontag, S. (2005) *On photography*. New York: Oxford University Press.
3. Sontag, S. (2015) О фотографии [On photography]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Fjellestad, D. (2015) Nesting – Braiding – Weaving: Photographic Interventions in Three Contemporary American Novels. In: Rippl, G. (ed.) *Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music*. Berlin; Boston: de Gruyter.
5. Petrova, N.A. (2016) "Filologicheskiy roman" kak svod marginal'nykh tekstov (tri knigi o Sergeev Dovlatove) [A "philological novel" as a collection of marginal texts (three books about Sergei Dovlatov)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 1(33). pp. 131–136. DOI: 10.17072/2073-6681-2016-1-131-136

6. Lavlinskiy, S.P. (2015) Fotodrama: khudozhestvennaya struktura i kreativno-proektnyy potentzial [Photodrama: an artistic structure and a creative project potential]. In: Fedunina, O.V. & Troitskiy, Yu.L. (eds) *Dialog soglasiya: sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu V.I. Tyupy* [Dialogue of consent: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V.I. Tyupa]. Moscow: Intrada.
7. Sudlenkova, O.A. (2015) *Angliyskaya poeziya romantizma i sovremennoy prozy: stat'i raznykh let* [English poetry of romanticism and modern prose: articles of different years]. Minsk: MSLU. pp. 97–103.
8. Suslova, I.V. (2013) Portret khudozhnika v kontekste epokhi: dvoynaya perspektiva (roman M.Uel'beka "Karta i territoriya") [Portrait of the artist in the context of the era: a double perspective (novel by M. Uelbek "Map and Territory")]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3(23). pp. 164–171.
9. Straub, J. (2015) Nineteenth-century Literature and Photography. In: Rippl, G. (ed.) *Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music*. Berlin; Boston: de Gruyter.
10. Reynolds, G. (2001) Introduction. In: Fitzgerald, F.S. *The Great Gatsby*. Hertfordshire: Wordsworth Editions.
11. Fitzgerald, F.S. (1984) *Portret v dokumentakh: Khudozhestvennaya publisistika* [Portrait in documents: Artistic journalism]. Translated from English by A. Zverev. Moscow: Progress. pp. 39–48.
12. Fitzgerald, F.S. (2001) *The Great Gatsby*. [Online] Available from: https://ebooks.adelaide.edu.au/f/fitzgerald/f_scott/gatsby.html. (Accessed: 15th October 2016).
13. Dessner, L.J. (1984) Photography and The Great Gatsby. In: Donaldson, S. (ed.) *Critical Essays on F. Scott Fitzgerald's The Great Gatsby*. Boston, Mass.: G.K. Hall.
14. Barrett, L. (1998) 'Material Without Being Real': Photography and the End of Reality in The Great Gatsby. *Studies in the Novel*. 30:4. pp. 540–557.
15. Heffernan, J.A.W. (2004) *The Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashberry*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Gorbunov, A.N. (1974) *Romany Frenisa Skott Fitsdzheral'da* [The novels of Francis Scott Fitzgerald]. Moscow: Nauka.
17. Tolmachev, V.M. (1982) Kompozitsionnoe svoeobrazie "Velikogo Getsbi" F.S.Fitsdzheral'da [Compositional identity of The Great Gatsby by F.S. Fitzgerald]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 4. [Online] Available from: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/tolmachev-kompozic.html>. (Accessed: 21st May 2016).
18. Itkina, N.L. (2002) *Esteticheskie problemy amerikanskoy literatury XIX–XX vekov* [Aesthetic problems of American literature of the 19th–20th centuries]. Moscow: RSUH. pp. 88–133. [Online] Available from: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/itkina-gatsby.html>. (Accessed: 20th December 2016).
19. Usmanova, A. (2003) Osobennosti syuzhetu i kompozitsii v romane F.S.Fitsdzheral'da "Velikiy Getsbi" [Features of the plot and composition in F. Fitzgerald's novel "The Great Gatsby"]. In: *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: vzglyad molodykh* [Russian and comparative philology: the view of the young]. Kazan. pp. 198–203. [Online] Available from: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/usanova.html>. (Accessed: 21st May 2016).
20. Fitzgerald, F.S. (1990) *Posledniy magnat. Rasskazy* [The last tycoon. Stories]. Translated from English by E. Kalashnikova. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Barthes, R. (1997) *Camera Lucida. Kommentarii k fotografiyam* [Camera Lucida. Comments on photos]. Translated from French by M. Ryklin. Moscow: Izdatel'stvo "Ad Marginem".
22. Yatsenko, E.V. (2011) "Lyubite zhivopis', poety...": Ekfrasis kak khudozhestvenno-mirovozzrencheskaya model' ["Poets, love painting...": Ekphrasis as an artistic and worldview model]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 47–57.
23. Dmitrieva, N.A. (1989) *Kratkaya istoriya iskusstva* [A brief history of arts]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
24. Levina, I.M. (1965) *Iskusstvo Ispanii XVI–XVII vekov* [The art of Spain of the 16th–17th centuries]. Moscow: Iskusstvo.
25. Feynberg, L.E. (1989) *Sekrety zhivopisi starykh masterov* [Secrets of the painting of old masters]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
26. Kaptereva, T.P. (1988) *Iskusstvo Ispanii: Srednie veka. Epoka Vozrozhdeniya* [The Art of Spain: The Middle Ages. Renaissance]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
27. Sanders, J.L. (2007) *The Art of Existentialism: F. Scott Fitzgerald, Ernest Hemingway, Norman Mailer and the American Existential Tradition*. University of South Florida.

28. Bracken, R.C. (2009) The eyes of Doctor T. J. Eckleburg and the diagnostic gaze as moral authority in *The Great Gatsby*. *Hektoen International Journal*. [Online] Available from: http://www.hektoeninternational.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1898:the-eyes-of-doctor-t-j-eckleburg-and-the-diagnostic-gaze-as-moral-authority-in-the-great-gatsby&catid=113:books-reviews&Itemid=716. (Accessed 09th March 2016).
29. Bochkareva, N.S. & Maysheva, K.A. (2016) Ekfrasis reklamnogo plakata v romane F.S. Fitzdheral'da "Velikiy Getsbi" [The ekphrasis of the advertising poster in F. Fitzgerald's novel "The Great Gatsby"]. In: *Universal'noe i kul'turno-spetsifichnoe v yazykakh i literaturakh* [The universal and culture-specific in languages and literatures]. Kurgan.
30. Cheeke, S. (2010) *Writing for Art: The Aesthetics of Ekphrasis*. Manchester: Manchester University Press.
31. Berman, R. (1996) *The Great Gatsby and Modern Times*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
32. Barthes, R. (1977) *Camera Lucida*. Translated from French by R. Howard. [Online] Available from: https://monoskop.org/images/c/c5/Barthes_Roland_Camera_Lucida_Reflections_on_PhOTOGRAPHY.pdf. (Accessed 09.05.16).

УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/48/11

Е.М. Бутенина

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ КОД «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» В ПОЭТИЧЕСКОМ РОМАНЕ США

В статье анализируется поэтический роман индо-американца Викрама Сета «Золотые ворота» (The Golden Gate, 1986), написанный в форме онегинской строфы и обнаруживающий немало перекличек с пушкинским претекстом. Транскультурный код пушкинского творения нашел неявный отклик и в других американских романах в стихах, что позволяет говорить о его особой значимости для современного англоязычного контекста.

Ключевые слова: Пушкин, «Евгений Онегин», роман в стихах, Сет, «Золотые ворота», Хеджинян, «Охота: Короткий русский роман».

Несмотря на усилия многих переводчиков и славистов, Пушкин остается малоизвестным за пределами русского мира. Хотя переводы произведений первого русского классика и англо-американские исследования о нем появились еще в середине XIX в. [1. С. 356–370], интерес к поэту в англоязычном пространстве возрастает только к концу XX столетия. До недавнего времени исключение составлял лишь африканский пушкинский миф: расовое происхождение поэта уже почти два столетия притягивает уроженцев Африки и их потомков на других континентах [2, 3]. Важным этапом в утверждении статуса Пушкина в США стало масштабное празднование столетней годовщины со дня смерти поэта, в котором афроамериканцы приняли самое активное участие [4].

Однако лишь в конце XX в., словно в ответ на знаменитые слова Гоголя о необходимости двухвековой дистанции для осмысления русского гения [5. С. 50–51], в англоязычном мире не только активизировались пушкинские исследования и переводы, но появился и значимый художественный отклик на пушкинское наследие: поэтическая интерпретация «Евгения Онегина». Первый русский полифонический роман вдохновил индо-американца Викрама Сета на создание объемного стихотворного повествования «Золотые ворота» (The Golden Gate, 1986), написанного в форме онегинской строфы и обнаруживающего немало перекличек с пушкинским претекстом.

Викрам Сет осуществил свой эксперимент как будто в преддверии пушкинского юбилея. К двухсотлетию Пушкина и в нашей стране, и за рубежом предпринимались попытки обобщить накопленный опыт переводов его произведений [6, 7, 8]. Интересный проект был осуществлен под редакцией английской писательницы и переводчицы Элейн Файнстайн, автора биографии Пушкина (1998): сборник переложений стихотворений классика известными англоязычными поэтами, выполненных на основе их переводов на английский язык [9]. Авторы сборника стремились таким образом приблизить пушкинскую поэзию к англоязычному читателю (анализ некоторых стихотворе-

ний см. в работе [10]). В современном англоязычном мире как переводчик Пушкина, изучавший русскую литературу в Гарварде и Ленинграде, ценится поэт и композитор Джудиан Генри Лоуэнфэлд [11], подготовивший объемное двуязычное издание пушкинской поэзии [12].

В ожидании великого юбилея появилось и немало новых англоязычных исследований о Пушкине. Большая заслуга в популяризации Пушкина принадлежит американскому слависту венгерского происхождения Полу Дебрежены (1932–2008), основателю (1993) и первому президенту Североамериканского пушкинского общества, первому редактору журнала этого общества «Пушкин Ревью», переводчику и комментатору первого полного издания пушкинской прозы на английском языке (1983) и автору нескольких книг о русском поэте. Среди них – «Другой Пушкин: Изучение прозы Александра Пушкина» (1983) и «Социальные функции литературы: Александр Пушкин и русская культура» (1997), где рассматривается зарождение пушкинского мифа при жизни поэта и его развитие в царской и советской России. Дебрежены обоснованно полагает, что дуэль Пушкина с иностранцем в момент формирования национальной идентичности способствовала канонизации поэтамученика и сотворению главной мифологической фигуры в русской культуре [13].

В недавних англоязычных биографиях Пушкина заметно стремление деакадемизировать классика, и рецензенты ведущих массмедиа приветствуют эту тенденцию. В отзыве «Вашингтон пост» на книгу оксфордского слависта Т. Дж. Биньона (2003) подчеркивается, что профессор также известный специалист по детективу и автор двух криминальных романов. По мнению автора рецензии, именно благодаря этому исследователю удалось так «потрясающе подробно воссоздать жизнь Пушкина», и его работа «станет образцом жизнеописания поэта на английском языке» [14. С. 15]. Книга Биньона становится в один ряд с расследованием последних дней поэта в книге «Пуговица Пушкина» (1995, англ. перевод 1999) итальянской славистки Серены Витале [15, 16], обнаружившей новые архивные документы и искусно соединившей биографию и детектив в новую жанровую форму [17].

В инокультурном осмыслении наследия Пушкина отдельное место занимает проблема перевода «Евгения Онегина». Вопреки утверждению Набокова о том, что этот роман в стихах невозможно перевести стихами, многочисленные попытки сделать это предпринимались и до, и после набоковского прозаико-поэтического переложения, изданного в 1964 г. В числе известных стихотворных англоязычных версий пушкинского шедевра – перевод британского дипломата Чарльза Джонстона (1977). Именно этот популярный перевод вдохновил Викрама Сета на использование пушкинского сонета для создания романа о современной Калифорнии.

Подобный смелый эксперимент, видимо, отчасти объясняется двойным остранением автора – Сет не коренной американец и не филолог. Уроженец Калькутты, до создания своего дебютного романа он работал над докторской диссертацией по экономике в университете Стэнфорда и в какой-то момент почувствовал необходимость перемены занятий. Поскольку молодой экономист всегда писал стихи, то он отправился в поэтический отдел университетского книжного магазина и там нашел джонстоновский перевод «Евгения

«Онегина», от которого пришел в такое восхищение, что решил отложить научную работу (к которой так и не вернулся) и написать свою «калифорнийскую историю» [18]. Американский классик Гор Видал назвал «Золотые ворота» «великим калифорнийским романом», о чем сообщалось на обложке первого издания будущего бестселлера. Многие рецензенты приветствовали роман Сета как триумфальное «возвращение рифмы» и «противоядие от модного нигилизма» [19. С. 75].

Конечно, молодого индо-американца вдохновила не только форма пушкинского романа – он увидел в нем параллели со своей обретенной культурой. Пушкин ввел в русский язык слово «денди» и придал русскому дендиству статус законодательного эстетического и интеллектуального стиля своей эпохи [20, 21], при этом показав потенциал личности светского эготиста. Сет попытался реабилитировать яппи, своеобразный вариант денди в рейгановской Америке, развенчанного в национальной прессе и городском романе 1980-х (например, в романах «Яркие огни, большой город» (*Bright Lights, Big City*, 1984) Джая МакИнерни или «Меньше ноля» (*Less Than Zero*, 1985) Брета Истона Эллиса). Как и денди, яппи уделяет немалое внимание внешнему облику, он высокомерен, довольно циничен и безразличен к политическим и социальным проблемам, однако в изображении Сета не лишен достоинств.

Кругу яппи принадлежат все герои «Золотых ворот», схематично представляющие различные этнические, сексуальные, социальные и религиозные субкультуры Америки. Протагонист романа, Джон Браун, калифорнийский байронит двадцати шести лет, воплощает мейнстрим (белый гетеросексуальный мужчина), в конце ХХ в. утративший доминирующие позиции и ко всему безразличный. Бывшая подруга Джона, японоамериканская художница Джен Хаякава, пытается возродить его интерес к жизни, разместив за него объявление в разделе знакомств. Так Джон встречает адвоката-феминистку Лиз Дорэти, которую оттолкнет его эгоцентризм, поэтому она не примет его предложение и вместо этого выйдет замуж за отца-одиночку Фила Вайса, покинутого и первой женой, и возлюбленным-католиком. В finale романа Лиз и Фил называют в честь Джона своего сына и просят героя стать крестным отцом, а он с благодарностью соглашается, потому что к этому времени пережил невосполнимую потерю – гибель Джен в автомобильной катастрофе – и осознал ценность дружбы и любви.

Для воспроизведения такой разноголосицы Сету необходим был пушкинский опыт создания «энциклопедии стилей и языков эпохи» [22. С. 142]. Сет включает в свой роман отдельные слова и фразы на нескольких языках, в том числе на русском, фрагменты политических речей, арт-рецензий, рекламных объявлений, термины из области компьютерных технологий и ядерной физики. Кроме того, индо-американский автор использует пушкинский прием строфического переноса, придающего повествованию интонационную свободу [23. С. 313]. Качественный анализ строфических переносов в «Золотых воротах» демонстрирует наибольшую частотность этого приема в авторской речи [24. С. 132–133]. Вслед за Пушкиным для придания стиху разговорной интонации в диалогах Сет использует короткие реплики, повторы, эллиптические предложения:

«Phil, I'm not as extreme as you». «Extreme?» «I mean, I'm not committed In the same way». «I see» «But, Phil, If you've got something quarter-witted That I can do to help, I will». «Well, Liz, you could – but no – they'd fire you». «What?» «Well, I thought that legal aid...» Liz looks downcast. «No, I'm afraid That's the one thing that I can't proffer. The form would squawk... but taking care Of Paul perhaps – could I help there» (7. 38) [25. С. 166–167].

В переводе А. Олеара, несмотря на удлинение реплик и отказ от повторов, разговорная отрывистость сохраняется:

«Не Че Гевара я, уволь, –
и в Робин Гуды не готова».
«Все понимаю, не сержусь».
«Фил, сумасшедший, право слово,
а все же я тобой горжусь!
И вам сочувствую». «Ты, что ли,
поддержишь нас? Тебя уволят.
Но как юрист ты бы могла...»
«Я не должна вести дела –
хозяева сожрут живьем.
Но вот о мальчике твоем я позабочусь
(лучше б днем) по мере сил своих я скромных» [26. Ч. 2. С. 45].

Как отмечал Ю.Н. Тынянов, Пушкин использует разговорные интонации и «в повествовании, когда интонационный налет как бы делает самое повествование некоторою косвенною речью героев» [27. С. 69]. Сет стремится воспроизвести эту непринужденность с первых строк своего романа в стихах:

To make a start more swift than weighty,
Hail Muse. Dear Reader, once upon
A time, say circa 1980,
There lived a man. His name was John (1.1) [25. С. 5].

Легкая интонация авторской речи сохранена в переводе:

О, как роман начать приятно
так: «Здравствуй, Муза! Некто Джон
жил-был себе в восьмидесятых.
Героем нашим станет он» [26. Ч. 1. С. 12].

Сет перенимает не только пушкинскую манеру обращения к читателю¹ (в процитированном переводе первой строфы это обращение пропущено, но передано во многих других случаях) и вкрапления металитературных комментариев о творчестве, но и вводит в текст автобиографическую фигуру ав-

¹ О естественности этой манеры в «новом медиуме» стихотворного романа писал Набоков [28. С. 18].

тора, раздвоившегося на двух персонажей. Это «невеселый гость среди веселья», экономист Ким Тарвес, имя которого представляет собой анаграмму от Викрама Сета (*Kim Tarvesh – Vikram Seth*), и писатель под собственным именем, повествующий о том, как он рассказал редактору об идее написать роман в стихах, а тот «пожелтел» и поспешно ретировался:

A week ago, when I had finished
 Writing the chapter you've just read
 And with avidity undiminished
 Was charting out the course ahead,
 An editor – at a plush party
 (Well-wined, provisioned, speechy, hearty)
 Hosted by (long live!) Thomas Cook
 Where my Tibetan travel book
 Was honored – seized my arm: «Dear fellow,
 What's your next work?» «A novel...» «Great!
 We hope that you, dear Mr. Seth» –
 «...In verse», I added. He turned yellow.
 «How marvelously quaint», he said,
 And subsequently cut me dead (5. 1) [25. С. 98].

Эта программная строфа очень близко к тексту переведена Г. Агафоновым в публикации журнала «Иностранная литература»:

Закончил я неделей раньше
 Писать четвертую главу,
 Уже мечтал, что будет дальше,
 Каким маршрутом поплыну...
 Тут в честь меня устроил вечер
 (вино-закуска, тосты-речи)
 Сам Томас Кук (!), ведь вышли в свет
 Мои заметки про Тибет.
 Редактор руку жмет влюбленно:
 «Что пишете?» – «Роман». – «Ого!
 Надеюсь, мистер Сет, его...» –
 «В стихах». Редактор стал зеленым:
 «Да, мысль свежа и хороша...» –
 И как зарезал без ножа [29. С. 240].

Образность строки «Was charting out the course ahead» – «Намечал дальнейший маршрут» – интересно развернута в переводе А. Олеара:

Спустя дня три, как каравелла
 главы сошла со столелей
 и я, вертя штурвалом, смело
 повел эскадру кораблей,
 по курсу встретился издатель <...> [26. Ч. 1. С. 212].

Викрам Сет всячески подчеркивал игровой характер своего замысла. Пушкинским сонетом написаны не только 590 строф калифорнийского романа в стихах, но и четыре дополнительные строфы – посвящение, благодарности, содержание и сведения об авторе. В русском языке уже принята трансли-

терация Сет, однако имя *Seth* в английском языке произносится как [seɪt], поэтому рифмуется с *gate* (ворота), чем автор не преминул воспользоваться на титульной странице: *The Golden Gate / by Vikram Seth*. Так само имя автора, подобно мосту «Золотые ворота» и одноименному проливу, соединяющему Сан-Франциско с Тихим океаном, становится символической точкой соприкосновения Востока – в данном случае воплощенного Россией и Индией – и Запада.

Предвидя скептическую реакцию критиков-антитрадиционалистов на свое творение, Сет провоцирует ее. Он выражает сомнения в силах своей «морщинистой музы» и в возможности возрождения старых поэтических форм в новое время, при этом рифмует Онегина и Рейгана:

How do I justify this stanza?
 These feminine rhymes? My wrinkled muse?
 This whole passé extravaganza?
 How can I (careless of time) use
 The dusty bread molds of Onegin
 In the grave bakery of Reagan?
 The loaves will surely fail to rise
 Or else go stale before my eyes.
 The truth is, I can't justify it.
 But as no shroud of critical terms
 Can save my corpse from boring worms,
 I may as well have fun and try it.
 If it works, good; and if not, well,
 A theory won't postpone its knell (5. 3.) [25. C. 101].

В переводе Г. Агафонова сохранены практически все метафоры, особенно в первой части строфы:

Чем эти строфы обосную?
 И чем – морщины женских рифм?
 Экстравагантность наносную?
 Могу ли я прибегнуть к ним,
 К онегинским забытым формам,
 И печь свой хлеб по старым нормам
 В пекарне Рейгана? Едва ль.
 Сгорит мой хлеб. Но очень жаль,
 Что вот умру и лягу в гроб я
 И ничего не докажу...
 Мне нравится, что я пишу.
 Пусть критики ломают копья.
 Получится – прекрасно; нет –
 Теория найдет ответ [29. C. 241].

А. Олеар, выполнивший перевод всего романа (и даже встречавшийся с автором (см.: [30]), более свободно ощущает себя в стихии этого текста и нередко изменяет исходную образность, однако точно передает мысль и интонацию:

Как объяснить (не вижу средства)
строфу и рифмы? Муза вдруг
сошла с ума и впала в детство?
Зачем направил я свой плуг
пахать онегинское поле?
К амбарам рейгановским, что ли,
решил добавить горсть зерна?
И пригодится ли она?
Оправдываться бесполезно:
язык, как саван, не спасет.
Пусть критик-червь меня сосет,
но жизнь моя не будет пресной!
Живому, мертвому ли телу –
до теоретиков нет дела [26. Ч. 1. С. 214].

Поведав о своем замысле рассказать историю, вдохновленную «Евгением Онегиным», Викрам Сет призывает своих читателей прочесть первоисточник:

Reader, enough of this apology;
But spare me if I think it best,
Before I tether my monologue,
To stake a stanza to suggest
You spend some unfulfilled day of leisure
By that original spring of pleasure:
Sweet-watered, fluent, clear, light, blithe
(This homage merely pays a tithe
Of what in joy and inspiration
It gave me once and does not cease
To give me) – Pushkin's masterpiece
In Johnston's luminous translation:
Eugene Onegin – like champagne
Its effervescence stirs my brain (5.5) [25. С. 102].

Эта восторженная легкость хорошо передана в переводе:

Однако хватит оправданий!
Читатель милый, пожалей
мои упрямство и страданья
над застывающим желе,
чтоб мог и ты, в часы досуга,
в строфе изящной и упругой
отыскивать свет, легкость, блеск,
что просто невозможны без
процентов к долгу (это ясно) –
шедевру Пушкина. Роман
нам свыше был для счастья дан,
а Джонстон перевел прекрасно.
«Онегин» – старое вино, но
как волнует кровь оно! [26. Ч. 1. С. 216].

Американский Онегин, как и его русский «предшественник» – сноб и эстет. О его читательских вкусах говорится так: «[he] likestореад / Eclectically

from Mann to Bede» – «читать он любит эклектично / от Манна до Беды» [25. С. 6]. (В переводе А. Олеара эта строка не передана, а в версии М. Визеля, опубликовавшего на своем сайте перевод первых строф, сообщается, что герой «все подряд / Любил читать» [31]). Хотя любой из Маннов и тем более Беда Достопочтенный представляются маловероятным чтением для калифорнийца-гедониста, Марджори Перлофф, автор саркастической рецензии о «Пушкине из Силиконовой Долины», использует эту провокацию в качестве одного из многочисленных объектов для своей критики [32. С. 42]. Сет ироничен по отношению к своему герою, ценящему комфорт, изысканные удовольствия и при этом полагающему, что главное для «победителя» – помимо здоровья и богатства, иметь объект любви:

John looks about him with enjoyment.
What a man needs, he thinks, is health;
Well-paid, congenial employment;
A house; a modicum of wealth;
Some sunlight; coffee and the papers;
Artichoke hearts adorned with capers;
A Burberry trench coat; a Peugeot;
And in the evening, some Rameau
Or Couperin; a home-cooked dinner,
A Stilton, and a little port;
And so to duvet. In short,
In life's brief grief to be a winner
A man must have... oh, yes, above
All else, someone to love (6. 13) [25. С. 129].

В переводе генерализированы описания гастрономических (артишоки с каперсами, сыр «Стилтон») и музыкальных (Рамо, Куперен) пристрастий героя, но прагматическая установка на романтическое устремление обозначена вполне ясно:

Джон счастлив. О, для счастья хватит
живущему своим трудом,
когда ему недурно платят
и есть большой, уютный дом,
где уйма солнечного света,
на завтрак кофе и газета;
когда с утра в саду свежо;
стереотехника в «плежо»;
есть выбор вин, сыров к обеду;
вполне приличный гардероб...
Короче, требуется, чтоб
над миром одержать победу,
иметь довольный жизнью вид
и в сердце место для любви [26. Ч. 1. С. 270].

Изображая лирическую героиню, Сет переносит в свой роман некоторые пушкинские образы и старинные русские традиции, близкие его родной культуре. Матриархат, царящий в итalo-американской семье Лиз Дорэти, и осо-

бенно описания хозяйственных хлопот и приема гостей напоминают уклад дома Лариных:

The mill outside now that Thanksgiving
 Service is over, now the living
 Vines are asleep, and the repair
 Of harvesting machines, the care
 Of injured tractors, and the ending
 Of the new crush (for those whose crop
 Ferments in fragrance, crop on drop
 In their own cellars) mark the ending
 (A day of pious, ritual cheer
 And gossip) of their year (10. 2) [25. С. 214].

В переводе практически слышны отзвуки пушкинской XXXV строфы («Они хранили в жизни мирной / Привычки милой старины»):

Семья Дорэти, их соседи –
 в отдохновеньи от трудов.
 Любой под звон церковной мели
 молиться и зевать готов,
 но чуть по окончаньи службы
 оказывается снаружи,
 как разговором увлечен –
 ему без разницы о чем:
 об урожае (и немалом),
 ремонте прессов, тракторов,
 об изобилии даров
 земли и солнца, что в подвалах
 свидетельствуют – этот год
 был лучше, чем, к примеру, тот [26. Ч. 2. С. 141].

Устроенный брак, по-прежнему распространенный в Индии, оказывается возможным и в современной Америке, когда дочь осознает необходимость откликнуться на мечту больной матери о внуках. Правда, будучи независимой женщиной, Лиз устраивает свой брак сама, но руководствуется при этом не романтическими, а исключительно практическими соображениями: отказывает эгоистичному Джону и принимает предложение Фила, воспитывающего сына и показавшего себя хорошим отцом.

В одном из интервью Сет заметил, что визуальной метафорой отношений пушкинских героев могут служить песочные часы – в начале романа герои незнакомы, затем судьба ненадолго сводит их и снова разводит. Графическим символом, передающим историю персонажей своего романа, американский писатель считает букву W, имея в виду, что герои в ходе повествования меняют своих избранников [33. С. 224]. Поскольку W представляет собой две буквы V, отраженные в горизонтальной плоскости, а песочные часы можно описать как две буквы V, отраженные в вертикальной плоскости, то наблюдение Сета позволяет увидеть дополнительную точку метафорического соприкосновения двух романов о несостоявшейся любви.

Отвечая на вопрос о литературных влияниях в июньском интервью 1999 г., Викрам Сет назвал Пушкина и пояснил, что ему особенно дороги его экспериментальность и независимость, сочетание легкости и серьезности. Сет добавил также, что именно через прекрасный перевод пушкинского романа он получил величайшее вдохновение [34]. Хрестоматийные пушкинские слова о переводчиках как почтовых лошадях просвещения отзываются в современном понимании перевода как основы всемирной литературы. Для такого писателя мира, как Викрам Сет, – владеющего тремя языками, переведившего индийскую и китайскую поэзию на английский язык, родившегося в Индии и жившего в США, Китае, Англии, – пушкинская художественная модель полиглota и путешественника оказывается родственной и органичной.

Гибридная форма нарративного стиха позволила Сету (само)иронично рассказать о современной Америке со всеми ее проблемами и трагедиями в жизнеутверждающем стиле, не характерном ни для прозы, ни для поэзии постмодернистской эпохи. Вслед за «Золотыми воротами» англоязычные романы в стихах появились на разных континентах: это и «Омерос» вест-индского британца Дерека Уолкота (1990), и «Эхнатон» (1992) австралийки Дороти Портер, и «Автобиография красного» (1998) канадки Энн Карсон, и многие другие. Уолкот и Портер обращались к роману в стихах неоднократно, для некоторых авторов (в частности, для американской поэтессы Сони Соунз) он стал отличительным жанром, что позволило критикам говорить о знаковости этой формы для рубежа тысячелетий и ее органичности в контексте музыкальной культуры XX в. [35, 36]. Примечательно, что последний роман великого экспериментатора Энтона Берджесса, «Байрн» (*Byrne*, 1995), воспроизводит различные размеры эпохи романтизма и, как поясняет рассказчик, является стихотворным некрологом в байроновском стиле, написанным по просьбе некоего Майкла Байрна (сопоставление с романом Сета (см. в [37]). Текст Берджесса, в знаменитой рецензии «Пушкин и Кинбот» проницательно соотнесшего труд Набокова о «Евгении Онегине» с «Бледным огнем», представляется опосредованным откликом не только на байроновский, но и на пушкинский роман и его набоковскую интерпретацию.

Интересным опосредованным откликом на «Евгения Онегина» стал и поэтический текст Лин Хеджинян «Охота: Короткий русский роман» (*Oxota: A Short Russian Novel*, 1991), написанный в форме свободного сонета и, как сообщается на обложке, «вдохновленный» пушкинским романом в стихах. Это объемное произведение – 270 глав-строф, разделенных на восемь книг, – стало итогом довольно длительного пребывания автора в России 1980-х, изучения ею русского языка и дружбы с ленинградскими поэтами. Русскоязычное заглавие своего поэтического романа Хеджинян поясняет лишь в самом конце, в строфе 259, где делается намек, что имеется в виду охота за ускользающими смыслами. Как заметила видная исследовательница американского авангарда Марджори Перлофф (критически оценившая роман Сета, как упоминалось выше), Хеджинян обратилась к пушкинскому новаторскому опыту, чтобы создать альтернативу по-прежнему существующей оппозиции прозы и поэзии [38]. Многочисленные отсылки Хеджинян к Пушкину довольно энigmaticны – «Pushkin remains himself, but what self has he to remain» (возможный перевод: «Пушкин остается собой, но какое его “я” остается») [39].

С. 19]). В целом «извилистые коридоры» этого романа-лабиринта многим читателям могут показаться «непроходимыми» [38], и только искушенные критики находят в практически бессюжетном повествовании тематические переклички с романом об Онегине и Татьяне.

Тем не менее художественные эксперименты Хеджинян и Сета сопоставляются как попытки представителей двух оппозиционных поэтических течений – авангардной «языковой поэзии» и достаточно консервативного «нового формализма» – преодолеть бинарную «поэтику холодной войны» и прийти от «оппозиционной к аппозиционной поэтике», т.е. поэтике соположения и взаимодополнения [40. С. 86–87]. Вполне закономерно, что для осуществления своего замысла оба автора избрали в качестве текста-медиатора пушкинский полифонический роман в стихах, в котором синтезированы лирическое и драматическое начала, национальный фольклор и европейская литература, мир деревни и мир города. В романе Сета переклички с романом Пушкина наиболее очевидны, как на уровне формы (онегинская строфа со строфическим переносом для создания разговорной интонации), так и на уровне содержания (герой-яппи как аналог денди и сильная героиня на фоне современной эпохи). Можно предположить, что транскультурный код пушкинского творения еще вызовет новые иноязычные интерпретации.

Литература

1. Николюкин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 405 с.
2. Букалов А.М. «Берег дальний...»: из зарубежной Пушкинианы. СПб.: Алетейя, 2014. 599 с.
3. Lounsbury A. «Bound by Blood to the Race»: Pushkin in African American Context // Under the Sky of My Africa: Alexander Pushkin and Blackness. Ed. C. Nepomnyashchy et al. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2006. Р. 248–278.
4. Панова О.Ю. «Пушкин стал одно время злобой дня»: Столетний юбилей Пушкина 1937 года в США // Рус. лит. в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2015. С. 705–779.
5. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 8: Статьи. М., 1952. С. 50–55.
6. Лейтон Л.Г. Пушкин в англоязычном мире // Вестн. РАН. 1999. Т. 69, № 2. С. 135–139.
7. Липгардт А.А. Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // Пушкин А.С. «В надежде славы и добра»: избранная поэзия (на рус. языке с переводом на англ. язык). М.: Вагриус, 2008. С. 7–21.
8. Chandler R. Some Recent Translations of Pushkin // Slavic and East European journal. 2009. Vol. 53, № 4. Р. 645–650.
9. After Pushkin. Versions of the poems by Alexander Sergeevich Pushkin by Contemporary Poets / Ed. and Introd. by E. Feinstein. Manchester; London: Carcanet Press, 1999. 96 р.
10. Тихомирова Ю.А. Современный англоязычный Пушкин: стратегии презентации лирики // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 29–37.
11. Вулф О. Новый американец Пушкин. URL: http://www.lit.lib.ru/w/wolodimerowa_1_w/pushkin.shtml (дата обращения: 20.12.16).
12. Lowenfeld J.H. My Talisman: The Poetry & Life of Alexander Pushkin (English and Russian Edition). NY.: Green Lamp Press, 2010. 734 р.
13. Debreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford: Stanford UP, 1997. 289 р.
14. Dirda M. Pushkin: A Biography by T.J. Binyon // The Washington Post. 2003. Nov. 16. P. T15.

15. *Vitale C.* Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина / пер. с ит. Е.М. Емельяновой. М.: Алгоритм, 2013. 410 с.
16. *Vitale S.* Pushkin's Button. Tr. by A. Goldstein and J. Rothschild. NY: Farrar, Straus & Giroux, 1999. 355 p.
17. *Feinstein E.* Elementary, my dear reader // The Times. 1999. April 1. P. 15.
18. *Meer A.* Vikram Seth. BOMB – Artists in Conversation. URL: <http://bombmagazine.org/article/1377/> (дата обращения: 20.12.16).
19. *Lehman D.* A Sonnet to San Francisco // Newsweek. 1986. April, 14. Vol. 107. No. 15. P. 74–75.
20. *Гроссман Л.П.* Пушкин и дендилизм. Этюды о Пушкине // Собр. соч.: в 5 т. М., 1928. Т. 1. С. 14–44.
21. *Лотман Ю.М.* Русский дендилизм // Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 123–135.
22. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
23. *Томашевский В.Б.* Строфика Пушкина // Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 202–324.
24. *Соловьевикова Д.Н.* Онегинские строфы Викрама Сета // Текст в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 127–143.
25. *Seth V.* The Golden Gate. London: Faber & Faber, 1999. 307 p.
26. *Cem B.* Золотые ворота / пер. А. Олеара: в 2 т. Томск: ТомСувенир, 2014. 656 с.
27. *Тынянов Ю.Н.* О композиции «Евгения Онегина» // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 52–77.
28. *Nabokov V.* Translator's Introduction. Eugene Onegin / By Aleksandr Pushkin. Vol. 1. Revised Ed. Trans. Vladimir Nabokov. London: Routledge and Kegan Paul, 1975. P. 3–88.
29. *Cem B.* Золотые ворота. Фрагменты / пер. Г. Агафонова // Иностр. лит. 1993. № 9. С. 240–243.
30. *Евгений Онегин из Сан-Франциско.* 2015. 06.06. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/evgeniy-onegin-iz-san-francisko> (проверено: 20.12.16).
31. *Cem B.* Золотые ворота. Фрагмент. Перевод М. Визеля. URL: <http://viesel.ru/texts/seth/goldengaterus.html> (дата обращения: 20.12.16).
32. *Perloff M.* ‘Homeward Ho’: Silicon Valley Pushkin” // The American Poetry Review. 1986. Nov.–Dec. P. 37–46.
33. *Ponomareva A.* Vikram Seth's The Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin's Eugene Onegin // Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture. Ed. T. Seruya, J.M. Justo. Berlin, 2016. P. 219–232.
34. *Kapur A.* The Seth Variations // Atlantic Unbound Interview. 1999. June, 23. URL: <http://www.theatlantic.com/past/docs/unbound/interviews/ba990623.htm> (дата обращения: 20.12.16).
35. *Addison C.* The Verse Novel as Genre: Contradiction or Hybrid? // Style. 2009. № 43.4 P. 539.
36. *Sauerberg L.O.* Repositioning Narrative: The Late Twentieth-Century Verse Novels of Vikram Seth, Derek Walcott, Craig Raine, Anthony Burgess and Bernadine Evaristo // Orbis Litteratum: International Review of Literary Studies. 2004. 59. No. 6. P. 439–464.
37. *Aboudaif S.A.* Anthony Burgess and Vikram Sethas Twentieth Century Verse Novelists: A Critical Survey // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 28. С. 64–78.
38. *Perloff M.* How Russian Is It: Lyn Hejinian's Oxota. URL: <http://wings.buffalo.edu/epc/authors/perloff/hejinian.html> (дата обращения: 20.12.16).
39. *Hejinian L.* Oxota: A Short Russian Novel. Great Barrington, MA: The Figures, 1992. 292 p.
40. *Edmond J.* Bridging Poetic and Cold War Divides in Lyn Hejinian's Oxota and Vikram Seth's The Golden Gate // Gramma / Journal of Theory and Criticism. 2008. 16. P. 85–100.

EUGENE ONEGIN'S TRANSCULTURAL CODE IN THE AMERICAN NOVEL IN VERSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 158–172. DOI: 10.17223/19986645/48/11

Evgenia M. Butenina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
E-mail: butenina.em@dvfu.ru

Keywords: Pushkin, *Eugene Onegin*, novel in verse, Seth, *The Golden Gate*, Hejinian, *Oxota: A Short Russian Novel*.

The paper discusses how the contemporary novel in verse, *The Golden Gate* (1986) by Indian American author Vikram Seth, interacts with the classical Russian novel in verse, Alexander Pushkin's *Eugene Onegin* (1832). Seth openly states that he was inspired by Pushkin's creation in "Johnston's luminous translation" and employs the form known as the "Pushkin sonnet" or "Onegin stanza" throughout his long narrative about the late 20th century California. The India-born and Stanford-educated author was inspired not only by the form but also by the content of Pushkin's novel. So he "transplants" the Byronian dandy Eugene Onegin as the Californian yuppie John Brown in an attempt to rehabilitate this type, sarcastically portrayed in the 1980s city novels, such as Jay McInerney's *Bright Lights, Big City* (1984) or Bret Easton Ellis's *Less Than Zero* (1985).

All the characters in *The Golden Gate* belong to the yuppie circle and schematically represent different ethnic, religious, political and sexual subcultures of contemporary America. John Brown stands for the mainstream (white heterosexual male), indifferent to everything as was his predecessor Eugene Onegin defined as the first "superfluous man" in the Russian literature. His ex-girlfriend, Japanese American Janet Hayakawa, decides to settle his loveless life and publishes an ad in his name. Thanks to this epistolary connection, parodically evoking the famous Tatiana Larina's letter to Eugene Onegin, John meets and falls in love with a feminist lawyer Liz Dorati. Understanding John's selfishness, Liz does not accept his proposal and instead marries Phil Weiss, a single father abandoned by both his wife and his male Catholic lover, who also happens to be Liz's brother.

To convey this heteroglossia, Seth turns to Pushkin's example of the polyphonic novel or "the encyclopedia of the styles and discourses of the epoch", as Mikhail Bakhtin described it. To create a modern love story against the backdrop of the late 20th-century America, Seth incorporates in his narrative computer and physics discourses, words from several languages, including Russian, extracts from personal letters and art reviews. For a vernacular manner in the author's speech and in dialogue, Seth uses Pushkin's techniques of inter-stanza syntactical transfers, elliptical sentences, repetitions, intonation breaks.

Interestingly, Pushkin's *Eugene Onegin* also inspired Lyn Hejinian's novel in verse *Oxota: A Short Russian Novel* (1992) written in free sonnet. Lyn Hejinian belongs to an avantgarde school of language poetry, while Vikram Seth belongs to a more traditionalist, neoformalist school. However, the transcultural code of Pushkin's text enables such diverse authors to move from binary oppositions between prose and poetry, tradition and innovation and approach a more open mode of artistic imagination.

References

1. Nikolyukin, A.N. (1981) *Literaturnye svyazi Rossii i SShA. Stanovlenie literaturnykh kontaktov* [Literary ties between Russia and the United States. The formation of literary contacts]. Moscow: Nauka.
2. Bukalov, A.M. (2014) "Bereg dal'nyy...": iz zarubezhnoy Pushkiniany ["Faraway coast...": from the foreign Pushkiniana]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Lounsbury, A. (2006) "Bound by Blood to the Race": Pushkin in African American Context. In: Nepomnyashchy, C. et al. (eds) *Under the Sky of My Africa: Alexander Pushkin and Blackness*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
4. Panova, O.Yu. (2015) "Pushkin stal odno vremya zloboy dnya". Stoletniy yubilej Pushkina 1937 goda v SShA ["Pushkin once became the rage of the day"]. The centenary of Pushkin in 1937 in the United States. In: Kudelin, A.B. (ed.) *Russkaya literatura v zerkalakh mirovoy kul'tury: retsepsiya, perevody, interpretatsii* [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, interpretations]. Moscow: IWLI RAS.
5. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: [V 14 t.]* [Complete works: [In 14 vols]]. Vol. 8. Moscow: USSR AS. pp. 50–55.
6. Leighton, L.G. (1999) Pushkin v angloyazychnom mire [Pushkin in the English-speaking world]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 69:2. pp. 135–139.
7. Lipgart, A.A. (2008) Ob angliyskikh perevodakh poezii i dramaturgii A.S. Pushkina [On English translations of poetry and dramaturgy of A.S. Pushkin]. In: Pushkin, A.S. "V nadezhde slavy i dobra": izbrannaya poeziya ["In the hope of glory and goodness": selected poetry]. In Russian with English translations. Moscow: Vagrius.

8. Chandler, R. (2009) Some Recent Translations of Pushkin. *Slavic and East European Journal*. 53:4. pp. 645–650.
9. Feinstein, E. (ed.) (1999) *After Pushkin. Versions of the poems by Alexander Sergeevich Pushkin by Contemporary Poets*. Manchester; London: Carcanet Press.
10. Tikhomirova, Yu.A. (2013) A.S. Pushkin in modern English translations: strategies of poetry representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 29–37. (In Russian).
11. Vulf, O. (2009) *Novyy amerikanets Pushkin* [A New American Pushkin]. [Online] Available from: http://www.lit.lib.ru/w/wolodimerowa_1_w/pushkin.shtml. (Accessed: 20th December 2016).
12. Lowenfeld, J.H. (2010) *My Talisman: The Poetry & Life of Alexander Pushkin*. (English and Russian Edition). NY: Green Lamp Press.
13. Debreczeny, P. (1997) *Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture*. Stanford: Stanford UP.
14. Dirda, M. (2003) Pushkin: A Biography by T.J. Binyon. *The Washington Post*. Nov. 16. pp. T15.
15. Vitale, S. (2013) *Tayna Dantesa, ili Pugovitsa Pushkina* [The Mystery of Dantes, or Pushkin's Button]. Translated from Italian by E.M. Emel'yanova. Moscow: Algoritm.
16. Vitale, S. (1999) *Pushkin's Button*. Translated from Italian by A. Goldstein and J. Rothschild. NY: Farrar, Straus & Giroux.
17. Feinstein, E. (1999) Elementary, my dear reader. *The Times*. April 1. pp. 15.
18. Meer, A. (1990) Vikram Seth. *BOMB – Artists in Conversation*. [Online] Available from: <http://bombmagazine.org/article/1377/>. (Accessed: 20th December 2016).
19. Lehman, D. (1986) A Sonnet to San Francisco. *Newsweek*. April, 14. CVII:15. pp. 74–75.
20. Grossman, L.P. (1928) *Sobranie sochineniy: V 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovremennye problemy. pp. 14–44.
21. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoj kul'ture* [Conversations about Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo. pp. 123–135.
22. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
23. Tomashevskiy, V.B. (1959) *Stikh i yazyk. Filologicheskie ocherki* [Verse and Language. Philological essays]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 202–324.
24. Solodovnikova, D.N. (2005) Oneginische strofy Vikrama Setta [Onegin strophes of Vikram Seth]. In: *Tekst v kul'turno-istoricheskem kontekste* [Text in the cultural and historical context]. Ekaterinburg: Ural State University.
25. Seth, V. (1999) *The Golden Gate*. London: Faber&Faber.
26. Seth, V. (2014) *Zolotye vorota* [The Golden Gate]. Translated from English by A. Olear. In 2 vols. Tomsk: TomSvenenir.
27. Tylyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoryya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 52–77.
28. Nabokov, V. (1975) *Translator's Introduction. Eugene Onegin. By Aleksandr Pushkin*. Vol. 1. London: Routledge and Kegan Paul. pp. 3–88.
29. Seth, V. (1993) Zolotye vorota. Fragmenty [The Golden Gate. Fragments]. Translated from English by G. Agafonov. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 240–243.
30. Godliteratury.ru. (2015) *Evgeniy Onegin iz San-Frantsisko* [Eugene Onegin from San Francisco]. June 06. [Online] Available from: <https://goliteratury.ru/public-post/evgeniy-onegin-iz-san-francisko>. (Accessed: 20th December 2016).
31. Seth, V. (2006) *Zolotye vorota. Fragment* [The Golden Gate. Fragments]. Translated from English by M.Vizel'. [Online] Available from: <http://viesel.ru/texts/seth/goldengaterus.html>. (Accessed: 20th December 2016).
32. Perloff, M. (1986) ‘Homeward Ho!’: Silicon Valley Pushkin”. *The American Poetry Review*. Nov.–Dec. pp. 37–46.
33. Ponomareva, A. (2016) Vikram Seth’s The Golden Gate as a Transcreation of Alexander Pushkin’s Eugene Onegin. In: Seruya, T. & Justo, J.M. (eds) *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition and Culture*. Berlin: Springer.
34. Kapur, A. (1999) The Seth Variations. *Atlantic Unbound Interview*. June, 23. [Online] Available from: <http://www.theatlantic.com/past/docs/unbound/interviews/ba990623.htm>. (Accessed: 20th December 2016).
35. Addison, C. The Verse Novel as Genre: Contradiction or Hybrid? *Style*. 43:4 pp. 539.

-
36. Sauerberg, L.O. (2004) Repositioning Narrative: The Late Twentieth-Century Verse Novels of Vikram Seth, Derek Walcott, Craig Raine, Anthony Burgess and Bernadine Evaristo. *Orbis Litteratum: International Review of Literary Studies*. 59:6. pp. 439–464.
37. Aboudaif, S.A. (2010) Anthony Burgess and Vikram Seth as Twentieth Century Verse Novelists: A Critical Survey. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 28. pp. 64–78.
38. Perloff, M. (1998) *How Russian Is It: Lyn Hejinian's Oxota*. [Online] Available from: <http://wings.buffalo.edu/epc/authors/perloff/hejinian.html>. (Accessed: 20th December 2016).
39. Hejinian, L. (1992) *Oxota: A Short Russian Novel*. Great Barrington, MA: The Figures.
40. Edmond, J. (2008) Bridging Poetic and Cold War Divides in Lyn Hejinian's Oxota and Vikram Seth's The Golden Gate. *Gramma: Journal of Theory and Criticism*. 16. pp. 85–100.

УДК 821.111+82.0
DOI: 10.17223/19986645/48/12

А.Е. Козлов

**СОБЫТИЕ РАССКАЗЫВАНИЯ В РОМАНЕ Т. МАЙН РИДА
«МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДНЕ ТРЮМА»**

*В статье представлен анализ нарративной организации романа Т. Майн Рида «Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма» (*The Boy Tar or A Voyage in the Dark*). Рассматривая викторианский роман в контексте философии О. Конта, исследователь приходит к выводу о конструировании автором особого типа «позитивистского» сознания. Особое внимание уделено несовпадению дидегетического и экзегетического планов нарратории. Осуществленный нарратологический анализ позволяет определить pragматику приема: обнажение нарратива, дискредитация нарратора, конструирование нарратора.*

Ключевые слова: массовая литература XIX в., позитивизм, эмпиризм, викторианский роман, беллетристика, нарратология, нарратор, наррататор.

Среди романов Т. Майн Рида, направленных на открытие эмпирической действительности («Изгнанники в лесу», «В дебрях Южной Африки», «Затерянные в океане», «Охотники на жирафов», «Всадник без головы»), роман «Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма»¹ (*The Boy Tar or A Voyage in the Dark*), занимает особое место. Традиционно соотнося произведения Рида с романами его современников – Р.Л. Стивенсона, Ф. Купера, Ж. Верна, следует признать, что по сюжетной конструкции рассматриваемый роман-квест писателя [4–7] не находит аналогов среди авантюрных романов своего времени.

Традиционно приключенческий роман определяется диспропорцией фабулы, связанной с интенсивностью развития действия, и сюжета, связанного с осмысливанием происходящих событий. Вниманию читателя предлагается ряд фабульно значимых эпизодов, исход которых, как правило, не влияет на гармоничный финал произведения [8]. Внесенный европейским (в частности, викторианским) и американским романом-путешествием (или романом-травелогом) элемент энциклопедизма превращал такой сюжет в познавательное действие, выполняя образовательные задачи (нередко в ущерб эстетическим, о чем свидетельствуют критические отзывы современников) [5]. Использование экзотических топосов, включение в сюжет большого количества разнохарактерных героев, введение фантастических элементов и т.д. – эти и другие приемы, ставшие опознавательными знаками массовой литературы и,

¹ Роман был впервые издан в 1859 г. В настоящей статье рассматривается вариант произведения [1], выверенный женой писателя [2]. Более точной является номинация «Мальчик-моряк, или Путешествие во тьме». Согласно комментарию, на русском языке произведение «...издано впервые в 1895 г. (М.: И. Сытин) под названием “Морской волк”; перевод сделан с французского издания “Le Petit loup de mer”. Издано также под названиями “На дне трюма” (СПб.: П. Сойкин, 1908, пер. с фр. Изд. “A fond de cale”) и “Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма” (М.: Детгиз, 1956)» [3. С. 506]. В постраничных сносках представлены фрагменты романа в переводе Л. Рубинштейна [3].

соответственно, воспринятые творчеством Т. Майн Рида, игнорируются в его романе «Морской волчонок».

Сюжетная ситуация *бегства*, или *ухода*, столь значимая для самосознания мировой литературы XIX в. [9], является инвариантной для творчества Рида. В связи с этим особенно интересным кажется соотнесение двух сюжетных вариантов, реализованных в романах одного десятилетия. Так, *уход из дома и пребывание на корабле* становятся «экстенсивным» событием в первой части романа «Сбежавший в море» (*Ran Away to Sea: An Autobiography for Boys*), при этом фабульная динамика определяется лавинообразным нарашением эпизодов, завершающихся итоговой катастрофой-кораблекрушением (далее следует книга «Затерянные в океане» (*The Ocean Waifs; a Story of Adventure on Land and Sea*). Воспроизведя сходную модель в «Морском волчонке», Рид избирает принципиально иной вариант, отказываясь от большинства выше перечисленных приемов.

При «стандартности» хронотопа авантюрного романа, опосредованно и непосредственно связанного с морем [8], пространственная организация этого произведения является необычной. Действительно, основные события происходят в монолокусе, границы которого во многом определяются монологическим сознанием главного героя.

Кроме того, в ходе развития действия актуализируются мифopoэтические коннотации сюжета. Главный герой, над которым тяготеет рок (смерть отца в море, испытание водой) проходит инициацию. Путешествуя во тьме (*A Voyage in the Dark*), с девизом *Excelsior*, он воплощает в жизнь метафору «от тьмы к свету». Финальная точка сюжета – выход героя на поверхность – определяет пересечение границы, позволяющее преодолеть проклятие и предстать в новом качестве – стать моряком и, наконец, капитаном. Разумеется, мифopoэтические коннотации содержатся и в заглавии произведения.

Введение закрытого пространства как единственного и безальтернативного позволяет сосредоточить внимание на личности и внутреннем мире двенадцатилетнего Филиппа Форстера. В связи с этим допустимо предположение писателя и литературоведа А. Танасейчука, указавшего на возможную связь сюжетов Рида и философской эстетики Э.А. По¹ [10]. Рассуждая о современном романе в своей «Философии творчества» (*The Philosophy of Composition*), По подчеркивает необходимость обновления существующего спектра литературных приемов, указывая на значение отдельно взятого эффекта в структуре новеллы [11]. Такой эффект, безусловно, обретается в нарративной структуре романа Т. Майн Рида, более того, он более ограничен экзистенциальному сюжету, поскольку обнажает онтологическое противоречие, связанное с одиночеством единичного сознания².

Однако глубокое философское исследование трансцендентного и экзистентного в человеческой жизни мало характерно для ювенильного романа.

¹ Рид и По познакомились в 1840-е гг. и неоднократно встречались (см. об этом: [11, 12]).

² Осмысление человеческого одиночества мы понимаем в контексте философии С. Кьеркегора [13]. Заметим, что для Филиппа Форстера практически не существует ИЛИ / ИЛИ датского мыслителя – бытие героя заключено в рамках материального и земного. Постоянно состязаясь с Провидением, Филипп Форстер снова и снова демонстрирует своим примером безграничность возможностей человеческого сознания.

Книга Майн Рида в большей мере актуализирует философию О. Конта, представляя романом «торжествующего позитивизма». Главный герой здесь наделен совершенным человеческим разумом, избавленным от пределов человеческого бытия – инстинктивного переживания смерти и сознательного переживания своего одиночества.

В связи со сказанным выше особого внимания заслуживают рассуждения героя, представленные в одной из глав произведения: *Fortunately, in my school arithmetic there were a few hints upon mensuration, and the good master had instructed us in these. I have often wondered that the simple, but useful, problems of this branch of science are so much neglected, while the most useless and irrational rhymes are hammered into the heads of poor unfortunate boys. I have no hesitation in giving my opinion, that a knowledge of simple mensuration, which may be obtained in a week's study, is of more value to an individual — or to the whole human race, if you will — than a perfect scholarship in all the dead languages of the world. Greek and Latin! These have been very barriers to the advancement of knowledge!*¹ [1. P. 174].

Разделяя научное знание (*branch of science*) на полезное и бесполезное (*useful / useless*), герой относит гуманитарные науки (и, в частности, классическую филологию) ко второму разряду. Тем не менее именно на «мертвом языке», препятствующем, по логике повествователя, развитию прогрессивного человечества (*barriers to the advancement of knowledge*), Филипп Форстер описывает свои основные шаги, именно латынь становится средством характеристики его достижений. Действительно, основными *шифтерами* романа становятся: *Quod erat faciendum* в завершение арифметической задачи и *Excelsior*, являющееся лейтмотивом всего «путешествия во тьме». Таким образом, в цитируемом фрагменте зафиксирован один из нарратологических парадоксов «борьбы языков» – язык описания события конфликтует с очевидцем события и носителем этого языка [14].

Далее, продолжая свои рассуждения, герой сообщает: *I could tell the solid contents of a cube, of a parallelopipedon, of a pyramid, of a globe (nearly), of a cylinder, and of a cone. The last was the figure that now interested me. I knew that a barrel was a pair of cones, — (hat isjtruncated cones, or frustums, — with the bases resting against each other. Of course, when I was taught how to measure a cone, I was also instructed to do the same with the frustum of one*² [1. P. 174]. Вопреки бессистемному обучению мальчика (о чем сообщается в начале произведения), таблица мер и жидкостей, наряду с основными стереометрическими формулами, входит в сознание маленького героя, демонстрируя триумф педагогической системы описываемого периода. В то же время на протяжении

¹ «К счастью, наш школьный учитель обучил нас еще и другим правилам измерения емкости. Я всегда удивлялся тому, что в школах простые, но полезные научные факты остаются в стороне, в то время как бедным мальчикам вколачивают в головы бесполезные и нелепые стишкы. Без всякого колебания скажу, что обыкновенные таблицы мер, которые можно выучить за неделю, имеют гораздо большую ценность для человека – даже для всего человечества, – чем отличное знание мертвых языков. Греческий и латынь – вот истинные преграды для развития наук!» [3. С. 407].

² Я знал объем куба, параллелепипеда, пирамиды, шара, цилиндра и конуса – последнее было мне теперь нужнее всего. Я знал, что бочка – это два конуса, то есть два конуса, усеченных параллельно основаниям, которые расположены одно против другого. Зная, как измерить обычный конус, я, конечно, знал, как измерить и усеченный [3. С. 407–408].

всего повествования у героя не возникает ни одной ассоциации, связанной с предшествующим культурным опытом, что существенно отличает его от героев современной беллетристики (в частности, мальчиков М. Твена¹). Так, например, очевидные аллюзии с робинзонадой не актуализируются в переживаемых ситуациях. В сущности, любая бесполезная информация (часто не связанная с эмпирикой) оказывается вытесненной за пределы сознания героя, чистый и практический разум (по И. Канту) совпадают в функциональном тождестве.

При этом Филипп Форстер обладает уникальным набором знаний, что особенно выделяет его из общей галереи персонажей Майн Рида.

Ключевым эпизодом, открывающим одну из закономерностей повествования в романе, становится следующий по ходу развития действия выбор единицы измерения: *I was myself that standard! You will now remember my having submitted myself to a measurement, which showed me to be four feet in length. Of what value that knowledge now proved to me! Knowing, then, my own height to be very nearly four feet, I could notch off that measure upon one of the sticks, which would give me a measuring rule of four feet in length. I proceeded to obtain this result without delay. The process was simple and easy*² [1. P. 186].

Несмотря на то, что рассказчик не приводит известной сентенции, данное им рассуждение актуализирует софизм Протагора: «Человек – мера всех вещей» (*I was myself that standard!*). Именно *Homo – mensura* становится определяющим в событийной ткани романа, соответствуя одной из апорий позитивизма О. Канта и нового эмпиризма Ф. Бэкона³.

Как уже отмечалось, сознание героя, при его телеологизме, существует вне каких-либо предельных оснований. В этом отношении *boy tar* предстает носителем ненормативного сознания, для которого не существует категорических императивов: поэтому он спокойно размышляет о самоубийстве, уничтожает крыс с холодностью и цинизмом взрослого человека и, наконец, ест убитых им животных. Морской волчонок Т. Майн Рида предстает квинтэссенцией героя массовой литературы (в том числе квазилитературы XX в., так называемых «графических романов», или комиксов [16]), утверждая безграничность человеческих (и сверхчеловеческих) возможностей, не знающих этических, а тем более эстетических ограничений.

Этот взгляд существенно корректируется при нарратологическом анализе произведения [14, 17]. В самом начале текста, в первой главе романа, представлена коммуникативная ситуация рассказывания. Рассказчик Филипп Форстер – находящийся в отставке шкипер, повествует о себе: *I have said that*

¹ Так, например, «Приключения Гекльберри Финна» (*The Adventures of Huckleberry Finn*) М. Твена демонстрируют своего рода донкихотовское восприятие действительности, преображающее современное время в читаемый и творимый героям роман.

² Я сам был единицей измерения! Если помните, я еще на пристани измерил свой рост и установил, что во мне почти полных четыре фута. До чего кстати пришлось это измерение! Теперь, зная, что во мне четыре фута, я могу отметить эту длину на палке, и таким образом у меня окажется четырехфутовая мера. Я сделал это без промедления. Дело оказалось простым и легким [3. С. 415].

³ Исходя из принципа сопряжения далеких [15], отметим принципиальное различие в национальных литературах рассматриваемого периода. Кажется показательным, что центральным событием 1859 г. в истории русской литературы становится появление романов-раздумий («Обломов» И.А. Гончарова, «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева), прямо противоположных по своему содержанию пафосу торжествующего позитивизма.

my fellow-villagers know very little about me, and you are no doubt surprised at this; since among them I began my life, and among them I have declared my intention of ending it. Their ignorance of me is easily explained. I was but twelve years of age when I left home, and for forty years after I never set foot in my native place, nor eyes upon any of its inhabitants¹ [1. Р. 3]. Достоверность повествуемого, определяемая репутацией рассказчика, с самого начала нарратории поставлена под сомнение: фактически никто из обитателей деревни не помнит Филиппа Форстера, а следовательно, отсутствует возможность верификации его рассказа.

Репутация рассказчика определяется в первой главе тремя основными координатами: *great traveler, wonderful scholar, great reader*. Отказываясь от первой и второй роли, Форстэр подчеркивает свою страсть к чтению, в то же время указывая на ценность практического опыта (коррелирующего с позицией мыслящего позитивиста, о чём сказано выше). Знаменательно, что единственными слушателями Филиппа Форстера являются школьники, находящие особый интерес в рассказах старого моряка. Рассказывая о таких беседах, Форстэр фактически сознается в том, что повествование для него эквивалентно про-(или пере-)живанию некогда произошедшей ситуации: *I am not ashamed to declare that I, too, felt pleasure in this sort of thing, like all old soldiers and sailors, who proverbially delight to «fight their battles o'er again»*² [1. Р. 5]. Все эпизоды, последовательно изложенные в главах романа, формально рассказываются Форстером в один из дней, избранных школьниками для беседы.

Следует отметить, что далее по тексту экзегетический и диегетический планы не соприкасаются, в силу чего возникает иллюзия синхронности рассказывания и рассказываемого в сюжете. Отметим, что этим определяется и *интрига* как важная составляющая нарративного приема, организующего действие авантюрного романа [8].

В то же время позиция экзегетического нарратора определяет архитектонику романа. Наращение эпизодов, осуществляемое по принципу *от простого к сложному*, предполагает последовательное усложнение задач, стоящих перед маленьким героем. В этом отношении день рассказывания заменяет день учения, а происходящее с двенадцатилетним мальчиком в своей логике и последовательности в большей мере соответствует композиции учительной книги [18]. Не вызывает сомнения, что все действия и обстоятельства поданы в этом рассказывании с позиции опытного и стареющего человека, уповающего на силы человеческого разума и возможности человеческой природы, с легким пренебрежением относящегося к гуманистарному знанию и воле Проридения.

Безусловно, структура художественного текста не может имитировать сознание человека. В силу этого дискретное сознание рассказчика Форстера

¹ Я сказал, что мои земляки мало знают обо мне, и вас это, конечно, удивляет. Ведь среди них я начал свою жизнь и среди них же собираюсь ее закончить. Но это легко объяснить. Двенадцатилетним мальчиком я ушел из дома, и в течение сорока лет нога моя не ступала на родную землю и глаза мои не видели никого из местных жителей [3. С. 215].

² Не стыжусь сказать, что я сам находит удовольствие в этих рассказах, как все старые моряки и военные, вспоминая прошлое, сражаются сызнова в давно минувших боях [3. С. 217].

как бы подменяется на выходе континуальным смысловым пространством текста. Идеальное сознание героя, равно как и невероятные, происходящие с ним приключения, воспринимаются в рамках определяемых текстом конвенций:

- 1) событие не рассказывается, а происходит в настоящем времени (время героя = настоящее время);
- 2) двенадцатилетний Филипп Форстер обладает разумом опытного человека (сознание рассказчика = сознание героя);
- 3) все случайности в романе носят непреднамеренный характер.

Таким образом, само *удовольствие от чтения* [14] неразрывно связано с конвенциями, принимаемыми читателем. Отступление от любой из этих конвенций «обнажает» прием, демонстрируя условность нарратива, ненадежность нарратории (*inreliable narration*), ставит под сомнение диегетический план повествования и разрушает иллюзию достоверности произведения. Исходя из эстетики Э.А. По, можно считать наиболее вероятным сознательное использование Т. Майн Ридом этого приема. Имея значительный опыт создания произведений для массового читателя, Рид создает роман, предполагающий наличие взаимоисключающих интерпретаций, что создает и усиливает напряжение между планами повествования.

В заключение отметим: и сознание двенадцатилетнего ребенка (*the boy tar*), и трюм, и путешествие во тьме (*Voyage in the Dark*) существуют исключительно в повествовании. Верифицировать данную информацию, равно как и определить достоверность сообщаемых о рассказчике сведений, невозможно. Однако текст демонстрирует «презумпцию доверия», построенную на внимательном отношении мальчиков к рассказам стареющего моряка. Таким образом, дискредитирующий себя нарратор (и, соответственно, нарратив) в то же время «оправдывается» наррататором – собирательным портретом юношества (*establishment for young gentlemen*), читающего книгу молодости стареющего капитана, писателя, фантазера. Подлинным чудом коммуникации здесь становятся фактичность и результ ativность рассказанного события не только для идеального, моделируемого адресата, эксплицированного в тексте фигурами слушающих мальчиков из английской школы, но и действительного, безусловно верящего читателя¹.

Литература

1. Reid Thomas Mayne. *The Boy Tar; or a Voyage in the Dark*. NY: James Miller Publisher, 1876.
2. Reid E. Mayne Reid. *A Memoir of His Life*. London, 1890.
3. Рид Т.М. Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма // Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1958.
4. Sutherland J.A. *Victorian Fiction. Writers, Publishers, Readers*. L., 1995.

¹ Говоря об эмпирическом читателе, сошлемся на результаты эксперимента, проводимого нами с 2012 по 2016 г (на материале текста в переводе Л. Рубинштейна) в 15 учебных коллективах (школ, гимназий, вузов). Свыше 85 % респондентов (преимущественно девушки от 14 до 20 лет), читавших роман впервые, показали, что *безусловно верят происходящим событиям*. Кроме того, 45 % испытуали комплекс *неполноты*, сравнивая свои интеллектуальные возможности с возможностями героя романа.

5. Johnson D.J. Robinson Crusoe and the Apparitional Eighteenth-Century Novel. *Eighteenth-Century Fiction*. 2015. Vol. 2. P. 239–261.
6. Ульман Г. Искатели приключений в новом свете. СПб., 2007.
7. Дрейфельд О. Воображаемый мир героя как понятие теоретической поэтики: к постановке проблемы // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2014. № 37. С. 63–65.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975.
9. Богоцерова А.А. Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 278 с.
10. Танасейчук А. Майн Рид. М.: Молодая гвардия, 2012.
11. Fernandez-Santiago M. Divination and Comparison: The Dialogical Tension between Self-Reflective Aesthetics and Sensational Motifs in Edgar Allan Poe's Dupin Series. *Poetics Today*. 2016. Vol. 37. P. 641–674.
12. Meyers J. Edgar Allan Poe: His Life and Legacy. Cooper Square Press, 1992.
13. Къеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академ. проект, 2014.
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
15. Хомук Н.В. «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Моби Дик, или Белый кит» Г. Мелвилла: формы эпизации в онтологическом реализме // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 136–153.
16. Kilgore C.D. Unnatural Graphic Narration: The Panel and the Sublime / *Journal Of Narrative Theory*. 2015. Vol. 1. P. 18–45.
17. Шмид В. Нarrатология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
18. Костюхина М. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2008.

THE EVENT OF STORY-TELLING IN THE NARRATIVE STRUCTURE OF *THE BOY TAR; OR, A VOYAGE IN THE DARK* BY THOMAS MAYNE REID

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 173–180. DOI: 10.17223/19986645/48/12

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: mass literature of the 19th century, positivism, empiricism, Victorian novel, fiction, narratology, narrator, narratee.

The article analyzes the story-telling event in the narrative structure of *The Boy Tar; or, A Voyage in the Dark* by Thomas Mayne Reid. Books by Mayne Reid (the so-called Captain Mayne Reid) were very popular among Russian readers at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (as well as books by Robert Louis Stevenson, James Fenimore Cooper, Jules Gabriel Verne and others); however, in Russia there is no tradition of research aimed at the study of his texts.

The Boy Tar was translated in Russian from French (*Le Petit Loup de Mer*) at the end of the 19th century and was titled *A Marine Cub; or, A Voyage in the Bottom of the Hold*. The chronotope of this adventure is very original: a single hero in a single chronotope, which correlates with adventure novels or Robinsonades. The author assumes that this experiment is connected with esthetics of E.A. Poe and his philosophy of composition. Poe wrote, that “method is more important than subject”, method is the main element of composition.

This construction should apply to an existential paradigm or phenomenology, but the worldview of the Boy tar is closely connected with the new positivism of Auguste Comte. Phillip Forster has an excellent ability to think and a real positivist consciousness. He solves different problems: finds water and food, fights with rats and kills them, and, finally, finds a way from the bottom to the top, to the deck. While traveling in the darkness (A Voyage in the Dark), with the motto *Excelsior*, he shall rise from darkness to light. The final plot point is the character’s coming to the surface; it marks a kind of crossing the border which allows to overcome the curse and become a sailor and, finally, the captain. The mythopoetic reflection is also presented in the title of the novel.

All the experience is determined by the narrative key “Homo-mesura” that is represented in the text (chapters “Excelsior” and “Quod erat faciendum”, a few episodes in his story-telling).

This method allows to perceive the perfect consciousness of the hero and his incredible adventures in the framework of conventions the text sets.

1. The event is not told. It takes place in real time (the character's time = the present).
2. The 12-year-old Phillip Forster has an experienced human mind (consciousness of the narrator = consciousness of the character).
3. The character's pure and practical reasons are equal.
4. All incidents in the novel are unintentional.
5. Most of the events happen in the dark.

Thus, the pleasure of reading is inextricably linked to the conventions adopted by the reader. Deviation from any of the conventions exposes the conditionality of the narrative, casts doubt on the diegetic narrative plan and destroys the illusion of the novel's authenticity

The conclusion states that the narrator discrediting himself (and through himself the narrative (unreliable narration)) is "justified" by the narratee – a collective portrait of the young (establishment for young gentlemen), reading a book of youth of the aging *master, writer, dreamer*.

References

1. Reid, T.M. (1876) *The Boy Tar; or, A Voyage in the Dark*. NY: James Miller Publisher.
2. Reid, E. (1890) *Mayne Reid. A Memoir of His Life*. London: Ward and Downey.
3. Reid, T.M. (1958) *Sobr. soch.: V 8 t. [Works: in 8 vols]*. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Sutherland, J.A. (1995) *Victorian Fiction. Writers, Publishers, Readers*. London: Palgrave.
5. Johnson, D.J. (2015) Robinson Crusoe and the Apparitional Eighteenth-Century Novel. *Eighteenth-Century Fiction*. 2. pp. 239–261.
6. Ul'man, G. (2007) *Iskately priklyucheniy v novom svete* [Adventurers in a new light]. St. Petersburg: LIK.
7. Dreyfel'd, O. (2014) Voobrazhaemyy mir geroya kak ponyatiye teoretycheskoy poetiki: k postanovke problemy [The imagined world of the hero as a concept of theoretical poetics: on the formulation of the problem]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 37. pp. 63–65.
8. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Bogoderova, A.A. (2011) *Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* [The plot situation of leaving in Russian literature in the second half of the 19th century]. Philology Cand. Diss: Novosibirsk.
10. Tanaseychuk, A. (2012) *Mayne Reid*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
11. Fernandez-Santiago, M. (2016) Divination and Comparison: The Dialogical Tension between Self-Reflective Aesthetics and Sensational Motifs in Edgar Allan Poe's Dupin Series. *Poetics Today*. 37 (4). pp. 641–674. DOI: 10.1215/03335372-3638166
12. Meyers, J. (1992) *Edgar Allan Poe: His Life and Legacy*. Cooper Square Press.
13. Kierkegaard, S. (2014) *Bolez'n k smerti* [The Sickness Unto Death]. Translated from English. Moscow: Akademicheskiy proekt.
14. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
15. Khomuk, N.V. (2014) Dead Souls by N. Gogol and Moby-Dick; or, The Whale by H. Melville: forms of epication in ontological realism. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 136–153. (In Russian).
16. Kilgore, C.D. (2015) Unnatural Graphic Narration: The Panel and the Sublime. *Journal of Narrative Theory*. 1. pp. 18–45.
17. Shmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Kostyukhina, M. (2008) *Zolotoe zerkalo. Russkaya literatura dlya detey XVIII–XIX vekov* [The Golden Mirror. Russian literature for children of the 18th–19th centuries]. Moscow: OGI.

УДК 82-1/-9
DOI: 10.17223/19986645/48/13

Н.Е. Никонова

**СОБРАНИЕ НЕМЕЦКИХ СОЧИНЕНИЙ И АВТОПЕРЕВОДОВ
В.А. ЖУКОВСКОГО: ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ ТЕХТЕ
ЕН REGARD И ЕГО МЕСТО В ЭДИЦИОННОЙ ИСТОРИИ
НАСЛЕДИЯ ПОЭТА¹**

*В статье освещаются основные принципы готовящегося научного издания немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского, для которого выбран формат *texte en regard*, предполагающий параллельное расположение оригинала и перевода. Цель статьи – осмысление содержательности этого формата и его места в истории мировой книжной культуры в контексте творческой биографии Жуковского-читателя, писателя, педагога и мыслителя, а также в эдикционной практике его наследия в XX–XXI вв.*

Ключевые слова: В.А. Жуковский, автоперевод, научное издание, *texte en regard*, литературный мультилингвизм.

В 2016 г. вышел в свет XI том первого Полного собрания сочинений и писем В.А. Жуковского [1, 2], завершающий издание сочинений и дневников поэта, осуществленное под руководством А.С. Янушкевича. Хотя впереди подготовка шести томов эпистолярия, промежуточные результаты этого эдикционного и исследовательского проекта в контексте современных тенденций в гуманитарной науке позволяют по-новому взглянуть на наследие первого русского романика, наставника царской фамилии и «гения перевода» и поставить очередные актуальные задачи, одна из которых связана с введением в научный оборот его иностранных сочинений и автопереводов.

Впервые к немецким сочинениям и автопереводам поэта обратился Д. Герхардт, опубликовавший более четырех десятилетий назад научную статью [3], в которой упоминается о более чем 10 поэтических текстах, о немецких вкраплениях в эгодокументах и немецких прозаических публикациях Жуковского. Справедливо заметив, что «если сравнивать с великим, ярким пламенем русских стихотворений, то те немногие немецкие искорки, которые отлетели от поэзии Жуковского и скоро были развеяны дуновением ветра XIX столетия, как и проза его немецких газетных статей, где он пытался отстаивать посреди революционной бури идеальный образ самодержавия и идеалы русской культуры, сегодня не привлекают внимания исследователей, не говоря уже об интересе читателей», Д. Герхардт заявил и о своем намерении «при случае представить те тексты, которые удалось полностью атрибутировать» [3. Р. 153]. Его плану не суждено было осуществиться, но невозможно оспорить актуальность воплощения задуманного им, сохранившуюся доныне. И если в середине 1970-х гг. немецкий славист рассматривал в каче-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 16-04-50012) и гранта Президента РФ (МД-4756.2016.6).

стве основания для подобного издания его значение для своих соотечественников, подчеркивая, что «наследие, которое нам оставил видный русский поэт, долгое время проживший на нашей земле, для того чтобы мы прочли его на нашем языке, заслуживают нашего почтения», то сегодня собрание немецких сочинений и автопереводов Жуковского «как факт важнейшего посредничества между Россией и Западом» [3. Р. 154] представляет интерес и для российского читателя.

В готовящееся издание войдут как минимум два десятка поэтических и прозаических текстов В.А. Жуковского на немецком языке, а также их русские варианты. При этом речь идет преимущественно о сочинениях, которые вышли в свет единственный раз, при жизни поэта в Германии, что позволяет избежать текстологических дискуссий о выборе канонического варианта произведения. В корпусе немецких произведений находятся 8 поэтических посвящений современникам (в частности, И.В. Гете и графине Ю. фон Эглоффштейн, супруге Е. фон Рейтерн, графине О. Бобринской, генералу И. фон Радовицу), 6 составивших изданный в 1850 г. «для немногих» немецкий том автопереводов стихотворений (включая «Сказку об Иване-царевиче и Сером Волке»), а также 3 публицистические статьи, напечатанные анонимно в германских газетах 1848–1850 гг., в том числе самый крупный и во многом итоговый прозаический очерк об И. Радовице. Из черновых рукописей предполагается извлечь 3 немецких автоперевода, выполненных собственно ручно в 1818 и 1850 гг., речь идет о переводах баллад «Эолова арфа», «Светлана» и «Узник», принципиально важных для понимания динамики творческого пути Жуковского-поэта, педагога и переводчика собственных произведений на немецкий язык.

Для первого научного издания немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского выбран формат *texte en regard*, предполагающий параллельное расположение оригинала и перевода. Такая композиция книги воплощает определенную форму художественного сознания, принципиально важную для понимания литературного метода поэта и его эпохи, и заслуживает отдельного разговора.

Со существование оригинала и его вариации на одном развороте книги или на одном листе манускрипта изначально восходит, как и сама история перевода, к бытованию священных текстов. Присутствие канонического религиозного текста выступает при этом манифестиацией его непреложной ценности и статуса, перевод же имеет вторичное, поясняющее значение, не претендующее на равноправие с подлинником. Наличие оригинала призвано демонстрировать принципиальную его непереводимость, а точнее, грань, не подлежащую забвению, но сам факт существования перевода визави с оригиналом утверждает возможность прикоснуться к неприкасаемому, к ранее недоступному. Формат *texte en regard* представляет собой особую форму билингвизма, появившуюся с изобретением книгопечатания, понятную и органичную для европейской словесности, сохранявшей и развивавшей полиглазковую доминанту на протяжении многих веков, предшествовавших закреплению национальных традиций в словесной культуре, в истории ее создания, чтения и издания. В истории книжной культуры формат постепенно приобретал новую функциональную нагрузку, соответствующую идеалам времени. Смысл со-

присутствия двух разноязычных текстов в эпоху Реформации и Просвещения несколько изменился; коммуникативная установка параллельного расположения текстов трансформировалась в получивших широкое распространение изданиях античных классиков: акценты сместились с подлинника на перевод, сменив признание абсолютного статуса канона, на первый план вышло внимание к переводу, его автору и его реципиенту.

Двухсторонняя содержательность параллельного представления текстов-эквивалентов является сущностной чертой исследуемого типа издания, ее предназначение видится главным образом в обнажении той границы взаимодействия, которую следует обнаружить, чтобы попытаться преодолеть, для успешного межкультурного контакта на территории словесности. Именно этот феномен назван М.Н. Виролайнен «продуктивностью непереводимости», не в узко лингвистическом смысле, но «в контексте языков культуры» [4]. Говоря о когнитивных механизмах речепорождения, исследователь подчеркивает особую продуктивность фиксации на границе, выводящей «субъект из состояния равенства себе и вовлекающей в новые связи», и приходит к справедливому выводу, что «одним из залогов продуктивности культуры является неоднородность» [Там же. С. 34]. Констатация этой неоднородности за счет демонстрации **гетерогенности языкового поля** и выступает основным содержанием, которое несет в себе архитектоника издания *texte an regard*.

Русская словесная культура первой половины XIX в. была выведена на путь продуктивного диалога с инонациональными традициями во многом благодаря усилиям В.А. Жуковского-педагога, редактора и переводчика. Содержательность и принципиальная важность эдиционной формы параллельного представления текстов оригинала и перевода для осмыслиения наследия поэта следует не только из опытов Жуковского-автора изданий, но в большей степени из его опытов как читателя, наставника и писателя, точнее, автора рукописей, в которых зафиксирована графика творческого процесса.

В дошедшем до нас фонде личной библиотеки романтика насчитывается более двух десятков книг, в которых перевод следует параллельно оригиналу, среди них французское и немецкое издания Горация 1803 и 1804 гг., вышедшие в Париже двухтомники сочинений Ювенала (1803) и Цезаря (1776), «Царь Эдип» Софокла (1828), «Одиссея» Гомера (1833) и др.; значительная часть произведений содержит пометы, записи, рисунки читателя. Однако параллельные издания выступают в круге чтения поэта не только в традиционной для себя роли (подспорья при изучении античных классиков), но становятся площадкой для креативной деятельности по порождению собственного дискурса, маркером активной читательской позиции, поскольку **прошивка книги дополнительными листами**, предназначенными для записей, с самого начала пути широко практиковавшаяся поэтом, является созданием собственного формата *texte en regard*. В параллельные Жуковским были переведены многие и многие издания, особо значимые, избранные. Не все вшитые листы оказались заполненными, но те из них, которые сохранили автографы поэта и его современников, несут богатый материал для исследования словесной и духовной культуры, а в некоторых случаях представляют важнейшие свидетельства живой (авто)коммуникации, не находящие аналогов в книжных собраниях русских классиков, как, например, экземпляры брошюры

И.Г.Б. Дрезеке, раскрывающие историю отношений с М. Протасовой и ее рефлексы на протяжении всей жизни романика.

Свои размышления о виде творчества, инспирированного соседствующим с подлинником незаполненным листом, Жуковский изложил предельно ясно и емко, оформив их в педагогическую и философскую концепцию, получившую в литературоведении название «философия фонаря». «Положите себе за правило каждый день наполнить одну страницу выписками, этого довольно: день не будет потерян. Когда все выписки кончатся, то перечитать книжку вместе с ними – это окончательное чтение все возобновит в мыслях и все приведет в порядок. Но эти выписки не займут всей этой белой книги, останется большая половина ее белою: она для дополнений. Что найдете в других книгах прямо прекрасного, такого, что может быть годно для *зажжения светлого фонаря*, то записывайте сюда; но еще более записывайте то, что придумаете сами» [7. С. 137]. Чистые листы должны были научить читать, переводить, размышлять: «...читать не для рассеяния, а для того, чтобы чтением дополнять уроки жизни; очистить и возвысить душу, дать мыслям ясность, порядок и полноту; яснее постигнуть свою цель и беспрестанно усиливать свое к ней стремление; читать не много, но много мыслить, дабы чужое обратить в собственное» [7. С. 137].

Опыты Жуковского-издателя отражают развитие парадигматических изменений в отечественной литературе, зарождение принципиально новой имагологической концепции, ориентированной на обоснование культурной самоидентификации за счет соотнесения с чужой литературой и искусством. Истоки художественного сознания Жуковского-издателя восходят во многом к его деятельности в «Вестнике Европы» (1807–1811), призванном представить традиции и инновации европейской культуры широкому кругу отечественных читателей в столицах и провинции. На страницах периодического издания по понятным причинам основным видом рецепции выступали публикации на русском языке, хотя это не воспрепятствовало созданию имеющихся самостоятельную ценность немецкого, английского и французского «текстов» [5, 6].

Форма *texte en regard*, к которой поэт обратился, задумав издание «Для немногих» (1818), ознаменовала продолжение этих экспериментов. Напечатанные параллельно оригиналам переводы из Шиллера, Гете, Уланда и других поэтов вобрали в себя творческие поиски в области вокального перевода, педагогические задачи, связанные с назначением учителем царской фамилии, и биографические мотивы, выразившие крушение надежд на брак с М.А. Протасовой. Издание само по себе представляло некоторую границу, как в личной и профессиональной судьбе Жуковского, так и в истории русского художественного перевода [8. С. 74–97].

Продуктивность полиязыкового мышления Жуковского-издателя получает новое оформление в конце 1820-х – начале 1830-х гг. в альманахах «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831), объединивших различные фрагменты на русском и иностранных языках. Исследователями убедительно показано, что эти проекты, как и предыдущие, воплощают в себе педагогические опыты Жуковского-воспитателя [9], получившего роль наставника великого князя, а также поиски новых форм словесного искусства [10]. Особый интерес пред-

ставляют варианты полилингвизма на страницах изданий: к соприсутствию оригинала и перевода, т.е. уже апробированному формату *en regard*, прибавляются новые формы, как поэтические, так и прозаические. В «Собиратель» наряду с обновленными редакциями переводов из Гердера, Гассе и Бюффона включаются фрагменты в стихах (из Шиллера, Гердера, Расина и др.) и прозе, не снабженные переводом или даже именем автора оригинала, при этом границы между рубриками, как и границы между языками, четко не обозначаются, поскольку конститутивный принцип экспериментального формата полиязыкового целого определяется идеей универсализма. Слияние чужого и своего текста под обложкой «журнала одного автора», родного и иностранных языков, прозы и поэзии оказывается продуктивным для выражения «своей философии человека», своей педагогики и актуальной для русской литературы «идеи синтетического искусства, романтического универсума» [11. С. 185].

Собравший переводы подопечных Жуковского-учителя царской фамилии «Муравейник» (1831) выразил оригинальную методику, в рамках которой «перевод служил не только средством закрепления в памяти сюжетов, о которых рассказывали лекторы», но «выступал в функции важного инструмента понимания и усвоения тех книг, которые ученики читали самостоятельно в свободное от занятий время» [9. С. 25]. Выросший из педагогической деятельности, а именно из переработок текстов, связанных с темами, пространством и ключевыми фигурами средневековой европейской истории, «Муравейник» стал отражением рефлексии, в которой поэт непосредственно приобщал своих учеников к различным культурным и литературным традициям. Эта практика чтения, перевода и издания возымела **государственное значение**. По замечанию Д. Ребеккини, она «подталкивала наследника к тому, чтобы тот сопоставлял гражданское и культурное развитие России с развитием других европейских народов и одновременно заимствовал многие важные культурные достижения последних», т.е. служила «прекрасным упражнением и в свете будущей политической деятельности монарха» [9. С. 26–27].

Финальный этап жизни и творчества поэта, связанный с женитьбой и переездом в Германию, получил свое воплощение в целом ряде опытов по переводу и изданию. На этот раз предметом исканий стали стратегии переноса собственных (как оригинальных, так и переводных) русских сочинений на немецкую почву, которые открыли новый канал трансфера родной словесности, новую перспективу самопозиционирования и рефлексии, продолжение педагогической деятельности при обучении русскому слогу членов своей семьи. Для поэтического сборника «Ostergabe für das Jahr 1850» («Пасхальный подарок 1850 года») были отобраны этапные стихотворения, при этом мотивы выбора текстов для автоперевода были продиктованы, как это свойственно Жуковскому, двумя в равной степени важными установками – индивидуально-личностной, происходящей из контекста творческой биографии, и коммуникативной, обеспечивающей успех или как минимум эквивалентное восприятие читателем-реципиентом. Поэтому автор собрания из шести поэтических творений представлял придворным поэтом, понятным немецкому современному репрезентантам духовного (высокого) литературного бидер-

майера, несущего к святому празднику Пасхи актуальные уроки жизненной христианской философии.

Открыл издание автоперевод поэтического фрагмента «Предназначение поэта» из статьи «О поэте и современном его назначении», который, как известно, составлен из стихов выполненного Жуковским перевода драмы немецкого драматурга Ф. Гальма «Камоэнс», однако об этом источнике в немецком сборнике не упоминается. Заглавное стихотворение заключало в себе поэтическую формулу, ставшую в русской культуре эмблемой поэтики Жуковского. Однако в составе немецкого календарного издания сентенция «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли!» обретала иную референцию, прочно связывая образ автора-поэта с концептосферой духовно-религиозной поэзии высокого бидермайера.

Вторым в сборник вошел еще один обратный перевод с немецкого – автоперевод одного из популярнейших у немецких читателей «Алеманнских стихотворений» (1803) классика бидермайера, «часто недооцениваемого автора стихотворений и календарных рассказов для народа» И.П. Гебеля, произведения которого «являются уже двести лет частью немецкого литературного и школьного канона» [12. С. 342]. На этот раз имя автора немецкого подлинника указывалось в подзаголовке «По мотивам одного из Алеманнских стихотворений Гебеля» («*Frei nach dem Alemannischen Gedichte Hebel's*»), связывая текст и имя его русского автора с богатой традицией народной поэзии. В то же время обратный перевод «Воскресного утра» задавал необходимую систему пространственно-временных констант миропредставления христианина-селянина: кладбище и церковь, утро и ночь, радость земной жизни, устроенной по религиозному порядку и открывающей путь к вечности.

Следующее третьим элегическое «An die See» («Море») обернулось в автопереводе трогательной любовной историей о возвышенном чувстве лирического героя, при этом образ моря в автопереводе воплощал женский лик возлюбленной [13. С. 232–235]. Именно этот ход посчитал удачным с точки зрения парадигматики субпереводчик Жуковского генерал Криг, считавший, что немецкое стихотворение определенно будет «иметь успех у дам» [Там же. С. 229–230].

Четвертым и самым крупным произведением немецкого собрания стала «Сказка об Иване царевиче и Сером Волке», русский подлинник которой, как отметила С.В. Березкина, «отразил личные впечатления поэта от пребывания при дворе русских императоров» и «тоскливо воспоминание о России», а также «идеал отношений царского сына с наставником» [15. С. 524]. Стратегия перевода сказки отличалась от способа обхождения с другими поэтическими творениями при переносе на немецкий язык. С одной стороны, сказка не нарушала народно-христианского колорита пасхального сборника духовных стихотворений как на уровне хронотопа, так и на уровне вербально-дискурсивного оформления образов центральных персонажей. В качестве ключевой обозначалась сцена пира по случаю венчания Ивана и Елены Прекрасной, куда царь Демьян «в соответствии с евангельским призывом» пригласил «всех и в том числе нищих», а в черновой редакции поэт упомянул также «глухих, немых, слепых, безногих и калек» [Там же. С. 525]. В речи

персонажей сказки в изобилии присутствуют маркеры, указывающие на их принадлежность духовно-религиозной парадигме мышления. Упоминания о Боге присутствуют в лексиконе царей, представляющих разные страны, нравы и, судя по всему, разные конфессии (Демьяна Даниловича и Далмата), а также в репликах волшебных персонажей (Серого Волка, Коня Златогрива, Кощея бессмертного и Бабы Яги), причем в немецком переводе этих упоминаний насчитывается больше, чем в русском оригинале.

С другой стороны, стратегию перевода «Сказки» в целом следует считать форенизирующей, т.е. передающей инаковость языкового и образного строя, поскольку соавторы попытались донести в переводе те смыслы, которые были в меньшей степени органичными принимающей лингвокультуре, чем поэтическая семантика контекста собрания немецких автопереводов. Сохранилось звучание имен персонажей благодаря транскрипции (Damian Danilowitsch, Klim Zarewitsch, Baba Jaga и др.), была применена система поясняющих знаков в отношении дословного перевода русских пословиц, устойчивых словосочетаний и поговорок. Среди более чем 20 отмеченных астериском фрагментов есть точные переводы выражений «служить верой и правдой» («Von jetzt an dien' ich dir, in Recht und Glauben!»), «давай Бог ноги!» («Gott geb' Füße!»), «долго ли, коротко ли» («Und dauert's wenig oder dauert's lange»), «утро вечера мудренее» («der Morgen // Ist weisser als der Abend») и др. Ко многим из них можно было бы отыскать эквиваленты, органичные немецкому фольклору, однако в задачи поэта входило, очевидно, сохранение аутентичной образности русского народного слога. В результате главным оригинальным творением русского поэта Жуковского в глазах читателей его собрания стихотворений выступала «Сказка».

Интересную перегласовку обрел предпоследний текст немецкого сборника – частичный автоперевод «Подробного отчета о луне» (1820), из «метатекста» которого в немецком варианте остались два фрагмента, что было засвидетельствовано в заглавии «Zwei Mondschein-Gemälde (Fragmente)» («Две картины при лунном свете (отрывки)»). Поэтическая семантика немецкого стихотворения лишена игровых, пародических аллюзий, выстраивающих русский «Отчет», естественным образом исчезают все интертексты поэзии Жуковского за исключением основного – селенологического, как и подзаголовок с указанием царского «адреса» заказчицы русского «Отчета», императрицы Марии Федоровны. В результате вниманию читающего по-немецки реципиента представляется контаминация, в которой смыслообразующей осью выступает движение от батальной зарисовки, полной горечи от осознания неизбежной обреченности ратников, к пейзажной зарисовке вида лунной ночи у пруда, открывающегося из монаршего дворца. Напоминание о войне с французами, объединившей Россию и Пруссию, в контексте русофобских настроений в немецком мире середины XIX в. вряд ли выбрано Жуковским случайно, как и пространство второй сцены, заявленное в начале («auf der Terasse des Zarenhauses» / «на террасе царского дома»). Две финальные строчки немецкого нерифмованного стихотворения соответствуют русским «Понятное знаменованье // Души в ее земном изгнанье: // Она небесного полна, // А все земным возмущена», вводя в заглавную позицию ожидающуюся читателем пасхального сборника календарной поэзии прописанную истину духовно-

назидательной литературы высокого бидермайера о неизбежной греховности человеческой души в бренном мире.

Наконец, заключительный автоперевод «Посвящения к поэме “Наль и Дамаянти”» представил характерную для немецкого бидермайера тему страсти, подведения итогов собственной земной, частной жизни, этапы которой оказались обозначенными посредством сменяющих друг друга женских образов «небесных сестер» Жуковского, вызвавших дискуссию в жуковковедении, не оконченную и сегодня [14. Р. 271–284]. «Посвящение» в составе финального немецкого сборника Жуковского могло быть эквивалентно воспринято и теми «немногими», кто не мог прочесть биографического подтекста, поскольку стихотворение представляло форму поэтической медитации, снискавшую широкую популярность в литературе бидермайера, с одной стороны, и традиционный жанр поэтического послания монаршей особе, принятый в кругу европейских придворных поэтов, – с другой. В то же время завершающее сборник сочинение выступало метафорой подведения итогов частного жизненного пути, увиденного сквозь призму дорогих сердцу поэта, обожествляемых им женских ликов. Обе эти концептосфера были понятны и приятны пietистским настроениям читателей религиозной поэзии немецкого бидермайера.

Словом, немецкое прижизненное издание избранных поэтических творений Жуковского представляло собой очередной творческий эксперимент, новое слово в русской литературе, важное в транслатологическом и в имагологическом плане. Своебразие этого эксперимента составила удачная, на наш взгляд, попытка **двойного самопозиционирования в оригинале и автопереводе**, реализация двух различных **способов субъективации в этих текстах**, и современное издание en regard способно наглядно представить эту стратегию автора.

Параллельное существование текстов-дублетов как эдиционная форма видится наиболее адекватным для презентации немецкоязычного наследия В.А. Жуковского еще и потому, что имеет свою историю и традиции благодаря стараниям известных филологов XX–XXI вв. Прежде всего, речь должна идти о двух сериях изданий стихотворений en regard, посвященных осмыслинию значения его переводов, составителем всех пяти книг выступил А.А. Гугнин. Впервые два тома зарубежной поэзии в переводах В.А. Жуковского, размещенных по соседству с оригиналами античной, английской, немецкой, французской и испанской поэзии (всего более 1200 страниц), вышли в 1985 г. В 1980–1990-х гг. в московском издательстве «Радуга» вышла целая серия изданий зарубежной поэзии в переводах русских классиков XIX–XX вв.: за двухтомником В.А. Жуковского (1985) [16] последовали соответствующие избранные переводы Б.Л. Пастернака (1990) [17], выполненные с семи языков, а также В.Я. Брюсова (1994) [18] – с пяти. На официальном сайте издательства эти «поэтические “билингвы”» доныне называются его гордостью.

Выбор формата в справочном аппарате открывшего серию издания стихотворных переводов Жуковского специально не объяснялся, однако комментарии были излишними в контексте ставшей классической статьи С.С. Аверинцева, вошедшей в сборник [16. С. 553–574]. Напомним, что ис-

следователь, привлекая преимущественно переводы с немецкого, обнаруживал истоки их колоссального значения для литературы и культуры в соответствии их основного содержания романтизму, определяя это содержание как «парадокс»: «парадокс Жуковского-переводчика» (гармония «переимчивости и субъективности») раскрывал «парадоксы более общего свойства». Во-первых, речь идет о «парадоксе недостижимого», реализующемся в художественном переводе, функция которого для романика заключается в «создании иллюзии достигнутого недостижимого», презентацию «неослабленного императива недостижимого», действующего и в том случае, когда «об экзотике говорить уже невозможно» [16. С. 559]. Во-вторых, исследователь отмечал исключительность частного типа первого парадокса, именуя его «парадоксом поэтического перевода» любой эпохи, т.е. того процесса, когда «иноязычное стихотворение, становящееся фактом родной литературы, родной культуры», удерживает «приметы своей изначальной принадлежности другой почве», являя собой «пример тождества в различии и различия в тождестве». Этот самый парадокс предельно точно передает форма *texte en regard*, свойственная, как мы увидели, художественному мышлению Жуковского-читателя, писателя и издателя.

На рубеже тысячелетий тремя отдельными параллельными изданиями в издательстве «Рудомино» Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы вновь вышли выбранные переводы немецкой, английской и французской поэзии, выполненные В.А. Жуковским [19–21]. «Немецкий том» получился почти вдвое объемнее двух других. Корпусы стихотворных текстов на русском и иностранном языках предварили вступительные статьи филологов-специалистов в сфере русско-европейских литературных связей: выступившего руководителем проекта и составителем сборников А.А. Гугнина, а также Н.Т. Пахсарьян и К.Н. Атаровой. Коллектив авторов специально сосредоточился на взаимоотношениях поэта-переводчика с англо-, франко- и немецкоязычной поэтической традицией. В данном случае наличие оригинала, как гласил анонс издания, прежде всего, должно было позволить «в полной мере оценить мастерство Жуковского-переводчика», соседство текстов на двух языках, следуя авторской концепции, имело пользу для владеющих обоими языками (отечественных и зарубежных) читателей, способных вынести собственное критическое суждение и о подлиннике, и о его эквиваленте, что вполне отвечало современным ожиданиям реципиента и актуальным стратегиям в эдиционной практике. Авторы серии изданий спрашивали замечали, что «было бы искусственно отделять, скажем, влияние» Томсона от влияния Сен-Ламбера и Делиля, «строго разграничивать роль Геснера и роль Ж.Ж. Руссо в становлении писателя» [20. С. 9]. Однако признавали и то, что «в сознании читателей Жуковский прежде всего переводчик античной и немецкой поэзии» [Там же. С. 5] и «традиционно и, в общем, верно, В.А. Жуковский предстает в истории литературы как любитель, знаток и переводчик античной, немецкой и английской поэзии» [21. С. 5]. Опыты «германофила В.А. Жуковского» (В.В. Лобанов) по переводу на немецкий язык собственных творений в приведенных издательских проектах практически не упоминались, однако в одном из примечаний к своей более поздней работе А.А. Гугнин пояснил, что «из-за ограниченного объема книги связи (и

переводы) В.А. Жуковского с немецкой литературой представлены здесь далеко не полностью» [22. С. 287].

По своему типу русско-немецкий литературный билингвизм Жуковского не беспрецедентен и соотносится с иноязычным наследием поэтов, подводивших итоги своего творческого пути вне пределов России, их наследие обратило на себя внимание исследователей главным образом в веке XX в связи с фигурами И. Бродского и В.В. Набокова. Английские тексты и автопереводы этих писателей, хотя и достаточно широко освещены в науке о литературе, отечественному читателю стали частично доступны в формате *en regard* лишь в последние годы, что также симптоматично и навеяно современными тенденциями в гуманитарном сознании и межкультурном диалоге. Отдельно стоит упомянуть о книгах издательства «Азбука-классика», представившего в 2007 г. серии параллельных изданий на русском и английском языках «Набережную неисцелимых» («Watermark») [23] и «Об Одене» («On Auden») [24] И. Бродского, а также последнее неоконченное сочинение В. Набокова «Лаура и ее оригинал» («The original of Laura») [25].

Собрание немецких сочинений В.А. Жуковского, как это свойственно научному изданию, объединит под своей обложкой не только иноязычные произведения и их русские эквиваленты, но и вступительные статьи о его немецком слоге, о методе и стратегиях перевода в целом, а также комментарии к немецким произведениям, в которых планируется представить результаты разысканий об истории и восприятии иноязычных опытов поэта в России и за рубежом, об особенностях того или иного автоперевода, о месте произведений в контексте его творческой биографии.

Научное издание немецкой поэзии и прозы позднего Жуковского в намеченной отечественными и зарубежными литературоведами парадигме понимания «мира Жуковского» выступает актуальной задачей, решение которой наметит новые пути осмысления иноязычного наследия русских классиков. Вписываясь в обозначенную традицию параллельных изданий, задуманное собрание представит впервые полный корпус автопереводов поэта, обнажив две стороны его творческой индивидуальности, а точнее, два ее художественных языка в их сопряженности.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (1-й полутом): Проза 1810–1840-х гг. / ред.: А.С. Янушкевич; редкол.: И.А. Айзикова, Э.М. Жилякова, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская. М.: Языки славянской культуры (Д.А. Кошелев), 2016. 1048 с.
2. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 11 (2-й полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / сост., вступ. ст., примеч. Д.В. Долгушкина; гл. ред. А.С. Янушкевич; редкол.: И.А. Айзикова, Э.М. Жилякова, В.С. Киселев, О.Б. Лебедева, Н.Е. Никонова, И.А. Поплавская. М.: Языки славянской культуры (Д.А. Кошелев), 2016. 664 с.
3. Gerhardt D. Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskij // Горски Вијенац а Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill. Cambridge, 1970. Р. 118–154.
4. Виролайнен М.Н. Продуктивность непереводимости // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухарину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н.А. Гуськов, Е.М. Матеев, М.В. Пономарева. СПб., 2015. С. 30–40.

5. Айзикова И.А. Место и роль английского текста в метатексте «Вестника Европы» 1807–1811 гг., периода редакторства В.А. Жуковского (на материале прозы) // Текст. Книга. Книгоиздание: науч.-практ. журнал. Томск. 2014. № 1(5). С. 7–18.
6. Айзикова И.А. Французский и немецкий тексты в пространстве «Вестника Европы» периода редакторства В.А. Жуковского (1807–1811): на материале прозаических сочинений // Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива и мифопоэтики. Томск, 2008. С. 48–60.
7. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / ред. коллегия: И.А. Айзикова, Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилякова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (глав. ред.). Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. 496 с.
9. Ребеккини Д. Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В.А. Жуковского (о сб. «Муравейник» 1831 г.) // Русская литература. 2016. № 3. С. 20–27.
10. Айзикова И.А., Матвеенко И.А. О сочетании переводной и оригинальной прозы В.А. Жуковского в «Собирателе» (к вопросу об эволюции прозы писателя) // Изв. Том. политехн. ун-та. 2003. Т. 306, № 2. С. 147–154.
11. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.
12. Екуч У. Литературный перевод между поэзией и прозой: О переводе «Неожиданного свидания» И.П. Гебеля Василием Жуковским // Petra Philologica: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н.А. Гуськов, Е.М. Матеев, М.В. Пономарева. СПб., 2015. С. 342–356.
13. Никонова Н.Е. «Море» В.А. Жуковского в немецких переводах // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2013. С. 225–246.
14. Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia. North-western University Press. 2015. 386 p.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / редкол.: И.А. Айзикова, Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилякова, Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева, А.В. Петров, И.А. Поплавская, Н.Б. Реморова, А.С. Янушкевич (глав. ред.). Т. 4: Стихотворные повести и сказки / сост. и ред. А.С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2009. 640 с.
16. Зарубежная поэзия в переводах Жуковского: в 2 т. М.: Радуга, 1985. 608 с.+ 640 с.
17. Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака / сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова; на англ., нем., фр., исп., польск., чешск. и венг. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1990. 640 с.
18. Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М.: Радуга, 1994. 894 с.
19. Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Рудомино: Радуга, 2000. 623 с.
20. Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского / сост. К.Н. Атарова, А.А. Гутнина; предисл. и comment. К.Н. Атарова. М.: Рудомино: Радуга, 2000. 367 с.
21. Французская поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 2001¹.
22. Гутнин А. Основные этапы истории немецко-русских и русско-немецких литературных связей // Балт. филол. курьер. Калининград. 2003. № 3. С. 287.
23. Набережная неисцелимых = Watermark: эссе / Иосиф Бродский. СПб.: Азбука-классика, 2007. 190 с.
24. Об Одене = On Auden / И. Бродский; [пер. с англ. Е. Касаткиной]. СПб.: Азбука-классика, 2007. 197 с.
25. Набоков В.В. Лаура и ее оригинал = The original of Laura: фрагменты романа / пер. с англ. Г. Барабтарло; под ред. А. Бабикова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 384 с.

¹ Помещенные в книге оригиналы стихотворений позволяют в полной мере оценить мастерство Жуковского-переводчика. Издание сопровождается вступительной статьей и расширенными филологическими комментариями Н.Т. Пахсарьян.

**V.A. ZHUKOVSKY'S COMPLETE WORKS AND SELF-TRANSLATIONS IN GERMAN:
THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC PUBLICATION AND ITS ROLE IN THE POET'S LITERARY HERITAGE PUBLISHING HISTORY**

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 181–193. DOI: 10.17223/19986645/48/13

Natalia E. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: self-translation, V. A. Zhukovsky, Russian-German literary bilingualism.

In 2016, Volume 11 of the *Complete Works and Letters* by V.A. Zhukovsky was published, which meant the end of the colossal effort of Tomsk philologists headed by A.S. Yanushkevich to prepare and publish the poet's writings and diaries. The results of this publishing and research project, obtained within the framework of modern tendencies in humanities, lead to a new perception of the heritage of the first Russian romanticist, who was also the mentor of the Royal family and a recognized "genius of translation". These results have set up vital tasks to introduce Zhukovsky's German writings and self-translated compositions into scientific discourse. The article highlights the basic principles of publishing and textology in the forthcoming edition, which includes more than twenty pieces of prose and poetry.

For the first scientific publication of Zhukovsky's German writings and self-translations the "texte en regard" format was chosen, in which the original text and its translation run parallel. This type of layout conveys a particular literary consciousness form, which is crucial to understand the literary method of the poet and his epoch. The aim of this article is to conceptualize the meaning of this format in the history of the world's book culture with reference to the creative work of Zhukovsky, who was a reader, a writer, an educator and a thinker all at the same time. In the article this format is also discussed from the point of view of the publishing history of Zhukovsky's cultural heritage in the 20th–21st centuries.

His work as an editor in *Vestnik Evropy* [Herald of Europe] (1807 – 18011), in the periodical *Dlya nemnogikh* [For the Few] (1818), in the anthologies *Kolleksioner* [The Collector] (1829) and *Muraveynik* [The Ant Hill] (1831) marked stages in Zhukovsky's experiments with foreign texts, and those experiments involved translation into Russian. The final stage of his life and creative work, associated with his marriage and leaving for Germany, was also reflected in his experimental work on translating and editing. During that stage his main interest was to find the most effective strategies of transferring his own (both original and translated) writings into the German context.

Another reason why the author considers the parallel existence of the text doublets as a creative form of consciousness, an ideal form to represent Zhukovsky's German cultural heritage is that this method has had its long history and traditions due to the efforts of the well-known philologists of the 20th–21st centuries, mainly to A.A. Gugnin.

The scientific publication of Zhukovsky's late German poetry and prose in the paradigm delineated by Russian and foreign researchers of "Zhukovsky's world" has definitely become an up-to-date task that will outline new ways to conceptualize Russian classics' literary heritage written in foreign languages. Fitting into the designated tradition of parallel editions, the intended completed works and self-translations in German is ground-breaking in the Russian publishing as it will represent for the first time all self-translations made by Zhukovsky and thus will reveal two sides of his creative individuality, or rather, its two literary languages, in their contingency.

References

1. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 11. Part 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Zhukovsky, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 11. Part 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Gerhardt, D. (1970) Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskij [Own and translated German poems of Zhukovsky]. In: *Gorski Vjenats: a Garland of essays offered to Prof. E.M. Hill*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Virolainen, M.N. (2015) Produktivnost' neperevodimosti [Productivity of untranslatability]. In: Gus'kov, N.A., Mateev, E.M. & Ponomareva, M.V. (eds) *Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Bukharkinu ko dnyu shestidesyatletiya* [Petra Philologica: To Professor Pyotr Bukharkin on his sixtieth anniversary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

5. Ayzikova, I.A. (2014) The place and role of the English text in the meta-text of “*Vestnik Evropy*” in 1807–1811, the period of VA Zhukovsky’s editorship (based on the prose). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 1(5). pp. 7–18. (In Russian).
6. Ayzikova, I.A. (2008) Frantsuzskiy i nemetskiy teksty v prostranstve “*Vestnika Evropy*” perioda redaktorstva V. A. Zhukovskogo (1807–1811): na materiale prozaicheskikh sochineniy [French and German texts in the space of *Vestnik Evropy* of the period of V.A. Zhukovsky’s editorship (1807–1811): on the material of prose works]. In: Kanunova, F.Z., Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. *Estetika i poetika perevodov V. A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa i mifopoetiki* [Aesthetics and poetics of V.A. Zhukovsky’s translations of the 1820s–1840s: the problems of dialogue, narrative and mythopoetics]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
8. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [V.A. Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Al’jans-Arkheo.
9. Rebekkini, D. (2016) Perevod kak instrument obrazovaniya v pedagogicheskoy deyatel’nosti V.A. Zhukovskogo (o sbornike “Muraveynik” 1831 goda) [Translation as a tool of education in pedagogical activity of Zhukovsky (on the collection “Muraveynik” of 1831)]. *Russkaya literatura.* 3. pp. 20–27.
10. Ayzikova, I.A. & Matveenko, I.A. (2003) O sochetanii perevodnoy i original’noy prozy V.A. Zhukovskogo v “Sobirately” (k voprosu ob evolyutsii prozy pisatelya) [On the combination of the translated and original prose of V.A. Zhukovsky in “Sobirateli” (on the evolution of the writer’s prose)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Izvestiya of Tomsk Polytechnic University.* 306:2. pp. 147–154.
11. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
12. Ekuch, U. (2015) Literaturnyy perevod mezhdu poeziey i prozoy. O perevode “Neozhidannogo svidaniya” I. P. Gebelya Vasiliev Zhukovskim [Literary translation between poetry and prose. On the translation of “An Unexpected Date” by I.P. Gebel by Vasily Zhukovsky]. In: Gus’kov, N.A., Mateev, E.M. & Ponomareva, M.V. (eds) *Petra Philologica: professoru Petru Ėgen’evichu Bukharinu ko dnyu shestidesyatletiya* [Petra Philologica: To Professor Pyotr Bukharkin on his sixtieth anniversary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Nikonova, N.E. (2013) “More” V.A. Zhukovskogo v nemetskikh perevodakh [“The Sea” by V.A. Zhukovsky in German translations]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Vinitsky, I. (2015) *Vasily Zhukovsky’s Romanticism and the Emotional History of Russia*. Northwestern University Press.
15. Zhukovsky, V.A. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V dvadtsati tomakh* [Complete works and letters: In twenty vols]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.
16. Gugnin, A.A. (1985) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Zhukovskogo v 2–kh tomakh* [Foreign poetry in the translations of Zhukovsky in 2 volumes]. Moscow: Raduga.
17. Pasternak, E.B. & Nesterova, E.K. (1990) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh B.L. Pasternaka* [Foreign poetry in the translations of B.L. Pasternak]. Moscow: Raduga.
18. Gindin, S.I. (1994) *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh Valeriya Bryusova* [Foreign poetry in the translations of Valery Bryusov]. Moscow: Raduga.
19. Gugnin, A.A. (2000) *Nemetskaya poeziya v perevodakh V.A. Zhukovskogo* [German poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
20. Atarova, K.N. & Gugnin, A.A. (2000) *Angliyskaya poeziya v perevodakh V. A. Zhukovskogo* [English poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
21. Pakhsar’yan, N.T. (2001) *Frantsuzskaya poeziya v perevodakh V. A. Zhukovskogo* [French poetry in the translations of V.A. Zhukovsky]. Moscow: Rudomino; Raduga.
22. Gugnin, A. (2003) Osnovnye etapy istorii nemetsko-russkikh i russko-nemetskikh literaturnykh svyazey [The main stages of the history of German-Russian and Russian-German literary relations]. *Balt. filol. kur’er.* 3. pp. 287.
23. Brodsky, J. (2007) *Watermark: essays*. St. Peterburg: Azbuka-klassika. (In Russian).
24. Brodsky, J. (2007) *On Auden*. Translated from English by E. Kasatkina. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
25. Nabokov, V.V. (2010) *Laura i ee original = The original of Laura: fragmenty romana* [The original of Laura: fragments of the novel]. Translated from English by G. Barabtarlo. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

УДК 82.091
DOI: 10.17223/19986645/48/14

Л.Ф. Хабибуллина

СИМВОЛИКА РАСТЕНИЙ В РАССКАЗЕ Д.Г. ЛОУРЕНСА «АНГЛИЯ, МОЯ АНГЛИЯ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОСТИ

В статье рассматривается рассказ Д.Г. Лоуренса «Англия, моя Англия» с точки зрения «растительной» символики. К моменту создания рассказа (1915) в английской литературе активно разрабатывается символический национальный «растительный» код. До середины XIX – начала XX в. этот процесс носил случайный, спонтанный характер, был связан с усилиями отдельных авторов, прежде всего поэтов. В начале XX в., когда тема заката империи актуализируется в английской литературе, стремление создать общий символический код уходящего мира становится более очевидным. Анализируемый рассказ наиболее показателен с этой точки зрения. В нем с помощью растительной символики создается типология английских характеров и анализируется предвоенная ситуация в стране.

Ключевые слова: английскость, Д.Г. Лоуренс, кельтский, саксонский, нормандский компонент, растительная символика, образ розы.

Рассказ Д.Г. Лоуренса «Англия, моя Англия» (1915) привлекал внимание отечественных литературоведов лишь косвенно, но, на наш взгляд, ему принадлежит одна из заметных ролей в формировании представления об «английскости» в литературе XX в. В английском литературоведении заметен анализ Р. Эббэтсона (Ebbatson), который в книге *An Imaginary England: Nation, Landscape and Literature, 1840–1920* (2005) рассматривает (и пересматривает) с точки зрения английскости произведения братьев Теннисон, Руперта Брука, Эдварда Томаса, Дэвида Лоуренса, завершая работу сопоставительным анализом двух издательских версий рассказа «Англия, моя Англия» в ракурсе эдвардианского фольклорного возрождения [1].

Отдельные компоненты концепции английскости начинают формироваться задолго до XX в. Одна из ведущих ролей здесь принадлежит, как нам представляется, исследованию разнообразия национальных типов на территории Англии и их влияния на английскую культуру, основу которому положил Мэтью Арнольд, считающийся многими авторитетными исследователями проблемы основоположником концепции английскости [2, 3, 4]. Мэтью Арнольд считал, что противоречивость национального характера англичан связана с сочетанием кельтских, англосаксонских (германских) и нормандских черт характера. М. Арнольд создает книгу «Об изучении кельтской литературы» (1893), поводом к написанию которой послужило его недовольство «филистерским» духом современной английской культуры и восхищение древней культурой кельтов, ставшее причиной насмешек над ним в критике. Говоря о необходимости изучения кельтской культуры, критик часто сравнивает греческую и кельтскую культуры [5. Р. 11, 32, 168], отмечает преимущества кельтской поэзии перед германской [Ibid. Р. 140–145]. Арнольд считал, что «германский дух» дает англичанам «сочетание уравновешенности и че-

стности», трудолюбие, упорство, верность природе (обеспечивает успехи в области пластических искусств), но и заурядность, обыденность, грубоcть. «Кельтские» черты характера – чувствительность, одухотворенность, непокорность, женственность. Эти черты в первую очередь способствуют развитию искусства, особенно поэзии. Соединение кельтских и германских черт ведет к успехам в живописи и порождает особый тип религиозности, свойственный англичанам (внутренне эмоциональная, вера англичан внешне рациональна). «Нормандский» дух проявился в энергичности и находчивости (что ведет к успехам в ораторском искусстве), но и в высокомерии и жестокости» [6]. Лекции Арнольда породили многочисленные дискуссии и стали, вероятно, одним из первых шагов в направлении тех широких исследований английской культуры, которые предпринимаются в XX в.

Определение Арнольдом роли кельтского компонента в английской культуре приводит к актуализации кельтского мифа, с одной стороны, и попытке выяснения внутреннего символического смысла английского национального характера – с другой. Идеи Арнольда подхватывают представители модернистской литературы. В литературе, близкой к модернизму, полемика с викторианской эпохой приводила к трансформации не столько национальной проблематики, сколько форм ее выражения. Например, в творчестве Д.Г. Лоуренса, Р. Олдингтона тема Англии была одной из ведущих, но глубокое осознание кризиса викторианских ценностей заставляет этих авторов в основном анализировать их крушение в современном обществе, что ведет и к отображению кризиса английских национальных ценностей в целом, так как они осознаются этими авторами в неразрывной связи с викторианством. Так, в романе Р. Олдингтона «Смерть героя» кризис викторианских ценностей становится главной темой произведения. Смерть главного героя, Джорджа Уинтерборна, объясняется в первую очередь его стремлением выйти из ситуации кризиса. Роман идеологически чрезвычайно близок к рассказу Лоуренса, отличаясь лишь способами выражения и смысловыми оттенками, вытекающими из системы ценностей каждого из авторов. Д.Г. Лоуренс относится к тем авторам, которые много размышляли о кризисе в Великобритании в до- и послевоенные годы, но рассматривали этот кризис не столько в социальном плане, сколько в культурном. Благодаря таким авторам, как Р. Киплинг, Д. Лоуренс, в начале XX в. разрабатывается символический «язык» английской культуры, который позволяет создать мифологию нации в кризисный период. Значение символического языка в творчестве Лоуренса привлекало внимание исследователей в целом, на примере его крупных произведений [7, 8, 9], однако символика растений в рассказе «Англия, моя Англия» не рассматривалась.

В рассказе Д. Лоуренса «Англия, моя Англия» воссоздается одновременно жизнеподобная (действие привязано к периоду до Первой мировой войны) и символическая картина английской жизни, где концепция национального характера предстает уже в мифологизированном варианте с характерным для модернизма акцентированием культурного компонента как имманентного свойства национального характера.

На первый взгляд Лоуренс создает вполне реалистическую картину предвоенной жизни английской семьи, описывая ситуацию, в которой молодые супруги, Эгберт и Уинифрид, не смогли справиться с бытовыми проблемами и, несмотря на взаимную любовь, потеряли свое семейное счастье. Образная система рассказа воплощает вполне узнаваемые типы представителя нежизнеспособной аристократии (Эгберт) и мощной буржуазии (отец Уинифрида, Годфри Маршалл). Эгберт, обладая несомненными достоинствами (красота, внутренняя сила, любовь к английской старине, культуре), оказывается не в силах содержать семью, отстраняется от жены и детей и, в конце концов, ощущая свою ненужность, отправляется на войну (речь идет о Первой мировой войне) и погибает там. Роль защитника семьи достается его тестю, уверенному в себе, способному поддержать дочь и внуков. Изображение конфликта между этими группами далеко не новость в английской литературе, достаточно вспомнить произведения Дж. Голсуорси или других представителей английского реализма. Отличие произведения Лоуренса в способе подачи ситуации, в том, что конфликт переведен из социально-бытового в символический план, что позволяет писателю выйти за пределы бытового (неспособность Эгберта содержать семью) и исторического (проблемы «потерянного поколения», нелепо гибнущего во время Первой мировой войны) конфликтов и продемонстрировать неизбежность ухода в прошлое целого типа людей, представлявших некогда неотъемлемую часть Англии, ее культуры, ее сущности. Одним из способов создания мифологизированной картины мира в творчестве Д.Г. Лоуренса становится широкое использование «растительной» символики, значение которой для писателя отмечает большинство исследователей [7. Р. 411–413; 8. С. 17]¹.

Растительные образы предстают в произведении двояко: во-первых, непосредственно как часть английской природы, древняя Англия, воплощенная в образе сада: «...белые и лиловые водосборы, огромные яркие маки, алые, с черными прожилками: статные желтые коровяки – весь этот пламенеющий сад, который и тысячу лет назад уже был садом, возделанным в лощине среди змеиных пустошей. Старина, седая старина!» [9] (см. «...purple and white columbines, and great oriental red poppies with their black chaps and mulleins tall and yellow, this flamy garden which had been a garden for a thousand years, scooped out in the little hollow among the snake-infested commons. He had made it flame with flowers, in a sun cup under its hedges and trees. So old, so old a place!» [11]). Образ Англии-сада, который одновременно является Старой Англией, «Англией деревушек и йоменов», поддерживается на протяжении всего рассказа и противопоставляется Лондону. Образ сада обрамляет рассказ, возвращаясь в finale практически теми же образами: «Еще этим летом сад заблистает лазурью воловиков, пурпуром огромных маков; мягко закача-

¹ Например: «В поэтике Лоренса решающую роль играет символическое использование образов цветов (недолговечной розы, вечно цветущего зеленого остролиста, хризантемы – символа скорби, печали, увядания, смерти, полевой маргаритки – символа хрупкости и уязвимости, белого шиповника, передающего целую гамму разнообразных внутренних состояний героя от мук неразделенной любви до упоения счастьем) и деревьев, отражающих веками сложившуюся традицию, согласно которой они являются естественными символами жизненного процесса, стимулирующими такие черты, как жизнеспособность и умение выстоять в самых тяжких ситуациях» [8. С. 17].

иот станом на ветру пушистые коровяки, его любимцы, а ночью, под уханье филина, жимолость будет струить свой аромат, сладостный, точно воспоминание» [10] («This summer still it would flame with blue anchusas and big red poppies, the mulleins would sway their soft, downy erections in the air: he loved mulleins: and the honeysuckle would stream out scent like memory, when the owl was whooing» [11]). Во-вторых, символизм растений проявляется в характеристике главных героев через ключевые образы художественного мира Лоуренса – Дерева и Розы [9. С. 19].

Символика цветка. На протяжении всего рассказа противопоставляются два английских типа. Первый, представленный образом главного героя рассказа, Эгберта, вбирает в себя одновременно два национальных компонента – нормандский («синие острые глаза – глаза викинга» [10]), для которого характерны аристократизм, высокомерие, закрытость, и кельтский, который характеризуется артистизмом, народностью, органической связью с природой: «Эгберт же был прирожденной розой. Поколения породистых предков наградили его пленительной и непринужденной пылкостью. Он не стал познаниями или способностями, пускай хотя бы к «сочинительству», – нет. Но в музыке его голоса, в движениях гибкого тела, в упругости мускулов и блеске волос, в чистой, с горбинкой, линии носа и живости синих глаз было не меньше поэзии, чем в стихах» [10] («And Egbert was a **born rose**. The age-long breeding had left him with a delightful spontaneous passion. He was not clever, nor even 'literary'. No, but the intonation of his voice, and the movement of his supple, handsome body, and the fine texture of his flesh and his hair, the slight arch of his nose, the quickness of his blue eyes would easily take the place of poetry» [11]). Система ассоциаций, связанная с образом Эгберта, – это юг, аристократизм, музыка, танец моррис, свобода, сталь, роза.

Роза символизирует одновременно и аристократизм, и культуру, а также неприспособленность к жизни, характерные для представителей интеллигентской среды периода начала XX в.: «...этот баловался живописью, тот пробовал сочинять или лепить, третий музиковал» [10] («...tampering with the arts, literature, painting, sculpture, music» [11]).

Еще одна «аристократическая» – ассоциация «полевые лилии, кои не утрутся, не прядут» [10] (буквально: «Her mother once said to her, with that characteristic touch of irony: 'Well, dear, if it is your fate to consider **the lilies, that toil not, neither do they spin**, that is one destiny among many others, and perhaps not so unpleasant as most. Why do you take it amiss, my child?'» [11]) – возникает в разговоре об Эгберте членов его семьи. Библейская цитата, произнесенная с иронией тещей героя, активизирует аристократическую символику в сниженном варианте: «...этот цветок уже давно вымахал в полный рост, и она не хочет тратить жизнь на то, чтобы созерцать его в расцвете его красоты» [10] («But as for that other tall, **handsome flower** of a father of theirs, he was full grown already, so she did not want to spend her life considering him in the flower of his days» [11]). Эгберт, не берущий на себя ответственность за семью, стремящийся жить свободно, «как лилии полевые», не имеет связи с практической деятельностью, неспособен противостоять жизненным проблемам. Его вина ярче всего проявляется в сюжете с ранением дочери, которое происходит от небрежности отца, сюжет вины завершается закономерной

гибелью персонажа на войне, ставшей венцом его неприспособленности к реальной жизни. Эта временность, недолговечность постоянно подчеркивается в образе Эгберта: «Он был как садовый цветок, который трепещет на ветру жизни, а потом осыпается, словно его и не было» [10].

Тем не менее этот образ противоречив. Жена главного героя, Уинифрид, после травмы дочери находит утешение в римской католической церкви, которая противопоставляется Эгбертовой тоске «по старым богам», воплощенной в символическом образе змеи: «...тайство кровавых жертвоприношений – все, утраченной ныне силы, ощущения первобытных обитателей этих мест, чьими страстями воздух был насыщен с тех стародавних времен, когда еще не приходили римляне» [10]. Так намечается еще одна система противопоставлений: огонь – холод, смерть – жизнь, церковь – древняя вера: «Точно языческий идол, осиянный светом, он был призван сюда ей на погибель – светозарный идол жизни, готовый торжествовать победу» [10]. В этом противопоставлении, напротив, подчеркивается жизненная сила Эгберта, сила древней Англии. Поддерживает образ отца и любовь его дочери, Джойс, чья система символов – воздух, белый полевой цветок и «вакхическая отвага», воспринятая от Эгберта. Эта любовь не зависит от отношения к герою остальных персонажей рассказа, она дается ему, невзирая на его виновность в увечье дочери, как природный, естественный дар, как и все в его жизни.

Сближение аристократического компонента с народным, а также с компонентом культуры является на тот момент новым для английской литературы и воплощает тот комплекс ценностей, который наиболее явно уходит в прошлое, и становится частью «старой Англии». «Цветочная» символика используется для обозначения аристократических ценностей и ценностей культуры (фольклора). Недолговечность и красота цветка обозначают исчезновение этой системы ценностей. Образ Эгберта становится воплощением всех этих уходящих качеств и поэтому вызывает симпатию, как и они сами, но эти же качества предопределяют его гибель.

Символика дерева. Жена Эгберта, Уинифрид воплощает саксонский компонент: «...румяная, крепкая, с какой-то грубоватой истовой основательностью, налитая здоровьем, как ветка боярышника» [10] («...ruddy, strong, with a certain crude, passionate quiescence and a hawthorn **robustness**» [11]). Облик Уинифрид последовательно ассоциируется с кустарником: «Она двигалась со сдержанной грацией, как если бы куст, весь в пунцовом цвету, пришел в движение» [10]. Эта ассоциация поддерживается и рядом «ореховых» сравнений: Волосы у нее были ореховые, кудрявые, все в тугих завитках. У нее и глаза были ореховые, ясные, словно у птицы малиновки» [Там же] (см.: «Her hair was **nut-brown** and all in energetic curls and tendrils. Her eyes were **nut-brown**, too, like a robin's for brightness» [11]). Таков же облик всей ее семьи: «Отец и три дочери, плотно сбитые, полнокровные, были исконным порождением английской земли, как остролист или боярышник. Культура была привита им извне – так, наверное, можно привить садовую розу на куст терновника. Она принялась, как ни странно, но кровь, текущая в их жилах, от этого не изменилась» [10] («The girls and the father were strong-limbed, thick-blooded people, true English, as **holly-trees** and hawthorn are English. Their culture was grafted on to them, as one might perhaps graft a common pink rose on

to a **thornstem**. It flowered oddly enough, but it did not alter their blood» [11]). Представители семьи Уинифрид, особенно отец, даются через целый ряд «древесных» сравнений: «Ее фамильное дерево принадлежало к тому жизнестойкому виду растительности, чье назначение – тянуться вверх и уповать на лучшее» [10] («Her **family tree was a robust** vegetation that had to be stirring and believing» [11]). Ее отец «хранил в себе своеобразную веру – веру терпкую, точно сок неистребимого живучего дерева. Просто веру, слепую и терпкую, – так сок в дереве слеп и терпок и все же с верой пробивается вверх, питаю собою рост. Возможно, он был не очень разборчив в средствах, но ведь дерево не очень разбирается в средствах, когда в стремлении выжить продирается к месту под солнцем сквозь чащобу других деревьев» [10] («In a dark and unquestioning way, he had a sort of faith: an acrid faith like the sap of some not-to-be-extinguished **tree**. Just a blind acrid faith as sap is blind and acrid, and yet pushes on in growth and in faith. Perhaps he was unscrupulous, but only as a striving tree is unscrupulous, pushing its single way in a jungle of others» [11]).

Такая вера определяется Лоуренсом как единственный способ выживания. Годфри Маршалл постоянно определяется через понятие «сила» – «сила цельной натуры». Кроме того, он ассоциируется с огнем: «...горел, дымился в нем древний факел родительской божественной власти» [10] («...still burning in him, the old smoky torch or paternal godhead» [11]). Эта сила и отцовская власть выступают в рассказе как естественное порождение английской почвы. Именно отец в рассказе поддерживает семью дочери, является ее опорой, берет на себя те функции, которые главный герой взять не в состоянии. Противопоставление двух мужчин, двух типов личности, с одной стороны, подчеркивает неспособность Эгберта переносить тяготы реальной жизни, с другой – неспособность родителей Уинифрид и отчасти ее самой принять природу ее мужа.

Существенно, что в отличие от многих писателей Лоуренс не представляет буржуазию, которую очевидно воплощает семья Уинифрид, как нечто чуждое Англии, как внешний, уродующий ее элемент. «Древесная» символика позволяет рассмотреть этот тип людей тоже как плоть от плоти породившей их земли. Женские образы у Лоуренса традиционно воплощают природную мудрость, однако в этом рассказе образ Уинифрид противоречив. Известны антихристианские взгляды писателя, и, связывая героиню с католической церковью, он подчеркивает ее отгороженность от жизни, противопоставляя главному герою с его связью с английской древностью и языческими богами. Таким образом, оба типа укоренены в английской почве, но испытания, выпавшие на долю героя (увечье дочери, разрыв с семьей, война), оказываются непосильными для его хрупкой природы, и его уход из жизни демонстрирует уход в прошлое важной части английского мира.

Д.Г. Лоуренс – один из тех авторов, которые начинают отказываться от социальных определений национальных характеров и принимают участие в создании системы символов, закрепленной за английским, делая очередной шаг к созданию национального мифа (см.: [12]). Растительная символика становится одной из важнейших в английском национальном мифе, учитывая то, насколько глубоко осознается ценность природы, пейзажа в культуре Англии. Такой тип символизации становится важнейшим признаком укорененно-

сти героя в английской почве, а сама система символов создает мифологизированный образ Англии как древней земли, чьи тайны остаются непостижимыми для человека.

Литература

1. Ebbatson R. An Imaginary England: Nation, Landscape and Literature, 1840–1920. Ashgate, 2005. 278 p.
2. Gikandi S. The Ghost of Matthew Arnold: Englishness and the Politics of Culture // Nineteenth-Century Contexts. Vol. 29. Nos. 2–3, June / September 2007. P. 187–199.
3. Leerssen J. Englishness, Ethnicity and Matthew Arnold // European Journal of English Studies. Vol. 10. No. 1. April, 2006. P. 63–79.
4. Kelleher, J. ‘Matthew Arnold and the Celtic Revival’. Perspectives of Criticism / Ed. Harry Levin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950. P. 197–221.
5. Arnold M. On the study of Celtic literature. Lnd.: Smith, Elder and Co, 1867. 181 p. <https://books.google.co.uk/books?id=hysCAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
6. Соколова Н. Викторианец об англичанах: к проблеме осмыслиения национальной идентичности в контексте эпохи // Проблемы идентичности, этноса, гендеря в культуре и литературе Старого и Нового Света / под ред. Ю.В. Столова. Минск, 2004. С. 54–62.
7. Rivers B. Winter-Crack Trees: Botanical Symbolism and D.H. Lawrence’s 1914 Revisions of Odour of Chrysanthemums // Notes and Queries. 2012. № 59 (3). P. 411–413. <https://nq.oxfordjournals.org/content/59/3/411.full.pdf+html?sid=951fadd-e14c-4d53-a94e-153168d38250> (дата обращения: 25.10.2016).
8. Антонова К.Н. Художественный мир прозы Д.Г. Лоренса 1910-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 24 с.
9. Абелян М.К. Функционирование мифологических образов в творчестве Дэйвида Герберта Лоренса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
10. Лоуренс Д.Г. Англия, моя Англия / пер. с англ. Л. Ильинской. URL: http://lib.ru/INPROZ/ CHATER/r_england.txt (дата обращения: 25.04.2010).
11. Lawrence D. H. England, My England // <https://ebooks.adelaide.edu.au/l/lawrence/dh/l41en/chapter1.html> (дата обращения: 20.11.2016).
12. Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань: ТГППУ, 2009. 611 с.

THE SYMBOLISM OF PLANTS IN D.H. LAWRENCE’S STORY “ENGLAND, MY ENGLAND” IN THE CONTEXT OF ENGLISHNESS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 194–201. DOI: 10.17223/19986645/48/14

Liliya F. Khabibullina, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: fuatovna@list.ru

Keywords: Englishness, D.H. Lawrence, Celtic, Saxon, Norman, vegetative symbols, image of rose.

The article deals with the story “England, My England” (1915) by D.H. Lawrence which plays a prominent role in shaping the idea of *Englishness* in the literature of the twentieth century, based on the investigations of the 19th century. At that time one of the leading roles here belonged, in the author’s opinion, to the study of the diversity of national types in England and their influence on English culture in works by Matthew Arnold, who is considered by many researchers as the founder of the concept of Englishness. In the article the author studies the system of characters and the “plant” symbolism in connection with national types. The analysis of the characters allows to make a conclusion about the author’s conception of Englishness. In the story, D.H. Lawrence creates a realistic (the action took place in the period before World War I) and at the same time symbolical picture of life in Britain, where the concept of national character appears in its mythological version with the typical modernist emphasis on the cultural component as an immanent feature of national character. The mythological picture of the world in the story by D.H. Lawrence is created using “vegetative” symbols. Images of plants appear in the story in two ways: first, directly as part of the English countryside, ancient Eng-

land, embodied in the form of a garden; second, as characteristics of the protagonists through Lawrence's key images of the fictional world – a Tree and a Rose.

The study revealed that the “flower” symbols are used in order to embody the aristocratic values and the values of culture (folklore). The fragility and beauty of the flower represent the disappearance of this system of values. Characters which are connected with the series of “tree” comparisons demonstrate the force and power as the natural procreation of the English land. Implicitly the “flower” and the “tree” symbols are connected with aristocracy and bourgeoisie, but Lawrence does not give strict social characteristics, he prefers the language of symbols. It is important that Lawrence does not consider the bourgeoisie as something alien to England, as an external element. “Tree” symbolism allows to consider this type of people as fruits of the land. The research demonstrates that vegetative symbolism becomes most important in the British national myth, if to understand how important the value of nature and landscape in the culture of England is. This type of symbolization becomes a major feature of the rootedness of the character in the English land. The system of vegetative images creates a mythologized image of England as an ancient land whose secrets remain incomprehensible to us.

References

1. Ebbatson, R. (2005) *An Imaginary England: Nation, Landscape and Literature, 1840–1920*. Ashgate.
2. Gikandi, S. (2007) The Ghost of Matthew Arnold: Englishness and the Politics of Culture. *Nineteenth-Century Contexts*. 29:2–3, June/September 2007. pp. 187–199.
3. Leerssen, J. (2006) Englishness, Ethnicity and Matthew Arnold. *European Journal of English Studies*. 10:1. April 2006. pp. 63–79.
4. Kelleher, J. (1950) Matthew Arnold and the Celtic Revival. In: Levin, H. (ed.) *Perspectives of Criticism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Arnold, M. (1867) *On the study of Celtic literature*. London: Smith, Elder and Co. [Online] Available from: <https://books.google.co.uk/books?id=hysCAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
6. Sokolova, N. (2004) Viktorianets ob anglichanakh: k probleme osmysleniya natsional'noy identichnosti v kontekste epokhi [A Victorian about the British: to the problem of understanding national identity in the context of the era]. In: Stulov, Yu.V. (ed.) *Problemy identichnosti, etnosa, gendera v kul'ture i literaturakh starogo i novogo sveta* [Problems of identity, ethnicity, gender in culture and literature of the old and new world]. Minsk: Propilei.
7. Rivers, B. (2012) Winter-Crack Trees: Botanical Symbolism And D. H. Lawrence's 1914 Revisions Of Odour Of Chrysanthemums. *Notes and Queries*. 59 (3). pp. 411–413. [Online] Available from: <https://nq.oxfordjournals.org/content/59/3/411.full.pdf+html?sid=951fadd-e14c-4d53-a94e-153168d38250>. (Accessed: 25th October 2016).
8. Antonova, K.N. (2011) *Khudozhestvennyy mir prozy D.G. Lorensa 1910-kh godov* [The artistic world of D.G. Lawrence's prose of the 1910s]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Abelyan, M.K. (2012) *Funktzionirovanie mifologicheskikh obrazov v tvorchestve Deyvida Gerbera Lorensa* [The functioning of mythological images in the works of David Herbert Lawrence]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Lawrence, D.H. (1915) Angliya, moya Angliya [England, My England]. Translated from English by L. Il'inskaya. [Online] Available from: http://lib.ru/INPROZ/CHATER/r_england.txt. (Accessed 25th April 2010).
11. Lawrence, D.H. (1915) *England, My England*. [Online] Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/l/lawrence/dh/l41en/chapter1.html>. (Accessed 20th November 2016).
12. Breeva, T.N. & Khabibullina, L.F. (2009) *Natsional'nyy mif v russkoy i angliyskoy literature* [The national myth in Russian and English literature]. Kazan: Tatar State University of Humanities and Education.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.4
DOI: 10.17223/19986645/48/15

О.Е. Осовский, В.П. Киржаева

С.И. ГЕССЕН И «РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ»: ИЗ ИСТОРИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.¹

В статье рассматривается деятельность выдающегося российского философа и педагога С.И. Гессена как редактора и автора журнала «Русская школа за рубежом», сыгравшего важнейшую роль в истории педагогической журналистики русской эмиграции 1920-х – начала 1930-х гг. Представлен анализ переписки С.И. Гессена по редакционным вопросам с парижскими «Современными записками» и проблематики его журнальных публикаций самого широкого жанрового спектра – от теоретических статей до обзоров и рецензий.

Ключевые слова: С.И. Гессен, журнал «Русская школа за рубежом», педагогическая журналистика российского зарубежья, культурно-образовательное пространство русской эмиграции «первой волны».

Творческое наследие Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950), выдающегося философа и педагога, велико и многогранно. Приближающееся 130-летие кажется достаточным поводом для того, чтобы обратиться к анализу тех сторон его деятельности, которые не становились предметом специального изучения. С.И. Гессен достаточно известен отечественному читателю: издание его философских и педагогических трудов на рубеже 1990–2000-х гг. (см.: [1, 2, 3]), немалое число посвященных ему книг, статей и диссертаций (см., например: [4–14]), исследование отдельных этапов его биографии, в частности периода «Логоса» (см.: [15, 16]) и научно-педагогической деятельности в Томском университете [17, 18, 19]², тому подтверждение.

В центре нашей статьи – деятельность С.И. Гессена как одного из организаторов педагогической журналистики русской Праги 1920-х – начала 1930-х гг. Хотя С.И. Гессен публиковался в таких пражских изданиях педагогической направленности, как «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей школы», «Вестник самообразования», выступал по проблемам воспитания и образования в пражской русской периодике («Своими путями», «Воля России» и др.), журнал «Русская школа за рубежом» (далее в тексте – «РШЗР»), без преувеличения, остается главным средством трансляции его педагогических идей. Инициатива пригласить С.И. Гессена в качест-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 16-06-00501 по проведению научных исследований («Научная деятельность Николая Адольфовича Ганца (1888–1969) – неизвестная глава истории русской эмигрантской и западноевропейской педагогической компаративистики XX века»).

² Напомним, что свои «Основы педагогики» он посвятил именно «памяти историко-филологического факультета Томского университета (1917–1921)» [20. С. 5].

ве редактора журнала принадлежала известному лингвисту и педагогу С.И. Карцевскому (см.: [2. С. 748]). Очевидно, что это решение было продиктовано не только растущим авторитетом ученого как ведущего теоретика педагогики, но и его опытом редакторской деятельности и журналистской работы. С.И. Гессен в 1910–1914 гг. входил в состав редакции международного философского журнала «Логос», в юности исполнял технические обязанности в петербургской газете «Речь», которую редактировал его отец, известный адвокат, публицист и журналист И.В. Гессен вместе с П.Н. Милюковым, и в период своего пребывания в России, и в первые годы эмиграции активно публиковался в русской политической и педагогической прессе. Свидетельством незаменимости С.И. Гессена может служить то, что он входил в состав редколлегии на протяжении всего периода издания журнала. Много лет спустя С.И. Гессен вспоминал: «<...> педагогические статьи <...> я писал по-русски, преимущественно для “Русской школы за рубежом”, и по-немецки (для “Erziehung” и других изданий). В “Русской школе за рубежом” я печатал также большое количество рецензий и обзоров, да и самое редактирование журнала отнимало очень много времени, хотя я делил труд редактирования сначала с своим другом С.И. Карцевским, а по отъезде его в Женеву с Н.Ф. Новожиловым» [2. С. 750].

«РШЗР» стала ведущим органом педагогического сообщества эмиграции, зеркалом, отражавшим не только важнейшие тенденции развития педагогической мысли, но и жизнь беженской школы в регионах русского рассеяния, освоение в школьной практике новых методов и приемов преподавания, анализ состояния школы и теории образования и, что чрезвычайно важно, по возможности объективную оценку школьного дела в СССР. Уже в первом номере редакция формулирует миссию журнала: «...работать над возможно большим объединением русских зарубежных школ, русского зарубежного учительства» [21. С. 1].

Среди постоянных авторов «РШЗР» были ведущие философы, педагоги, общественные деятели-эмигранты В.В. Зеньковский, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, А.В. Жекулина, И.И. Лапшин, А.Т. Павлов, Г.Я. Трошин и др. В разделе «Науки философские и общественные» сборника «Русские в Праге: 1918–1928» С.И. Гессен так характеризует свое издание: «Журнал этот, являющийся в настоящее время единственным свободным педагогическим журналом на русском языке, отводит большое место не только теоретическим вопросам педагогики и психологии, но и смежным с педагогикой дисциплинам (работы С. Карцевского о языке) и научному изучению школьных систем и законодательства о детях Западной Европы и Америки, в частности школы славянских стран и лимитрофов. Много места отводится в нем также систематическому изучению школы в Сов. России. Кроме хроники и обзоров советской школы, в каждом номере имеется статья, разрабатывающая ту или иную сторону сов[етской] школы» [22. С. 273]. Эта характерная для ученого способность к рефлексии, несомненно, была тем качеством, которое обеспечивало ему как редактору журнала способность к объективной оценке представляемых материалов, остро критическому суждению, невзирая порой на дружеские связи.

В этом смысле показательна история с публикацией другом и соавтором С.И. Гессена, впоследствии крупнейшим английским педагогом-

компаративистом Н.А. Ганцем рецензии на сдвоенный номер «РШЗР» в ведущем литературно-общественном издании русской эмиграции парижском журнале «Современные записки» (далее в тексте – «СЗ»). Осознавая необходимость широкого распространения информации о своем журнале в эмигрантской среде, С.И. Гессен активно использовал связи с редакцией «СЗ» для размещения в них рекламных объявлений (соответственно, в пражском журнале печатались аналогичные объявления по поводу «СЗ») и рецензий на отдельные номера. 23 января 1925 г. в письме одному из редакторов «СЗ» М.В. Вишняку он замечает: «Вкладываю также объявление “Рус[ской] школы”. Для рецензии на нее Ганц вполне подходит. В последнем № как раз нет его статей» [23. С. 106]. Предложение Н.А. Ганца в качестве рецензента не случайно: он уже выступал в «СЗ» рецензентом на первую книгу «РШЗР» (см.: [24]). Следует признать, что второй отклик в 1925 г., по-видимому из-за нехватки времени, оказался гораздо лаконичнее и скорее напоминал аннотацию (см.: [25]). По крайней мере, рецензия Н.А. Ганца на несколько номеров пражского журнала, написанная и опубликованная в следующем году в «Славоник Ревью», была глубже по содержанию и интереснее (см.: [26. С. 26–27]). Недовольство С.И. Гессена текстом Н.А. Ганца было сформулировано достаточно откровенно и, как можно понять из контекста, вполне разделялось редакцией «СЗ», посчитавшей тем не менее возможным ее опубликовать. «Заметка Ганца, – пишет С.И. Гессен еще одному редактору «СЗ» В.В. Рудневу 20 марта 1925 г., – действительно неудачна, но все же не бесполезна для нашего журнала» [23. С. 108]. Несмотря на то, что публикации Н.А. Ганца больше не появятся в «СЗ», имя его не раз будет упоминаться в переписке, а книги рецензироваться в этом журнале, в том числе и самим С.И. Гессеном (см.: [27]).

Редакторская настойчивость С.И. Гессена проявляется и в рекомендации парижскому журналу «своих» авторов, и в приглашении В.В. Руднева и М.В. Вишняка публиковаться в Праге. Так, в том же письме В.В. Рудневу читаем: «А отчего Вы не напишете для нас ничего? В частности, я очень просил бы Вас написать для след[ующего] № «Русской школы» некролог (на 3–4–5 страниц) о кн. Львове, как заступнике русской заруб[ежной] школы. Вы можете прислать его мне в течение 3 недель. Этот № уже закончен печатанием и выйдет на днях, а след[ующий] (13/14) выйдет в начале мая. Ответьте на это тотчас же, пожалуйста.

У нас сейчас мало материала о заруб[ежной] школе. Вы могли бы дать что-либо из того, что у Вас имеется. Очень прошу» [23. С. 106].

Обширный некролог появился в майском номере; позднее С.И. Гессен опубликует несколько рудневских статей по проблемам эмигрантской школы, а в 1928 г. В.В. Руднев, по его инициативе, станет членом редколлегии «РШЗР» (см.: [Там же. С. 107]).

Не менее показательна и та быстрота, с которой С.И. Гессен реагирует на любой интересный для «РШЗР» материал. Так, сразу после поездки М.В. Вишняка в Бессарабию и появления в «СЗ» его очерка «Из бессарабских впечатлений» С.И. Гессен 18 марта 1927 г. пишет ему: «А Вас я очень прошу прислать мне для “Рус[ской] школы за руб[ежом]” статью о бессарабской школе. Для нас материалы эти представляют большой интерес. Недавно в

М[инистерст]ве мне дали знать, что журнал наш будет поддержан и в этом году. Вопрос еще только в размере субсидии. Ваша же статья пойдет в первую очередь» [23. С. 124]. Как следует из письма от 13 апреля, С.И. Гессен высоко оценил присланную статью, хотя и не удержался от критической реплики: «Она для нашего читателя очень интересна, и я собираюсь ее пустить в следующем №-е. Внимательный читатель мог бы только возразить, что Вы, очевидно за недостатком данных о русских школах, слишком часто пользуетесь аналогией с еврейскими. Но 1) и еврейских школ положение само по себе представляет интерес, 2) еврейские школы фактически полурусские. Гонорар смогу Вам выслать, как сдам № в печать, а для этого надо еще некоторое время подождать с окончательным формальным решением вопроса о субсидии» [Там же. С. 125].

Расширяя круг авторов своего журнала, С.И. Гессен настойчиво добивается у В.В. Руднева подробностей о заинтересовавшем его В.И. Талине (один из псевдонимов известного социал-демократического журналиста и публициста С.О. Португейса): «И кто такой “Талин”? Его статья о “Шкрабе” превосходна, и я хочу просить его написать для “Рус[ской] школы за руб[ежом]” одну и серию статей о фактическом состоянии школы в России. Пожалуйста, передайте ему эту мою просьбу или сообщите мне его имя, отчество и адрес» [Там же. С. 108]; «Кстати, не откажите мне сообщить адреса Ст. Ивановича и А.П. Маркова. Мне надо им написать от “Рус[ской] школы за руб[ежом]”» [Там же. С. 111]. Отметим, что Ст. Иванович – еще один псевдоним С.О. Португейса, сотрудничество с которым так и не состоялось, а вот статья «Бюджет народного образования в советской России» А.П. Маркова, печатавшегося в парижских газетах «Дни» и «Последние новости», появилась в «РШЗР» в 1926 г.

Естественно, деятельность С.И. Гессена-редактора не ограничивалась его контактами с парижскими корреспондентами журнала. Материалы архива «РШЗР» наглядно свидетельствуют о его роли в разработке общей концепции издания, тематики отдельных номеров и даже рубрик, о систематической работе с авторами, необходимых контактах с чешскими чиновниками и представителями чешской педагогической общественности и т. д. Несмотря на загруженность редакторской работой, активную научную и педагогическую деятельность, С.И. Гессен на протяжении всех 9 лет существования журнала остается одним из основных его авторов (см.: [28]). Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно материалы С.И. Гессена определяли лицо «РШЗР». Спектр его публикаций чрезвычайно широк – от фундаментальных научных статей по проблемам теории и истории образования до обзоров, рецензий, некрологов и информационных заметок о съездах и конференциях.

Уже в первом номере публикуется статья «Фребель и Монтессори: очерк философской теории игры», журнальный вариант главы из еще не вышедших «Основ педагогики». Автор не случайно выбирает именно этот сюжет, понимая важность идей европейских педагогов-новаторов для практики современной школы. Спор между сторонниками фребелизма и монтессоризма, по мнению ученого, составляет одну из ключевых проблем новой педагогики, а его разрешение путем сопоставительного анализа этих систем делает реальным широкое применение теории игры в практике воспитания. Несложно

заметить, что С.И. Гессен-педагог сохраняет верность логическим построениям в неокантианском духе и его анализ конкретной проблемы в значительной степени опирается на методологические принципы, усвоенные у Г. Риккerta. «Чтобы разобраться в этом вопросе, – пишет он, – необходимо прежде всего установить ту плоскость, на которой ведется самый спор, выделить то бесспорное, что несомненно удержится в обеих системах. Тогда только удастся противопоставить обе системы друг другу в их действительной противоположности. Сделать это возможно, лишь наметив хотя бы в общих чертах, в чем заключается самая проблема организации детской игры» [29. С. 8]. Автор не ограничивается сугубо философской и педагогической интерпретацией старого и нового подходов к теории игры. Его интересует и прагматический аспект: насколько синтез лучшего из обеих систем пригоден для современного дошкольного воспитания. И вывод, к которому он приходит, не лишен определенной метафоричности: воспитательница детского сада, «артистка своего дела, не должна быть ни фребеличкой, ни монтессоркой, она должна быть прежде всего сама собой. Не выполнять чужие рецепты, а беспрестанно творить должна она, используя педагогический опыт других и применяясь к окружающей ее обстановке. А для этого она должна знать теоретические основания своего дела, обладать как философской, так психологической подготовкой. Воодушевление и мудрость хорагета должна она сочетать с холодным бесстрастием наблюдателя-натуралиста» [Там же. С. 42].

Переведенная на немецкий и итальянский языки статья вызвала полемику в европейских педагогических кругах, что побудило С.И. Гессена выступить на Первом съезде по дошкольному воспитанию за границей (1927) со специальным докладом, опубликованным затем в «РШЗР». Автор дает критический обзор новейшей литературы, «мало доступной сейчас русскому читателю» [30. С. 345], при этом подчеркивая как принципиальное не противостояние неофреbелизма и монтессоризма, но «формулирование существа детской игры», которое и есть «основной вопрос теории дошкольного воспитания», поскольку «отношение к Фребелю и Монтессори по необходимости определяется той теорией детской игры и ее организации, которую мы явно или скрыто принимаем» [Там же. С. 345].

Важнейшим постулатом его теории игры становится подлинная свобода ребенка в пространстве дошкольного воспитания – то, что было определено автором в «Основах педагогики» как «положительная свобода» в противовес «отрицательной свободе» в теории М. Монтессори, суть которой заключается в создании иллюзии свободы через принуждение ребенка посредством игры к выполнению указаний взрослых. «Положительная свобода» оказывается не только частью философско-педагогического понимания С.И. Гессеном воспитательного потенциала игры, но и важной составляющей гессеновской философии свободы.

Следует отметить, что политический вектор «РШЗР» был достаточно специфичен. Редакция старалась держаться политического нейтралитета не только потому, что немалая часть сотрудников разделяла, как С.И. Гессен, социалистические взгляды, категорически не принимая правоконсервативной позиции, но и из опасения, что активная «антисоветская» позиция может привести к прекращению субсидий чехословацкого правительства, которое

настаивало на исключительно гуманитарном, а не политическом характере своей поддержки русской эмиграции.

Не случайно в письме В.В. Рудневу от 20 марта 1925 г. С.И. Гессен подробно объясняет свое неприятие точки зрения писателя и публициста М.А. Осоргина, который в статье «Денационализация детей и взрослых» выступил с критикой «правого уклона» в Педагогическом бюро по делам средней и низшей школы за границей как раз в период подготовки Второго съезда педагогов русских школ в Праге: «<...> обвинение всего Бюро в этой тенденции было и несправедливо, и нецелесообразно, поскольку оно затрудняет борьбу руководителей Бюро с его составом за аполитичность Бюро. Кроме того, появление такой статьи в “Днях” накануне съезда, во время переговоров Бюро с чешским правительством о съезде, было очень не своевременно. Оно могло испортить все эти переговоры. А съезд нужен как раз для того, чтобы дать победу аполитичности зарубежной школы» [23. С. 107].

Письмо С.И. Гессена не частная история взаимоотношений конкретных людей внутри русской эмиграции. Оно отражает его позицию в целом и служит аргументом в пользу того, что любая критика оппонентов (правых и левых) в его публикациях в «РШЗР» носила объективный и конструктивный характер: резкие оценки состояния советской школы и педагогической мысли, политики советской власти в области образования были продиктованы искренним переживанием за происходящее, пониманием катастрофичности осуществляемых реформ.

В этом смысле показательна статья «К открытию Русского Педагогического Института в Праге», где размышления о месте и роли, задачах высшего педагогического образования сочетаются с конкретными предложениями по содержанию учебных программ и планов открывавшегося института, оценками состояния советской педагогической школы. Фактически С.И. Гессен высказывается за подготовку учителя как «живого носителя научного предания» на базе уже полученного им университетского образования, поскольку, по его глубокому убеждению, «приобщиться... к научному преданию возможно лишь в университете, представляющем собой очаг научного знания, изучение которого не ограничено в нем никакими посторонними наукой соображениями профессионально-практического характера» [31. С. 93]. С.И. Гессен в своем подходе опирается не только на современную европейскую практику (Германия, Австрия и др.) и разработанную им в «Основах педагогики» теорию педагогического образования, но и на собственный опыт: предложенные в статье схемы образовательной структуры института «соответствуют в общем выработанному в 1918–1919 гг. Томским Университетом, на основе развитого выше воззрения (самого С.И. Гессена. – О.О., В.К.), плану Педаг[огического] Института при Томском университете» [Там же. С. 99]. Более того, с учетом сегодняшних условий он полагает целесообразным подготовку в институте не только выпускников университета, но и студентов-старшекурсников, совмещающих университетскую подготовку с педагогической.

С болью пишет С.И. Гессен о происходящем в советской России, где «высшее педагогическое образование окончательно разрушено, испытав на себе более всех других видов высшего образования коммунистический экс-

перимент» [31. С. 92]. Результатом этого эксперимента становится то, что «проникнутая узким духом профессионализма (своевременным, впрочем, вся-кому абсолютизму) университетская политика Советской власти вернулась вновь к идее заменяющих университеты специальных педагогических институтов, явно стремясь даже оба теоретические факультета университета пре-вратить в специальные школы, выпускающие “работников просвещения”» [Там же. С. 95].

Одной из важнейших составляющих данной статьи является ее прогностический компонент. С глубоким знанием проблемы С.И. Гессен пишет о роли, которую должны будут сыграть подготовленные пражским институтом кадры в деле воспитания детей эмиграции, сохранения их национальной и культурной идентичности. Для него, это проект, рассчитанный не на годы, а на десятилетия, предполагающий особые условия подготовки учителей для русских школ в том самом будущем, когда начнут уходить помнящие реальную Россию преподаватели. «Кто станет на место тех, кому осталось еще так не долго жить и работать на своем посту, отставая русскую культуру в со-седних с Россией государствах и в Европе?» – вопрошают он [Там же. С. 92].

Сохранение и развитие образовательного пространства русской эмиграции видится С.И. Гессену той целью, достижение которой может объединить все общественно-политические и интеллектуальные силы зарубежной России, невзирая на их политические симпатии. Именно здесь политическая нейтральность является залогом соединения общих усилий для достижения конкретного результата – обеспечения воспитания и образования подрастающего поколения. Важнейшим инструментом достижения этой цели и должен стать открывающийся педагогический институт.

Способность С.И. Гессена соединять глубокую теорию и острую политическую и культурную актуальность осмысливаемых им явлений современной жизни (от краха прежних социальных утопий и устаревших правовых норм до происходящего в политической, культурной и профессионально-педагогической сферах) сделала его одним из ярких и востребованных авторов-публицистов, обеспечила широкий интерес к его текстам не только соотечественников, но и зарубежных авторов и издательств. Эта способность как нельзя лучше проявляется в его текстах, посвященных проблемам советской школы.

Так, в статье «Идея трудовой школы и лабораторный план» содержится детальный анализ набиравшего все большую популярность в советской России Дальтон-плана. С.И. Гессен точно формулирует причины этой востребованности и, что особенно важно, реально возникавшую угрозу выхолащивания его сути и превращения в пустую декларацию. Характерная для практики советской школы тенденция к упрощению любого метода, предпочтению лозунгов реальной работе заставляет автора опасаться, что идеи лабораторного метода разделят судьбу единой трудовой школы.

Примечателен учет С.И. Гессеном интересов своего журнала и его аудитории: в качестве важнейшего источника сведений о Дальтон-плане он отдает предпочтение не многочисленным англо-американским работам, с которыми хорошо знаком, а ранее опубликованной в «РШЗР» статье. «Наши читатели знакомы уже с тем, что представляет собою Дальтонский план, из прекрасно-

го изложения его в статье Н. Ганца (Русск[ая] Школа [за рубежом], № 2–3), – напоминает он. – Поэтому, во избежание повторения, мы ограничимся здесь только напоминанием основных его положений» [32. С. 34]. Близко к тексту С.И. Гессен воспроизводит приведенные Н.А. Ганцем характеристики Дальтон-плана, однако уходит глубже в проблему соотнесенности нового метода со столь важной для советской системы среднего образования идеей трудовой школы. Если последняя в советском варианте реализации практически не состоялась, то соединение ее с Дальтон-планом могло бы дать положительные результаты. Немаловажно, что аргументы в этом споре заимствуются из той же статьи Н.А. Ганца. Одно из кажущихся противоречий между теорией трудовой школы и лабораторным методом видится автору в однозначном неприятии идеи класса как работающего целого, и этот момент имеет не только практическое, но и идеологическое значение, поскольку именно класс с точки зрения коммунистического воспитания оказывается инструментом воздействия на любую личность, подчинения ее коллективу в ущерб индивидуальности, на формирование которой изначально направлен Дальтон-план.

С.И. Гессен не скрывает иронического отношения к теории и практике советской школы, к возможностям советской педагогики адекватно оценить новаторство предлагаемого метода: «Если бы представители официальной советской педагогики были менее забывчивы и могли мыслить последовательно, то они поистине должны были бы в распространении Дальтонского плана увидеть один из симптомов надвигающейся реакции “индивидуализма” против “социализма” и, вместо того, чтобы переводить книгу Паркхерст, осудить Дальтонский план как порожденный буржуазной Америкой и несогласуемый с осуществленной коммунистическим государством трудовой школой» [Там же. С. 36].

Наглядной иллюстрацией последнего тезиса становится рецензия С.И. Гессена на двухтомную «Педагогику» А.П. Пинкевича, одного из ведущих теоретиков образования Советской России в 1920–1930-е гг. Эта книга представляется рецензенту симптоматичным примером второго этапа становления советской школы, который приходит с нэпом на смену «анархокоммунистическим настроениям» первых революционных лет. Сарказм и беспощадная ирония здесь вполне органичны, хотя, казалось бы, жанр научной рецензии их не предполагает. Автор позволяет себе гораздо больший объем текста и наблюдения и выводы, заметно расширяющие идеологический контекст рецензии. Такова, например, характеристика советской школы переходного периода как «привилегированно-классовой», знающей «только коммунистическое “самоуправление”», «попутчиками» которой становятся «уже не мечтатели-прожектеры, непризнанные новаторы всякого рода вплоть даже до бывших толстовцев, а озлобленные неудачники и расчетливые дельцы, берущие не столько энтузиазмом, сколько усердием» [33. С. 160].

К числу последних С.И. Гессен относит и А.И. Пинкевича, демонстрируя редкий для его публикаций «переход на личности». Его герой предстает таким Молчалиным от советской педагогики: его не покидают «умеренность и осторожность <...> Враг всяких крайностей, он стремится придать советской педагогике благообразный вид, сгладив крайние требования своих товарищей. В нем нет ничего “скифского”, по всей натуре своей он – прилич-

но одетый “западник”. Конечно, задача советской школы в сущности чисто интеллектуалистическая: “внедрить в головы подрастающего поколения коммунистическую идеологию». Но в противоположность Замнаркому М. Покровскому, который откровенно заявляет: “при чем же в таком случае тут еще – трудовая школа?” <...> А. Пинкевич признает и “трудовые процессы”, Дьюи и Дальтон-план, подвергаемый им во многом правильной критике» [33. С. 163].

Политическую остроту и даже памфлетность приобретают гессеновские обзоры итогов развития советской школы за десятилетие. Так, критически оценивая реформирование советской системы управления народным образованием, автор акцентирует внимание читателя на заметном расхождении деклараций о роли местного самоуправления в деле школьного образования и реальной жесткой централизации всей школьной системы путем передачи, в частности Главпрофобру Наркомпроса, самых разнообразных учебных заведений – от университетов до технических училищ. В этом конфликте – общая проблема советского строя, при котором попытки «либерализации» и «европеизации» государственного механизма создают мнимые конструкции, подлинная сущность которых определяется установками партийной идеологии. «Для превращения советской лжедецентрализации в децентрализацию подлинную необходимо прежде всего, – делает он неутешительный вывод, – освобождение идеи права от идеи целесообразности, упрочение законности и разграничение компетенций, – что, однако, означает отмену самых основ советского строя» [34. С. 571].

Окончательный диагноз советскому образованию поставлен в масштабном очерке «Десять лет советской школы», написанном в соавторстве с известным историком образования и деятелем общественно-педагогического движения, соредактором «РШЗР» М.Ф. Новожиловым. Авторы четко формулируют свою позицию, стараясь дать по возможности объективный анализ происходящих в России процессов: «Сейчас, когда исполнилось десять лет существования советской школы, пора, наконец, отнести к ней со всевозможной объективностью как к факту жизни, в котором добро и зло по необходимости перемешаны друг с другом» [35. С. 473]. Они детально исследуют 10-летний процесс строительства новой школы, роль политических институтов, коммунистической пропаганды, партийного контроля в выборе методов обучения, включая экспериментальные, и в определении содержания учебных предметов и циклов. Образовательная ситуация в СССР 1927 г. позволяла высказывать относительно оптимистические прогнозы: как казалось авторам, в условиях либерализации режима на фоне нэпа, достаточного числа учителей-энтузиастов, готовых к образовательному эксперименту при сохранении лучшего из дореволюционной педагогики, возможно изменение системы. Залог успеха им видится в том, что «все это движение педагогической мысли и практики идет совершенно независимо от советской педагогики, а часто и в оппозиции к ней. Оно в лучшем случае только терпится советской властью, и во главе его стоят не советские педагоги, а представители прежней русской педагогической традиции, до войны боровшейся за обновление русской школы» [Там же. С. 473].

Подобная позиция из дня сегодняшнего воспринимается как утопическая. Приближающийся «великий перелом» перечеркнет надежды, а меры, которые будут предприняты в ближайшие годы, окончательно превратят школу в часть тоталитарного механизма. Но пока авторы надеются на силу педагогической традиции: «Это педагогическое движение свидетельствует о том, что русский учитель понимает “труд” не так, как то ему предписывает коммунистическая педагогика, а так, как его понимают во всем мире, т.е. как самодеятельность и активность учащегося. К развитию этих начал в школе, т.е. к идеалу подлинно трудовой школы, общему у него с лучшими представителями западноевропейской и американской педагогики, а не к разрушенному прошлому русской школы обращен взор русского учительства. Им определяются и его интересы, и его попытки самостоятельного творчества. Пожать плоды этого процесса – пока еще только процесса брожения и неоформившихся начинаний – сможет, однако, только то поколение, которое освободится и в области школы от мертвящего гнета коммунистической диктатуры» [35. С. 520].

Добавим, что основанием для надежд на перерождение советской школы стал и взгляд на нее иностранных педагогов, посещавших СССР. Не случайно С.И. Гессен сопрягает материал своего обзора «Иностранцы-очевидцы о советской школе» именно со статьей о «Десятилетии...» (см.: [36. С. 5]). Эти публикации интересны ему потому, что их авторы свободны от ограничений, с которыми сталкивается педагог-эмигрант: «Зарубежный исследователь советской школы в двояком отношении ограничен в своем исследовании: он принужден, во-первых, пользоваться исключительно данными советской печати, которая хотя и представляет собою при внимательном и постоянном чтении вполне надежный источник, все же не может заменить непосредственного соприкосновения с действительностью; и, во-вторых, даже при всем желании сохранить всю возможную объективность и беспристрастие, ему очень трудно подняться над своим положением простого зрителя, насиливо оторванного от соучастия в жизни родной ему школы» [Там же. С. 1]. Недавние книги и статьи американских и европейских педагогов – благодатный материал для анализа реально происходящего с советской школой и того, что показывается иностранным визитерам. С.И. Гессену понятны механизмы представления гостям «образцового» советского опыта, что вызывает авторскую иронию. Случай С.Т. Шацкого, «переведенного» из экспериментаторов, подвергаемых огульной критике за мелкобуржуазность, в образцовые советские педагоги, – тому наглядный пример. Впрочем, и с оценкой определенных достижений С.И. Гессен также готов согласиться.

Повторим еще раз: годы появления этих статей – время некоторых надежд, которое скоро закончится. И уже в начале 1930-х гг. Д. Дьюи будет писать о работах С.И. Гессена и Н.А. Ганца, опубликованных по-английски, как об избавляющих западных интеллектуалов от иллюзий по поводу Советской России и ее школы (см.: [37]).

Расставание с надеждами и критическая оценка происходящего с советской школой в центре второй статьи С.И. Гессена и М.Ф. Новожилова «Школьная политика советской власти за 1927–1930 гг.», которую сами авторы воспринимают как продолжение первого – «юбилейного» – очерка. Отказ

от позитивных преобразований политического и экономического характера становится причиной окончательного поворота к тоталитарно-репрессивным методам управления школой. Хотя авторы оперировали фактами последних трех лет, их выводы опирались на аналогии, воспринимавшиеся в большом историческом времени. Так, «сталинская заморозка» сравнивалась с соответствующим периодом николаевской эпохи и давала основания говорить о пагубности коммунистического типа образования и воспитания для будущего российской школы. «Коммунистический идеал образования начал с того, что, выставляя идеал неограниченной свободы, он хотел совершенно растворить школу в жизни. Но, понимая жизнь как коммунистическое общество будущего, он с самого начала уже жертвовал активностью ребенка, его конкретной реальностью, в пользу отвлеченной утопии будущей гармонии», – отмечают авторы [38. С. 419]. При этом в статье продолжается полемика с тем почти идеальным образом советской школы, который сформировался у левой западной педагогики. Советская школьная политика окончательно перечеркивает надежды эпохи нэпа, превращая школу в орудие классовой борьбы, а образование – в удел привилегированного класса, в качестве которого на этот раз выступает пролетариат. Вместо широкого политехнического образования вводится узкий монотехнизм подготовки профессиональных кадров для конкретных отраслей промышленности, а формирование большевистского мировоззрения оказывается важнее профессионального знания.

Яркая, но страшная метафора будущего советской школы завершает статью: «И личность ребенка, и автономия образования приносятся в жертву абсолютизму государства, превращаемого в плацдарм классовой борьбы <...> Они вынуждены отступить перед новым натиском воинствующего коммунизма, разжигающего классовую борьбу в новую гражданскую войну и ставящего свою последнюю ставку на мировую войну. Но и коммунистический идеал образования гибнет при этом как образовательный идеал. Он разъедается своей собственной отрицательностью. Никакие педагогические идеи не прикрывают уже более Молоха красного милитаризма, в жарком дыхании которого исчезают последние остатки того, что можно было бы еще назвать образовательным идеалом» [Там же. С. 420].

Эта статья С.И. Гессена и М.Ф. Новожилова стала фактически последней в «РШЗР»: 34-й книгой закончилось издание журнала, и, несмотря на попытки педагогического сообщества русской эмиграции его возобновить, успеха они не имели. Издание А.Т. Павловым в Праге журнала «Русская школа», в редколлегию которого входил и был активным автором С.И. Гессен, ограничилось на протяжении 1934–1940 гг. всего 12 номерами (см.: [39. С. 156–159]). С.И. Гессен по-прежнему остается автором «СЗ», публикуется на страницах «Нового Града», в чешской, польской, югославской педагогической прессе, в английском «Педагогическом ежегоднике», расширяя тем самым круг своих читателей.

История «РШЗР» – одна из самых ярких страниц истории педагогической журналистики эмиграции «первой волны». С.И. Гессен и его единомышленники убедительно показали, что научная честность, педагогический энтузиазм, чувство долга порой значат гораздо больше, чем финансовые возможности и доступность типографских мощностей. «Русская школа за рубежом»

остается не просто памятником педагогической мысли российского зарубежья, но и важнейшим источником изучения истории журналистики свободной России.

Литература

1. Гессен / сост. Е.Г. Осовский. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2004. 224 с.
2. Гессен С.И. Избранные сочинения / сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М.: РОССПЭН, 1998. 814 с.
3. Гессен С.И. Педагогические сочинения / сост. Е.Г. Осовский и др. Саранск: Б. и., 2001. 564 с.
4. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013. 480 с.
5. Киржакова В.П. Обсуждение программ по русскому языку в педагогических дискуссиях русской эмиграции 1920-х гг. // Интеграция образования. 2009. № 1. С. 26–29.
6. Осовский Е.Г. С.И. Гессен: странности судьбы // Педагогика. 1993. № 6. С. 57–59.
7. Осовский О.Е. Забытая рецензия Сергея Гессена на роман Олдоса Хаксли // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1. С. 74а–77.
8. Осовский О.Е. Литературоведческая проблематика в наследии С.И. Гессена // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2. С. 124–132.
9. Философско-педагогическая концепция С.И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием – традиционных четвертых Гессеновских чтений, посвященных 125-летию со дня рождения С.И. Гессена. Томск: ТОИПКРО, 2014. 324 с. [Электронный ресурс]. URL: http://cedu.tomsk.ru/tonews/doc/2015/05/06/Konferentsiya_Gessen.pdf
10. Данилкина Н.В. Концепция образования в философии С.И. Гессена: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2010. 23 с.
11. Дерюга В.Е. Идеи критической дидактики в философско-педагогическом наследии С.И. Гессена (1887–1950): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1999. 16 с.
12. Загирняк М.Ю. Философско-правовые идеи С.И. Гессена: историко-философский контекст: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2012. 17 с.
13. Пургина Е.И. Учение о ценностях С.И. Гессена: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2000. 25 с.
14. Седова Е.Е. Философия образования в педагогической концепции С.И. Гессена в социокультурном контексте первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2001. 24 с.
15. Крамме Р. «Творить новую культуру» – «Логос» 1910–1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122–136.
16. «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 192 с.
17. Найбороденко Л.М. Участие профессора Томского университета С.И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и гражданской войны // Вестн. ТГПУ. 2009. Вып. 2 (80). С. 11–17.
18. Найбороденко Л.М., Фоминых С.Ф. Сергей Иосифович Гессен в Томске (1917–1921 гг.) Томск: ТОИПКРО, 2013. 166 с.
19. Хаминов Д.В. Открытие историко-филологического факультета и первый период его работы (1917–1921 гг.) // Судьба регионального центра в России: (к 400-летию г. Томска): Тр. Том. гос. ун-та. Т. 267. Сер. историческая. Томск, 2005. С. 175–178.
20. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин: Слово, 1923. 420 с.
21. От редакции // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 1. С. 1–2.
22. Гессен С.И. Науки философские и общественные // Русские в Праге. 1918–1928 гг.: (К десятилетию Чехословацкой республики). Прага, 1928. С. 272–273.
23. «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. М. Шруды, О. Коростелева. М.: НЛО, 2013. Т. 3. 1016 с.
24. Ганц Н.А. [Рец.:] Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 1 // Современные записки. 1923. Кн. 16. С. 434–435.

25. Ганц Н.А. [Рец.:] Русская школа за рубежом. Прага, 1924. Кн. 10/11 // Современные записки. 1925. Кн. 23. С. 520–522.
26. Научное наследие Н.А. Ганца в педагогическом пространстве России и Европы 1920–1930-х годов / О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.П. Гудкова [и др.]. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2017. 152 с.
27. Киржаева В.П., Осовский О.Е., Мариниченко А.И. Н.А. Ганц на страницах парижского журнала «Современные записки» // Интерактивные науки. 2016. № 4. С. 35–38.
28. «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931. № 1–34): указатель содержания / сост. Е.В. Короткова. СПб.: Сударыня, 2009. 130 с.
29. Гессен С.И. Фребель и Монтессори: очерк философской теории игры // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 1. С. 8–42.
30. Гессен С.И. Фребель и Монтессори: доклад, прочитанный на 1-м съезде по дошкольному воспитанию за границей 7 июля 1927 года // Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 27. С. 345–363.
31. Гессен С.И. К открытию Русского Педагогического Института в Праге // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 2/3. С. 92–101.
32. Гессен С.И. Идея трудовой школы и лабораторный план (Dalton Plan): к теории урока // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 5/6. С. 33–57.
33. Гессен С.И. [Рец.:] А.П. Пинкевич, проф. 2-го Московского Университета. Педагогика // Русская школа за рубежом. 1925. № 13/14. С. 159–164.
34. Гессен С.И. Органы управления народным просвещением в СССР // Русская школа за рубежом. 1926. № 18. С. 557–571.
35. Гессен С.И., Новожилов Н.Ф. Десять лет советской школы // Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 28. С. 473–520.
36. Гессен С.И. Иностранные очевидцы о советской школе // Русская школа за рубежом. 1929. № 31. С. 1–34.
37. Осовский О.Е. Малоизвестная рецензия Джона Дьюи: (Публикация, перевод, вступ. ст., примеч.) // Гуманистические науки и образование. 2010. № 3. С. 26–30.
38. Гессен С.И., Новожилов Н.Ф. Школьная политика советской власти за 1927–1930 гг. // Русская школа за рубежом. 1931. Кн. 34. С. 385–420.
39. Ермичев А.А. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). СПб.: Вестник, 2012. 352 с.

S.I. GESSEN AND THE RUSSKAYA SHKOLA ZA RUBEZHOM JOURNAL: FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN ÉMIGRÉ PEDAGOGICAL JOURNALISM OF THE 1920S – THE BEGINNING OF THE 1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 202–217. DOI: 10.17223/19986645/48/15

Oleg E. Osovskiy; Vera P. Kirzhaeva, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru / kirzhaeva_vera@mail.ru

Keywords: S.I. Gessen, Russkaya shkola za rubezhom [The Russian School Abroad] journal, Russian émigré pedagogical journalism, culture and education of the “first wave” Russian emigration.

The main aim of the article is to analyze the activities of S.I. Gessen (1887–1950), the renown Russian philosopher and educator, as an editor and author of the *Russkaya shkola za rubezhom* [The Russian School Abroad] journal. After leaving Russia in 1921 during his emigration period in Prague (1924–1935) S.I. Gessen published a great number texts in the Russian émigré pedagogical press as well as in other editions. But *Russkaya shkola za rubezhom* was the main periodical for his pedagogical journalism.

The authors stress that *Russkaya shkola za rubezhom*, founded in 1923, was the leading pedagogical émigré journal. The editors considered its principal purpose to unite the whole émigré educational community all over Europe. The journal published texts by the best Russian émigré educators, philosophers and intellectuals such as V.V. Zenkovskiy, A.L. Bem, P.M. Bitsilli, A.V. Zhekulina, I.I. Lapshin, A.T. Pavlov, G.Ya. Troshin etc.

S.I. Gessen’s invitation as a co-editor of the journal was initiated by a well-known Russian linguist and educator S.I. Kartsevskiy. The authors are sure that the real cause for the invitation was

S.I. Gessen's experience as a co-editor of the pre-war philosophical international edition *Logos* (1910–1914) and his philosophical, political and pedagogical journalism in Russia and abroad.

As a co-editor of *Russkaya shkola za rubezhom*, S.I. Hessen interacted actively with the editorial staff of various émigré editions. His correspondence with the editors of the leading Paris émigré journal *Sovremennye zapiski* [Contemporary Notes] contains the discussions of the future publications including the reviews of *Russkaya shkola za rubezhom* issues in *Sovremennye zapiski* and vice versa, the search for new authors and new topics.

In spite of his intensive pedagogical, scholarly and public activities and editorial duties, S.I. Gessen was the leading author of *Russkaya shkola za rubezhom* during all the period of its nine years' existence. The analysis of the journal content shows that S.I. Gessen's publications covered the main topics and problems of the contemporary educational theory and politics, the Russian émigré school status. He used a wide range of genres from the fundamental theoretical article to the analytical review, obituary, bibliographical note and information on the conference. Thus, the main formats of the Russian émigré pedagogical journalism were created and developed in his publications. Special attention is given to S.I. Gessen's sharp criticism of the Soviet educational policy and of the conditions of the Soviet school development.

The authors conclude that S.I. Gessen's activities in *Russkaya shkola za rubezhom* is an important part of the Russian émigré pedagogical journalism as well of the Russian émigré intellectual history of the “first wave”.

References

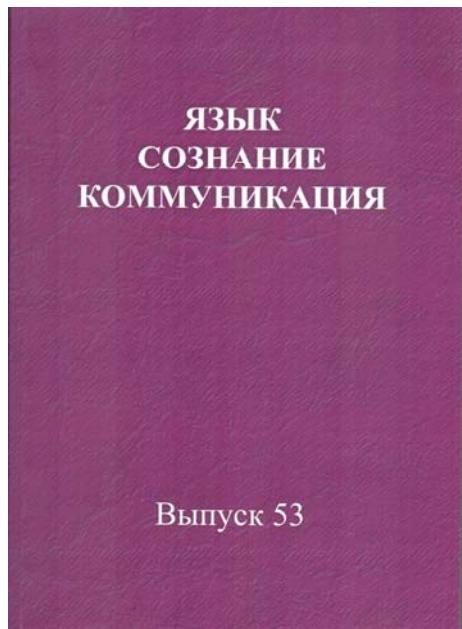
1. Osovskiy, E.G. (2004) *Gessen*. Moscow: Izdatel'skiy Dom Shalvy Amonashvili. (In Russian).
2. Gessen, S.I. (1998) *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN.
3. Gessen, S.I. (2001) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical compositions]. Saransk: [s.n.].
4. Valitskiy, A. (2013) *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [The history of Russian thought from enlightenment to Marxism]. Moscow: Kanon+.
5. Kirzhaeva, V.P. (2009) Obsuzhdenie programm po russkomu yazyku v pedagogicheskikh diskussiyakh russkoy emigratsii 1920-kh gg. [Discussion of programs on the Russian language in the pedagogical discussions of the Russian emigration of the 1920s]. *Integratsiya obrazovaniya*. 1. pp. 26–29.
6. Osovskiy, E.G. (1993) S.I. Gessen: strannosti sud'by [S.I. Gessen: the strangeness of fate]. *Pedagogika*. 6. pp. 57–59.
7. Osovskiy, O.E. (2012) Zabytaya retsenziya Sergeya Gessena na roman Oldosa Khaksl [A forgotten review of Sergei Gessen on Aldous Huxley's novel]. *Gumanitar. nauki i obrazovanie*. 1. pp. 74a–77.
8. Osovskiy, O.E. (2013) Literaturovedcheskaya problematika v nasledii S.I. Gessena [Literary criticism problems in the legacy of S.I. Gessen]. *Vestnik NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviyi*. 2. pp. 124–132.
9. TOIPKRO. (2014) *Filosofsko-pedagogicheskaya kontsepsiya S.I. Gessena i sovremennoye problemy obrazovaniya, vospitaniya, kul'tury* [Philosophical and pedagogical concept of S.I. Gessen and modern problems of education, upbringing, culture]. Tomsk: TOIPKRO.
10. Danilkina, N.V. (2010) *Kontsepsiya obrazovaniya v filosofii S.I. Gessena* [The concept of education in S.I. Gessen's philosophy]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kaliningrad.
11. Deryuga, V.E. (1999) *Idei kriticheskoy didaktiki v filosofsko-pedagogicheskem nasledii S.I. Gessena (1887–1950)* [Ideas of critical didactics in the philosophical and pedagogical heritage of S.I. Gessen (1887–1950)] Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
12. Zagirnyak, M.Yu. (2012) *Filosofsko-pravovye idei S.I. Gessena: istoriko-filosofskiy kontekst* [Philosophical and legal ideas of Gessen: historical and philosophical context]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kaliningrad.
13. Purgina, E.I. (2000) *Uchenie o tsennostyakh S.I. Gessena* [The doctrine of the values of S.I. Gessen]. Philosophy Cand. Diss. Ekaterinburg.
14. Sedova, E.E. (2001) *Filosofiya obrazovaniya v pedagogicheskoy kontseptsii S.I. Gessena v sotsiokul'turnom kontekste pervoy poloviny XX veka* [Philosophy of education in the pedagogical concept of S.I. Gessen in the socio-cultural context of the first half of the 20th century]. Pedagogy Cand. Diss. Voronezh.
15. Kramme, R. (1995) “Tvorit' novyyu kul'turu” – “Logos” 1910–1933 [“Creating a new culture” – “Logos”, 1910–1933]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. pp. 122–136.

16. Plotnikov, N.S. (ed.) (2005) “*Logos*” v istorii evropeyskoy filosofii: Proekt i pamyatnik [“Logos” in the history of European philosophy: Project and Monument]. Moscow: Izdatel’skiy dom “Territoriya budushchego”.
17. Nayborodenko, L.M. (2010) Uchastie professora Tomskogo universiteta S.I. Gessena v professional’nom razvitiu sibirskogo uchitel’stva v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny [Participation of Professor of Tomsk University S.I. Gessen in the professional development of Siberian teaching in the years of the Revolution and Civil War]. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 2 (80). pp. 11–17.
18. Nayborodenko, L.M. & Fominykh, S.F. (2013) *Sergey Iosifovich Gessen v Tomske (1917–1921 gg.)* [Sergei Gessen in Tomsk (1917–1921)]. Tomsk: TOIPKRO.
19. Khaminov, D.V. (2005) Otkrytie istoriko-filologicheskogo fakul’teta i pervyy period ego raboty (1917–1921 gg.) [The opening of the History and Philology Faculty and the first period of its work (1917–1921)]. *Trudy Tomsk. gos. un-ta*. 267. pp. 175–178.
20. Gessen, S.I. (1923) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Berlin: Slovo.
21. Russkaya shkola za rubezhom. (1923) Ot redaktsii [From the Editor]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 1. pp. 1–2.
22. Gessen, S.I. (1928) Nauki filosofskie i obshchestvennye [Philosophical and social sciences]. In: Postnikov, S.P. (ed.) *Russkie v Prague. 1918–1928 gg. (K desyatiletiju Chechoslovatskoy respubliki)* [Russians in Prague. 1918–1928 (On the tenth anniversary of the Czechoslovak Republic)]. Prague.
23. Shruba, M. & Korostelev, O. (eds) (2013) “*Sovremennye zapiski*” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* [“Sovremennye zapiski” (Paris, 1920–1940). From the archives of the editorial office]. Vol. 3. Moscow: NLO.
24. Gants, N.A. (1923) [Rets.:] Russkaya shkola za rubezhom. Praga, 1923. Kn. 1 [[Review:] Russkaya shkola za rubezhom. Prague, 1923. No. 1]. *Sovremennye zapiski*. 16. pp. 434–435.
25. Gants, N.A. (1925) [Rets.:] Russkaya shkola za rubezhom. Praga, 1924. Kn. 10/11 [[Review:] Russkaya shkola za rubezhom. Prague, 1924. No. 10/11]. *Sovremennye zapiski*. 23. pp. 520–522.
26. Osovskiy, O.E. et al. (2017) *Nauchnoe nasledie N.A. Gantsa v pedagogicheskem prostranstve Rossii i Evropy 1920–1930-kh godov* [The scientific heritage of N.A. Gants in the pedagogical space of Russia and Europe, 1920s–1930s]. Saransk: Mordova State University.
27. Kirzhaeva, V.P., Osovskiy, O.E. & Marinichenko, A.I. (2016) N.A. Gants na stranitsakh parizhskogo zhurnala “*Sovremennye zapiski*” [N.A. Gants on the pages of the Paris magazine “Sovremennye zapiski”]. *Interaktivnye nauki*. 4. pp. 35–38.
28. Korotkova, E.V. (2009) “*Russkaya shkola za rubezhom*” (Praga, 1923–1931. – № 1–34): *ukazatel’ soderzhaniya* [“*Russkaya shkola za rubezhom*” (Prague, 1923–1931. No. 1–34): index of content]. St. Petersburg: Sudarynya.
29. Gessen, S.I. (1923) Frebel’ i Montessori: ocherk filosofskoy teorii igry [Frebel and Montessori: essay on the philosophical theory of the game]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 1. pp. 8–42.
30. Gessen, S.I. (1927–1928) Frebel’ i Montessori: doklad, prochitanny na 1-m s”ezde po doshkol’nomu vospitaniyu za granitsey 7 iyulya 1927 goda [Frebel and Montessori: a report read at the 1st congress on preschool education abroad on July 7, 1927]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 27. pp. 345–363.
31. Gessen, S.I. (1923) K otkrytiyu Russkogo Pedagogicheskogo Instituta v Prage [On the opening of the Russian Pedagogical Institute in Prague]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 2/3. pp. 92–101.
32. Gessen, S.I. (1923) Ideya trudovoy shkoly i laboratornyy plan (Dalton Plan): k teorii uroka [The idea of the labor school and the laboratory plan (Dalton Plan): on the theory of the lesson]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 5/6. pp. 33–57.
33. Gessen, S.I. (1925) [Rets.:] A.P. Pinkevich, prof. 2-go Moskovskogo Universiteta. Pedagogika [[Review:] A.P. Pinkevich, professor of the 2nd Moscow University. Pedagogy]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 13/14. pp. 159–164.
34. Gessen, S.I. (1926) Organy upravleniya narodnym prosvescheniem v SSSR [The authorities of public education in the USSR]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 18. pp. 557–571.
35. Gessen, S.I. & Novozhilov, N.F. (1927–1928) Desyat’ let sovetskoy shkoly [Ten years of the Soviet school]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 28. pp. 473–520.
36. Gessen, S.I. (1929) Inostrantsy-ochevidtsy o sovetskoy shkole [Foreigners-eyewitnesses about the Soviet school]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 31. pp. 1–34.

37. Osovskiy, O.E. (2010) Maloizvestnaya retsenziya Dzhona D'yui: (Publikatsiya, perevod, vstup. stat'ya, primech.) [A little-known review by John Dewey: (Publication, translation, introduction, article, note)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 3. pp. 26–30.
38. Gessen, S.I. & Novozhilov, N.F. (1931) Shkol'naya politika sovetskoy vlasti za 1927–1930 gg. [The school policy of the Soviet power for 1927–1930]. *Russkaya shkola za rubezhom*. 34. pp. 385–420.
39. Ermichev, A.A. (2012) *Filosofskoe soderzhanie zhurnalov russkogo zarubezh'ya (1918–1939 gg.)* [Philosophical content of journals of the Russian diaspora (1918–1939)]. St. Petersburg: Vestnik.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/48/16

Научное наследие Вероники Николаевны Телия. Рецензия на книгу: «Язык, сознание, коммуникация»: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – 388 с.

Данный сборник научных статей является 53-м выпуском научной серии «Язык, сознание, коммуникация», выходящей с 1997 г. Он посвящен памяти известного отечественного лингвиста, фразеолога, основоположника и главы лингвокультурологической школы – Вероники Николаевны Телия.

В выпуск вошли 33 статьи ведущих специалистов в области общего языкознания, фразеологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии. Спектр проблем, освещаемых на страницах выпуска, очень широк: общетеоретические вопросы лингвистики, проблемы фразеологии, проблемы лингвокогнитивных и собственно лингво-культурологических изысканий, а также целый ряд вопросов, актуальных для «смежных» с лингвокультурологией наук – этнолингвистики и психолингвистики – и новых направлений в рамках лингвокультурологических исследований: когнитивной лингвокультурологии, теолингвокультурологии, психолингвокультурологии.

Выпуск отличает высокий научный и профессиональный уровень всех авторов, широта спектра рассматриваемых ими вопросов и разнообразие разрабатываемых ими подходов. Все статьи самым непосредственным образом связаны с научным наследием В.Н. Телия и в той или иной степени продолжают и развивают ее идеи.

Научное наследие Вероники Николаевны Телия с годами обретает всё большую значимость, а её креативные идеи рождают всё новые и новые воплощения в теоретических трудах и оригинальных словарях. Конференция «Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия», провёденная Институтом языкоznания РАН в ноябре 2015 г. по инициативе ученицы В.Н. Телия М.Л. Ковшовой, была не только посвящена В.Н. Телия, но и выясвила основные доминанты её научного наследия. Доклады этой конференции недавно были опубликованы: Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2016.

Рецензируемый сборник научных статей, представляющий собой выпуск 53 научной серии «Язык, сознание, коммуникация», редакторами которого являются В.В. Красных и А.И. Изотов, также посвящен памяти В.Н. Телия. Но он не дублирует материалов вышеназванной московской конференции, а представляет собой, в сущности, коллективную монографию телиевского формата. Многие авторы этой книги были её учениками и соратниками-единомышленниками, имевшими счастливую возможность общаться с В.Н. Телия, работать над редактируемым ею словарём, ставшим событием в мировой лексикографии, разделять и продолжать её стратегические идеи.

В сборник вошли статьи известных российских и зарубежных лингвистов: В.М. Алпатова, Е.Г. Беляевской, В.З. Демьянкова, В.И. Заботкиной, А.А. Залевской, А.В. Кирилиной, Э. Кржишник, С.Е. Никитиной, Е.О. Опариной, В.И. Постоваловой, Г.Н. Скляревской, Л.О. Чернейко, В.И. Шаховского, С.Г. Шулежковой и др. Эти авторы представляют разные области филологии: общего языкознания, этнолингвистики, фразеологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и т.д. При этом во всех статьях преломляются и развиваются идеи В.Н. Телия. Авторы статей в сборнике – не только специалисты в области русского языка, но и германисты, романисты, слависты из России и зарубежных стран.

Книга предваряется кратким проникновенным очерком учеников, соавторов и последователей В.Н. Телия И.В. Зыковой и В.В. Красных о В.Н. Телия. Его оригинальное название – «Неуходящая натура» говорит само за себя. «Неординарность личности, мощь интеллекта, страсть характера, внешняя и внутренняя красота, широчайшая эрудиция и нестандартность подходов – всё это и многое другое объединяло самых разных исследователей вокруг Вероники Николаевны Телия» – так характеризуют авторы Веронику Николаевну и секрет её притяжения (с. 7). «Вероника Николаевна Телия является в одном лице и классиком, инноватором в филологической науке, – подчёркивают авторы. – Её научное наследие служит надежной опорой и одновременно благодатной почвой для создания новых научных теорий и методологий в рамках не только лингвистических и лингвокультурологических исследований, но и других дисциплин и междисциплин в целостном пространстве гуманитарного знания... Думается, что научное наследие Вероники Николаевны Телия – это своего рода «научный Present Perfect Continuous», при этом каждое слово в этом определении одинаково значимо и важно» (с. 9).

Столь же проникновенна и лингвистически трепетна статья В.И. Шаховского «Фразеология русского языка как пристань научной Любви (в память о любимой мною В.Н. Телия)» (с. 364–374). Заслугу московской исследовательницы автор видит в том, что ею было дано определение культуры, культурного кода, культурной компетенции, введено в лингвокультурологический обиход лихачевское понятие культуросфера. Такие сущностные понятия, как культурная матрица, знаки симболария, культурный контекст, культурные знаки, культурные коннотации, окультуренное восприятие мира и мн. др., были предложены и сформулированы В.Н. Телия. Именно она впервые поставила задачу разработки метаязыка лингвокультурологии, установления лингвокультурных референций, заложив тем самым программу лингвокуль-

турологических исследований. Эта программа успешно выполнялась в Институте языкоznания РАН, где по инициативе В.Н. Телия была создана проблемная группа, менявшая названия (от «Общей фразеологии» в конце 80-х до «Фразеологии в контексте культуры»), но не менявшая объекта исследования. Сейчас этой проблемной группой «Лингвокультурологические исследования» руководит верная ученица Вероники Николаевны – М.Л. Ковшова.

Венцом научных поисков В.Н. Телия В.И. Шаховской по праву считает «Большой фразеологический словарь русского языка», не имеющий аналогов в мировой лексикографической практике. Толкования 1500 фразеологизмов здесь впервые сопровождаются описанием ситуации употребления фразеологизма, даются стилистические пометы и цитаты из текстов всех жанров письменной речи, характеризуются функциональные особенности фразеологизмов и измеряется культурная ценность, заложенная в них. Впервые здесь показаны образно-смысловые «гнезда» фразеологизмов в одной общей для них словарной статье. Этот словарь, по мысли В.И. Шаховского, позволил В.Н. Телия заложить основы такой парадигмы языкоznания, как лингвокультурология.

Эпиграфом к своей статье В.И. Шаховской поставил строки стихотворения Камю:

Неизбежно только одно – смерть.
Всё остальное можно избежать.

Начиная статью, автор подчёркивает: «Мне представляется, что Камю можно подправить: смерти тоже можно избежать, только не всем. Таким людям, как В.Н. Телия, обеспечено бессмертие и вечная память мировой лингвистической общественности за ее теоретические труды и особенно за ее фундаментальный «Большой фразеологический словарь русского языка» (с. 365). Возвращаясь к идее бессмертия в конце статьи, её автор пишет: «Она ушла от нас, но не от Лингвистики. Никто из нас не вечен. А лингвистика – вечно. И имя Вероники Николаевны Телия в ней тоже вечно. Ей удалось избежать «неизбежные неизбежности» (вопреки мнению Камю). Забвение В.Н. Телия не грозит... (с. 372). Это доказывают и конференции, посвящённые Веронике Николаевне и её научному наследию.

Будучи академическим изданием, рецензируемая книга насыщена инновационными интерпретациями общелингвистических теорий, так или иначе связанных с идеями В.В. Телия. Блок теоретических статей, представленных здесь, весьма внушителен.

Одной из «вечных» проблем языкоznания посвящена статья «Части речи и семантика» директора Института языкоznания РАН В.М. Алпатова. Хотя определения частей речи обычно были семантическими, но сами классы слов выделялись по формальным, прежде всего, морфологическим признакам. Попытки последовательного выделения частей речи на основе строгих семантических критериев, предпринимаемые с конца XIX в., наталкивались на семантическую неоднородность частей речи и потому их классификация значительно отличается от распределения семантических классов слов. Традиционные понятия частей речи, как и понятие слова, по мнению В.М. Алпатова,

имеют психолингвистическую значимость. В памяти человека слова, видимо, хранятся в виде некоторых групп, имеющих общие свойства. Эти группы слов могут быть не вполне однородны по своим свойствам, но для разных языков типично использование некоторых наиболее очевидных опознавателей, позволяющих их идентифицировать. Такими опознавателями являются формальные признаки, которые могут по-разному выступать в зависимости от строя языка.

Взаимодействию грамматики и семантики в разных аспектах посвящён и ряд других статей сборника. В статье Е.Ю. Мягковой «Исследование внутренней грамматики как поиск путей преодоления функциональной неграмотности» (с. 254–265) делается попытка показать, как исследование внутренней грамматики носителя языка может помочь диагностировать функциональную неграмотность и разработать меры по ее преодолению. Автор обосновывает необходимость организации и проведения широкомасштабного исследования с помощью чётко проработанной методологии и предлагает обсуждение результатов пилотных экспериментов на материале грамматических ошибок.

«Системные отношения как матрица метафоризации» – тема статьи Е.М. Лазуткиной (с. 212–227). Автор развивает некоторые положения теории В.Н. Телия о метафоре, связывая метафоризацию с онтологическими процессами концептуализации и категоризации и утверждая, что метафора создается на основе сложившихся системных отношений в грамматике. При этом используется метод моделирования и приём субSTITУции. Описание механизмов метафоризации демонстрирует иерархическое строение семантики предиката. Описание приемов создания тропов, по мнению автора, обладает познавательной ценностью и открывает перспективы дальнейших исследований лингвокультурологии.

Известно, что проблема связанного значения занимает центральное место в типологии лексических значений слова. Этой проблеме посвящена статья Л.О. Чернейко «Место связанного значения слова в типологии лексических значений и его роль в языке и речи» (с. 346–363). Уделив внимание концепциям В.В. Виноградова, В.Н. Телия, В.Г. Гака, автор рассматривает такие проблемы, как соотношение свободного и несвободного типов значения, несвобода косвенно-производного значения, конструирование фразеологической парадигмы абстрактного имени, значимое для реконструкции языковой картины мира. Описательным предикатам как альтернативному способу грамматического оформления информации в предложении противопоставляются связанные словосочетания. Они характеризуются безальтернативностью грамматического оформления мыслимых параметров (модусов существования) абстрактной сущности в их проекции на предметы опыта. Важной научевойской задачей автор признаёт исследование механизмов сочетаемости термина с глаголами и прилагательными, выполняющих роль «вторичных предикатов».

Статья Г.Н. Скляревской «Русские деминутивы как языковой и культурный феномен (имена существительные нарицательные)» (с. 323–336) посвящена анализу русских деминутивов в семантико-прагматическом и лингвокультурологическом аспектах. Демонстрируется семантическая специфика деминутивов, проявляющаяся в том, что в их семантической структуре праг-

матический компонент может вытеснять денотативное содержание, заполняя целиком все пространство лексического значения. Семантика деминутива не закреплена за словом и меняется в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов. Семантика изображений и их описание в парадигме коммуникативной грамматики – объект исследования М.Ю. Сидоровой и П.П. Гостева. В статье «Коммуникативные стратегии описания изображений: от предметности к ассоциативности» (с. 312–322) обосновывается значимость лингвистического изучения такого материала для моделирования речевой деятельности. Авторы характеризуют три стратегии, использованные респондентами при описании изображений: буквальную, расширенную и ассоциативную. Результаты исследования могут быть использованы как для усовершенствования ассоциативных словарей, так и для разработки методов приближения текстов, генерируемых компьютером, к человеческим.

Семантика запрета и его нарушения стала предметом анализа в статье В.И. Карасика «Сюжетный мотив «нарушение запрета» в разных типах дискурса» (с. 161–175). Сюжетный мотив им рассматривается как единица нарратива на материале нарушений запретов применительно к религиозному, юридическому, массмедиийному, обиходному и художественному дискурсу. Такой подход соотносится с изучением запретов в теории речевых актов, культурных скриптов и речевых жанров. В семантическом плане (по данным внутренней формы его лексических номинаций) запрет представляет собой создание препятствий и ограничение свободы действий для кого-либо со стороны контролирующего субъекта, имеющего возможность наказывать тех, кто нарушает предписания. В pragматическом плане нарушения запретов специфически проявляются в разных типах дискурса, при этом в религиозном дискурсе акцентируется неизбежность наказания, в юридическом детализируются обстоятельства нарушений, в массмедиийном на первый план выдвигаются последствия нарушений запретов, в обиходном значимыми оказываются неожиданные связьки таких нарушений, а в художественном тексте нарушаются несправедливые запреты.

При всей широте лингвистических интересов В.Н. Телия их доминантой, как известно, оставалась любимая Фразеология. И не случайно в рецензируемом сборнике статьи об этом языковом уровне занимают едва ли не львиную долю. С.Г. Шулежкова в статье «Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке» (с. 374–382) подчёркивает, что имя В.Н. Телия неразрывно связано с крупнейшими достижениями в области фразеологии – начиная от трудов В.В. Виноградова до новейших изысканий в этой области. В.Н. Телия заложила основы лингвокультурологического направления во фразеологии, уловив актуальные требования мирового языкоznания, главными принципами которого стали антропоцентризм и функционализм. Это направление и сейчас служит опорой для ряда отраслей современной фразеологии, в том числе паремиологии и крылатологии, единицы которых описываются в специальных словарях.

В статье А.В. Величко «Фразеологические единицы разных уровней языка. Универсальное и специфическое» (с. 62–67) предложен анализ положения фразеологической теории В.Н. Телия о наличии единых признаков всех фразеологических единиц языка и о разнообразии их конкретной реализации в

зависимости от принадлежности к тому или иному уровню языка. Особое внимание автор уделяет анализу предложений фразеологизированной структуры. Специфика ‘Природного’ и ‘культурного’ в русской фразеологии стала объектом анализа Е.О. Опариной (с. 285–293). Автор интерпретирует зооморфный код культуры как средство концептуализации «чувств-ощущений» и психологии человека. Фразеологизмы с опорными компонентами «инстинкт», «чутьё», «нюх» концептуализируют сенсорные свойства – врожденную способность человека «чувствовать» мир и ориентироваться в нём, а также характеризуют психологические особенности и поведение человека через соотнесение с природным, преимущественно зооморфным, кодом культуры. Поэтому смысл фразеологических сочетаний с их участием формируется как результат игры между представлениями о ‘Природном’ и ‘Культурном’, с одной стороны, и между прямым и тропическим типами значения – с другой.

Культурологический подтекст фразеологических единиц – лейтмотив многих статей рецензируемого сборника. В статье Е.Г. Беляевской «Роль культуры социума в формировании концептуальных оснований семантики идиом» (с. 27–36) убедительно показывается, что при общности когнитивного базиса формирования фразеологической семантики в разных языках фактор «культуры социума» обнаруживает и немалые различия. Они проявляются в тематической избирательности множества концептуальных структур; в выборе конкретных концептуально-метафорических и концептуально-метонимических моделей формирования образов, создающих семантику фразеологизмов; в определении фокусировки выбранных моделей и в соотнесении возможных концептуальных оснований со знанием о мире данного социума. Эти положения иллюстрируются материалом анализа английских и русских идиом со значением ‘заменить кого-либо’. Такой подход объясняет своеобразие фразеологической синонимии и множественность форм интерпретации фрагмента действительности в зеркале фразеологии.

«Эмотивная «составляющая» фразеологизмов как отражение ценностных установок культуры» – объект исследования И.В. Захаренко (с. 121–135), основой которого становится лингвокультурологический анализ. Эмотивные чувства-отношения, характеризуемые фразеологизмами, предстают как рефлексия носителей определённого языка и культуры на вершинный модус культурной коннотации «достойно / недостойно личности» (по В.Н. Телия). Автор выявляет значимые ценностные «составляющие» миропорядка, отражённые фразеологизмами, и показывает, как на них влияет эмотивное отношение говорящего и как чувства-отношения связаны с установками культуры – морально-нравственными ориентирами нормативной / идеальной жизнедеятельности личности.

Словенская фразеология в свете культуры (с. 194–211) – тема статьи Э. Кржишник. Хотя ФЕ как национально самобытная часть языка признавалась в Словении (как и в других европейских странах) ещё в XIX в., собственно лингвистическая оценка их культурологического аспекта в словенском лингвистическом пространстве начинается в Новейшее время на основе актуальных теоретических постулатов. При этом вклад словенских фразеологов в изучение этой проблемы весьма значим. Автор предпринимает попытку объ-

яснить, почему ФЕ могут быть носителями культурной коннотации, и представляет современные подходы и методы изучения культурной семантики фразеологизмов: этнолингвистический, контрастивный и лингвокультурологический. Они иллюстрируются на примере анализа словенской ФЕ *[žena] nosi hlače* (букв. женщина носит брюки).

Эффективность лингвокультурологического анализа демонстрируется и в статье Н.Г. Мед на примере образных сравнений испанского языка конца XX – начала XXI в. (с. 237–245). Они отражают различные оценочные значения. Автор рассматривает образы-эталоны, представленные прецедентными именами и связанные с киноиндустрией, поп-музыкой, рекламой, в науке и технике. Подчёркивается важная роль игры слов в создании образных сравнений и выявляются оценочные доминанты в испанском языковом сознании, которые обладают высоким креативным фразеологическим потенциалом.

С позиций лингвокультурологического анализа в духе концепции В.Н. Телия написана статья И.С. Брилевой «Фольклорные слои культуры в образном основании фразеологизмов» (с. 37–47). Автор выявляет образное содержание фразеологизмов, соотносимых с религиозно-духовным кодом культуры. Особое внимание при этом уделяется фольклорным слоям культуры, народной аксиологии.

Темпоральная семантика английских предложных сочетаний типа *at a wink, in the nick* и под. – тема статьи А.Д. Гулимовой (с. 75–85). Они обозначают краткие промежутки времени и построены по модели «предлог + существительное». Хотя предлоги здесь выполняют свои обычные для такой модели функции, входящие в них существительные либо вообще не встречаются вне подобных сочетаний, либо в свободном употреблении имеют другие значения. В отличие от идиом, субъективно оценивающих события, устойчивые предложные сочетания чаще всего акцентируют объективные признаки. Анализ показывает, что обе группы единиц имеют общие концептуальные основания семантики и основываются на идентичных концептуальных метафорах.

«Трансформация семантики фразеологизма в коммуникации» – тема статьи О.А. Мещеряковой (с. 246–253). Специфика такой трансформации их смыслового содержания в речи выявляется автором с помощью когнитивно-семантического, лингвокультурологического, дистрибутивного методов. Анализ показывает, что в процессе коммуникации у отдельных фразеологизмов оценочные (resp. культуроносные) семы могут изменяться, сохраняя форму. Это позволяет автору выдвинуть гипотезу об актуализации различных видов коммуникативной памяти, которой обладают языковые единицы как элементы «тела знака». Информативная память компонентов имеет хронологические характеристики и связана с референтной ситуацией, порождающей фразеологизм. Коммуникативно-культурная память компонентов фразеологизма (не имеющая хронологических ограничений) активизирует архаичные, мифологические или религиозные слои фразеологизма в различных коммуникативных условиях. Предлагаемая гипотеза открывает новые стороны понятия «культурная семантика» и обуславливает перспективы изучения фразеологизмов в лингвокультурной и коммуникативной парадигме.

А.В. Кирилина с позиций гендерного подхода и с применением схемы анализа Ю.Д. Апресяна рассматривает материал «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (с. 176–180). Исследовательница приходит к выводу, что материал словаря не демонстрирует значительной гендерной асимметрии. Большая часть гендерно релевантных ФЕ репрезентирует оценки нравственных качеств и поведенческих норм, а также эмоциональную оценку и (частично) деятельность.

К фразеологической проблематике примыкают и статьи, в которых подвергаются анализу библейские выражения. В очерке В.И. Постоваловой предлагаются «теолингвокультурологические размышления» о мифологеме «Царство Божие», которая понимается как символическая реальность в «духовном космосе» православия (с. 294–312). Аналитическое описание этой мифологемы и её истолкование в разных типах религиозных дискурсов служит обоснованием целесообразности выделения в составе общей лингвокультурологии особой дисциплины (раздела, направления). Таковой, по мысли автора, может стать конфессиональная теолингвокультурология, цель которой – изучение взаимосвязи языка, культуры и религии. Составная часть последней – православно-христианская теолингвокультурология. Выбор метаязыка для изучения теолингвокультурологической реальности при этом – проблема, достойная обсуждения. И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни в статье с оригинальным названием «Может ли Иоанн Креститель призывать плевать себе под ноги, или Всегда ли pragматическая цель оправдывает лингвистические средства?» (с. 56–62) ставят разноспектные вопросы о межъязыковой и межкультурной передаче фразеологизмов. Трансляторологические концепции XX – начала XXI в. подчеркивают важность pragматического момента в этом процессе (теория динамической / функциональной эквивалентности Ю. Найды, скопос-теория и т.п.). При важности и даже решающей роли pragматического момента, считают авторы, её абсолютизация далеко не всегда является оправданной.

Значительный и значимый блок статей рецензируемого сборника посвящён проблемам лингвокультурологии в духе концепций В.Н. Телия. К идею рассмотрения трансфера знаний при небуквальном употреблении языковых выражений, предложенной и примененной в лексикографических исследованиях В.Н. Телия в 1980-х гг., обратился в своей статье «Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В.Н. Телия» В.З. Демьянков (с. 86–91). Автор предлагает разграничение между цивилизацией (как набором национальных стандартов и закономерностей человеческого поведения) и культурой (как набором национальных стандартов и закономерностей поведения), уточняя этот тезис так: «Цивилизация так относится к культурам, как «универсальный язык» («универсалы языка») относится к исторически засвидетельствованным языкам» (с. 88 рецензируемого сборника). Цивилизационно обусловленные знания покрывают более широкие области человеческого опыта, чем национально или культурно обусловленные знания. Небуквальные употребления слов в русском и европейских языках демонстрируют определенные различия в механике цивилизационно обусловленного и культурно обусловленного трансфера знаний.

«Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра» – тема статьи В.В. Красных (с. 181–194). В ней предлагается анализ современного состояния лингвокультурологии в свете научного наследия В.Н. Телия – основоположницы этого научного направления. Лексико-фразеологическая лингвокультурология, когнитивная лингвокультурология, теолингвокультурология, психолингвокультурология – вот основные доминанты научных изысканий в области лингвокультурологии, которым автор даёт краткую оценку. Особое внимание уделяется такой новой научной дисциплине, как психолингвокультурология, которая рассматривается в сопоставлении с лингвокультурологией и этнопсихолингвистикой.

Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии – объект исследования И.В. Зыковой (с. 136–152). Феномен лингвокреативности рассматривается здесь в теоретико-методологических рамках лингвокультурологии, что позволяет разрабатывать это понятие как базисную единицу метаязыка этой научной дисциплины. Предложенную теорию и методические подходы к ней автор доказывает материалом английской фразеологии. Понятие фразеологической креативности при этом мыслится как неотъемлемая составляющая целостного понятия лингвокреативности и изучается на базе теории лингвокультурологического моделирования фразеологического значения и метода лингвокультурологической реконструкции, предлагаемых в статье. И.В. Зыкова приходит к выводу, что феномен фразеокреативности коренится в глубинных концептуальных структурах коллективного сознания и имеет три системных параметра лингвокультурологического анализа – количественный, качественный и динамический. Исследование фразеокреативности в предлагаемом аспекте значимо для воссоздания метаязыка лингвокультурологии.

В статье С.В. Ивановой «Актовая речь как культурный код» (с. 152–161) актовая речь как типичный представитель американской лингвокультуры рассматривается в спектре культурно-ценностных смыслов, реализующих культурный код. Его «распредмечивание», по наблюдениям автора, осуществляется через интерпретацию авторских смыслов, относящихся к ценностным установкам данной лингвокультуры, а культурно-ценностные смыслы выявляются за счёт анализа вербализаторов ценностной парадигмы, характеризующих эту лингвокультуру. В результате анализа выделяются две культурно-ценностные супердоминанты, относящиеся к модусной составляющей культуры, и ряд доминант, соотносящихся с социально-психологической составляющей культуры. Культурный код американского лингво-культурного сообщества предполагает приоритет активного деятельностного начала, реализующегося через такие смыслы, как ‘человек – это тот, кто активен’, это личность, ‘превозмогающая страхи’, ‘достигающая поставленные цели’, ‘преодолевающая неудачи’, ‘смело изменяющая свою жизнь’, ‘прокладывающая свой путь’ в ‘далёком от совершенства мире’.

«Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе» – тема статьи В.И. Заботкиной (с. 102–112), положения которой основываются на теории когно-лингвокультурологии В.Н. Телия и психолингвокультурологии В.В. Красных. Исследуя триаду «явлений культуры – ментальные модели – дискурс», автор утверждает, что явления культуры репрезентируются на

двух уровнях: 1) на уровне ментальных моделей (первичная репрезентация); 2) на уровне дискурса (вторичная репрезентация). На этой основе доказывается положение о существовании определенной корреляции между структурами, лежащими в основе ментальных моделей, и структурами дискурса.

А.Э. Левицкий в статье «Антропонимы в зеркале английской лингвокультуры» (с. 228–237) рассматривает антропонимы как лингвокультурные маркеры, доказывая существование алломорфных и изоморфных особенностей лингвокультур. Автор определяет при этом роль функциональной переориентации, в результате которой антропонимы приобретают черты маркированности в пределах английской лингвокультуры. В исследовании используется семантический, структурный, валентностный, коммуникативный и интерпретационный анализ. В статье раскрыты механизмы действия функциональной переориентации антропонимов как маркеров английской лингвокультуры и очерчены перспективы таких исследований на материале русского языка.

В статье И.А. Бубновой «Язык и специфика национального миропонимания в России XXI в.: современные тенденции исследования» (с. 48–56) охарактеризованы новые лингвистические подходы – психолингвокультурология и неопсихолингвистика, по мысли автора, могут стать перспективными при исследовании взаимоотношений в триаде «язык – личность – особенности национального миропонимания». Такие подходы отвечают требованиям сегодняшней реальности и позволяют выявлять и объяснять своеобразие и динамику национального миропонимания русского лингвокультурного сообщества. При этом необходим учёт изменений в структуре и картине мира отдельной языковой личности, представляющей определённую социальную группу и имеющей различные способности интерпретировать «закодированные» в культурных знаках тексты.

В статье А.В. Егоровой с оригинальным названием «Чем питается время и что питается временем: к вопросу о персонификации и реификации времени в концептуальных метафорах» (с. 91–102) исследуются некоторые концептуальные метафоры времени, отражающие представления носителей русского языка о времени как о поглотителе, с одной стороны, и о времени как пишущем – с другой. Большинство таких метафор имеют негативную оценочность и экспрессивную окрашенность. Сопоставления с другими языками (например, английским и греческим) позволяют предположить, что такие темпоральные представления универсальны.

Несколько статей сборника имеют социолингвистическую направленность. Так, в статье С.Е. Никитиной «Сотериология конфессиональных групп в призме этноконфессиональной лингвистики» (с. 266–285) представлен фрагмент семантического поля христианского спасения в сравнительном описании трёх конфессиональных культур – беспоповского старообрядчества, двух направлений молоканства и духоборчества. Выявляется взаимосвязь языка, культуры и веры в этих конфессиональных группах. Характеризуется специфика в каждой культуре общих для названных групп ключевых слов (*спасение, рай / царство небесное, покаяние*). Описываются средства, обеспечивающие чистоту веры как условие спасения, например термины *собор, исправа, гарь*, уход из мира устарообрядцев; запреты у старообрядцев, молокан и духоборцев.

А.А. Залевская в статье «К проблеме разграничения языковой ситуации и метаязыковой ситуации» (с. 112–121) предлагает разграничивать разные уровни осознаваемости языковых явлений в ходе исследования семантической специфики слова, особенностей взаимопонимания при межъязыковых (resp. межкультурных) контактах и т.д. Автор обосновывает недопустимость смешения двух ситуаций – языковой (в условиях естественного общения) и метаязыковой (при непонимании или двусмыслиности воспринимаемого сообщения, коррекции речевых ошибок и под.) и указывает на важность комплексного исследования при сочетании методов наблюдения и эксперимента.

«Изюминками» рецензируемого сборника можно назвать два лексических очерка – Д.Б. Фролова «Концепт *патриот* в русском политическом дискурсе (на материале «Новой газеты» и «Завтра») (с. 68–75) и О.Е. Фроловой «О наречии *душевно*» (с. 337–346). В первом анализируется концепт *патриот* в «либеральном» и «патриотическом» субдискурсах русского политического дискурса. При этом применены методы концептуального и контент-анализа. Текстуальный материал газет «Новая газета» и «Завтра» уместно дополнен автором комментариями в сети Интернет. В статье демонстрируются серьёзные различия в семантике и функционировании репрезентантов избранного концепта в названных субдискурсах, что позволяет лучше понять их структуру.

В статье О.Е. Фроловой анализируются семантика и функционирование наречия *душевно*. Исходом семантики этого слова является сущ. *душа*, обнаруживающее переход от неантропоцентрической к антропоцентрической семантике и далее – от интеллектуальной к эмоциональной сфере действия души. Функционирование слова *душевно* и его динамика анализируются на материале Национального корпуса русского языка. В XVIII в. оно употреблялось в контексте модальных глаголов, а в XIX в. характерно его употребление для описания эмоционального состояния человека, а также в качестве эпистолярного этикетного стиля. В конце XX и начале XXI в. наречие *душевно* начинает употребляться не как характеристика предиката, а как предикат состояния с утратой связи с семантикой искренности.

Слово *душевно*, собственно, можно назвать краткой и ёмкой характеристикой того научно-исследовательского духа, которым оживотворено большинство статей, посвящённых памяти Вероники Николаевны Телия. Авторы стремились не просто отдать дань её научным концепциям и творческим идеям, но и запечатлеть в этой книге искреннее признание в любви к незаурядной личности основательницы московской фразеологической школы. Любви, которую разделяют и все авторы сборника и, несомненно, разделят его будущие читатели.

B.M. Mokienko

BOOK REVIEW: KRASNYKH, V.V. & IZOTOV, A.I. (EDS) (2016) YAZYK, SOZNANIE, KOMMUNIKATSIYA [LANGUAGE, MIND, COMMUNICATION]. ISSUE 53. MOSCOW: MAX PRESS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 48. 218–228. DOI: 10.17223/19986645/48/16

Valeriy M. Mokienko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: mokienko40@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Ульяновского государственного технического университета.
E-mail: bnatalja@mail.ru

БАЛДОВА Анастасия Вячеславовна – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: nastyaborovkova@mail.ru

БОГДАНОВА Ольга Алимовна – д-р филол. наук, ст. науч. сотр. отдела русской литературы конца XIX – начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: olgabogda@yandex.ru

БОЧКАРЕВА Нина Станиславна – д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного университета.
E-mail: bochk@psu.ru

БУТЕНИНА Евгения Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: eve-butenina@yandex.ru

ГОРБУНОВА Людмила Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета.
E-mail: ludgorbunova@mail.ru

КИРЖАЕВА Вера Петровна – д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск).
E-mail: kirzhaeva_vera@mail.ru

КОЗЛОВ Алексей Евгеньевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

КОРОВУШКИН Пётр Валерьевич – канд. филол. наук, менеджер ООО «Цитадель» (г. Череповец).
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

КОСТАРЕВА Елена Вячеславовна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь).
E-mail: ekostareva@hse.ru

ЛЕПЕТЮХА Анастасия Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (Украина).
E-mail: lepetukha.anastasiya@mail.ru

МАЙШЕВА Кристина Андреевна – магистрант кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного университета.
E-mail: maishik@bk.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: mokienko40@mail.ru

НИКОНОВА Наталья Егоровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета.
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

ОСИПОВА Ксения Викторовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

ОСОВСКИЙ Олег Ефимович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск).
E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

РОССИХИНА Мария Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: rosmira@yandex.ru

СТРИНЮК Светлана Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь).
E-mail: sstrinyuk@hse.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Ульяновского государственного технического университета.
E-mail: vfar@mail.ru

ХАБИБУЛЛИНА Лилия Фуатовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: fuatovna@list.ru

ЧИРШЕВА Галина Николаевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого государственного университета.
E-mail: chirsheva@mail.ru

ЮРИНА Елена Андреевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета; профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: yourina2007@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер serialного издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2017. № 48

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Каипур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 19.09.2017 г. Формат 70x100^{1/16}.

Печ. л. 15,0; усл. печ. л. 20,9; уч.-изд. л. 20,7.

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 30.08.2017 г. Заказ 2749. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru